К33 3/15

Н. ДУРНОВО.

1233 3/15
127/11.

ОПИСАНІЕ ГОВОРА

деревни Парфёнокъ, Рузскаго уѣзда Московской губерніи.

Оттискъ изъ „Русск. Филолог. Вѣстника".

ВАРШАВА.
Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа.
1903.

Дозволено цензурою.

Варшава, 16 мая 1903 года.

ГОСУД. РОСС. ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
№ 8437
31 - III - 1931.
БИБЛИОТЕКА.

ПОПРАВКИ [1]).

Стр.	Стрк.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
1	2 сн.	x	x и j
2	5-3 сн.	въ 7 в. отъ ст. Румянцево, строящейся Виндавской жел. дор. (20 слишкомъ в. на с.-з. отъ Воскресенска),	въ 9 в. отъ ст. Румянцево Московско-Виндаво-Рыбинской жел. д. (ст. Румянцево — въ 75 в. отъ Москвы и 19 в. отъ ст. Новоіерусалимской), въ 8 в. отъ ближайшаго почтоваго отдѣленія и 46 в. отъ своего уѣзднаго города,
3	18-20	Въ томъ же селѣ есть и школа Воспитательнаго дома...	Школа въ 1900 г. переведена въ Малоярославецкій уѣздъ.
—	7 сн.	15 лѣтъ,	род. въ ноябрѣ 1885 г.,
—	5 сн.	въ 1896 или 1897 г.	въ 1898 г.
—	4 сн.	и 1899 гг.	1899, 1900 и 1901 гг.
6	5-6	звукоподражительное	звукоподражательное

[1]) Въ настоящій списокъ, кромѣ типографскихъ опечатокъ, я включилъ и нѣкоторыя изъ моихъ собственныхъ ошибокъ, преимущественно тѣ, которыя, какъ наиболѣе грубыя, требовали немедленнаго исправленія. Остальныя поправки и небольшія дополненія я думаю издать въ скоромъ времени. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что „Описаніе“ печаталось почти 3 года и почти столько же времени писалось; страницы 1—65 описанія были готовы еще въ началѣ 1900 г.; остальная часть фонетики и склоненіе (стр. 65—160) — въ началѣ 1901. Понятно, что въ теченіе моей своей работы я не довольствовался матеріаломъ, собраннымъ мною до 1900 г., но пользовался всѣмъ тѣмъ, что накоплялось у меня постепенно въ 1900, 1901 и, частью, 1902 годахъ.

14	5-7	Ср. извѣстное въ говорахъ: надёжа, безнадёжный (мнѣ не пришлось слышать эти слова въ описываемомъ говорѣ).	Ср. надёжа, ненадёжный и т. п., напр.: „папа́шъ нака́зъул пъ надёжы нъ тибя́“ (ск) и пр.
—	18	въ другихъ ю.-влкр.	въ нѣкоторыхъ другихъ великорусскихъ
15	1	тре́щйна, мире́щьца̄,	тре́щинă,
—	2	ве́щ	мире́щьцă, вещ
20	6-5 сн.	отъ значенія	отъ одного изъ значеній
21	7	*и*	*ы*
22	4-6	*Въ словѣ „разъ красутка“ у М. Б. „у“—не ошибочно. Ср. ниже, стр. 206, стрк. 19.*	
—	19	но всегда:	тады́, но чаще:
24	5 сн.	всегда: јизы́к	јизы́к (рѣдко, у старшихъ: язы́к)
31	8	случаѣ *у*	случаѣ иногда *у*
—	19	согла́снъј	сагла́снъј
35	15	но эти	я думаю, что эти
—	1 сн.	„или по другимъ... въ морфологіи)“. *слѣдуетъ помѣстить выше, послѣ слова:* „существительныхъ“ (строка 3 сн.)	
36	1 св.		
46	3 сн.	жьре^{к}ло́	Слово „жерело́“ — примѣръ не второго полногласія, а 1-го (ср. ст.-слав. жрѣло, серб. жријело и пр.); въ литературн. „жерло“ — другой видъ корня (=о.-сл. жьрло).
59	13 сн.	отъ	от
60	13-14	въ пѣсняхъ,	въ пѣсняхъ;
64	3-сн.	муры́ски	муры́̀ски
69	1-2	вызвано какими-то посторонними соображеніями);	— церковно-книжнаго происхожденія,=ст.-слав. блиꙁъ, блиꙁоу);
—	9	кумаря́, кумаро́̀нък,	кумаря́,
—	14	за́фтри и, кажется, брикацъ.	за́фгри.
70	13	въ Изслѣд. выводитъ	выводитъ
—	14	(стр. 68—69)	(Изслѣд. стр. 68—69)
—	3 сн.	ny въ словѣ wšechny	n твёрдымъ въ словѣ všechen, -chna
75	14 сн.	можетъ быть сваро̀п и сват̀п.	только сваро̀бе́̀j и свад̀бej.

75	13 сн.	'Ελισαβέθ	'Ελισάβετ (вѣроятно, было и 'Ελισάβεθ)
—	6-5 сн.	отмѣгимъ полуцерковное „Лисафе́т“ (с. Васильевское),	существуетъ и „Лисафе́т“ (с. Васильевское, лег. про Іос. Волок.), прилагател. „Лисафе́тин“ (Парфёнки),
80	9 сн.	мягко	мягко иногда
82	15	ž = ǧ′	ž + ǧ′
85	17	бре́с̂ът	бре́сьт
86	3-1 сн.	вмѣсто: дружја, существующаго и до сихъ поръ въ русскихъ говорахъ.	при болѣе рѣдкомъ дружја́.
88	14 сн.	корня, вѣроятно:	корня:
90	5 сн.	твердыя	мягкія и твердыя
91	3 сн.	(поговорка)	(подблюдная новогодняя пѣсня)
92	7	типжа́л	тин̂жа́л
93	10	чакающихъ	чокающихъ
94	9-8 сн.	объ измѣненіи	объ различномъ измѣненіи
95	1	рас̂с̂во́лъ	рас̂с̂вол
97	5-6	*м* съ *б* и *п* въ незаимствованныхъ словахъ	*м* въ концѣ одного слова съ *б* и *п* въ началѣ другого
98	7 сн.	*см*	*см* и *зм*
103	19-20	Ср. греч. πλανάω—блуждаю, плутаю	Ср. польское płątać
—	6 сн.	шьрлушо́ны	щьрлушо́ны
111	14-13 сн.	на приставкѣ:	на приставкѣ);
112	19	ăлля́но́jь	ăлляно́jь
113	16 сн.	кажется, и; афца́м	и: афца́м
116	15 сн.	сильнаго	усиленнаго
117	14	сильномъ	усиленномъ
—	21	сильнаго вида корня слабымъ	усиленнаго вида корня нормальнымъ
118	15 сн.	не знаю, какого	Скопинскаго
121	7	въ одной мѣстности	въ Калужской губ. и
125	21	*Въ словѣ „щебьля“ кружокъ (˳) долженъ стоять не подъ „л“, а подъ „ь“*	
126	1 сн.	при̂йт	прит̂т
129	7	рѣже въ мѣстномъ значеніи: у ка́мню и у ка́мнѣ	но въ мѣстномъ значеніи: у ка́мнѣ.

130	4-5	род. раздѣл. или съ предлогами для обозначенія мѣста и времени	род. раздѣл.
131	9 сн.	формъ	формъ родит.
135	17	вмѣсто	но также и
137	8	гӑрадéj	гӑрадéj (отъ: городь? ср. úзгородь)
141	18-19	почти исключительно	по большей части
145	15 сн.	съ XVI в.	съ XVII в. (въ азбуковномъ описаніи саламандра)
146	20-21	рядомъ: балят нóги... ат любвú	Примѣръ надо выпустить, п. ч. въ приведенной прибаюткѣ послѣднія слова поются „отъ гульбы“
149	22	Послѣ предлога *у*	Послѣ предлоговъ
156	15	-óв˘	-óвӑ
158	5	подъ удареніемъ,	не подъ удареніемъ,
159	5 сн.	часто	обыкновенно
160	9 сн.	всѣхъ	почти всѣхъ
—	7 сн.	одной мѣстности Олонецкаго у.	нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Олонецк. губ.
163	5	31	61
165	16	паглядика	паглидика
—	7 сн.	„Станимъ	„Станим
167	14-13 сн.	хрихчю́	крихчю́
169	8-6 сн.	глаголъ пъчива́т (быть можетъ: подсѣивать въ шепелявомъ произношеніи? обо ржи: просѣивать черезъ рѣшето)	*Пропустить. Вмѣсто этого ниже, стр. 5 послѣ* „пъспява́т“: „пъцсява́т или пъцсива́т (обо ржи: просѣивать черезъ рѣшето)“
—	2 сн.	пъцијóт?	т. е. подсѣётъ въ шепелявомъ произношеніи
170	1	-сѣвать,	остальные сложные съ -сѣвать и сложные съ
172	9 сн.	сам,	Зам.
173	1	Калужск.	Калужск., Медынск.
—	17—18	утану́т	утану́, утану́
175	5 сн.	полнòч	палнòч
179	21	в друг.	и друг.
181	17-18	сильномъ	усиленномъ

182	10—14	однократности. Глаголы съ этимъ суффиксомъ... какъ законченное во времени.	однократности и вмѣстѣ съ тѣмъ законченности самого дѣйствія или одного изъ ряда моментовъ, на которые разлагается дѣйствіе.
184	4-7	Къ сожалѣнію...	Житіе Саввы XIII, изд. Помяловскимъ, представляетъ памятникъ южнорусскаго нарѣчія (по А. И. Соболевскому — галицко-волынск., а по И. В. Ягичу — кіевскаго). Аканья въ этомъ памятникѣ, понятно, нѣтъ.
185	8	Попóвки,	Попóвки, Шáрина (10 в. къ с.)
—	4 сн.	оп	он
187	5	(вы)	(ва)
188	15 сн.	и, ы, ѣ),	и, ы, у, ѣ),
192	2 сн.	обувь,	обувь; „пастéля“ чаще, чѣмъ „пастéл“; слово
194	6 и въ др.	о Ломон. пр.	о присужд. Ломон. пр. въ 1897 г,
195	2 сн.	употребляется	употребляется въ нѣкоторыхъ говорахъ
197	12 сн.	въ канéчьку	въ канéчьку
199	6	митúнницă	митúнницă
200	13	кажется: мѣлочной	дѣловой, старательный, умѣлый, но иногда, кажется, и: мѣлочной
—	17	вноситъ	иногда вноситъ
203	14-13 сн.	рибитóшки; Матрóшкă, но Надéшкă или Надю́шка	рибитóшки и пр. [1]
—	5 сн.	гáлубушкă	галýбушкă,
204	2-1 сн.	пáзбищă	пáзбищă
205	22	именъ; несобствен.	именъ (о фонетическихъ измѣненіяхъ этого суффикса смотри вы-

[1]) Въ именахъ „Матрёшка“ и „Надéшка“ нѣтъ суффикса „ешька“, такъ какъ это—уменьшительныя (съ суф. ька) отъ Матрёна (или отъ Матрёха?) и Надéжда. Вмѣсто „Надю́шка“ слѣдовало бы ждать „Надёшка“ (при неуменьш. Надёха).

			ше, стр. 54); отъ несобственныхъ именъ сохранились
206	1	въ литерат.;	въ литерат.;
208	3	пича̀л, паст̀е́л, чаще: пасте́ля, каче́ли	пича̀л, каче́ли [1])
—	6-9	щивѐл, жыдѐл (что-ниб. жидкое); *и пр. до конца 9ой строки*	жыдѐл (что-ниб. жидкое) и др. [2])
209	15 сн.	ре́пинъ,	му́хинъ, аре́пинъ, ре́пинъ,
211	7	уменьшительныя, иногда съ унизительнымъ оттѣнкомъ,	уменьшительныя
214	8 сн.	птичьj	б) птичьj
224	1 сн.	силкъмъ	силкомъ
226	14	пъзафчара́	пъзъфчара́
231	14 сн.	о́блък	о́блъкъ
232	3	предлога	предлога въ Парфёнковскомъ говорѣ—только
236	4 сн.	я́ къ̀л, ты́ къ̀л	ты́ къ̀л, я́ къ̀л
241	8-7 сн.	надѣваемой	надѣваемая
244	12	к аднý	в аднý
246	16-15 сн.	силянóва	зилянóва
248	7 сн.	што́ и тапѐ	што́ ш тапѐр
249	1 сн.	якò	явò
256	13-14	а търгава́ли	търгава́т
—	4 сн.	дѣваласа	дѣвалса
261	15 сн.	Арханг.	части Арханг.
—	8 сн.	въ Олон.	въ Олон., а въ Арханг. иногда даже замѣняется черезъ „г“ взрывное, напр. на Мезе́ни
266	8	говоровъ	говорахъ
—	10-9 сн.	Клинскаго и Рузскаго уѣздовъ	Клинскаго уѣзда

Кромѣ того, во многихъ мѣстахъ вышли не совсѣмъ отчегливо знаки для мягкихъ согласныхъ (наприм. мягкихъ *n*, *л*, *т*, *р*) и нѣк. др.

---

[1]) Слово „постель“ попало сюда по ошибкѣ; здѣсь суффиксъ только „ь“.

[2]) Слово „щавель“ муж. р. имѣетъ суфф. „ель“; „жывель“ — слово заимствованное; по сходству со словомъ „щавель“ — муж р. и склоняется такъ же (имен. жыве́ль, род. жывелю́ и пр.).

Описаніе говора деревни Парфёнокъ, Рузскаго у. Московской губ.

Матеріаломъ для этого описанія были 1) мои личныя наблюденія надъ *разговорнымъ* языкомъ нѣсколькихъ крестьянъ названной деревни, 2) записанныя мною тамъ-же, частью въ сосѣднихъ деревн. сказки и пѣсни, 3) пѣсни и сказки, записанныя по моему порученію мѣстными полуграмотными крестьянами. Наиболѣе цѣннымъ является, конечно, матеріалъ п. 1. Что касается записанныхъ мною сказокъ, то ихъ слишкомъ мало, чтобы на основаніи ихъ описывать говоръ, а пѣсни и записи крестьянъ сами по себѣ — матеріалъ не вполнѣ точный. Благодаря условіямъ ритма и другимъ пѣсни содержатъ много архаизмовъ, неизвѣстныхъ уже разговорному языку; пѣсни, занесенныя изъ другой мѣстности, могутъ заключать въ себѣ черты другого говора, которыя долго не сглаживаются, находя поддержку себѣ въ ритмѣ и другихъ условіяхъ пѣнія. Кромѣ того, при пѣніи являются новые фонетическіе законы, неизвѣстные разговорному языку: звуки (гласные и согласные) неполнаго образованія переходятъ въ звуки полнаго образованія, и въ свою очередь развиваются новые звуки неполнаго образованія. Таковы напр. въ пѣніи зв. *а*, *и* вм. *ъ*, *ь*; согласныя зубныя взрывныя чистыя передъ *н* и *л* и пр.; съ другой стороны, новыя *ъ* и *ь* между согласными, *х* между гласными.

Показанія записей полуграмотныхъ крестьянъ въ значительной степени теряютъ свою цѣнность благодаря вліянію орѳографическихъ написаній и благодаря той степени безграмотности, при которой особенно часты описки, вызываемыя вліяніемъ сосѣднихъ буквъ [1]) или неяснымъ пониманіемъ значенія той или другой буквы. Поэтому, показанія пѣсенъ и крестьянскихъ записей я вездѣ свѣряю съ разговорнымъ произношеніемъ. Всѣ матеріалы собраны лѣтомъ 1897—1899 г.

Я ограничилъ свои наблюденія надъ говоромъ одной деревней отчасти уже потому, что діалектологія—не моя спеціальность, отчасти потому, что при недостаткѣ опытности въ собираніи діалектологическихъ матеріаловъ и при частыхъ разъѣздахъ можно познакомиться съ говоромъ только поверхностно, причемъ собранный такимъ образомъ матеріалъ почти невозможно провѣрить; при этомъ неизбѣжно явятся обобщенія; какая-нибудь особенность въ говорѣ одной деревни можетъ быть легко приписана всѣмъ деревнямъ извѣстной мѣстности и пр.

При описаніи говора, я старался отмѣчать, по возможности, всѣ явленія, относительно которыхъ въ великорусскихъ говорахъ существуютъ разногласія. Впрочемъ, не желая затягивать свою работу, я пользовался только тѣми пособіями по діалектологіи, которыя случайно у меня оказались подъ рукой. Ссылки на пособія дѣлаются сокращенно. Объясненіе сокращеній приложено въ концѣ.

Деревня Парфёнки — въ Васильевской вол., сѣверной части Рузск. у., въ 30 в. къ ю.-з. отъ ст. Подсолнечной Николаевской ж. д., въ 7 в. отъ ст. Румянцево строящейся Виндавской ж. д. (20 слишкомъ в. на с.-з. отъ Воскресенска), почти на границѣ Клинск. и Звени-

---

[1]) Такъ напр. встрѣчаются такія описки: жужъ, зазезала, не влалою семью.

гор. уу. Другія деревни, матеріаломъ изъ которыхъ я пользовался въ описаніи: Курово — въ 1 в. отъ Парфенокъ, Горки въ 3 в.—на востокъ отъ П., Васильевское— въ 2 в.—на западъ; всѣ дер. той-же волости.

Большая часть крестьянъ въ этой сторонѣ занимаются лѣтомъ земледѣліемъ, а зимой извозомъ; поэтому лѣтомъ съ Троицына дня до Успенья почти всѣ крестьяне бываютъ дома, и только немногіе проводятъ лѣто въ Москвѣ. Съ сентября мѣсяца въ деревнѣ остаются только женщины, дѣти и немногіе изъ мужиковъ. Дѣвки и дѣвочки часто служатъ лѣтомъ въ работницахъ и въ нянькахъ въ своей или сосѣднихъ деревняхъ, обыкновенно у родственниковъ. Зимой нѣкоторыя дѣвки работаютъ въ Москвѣ на фабрикахъ, преимущественно на бумажно-прядильной и чулочной или служатъ въ Москвѣ домашней прислугой.

Земская школа—въ с. Савельевѣ, въ 3 в. отъ Парфёнокъ и въ 2 в. отъ Курова и Горокъ. Въ томъ же селѣ есть и школа Воспитательнаго дома (которую съ 1900 г. переводятъ въ Калужскую г.). Грамотныхъ въ Парфёнкахъ среди мужчинъ (съ 10 лѣтъ) больше половины, въ Куровѣ — около $^3/_4$ всего мужского населенія. Мальчики, достигшіе школьнаго возраста, всѣ ходятъ въ школу, но дѣвочекъ Парфёнковскіе крестьяне въ школу не посылаютъ.

Такъ какъ въ описаніи мнѣ приходится ссылаться на записи, сдѣланныя крестьянами, то перечислю здѣсь лицъ, отъ которыхъ имѣются записи.

1. Миша Байковъ, 15 лѣтъ, учился въ Савельевской земской школѣ 4 года, но экзамена не держалъ; кончилъ школу въ 1896 или 1897 г.; записи его относятся къ 1898 и 1899 гг. Въ Москвѣ никогда не былъ, отецъ извозничаетъ зимой въ Москвѣ; остальные члены семьи постоянно живутъ въ деревнѣ. Мать его родомъ изъ д. Горокъ.

2. Аннушка Акимова, баба 22—23 лѣтъ; кончила въ Савельевской школѣ Воспит. Дома; всю жизнь прожила въ деревнѣ; въ Москву ѣздила только продавать лѣсъ; другіе члены семьи живутъ иногда въ Москвѣ. Записи ея — 1896 — 1898 гг., очень цѣнны по своей безграмотности.

3. Дарья Арсеньева изъ д. Горокъ, изъ той же семьи, откуда мать Миши Байкова, 20 съ чѣмъ-то лѣтъ. Кончила въ Савельевской школѣ Воспит. Дома; въ Москвѣ не жила. Записи—1897—1899 гг.

4. Дуня Максимова, изъ Курова, 15 лѣтъ. Кончила въ Савельевской школѣ Воспит. Дома въ 1898 г. Записи — 1897 и 1898 гг., грамотнѣе остальныхъ и потому даютъ мало матеріала для изученія говора.

ФОНЕТИКА.

Говоръ нашей мѣстности отличается характерными чертами такъ наз. Московскаго говора, т. е. при ю.-влкр. произношеніи гласныхъ въ немъ господствуетъ с.-влкр. произношеніе согласныхъ. Таковы *г* = въ большинствѣ случаевъ лат. g, а не γ; твердое *т* въ окончаніи 3 л. глаголовъ и т. п. Тѣмъ не менѣе, замѣчается бо́льшая склонность къ ю.-влкр., чѣмъ въ Московскомъ. Аканье, хотя и неполное, но сильнѣе Московскаго (види́, мишку́, но силу́, вяла́) и проч.

Въ настоящее время этотъ говоръ находится въ переходномъ состояніи отъ сильно акающаго (*ъа* передъ твердой согласной) къ умѣренно акающему (*ъи* во всѣхъ положеніяхъ передъ удареніемъ). Говоръ стариковъ — сильно акающій; дѣти тоже склонны къ сильному аканью, но среди взрослой молодежи, даже и не жившей въ Москвѣ, иногда замѣчается склонность къ умѣренному аканью. Впрочемъ, разная степень аканья стоитъ, кажет-

ся, не столько въ зависимости отъ поколѣнія, сколько отъ принадлежности говорящаго къ той или другой семьѣ. Въ одной семьѣ, напримѣръ, всѣ, и старые и малые обыкновенно сильно акаютъ, въ другой же — аканье умѣренное. Точно также, въ различныхъ семьяхъ — различная степень шепелявости: тогда какъ одни выговариваютъ чисто всѣ шипящія, другіе произносятъ: с̂с̂ш' и з̂з̂ж' вм. *щ* и ж(д̂)ж̂, третьи выговариваютъ шепеляво даже *ч*, а иногда *ш*. Такое сильно шепелявое произношеніе я наблюдалъ у нѣкоторыхъ старухъ [1]), и родившихся и прожившихъ всю жизнь въ Парфёнкахъ, а также у нѣкоторыхъ лицъ изъ наиболѣе консервативныхъ семей. Различія по семьямъ являются также въ произношеніи ќ и ґ и др. Повидимому, старшее поколѣніе Парфёнокъ сильно акало, сильно шепелявило и путало *в* и *м* передъ *н* (дам^{в}но́, рам^{в}но́, гув^{м}но́, пов^{м}ни, съ *м* склоннымъ къ *в* или *в* назалированнымъ). Что касается произношенія *г*=γ, то его у стариковъ я не замѣчалъ.

Относительно транскрипціи замѣчу:

ъ и ь — глухія *гласныя* слоговыя;

· (точка) надъ согласной обозначаетъ полумягкость согласной;

ˀ — мягкость (мягкость согласныхъ передъ *и* и *е* не вездѣ обозначена).

ˇ надъ гласной — глухой выговоръ.

j не передъ гласной = i̯.

w — губное (билабіальное) *в*.

Буква надъ строкой — еле замѣтное произношеніе соотвѣтствующаго звука.

Остальныя обозначенія понятны.

---

[1]) Кажется, это произношеніе не было чисто физическимъ недостаткомъ.

ГЛАСНЫЯ.

А. Гласныя ударяемыя.

а́ изъ первонач. *а* или *ъ́а* (= о.-сл. *ъ́а* и **ѧ**) — вполнѣ чисто. Впрочемъ: ба́ᵉшь — слово, которымъ зовутъ овецъ (съ *б* и *ш* полумягкими). Здѣсь это произношеніе—звукоподражительное (Ср. у Шахм. Мосал. „дä“ или „тэк“ стр. 190, вѣроятно, со средними, а не твердыми согласными).

б вм. *а́*. плóтьш, плóчинăj, сóдьт, пасóдьш, пасóт (=посади), падóрьш.

патóщьт, патóщьм (въ произношеніи одного мальчика). Но рядомъ и: патáссьт (въ одной колыбельной пѣснѣ), кójмы, скóмjи.

Въ глг. катúццъ—то *о́*, то *а́*, или же *а* неударяемое. Говорáтъ: пакóтит, но въ пѣ.: „Сáнăчки сăмăкáтăчки, сàми кáтюцца“. (кажется, и разгов.). Въ значеніи неперех.: кáтúт (Въ пѣ.: „мил па сáпъчкăх катúт).

пóлты. Здѣсь впрочемъ, первоначальная гласная не могла быть извѣстна, п. ч. слово было получено уже акающимъ говоромъ съ удареніемъ на концѣ. Ср. также Пóлка, при старо-русскомъ, надо думать, Палагéя (совр. Пъладéй) изъ греч. Πελαγία (См. Шахм. Изсл. 24).

Въ другихъ ю.-влкр. говорахъ отмѣчено еще: вóриш, брóнится, приглóсиш, вóлиш, крóсы и нѣк. др. Въ большей части этихъ случаевъ въ разбираемомъ говорѣ — другое удареніе. Впроч., отм. въ одной пѣ: „Нéту крáсы, нèт румя́ницă в ъицé“ (Курово).

Въ словахъ съ первоначальнымъ *о* это *о* подъ удареніемъ сохраняется: кóрмит, вóдит, падлóмют и пр. Б. м. сюда слѣдуетъ отнести и пакóтит (см. ниже).

лóвьт, но и: лáвют (3 мн.). Впрочемъ, послѣднюю ф. я слышалъ только одинъ разъ. Въ другихъ ю.-влкр. говорахъ въ этомъ словѣ особенно часто *а́*.

Въ одной пѣ.: са́ушкă („Са́ушкă па сѐнюшкăм пахáжъвăит“). Но, м. б., здѣсь вмѣсто названія птицы поставлено собств. имя.

Нѣкоторые случаи неустойчивости *а* и *о* подъ удареніемъ въ такихъ случаяхъ, какъ со́дьш, падо́рьт и т. п., повидимому, легко объясняются тѣмъ, что первоначально (еще въ эпоху единства бѣлор. и ю.-влкр. говоровъ?) въ этихъ словахъ на коренной гласной не было ударенія, а переносъ его совершился уже въ акающемъ говорѣ. Дѣйствительно, въ другихъ говорахъ часто слышится: подари́ш, тащи́т, пригласи́т, вари́ш, посади́т, сади́т, скамьи́ и т. п., такъ что можно думать, что ударе́ніе на коренной гласной въ этихъ словахъ—недавнее, заимствованное у другихъ глаголовъ съ подвижнымъ удареніемъ (частью, быть можетъ, въ эпоху бѣлор.-ю.-влкр. Ср. бѣлор. падо́рым, пасо́дзим). Но, нпр., въ словѣ платишь или плотишь ударе́ніе во всѣхъ говорахъ стоитъ на коренной гласной, такъ что можно думать, что это слово всегда имѣло подвижное ударе́піе. Въ сѣв.-влкр. говорахъ отм. вари́ш и пр., сади́ш и са́диш, пла́тиш, ка́тиш (перех.) и кати́ш (неперех.). *б* вм. *а* очень рѣдко и въ большинствѣ случаевъ можетъ считаться заимствованіемъ изъ ю.-влкр. говоровъ. Тамъ, гдѣ это заимствованіе трудно предположить, появленіе *о* въ сл. пло́тиш, посо́диш, во́лиш можно сопоставить съ *о* неударяемымъ въ зобо́р, долёко, не зома́й—Шахм. Изсл. 263—264.

Въ ю.-влкр. говорахъ вобще замѣтно сильное стремленіе къ переносу ударенія на корень съ окончанія (въ извѣстныхъ формахъ) и съ предлоговъ. Этимъ переносомъ вызвано неправильное проясненіе гласныхъ а̀ въ *о* и *а* вм. *а* и *о*. Затѣмъ, можетъ быть, подъ вліяніемъ получившейся путаницы явилось и чередованіе ла́виш и ло́виш, пла́тиш и пло́тиш, гдѣ ударе́ніе издавна въ извѣстныхъ формахъ было на корнѣ.

Сл. пако́тьт и ка́тьт, м. б., разнаго происхожденія. Ср. у Соболевскаго, Лекціи, стр. 86, чеш. kotiti, поль.

kocić się, млр. покóтыцця, бѣлор. накóцицця. Въ сѣв.-влкр. извѣстны только формы съ *а*: ка́тит, ката́т.

Другихъ случаевъ *а́* вм. *о* нѣтъ: у́гъ̀лj̀ă, нѝка̀ли́ и пр. Въ словѣ: пака́л̀ = поколь, покель и т. п. другихъ говоровъ *а* заимствов. изъ пака́ (= пока).

Въ глг. многокр. вида — *а́*: унава́жъвъ̀т, пригата́вливъ̀т, пригава́рйвъ̀т, прикала́чьвъ̀т, пи̯рвара́чьвъли, въмала́чьвъ̀т, ằбраба́тъвъ̀т, зъраба́тъвъ̀т, ака́пнъвъ̀т, wзва́ж̀ăвъ̀т, но: а̀в̀во́ртъвъ̀т и пр.

а° иногда передъ w. Это произношеніе я подмѣтилъ въ исключительныхъ случаяхъ, но, вѣроятно, это явленіе нѣсколько чаще, тѣмъ у меня отмѣчено. Въ одной прибаюткѣ: „Худо̀j сла°wъj дъкаря́т“. Это явленіе, между прочимъ, отмѣч. и Шахм. въ Мосал. (Онъ говоритъ объ измѣненіи *а* послѣ твердыхъ согласныхъ „въ направленіи къ *о* передъ неслоговымъ *у*“), стр. 189—190. Отмѣчу, что въ записанномъ мною примѣрѣ передъ *а*—*л* (согласная лабіализованная).

а́ между двумя мягкими звуками обыкновенно сохраняется: пря́с̀т, гря́с̀, пя́т̀, апя́т̀, зя́т̀, дя́дь и дя̯̀ (дифтонгъ а̯̀ долгій), jáицă (и jа̯̀цă) и пр.

Рядомъ съ мя́ч, мя́чьк встрѣчается изрѣдка: м̀е́ч, м̀е́чьк.

Переходъ *а* въ этомъ положеніи въ *е*[1], очень распространенный въ сѣв.-влкр. говорахъ, въ ю.-влкр. встрѣчается только спорадически. Бо́льшая часть ю.-влкр. говоровъ знаютъ этотъ переходъ, кажется, только въ словѣ ме́ч, ме́чик (Ср. Рѣзановъ, Курск. Обоян., стр. 91 и др., напр. Калуж. Медын., Малоярос̀л; Тул. Венёв.). У Филат. т. 37, стр. 212: петь, апеть. Къ сожалѣнію, Филатовъ не отмѣчаетъ, насколько переходъ *я* въ *е* послѣдователенъ и распространенъ; записи его матеріала для этого не даютъ.

тр̀ес̀т', запр̀е́ч (атпр̀е́ч и пр.). Отъ этихъ глг. прош.: тр̀о́с, запр̀о́к (или: за́пр̀о́х; атпр̀о́к и атпр̀о́х и пр.), но: упря́шкă, тря́скă. Фф. запре́ч — запр̀о́к возникли, м. б., по аналогіи съ п̀е́ч — п̀о́к, т̀е́ч — т̀о́к, же́ч — жо́г (жо́к, жох),

ле́ч—ло́г (ло́к, ло́х) и др., ср. ве́ч—во́г (во́к, во́х), рядомъ съ которымъ въ говорахъ извѣстно и бег (бе́гла и т. д.). Онѣ не стоятъ ни въ какой связи съ аканьемъ; ср. млр. запрюогъ (Соболевск., Лекціи, 86), сѣв.-влкр. запрёгъ (Шуя Владим., — матер. 19; Тобол. Ишим. и др. — матер. 21 и др.), при болѣе частомъ (?) въ сѣв.-влкр. запрягъ (Волог. Кадн., матер. 25 и 26, Олон. Вытег.—матер. 22 и др.). трес$^{т'}$ и тро́с объясняются тоже аналогіей съ глг. нести—нёс, везти—вёз и т. п. Правда, и для тря́с были аналогіи: увя́с, па́с, но въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ нѣсколько другія условія. Infin. трес$^{т'}$, не́с$^{т'}$, плес$^{т'}$, вес$^{т'}$ и пр.—недавніе, вмѣсто: три^{е}сти́, ни^{е}сти́, пли^{е}сти, ви^{е}сти́ и пр. Отъ увяс соотвѣтств. infin. былъ увя́сти съ удареніемъ на *а́*, отъ пас — пасти́: въ обоихъ случаяхъ въ ю.-влкр. *а* или вполнѣ ясное или почти ясное, между тѣмъ, какъ въ три^{е}сти́ — та же гласная, что въ ни^{е}сти́ и пр. Поэтому, въ тѣхъ сѣв.-влкр. говорахъ, гдѣ *а* передъ мягкой даже въ положеніи передъ удареніемъ не переходило въ *е*[1], ф. тря́с должна быть болѣе устойчивой (Ср. Шахм. Изсл. 241 со сс. на стр. 199 слл.). Дѣйствительно, въ сѣв.-влкр. встрѣчаются обѣ фф.: тря́с и тро́с. Чередованіе между тряс и трёс можно возводить еще къ о.-р. эпохѣ въ видѣ млр. тріс (Соболевск. Лекціи 86), хотя послѣдняя ф. могла быть и новообразованіемъ.

Въ словѣ пращё́нје (разгов.; между прочимъ попадается въ записяхъ Миши Байкова: „на прощенье“)= по значенію литературному прощанье мы имѣемъ не суженье *а*, а тотъ же суфф., что́ въ литерат. прощенье (не отъ прощать, а отъ простить). Это слово, съ тѣмъ же значеніемъ, какъ и въ разбираемомъ говорѣ, извѣстно чуть ли не во всѣхъ другихъ ю.-влкр. говорахъ.

Наоборотъ: плимя́нник, или плимя́ник вм. племе́нник другихъ говоровъ (Здѣсь *а* заимствовано изъ имен. пламя́); симя́н (род. мн. отъ се́мь или симя́ вм. сѣмёнъ, при болѣе частомъ симяно́ф (гдѣ *-я-* можетъ быть правильно изъ *-ё-*) и рѣдкомъ се́мьн. (Ср. Соболевск. Лекціи 76).

Другого происхожденія ˀа изъ *е* въ словѣ: калѝскă (съ ˀа еще о.-русск.? Ср. Шахм. Изсл. 85), но: калóснъj и т. п.

ˀа на концѣ словъ въ соотвѣтствіи съ старо-слав., частью литерат. -ъ: пасля́, ъпасля́, вазля́ (рѣдко; обыкновенно: вóзли), нилзя́, ăкрамя́ (впрочемъ, чаще, кажется: крóми). Рядомъ съ ъпасля́ я слышалъ также: апóсли. Эта послѣдняя ф. распространена больше въ Куровѣ, между тѣмъ какъ въ Парф. чаще слышится съ удареніемъ на концѣ. (Ср. Соболевск. Лекціи 76 и Шахм. Лекціи стр. 132—133. Въ ф. нилзя́, дѣйствительно, трудно видѣть имен. падежъ, но скорѣе по синтаксич. причинамъ; форма имен. „льзя“ едва ли совершенно невозможна).

ˀа́ въ концѣ слова, въ род.-вин. пад. личныхъ мѣстоименій: тибя́, сибя́, миня́, какъ въ Московскомъ и сѣв.-влкр. говорахъ. Въ ю.-влкр. говорахъ въ этой формѣ вездѣ -е́ [1]) (если гдѣ встрѣчается -я́, то заимств.): мине́, тебе́, себе́ и даже табе́, сабе́ (подъ вліяніемъ фф. дат. пад.).

е́, независимо отъ своего происхожденія (изъ ѣ, е или ъ) произносится передъ слѣдующей твердой согласной и широкими гласными (только *у*), а также въ концѣ слова (передъ паузой?) всегда открыто (e^2), а передъ согласными мягкими, передъ j (i) и передъ *и* всегда закрыто (e^1), какъ и въ литературномъ произношеніи. Въ единичныхъ случаяхъ мнѣ слышалось e^2 и передъ j и даже передъ другими мягкими согласными: скарé²j, маjé²j... Кажется, это бываетъ только при крикѣ и стоитъ въ связи съ растягиваньемъ ударяемой гласной (скарё²j, причемъ $\ddot{e}^2$, повидимому, разлагается на *ä* некраткое + $\acute{e}^1$ очень краткое). При пѣніи, наоборотъ, гласныя иногда суживаются (причемъ могутъ переходить *а* въ *ä*, e^2 въ e^1, *о* въ *ö*, e^1 въ $и^e$). Обыкновенное разговорное произношеніе *е* иногда помогаетъ безошибочно опредѣлить степень мягкости слѣдующей согласной. Ср. клé²тка и даже клé²тти (рѣже:

---

[1]) Касим. говоръ, гдѣ говорятъ: миня и пр.—смѣшанный.

клé¹ттти), цé¹ркваˆ, к вичé¹рни, нé²гди, нé² с кимъ, патé²плилаˆ (впрочемъ, въ послѣднемъ словѣ скорѣе *е* среднее, не очень открытое и не очень закрытое), лé¹дник, сé²м (рѣже: сé¹м), мé²раˆ, мé¹рит, йé²ст, йé¹сть, сирé²бринаj, здé²шнjь, прé¹жнjь, прé¹жди (объ этихъ словахъ см. въ отд. о согласныхъ), ни в далé¹чьм, дé²фки и дé¹фки и пр.

е переходящее въ *и*, неизвѣстно, по какимъ причинамъ, мнѣ слышалось въ сл. манé¹жнъ въ одной игровой пѣснѣ (Розанъ мой розанъ).

ъ въ произношеніи ничѣмъ не отличается отъ *е*, и даже въ глаголѣ ѣсть всегда говорятъ: йé²ст (3 л. ед.), йé²ш и йé¹сть (infin.). Ср. преобладающее въ другихъ ю.-влкр. говорахъ jисть, jиш.

е обоихъ видовъ всегда смягчаетъ предыдущую согласную, кромѣ *ж*, *ш* и *ц* (шипящія ж(д)ж, *щ* и *ч* и безъ того мягки), остающихся почти безъ смягченія. (Въ сочетаніяхъ *ше*, *же*, *це*, слышатся звуки средніе, болѣе мягкіе, чѣмъ въ *шы*, *жы*, *цы*). Можетъ быть, этой особенностью *ц* слѣдуетъ объяснять ф. аццéдъ, если только здѣсь *цц* изъ ц+с, что изъ *т*+с. Но этого отвердѣнія нѣтъ въ сл. ацсéльвă.

é не смягчающее предшествующей согласной является только въ одномъ словѣ: аттéдъ (не: аттéдь!). Твердое, или вѣрнѣе, среднее *т* въ этомъ словѣ извѣстно и въ другихъ говорахъ, какъ знающихъ *е*, не смягчающее предшествующей согласной, такъ и въ имѣющихъ въ остальныхъ случаяхъ передъ *е* только мягкія согласныя [1]).

Въ началѣ слога *е* непремѣнно получаетъ jотацію.

---

[1]) Ср. Мосал. „аттэль, аттэда, атсэда“, Ельнин. аттэль, патэль—Шахм. Мосал. 206. „*е*“, несмягчающее предшеств. согл. въ этихъ словахъ для Шахм. неясно.

У Филатова Ворон. т. 37, стр. 199: аттеля (съ мягким *т*? Но Фил., повидимому, не всегда различаетъ *е* смягчающее предш. согласную и *е*, несмягчающее ея, такъ какъ пишетъ: бизъ адней. Въ его записяхъ: аттеля — т. 40, стр. 31, но: аттэль—ibid. стр. 32.

Исключеніе составляютъ слова, сложныя съ частицей *э* (и сама эта частица): э́нă, э́вă, э̂х, э́къj, э́дък, э́дъкăj, э́тът, э́нтът и др. Это *э* не такъ грубо, какъ иногда въ литератур. произношеніи, и, являясь послѣ согласной предлога, обыкновенно смягчаетъ ее. Такъ, говорятъ: в э́̂тим, к э́тъму, аъ́ э́тъм, утэ́тът (=вотъ этотъ), но: с э́̂стим, ат э́тъвă, над э́̂тим, гдѣ *с*, *т*, *д* не мягкія, а только среднія. Впрочемъ, употребительно и произношеніе: в э́̂тим, к э́тъму, аъ́ э́тъм, со средней, а не мягкой согласной передъ *е*. Въ записяхъ у меня обыкновенно *е* въ такихъ случаяхъ указываетъ на болѣе сильное смягченіе предшествующей согласной, хотя это не вездѣ выдержано. Говорятъ также и jэ́тът и, кажется, jэ́дък. Въ записяхъ Миши Байкова и др. попадаются написанія какъ съ *э*, такъ и съ *е:* въ ету, ва етимъ; и: все это, апосля этаго, об этимъ. Впрочемъ, эти написанія не имѣютъ значенія въ виду такихъ написаній, какъ: поэзжай. Объ ja-, ji- и *и*- неударяемыхъ изъ *е* неудар. въ началѣ слога см. ниже, гдѣ говорится объ *и*.

Иностранное *е*, полученное русскимъ яз. безъ jотаціи, еще въ о.-р. переходило въ *о*. (=Офремъ, Олена, и пр.) Въ разбираемомъ говорѣ гласныя изъ этого *о* въ словахъ: Афрэ́м, Ăвдаъ́им, Авдо́тjă, Ал̂о́нă, Афи́мjă, Ăмиjа́н, но: Живдэ́̂ньj или Ивдэ́̂ньj (и Ивдинjа́). Въ имени Илэ́нă, извѣстномъ почти только изъ новѣйшихъ пѣсенъ, *и* въ началѣ слова заимствовано изъ литературнаго произношенія этого имени.

То-же *о* получалось иногда въ др.-рус. яз. и изъ *и* въ именахъ заимствованныхъ съ греческаго. Къ этому *о* восходитъ *а* въ именахъ: Аринă и, б. м., Ăграфэ́нă (вм. Агриппина) [1]).

Въ именахъ Гарасим, Малаънjă, Пъладеjă гласныя,

---

[1]) Съ именемъ Аграфэ́на (изъ Огрофѣна?) интересно сопоставить имя Синографъ въ русской передѣлкѣ повѣсти объ Акирѣ вм. первонач. Синагрип (а это имя восходитъ, вѣроятно, къ греч. Σιναγριπ(πος) или Σιναρίφ. Ср. Σενερίφ въ греч. хронографахъ и въ Откров. Меѳодія Пат.).

являющіяся на мѣстѣ греч. ε, восходятъ, по мнѣнію Шахматова, къ о.-р. *а* (Изсл. стр. 24). Но уменьш. отъ Пъладе́й — По́лкă; имя Ма́лкă; не изъ Малапjă (Малькой зовутъ в с. Васильевскомъ одну дѣвочку, которой настоящее имя Авдотья, для того, чтобы отличить ее отъ старшей ея сестры, тоже Авдотьи).

Въ имени Jаго́р, Jиго́р зв. j правильно изъ ˀγ.

ˀе изъ *и* въ сл. Расе́й (вă Расе́и — въ пѣснѣ), кварˀте́рă (въ ф. фате́рă этого слова я не слыхалъ. Со звукомъ *е́* вм. *и* это слово могло быть получено изъ польскаго яз.), ăграфе́нă.

Въ сказкахъ, записанныхъ Мишей Байковымъ, 2 раза: яецъ, но въ другихъ случаяхъ М. Б. вездѣ пишетъ яицъ. Произносятъ обыкновенно jиˀи́ц, а произношенія jиjе́ц, существующаго въ нѣкоторыхъ говорахъ, я не слыхалъ.

Говорятъ: ˀтихаме́рнъj, паме́риццъ = помириться, но: ˀсми́рнъj (паме́риццъ — не фонет., а по апалогіи?). мълаˀте́лщйк (-шйк), плаˀте́лщйк (-шйк), но: пи́лщйк, пасˀи́лщйк, красˀи́лщикъ и пр. Въ обоихъ словахъ *е* вм. *и* нефонетич.; вѣроятнѣе всего, здѣсь другой суффиксъ.

ˀо́ изъ стараго *е* и *ъ*, какъ и въ литер., — на концѣ словъ и передъ старой твердой согласной. ˀво́сну, ˀсло́тъj, ˀтиро́м, ˀпо́рушкă, ˀво́дръ (= хорошая погода), ˀто́ткă, пло́ткă, ˀсло́зы, ˀло́т, кˀло́н, ˀтво́л, расˀсво́л и пр.

На концѣ словъ (случаи извѣстны только послѣ шипящихъ, *ц* и *j*): каˀцо́, быˀтjо́, жыˀтjо́, Успˀиˀнjо́, jицо́ (= яйцо), лицо́, хърашо́, плиˀчо́, ищо́ (и jищо́), ужо́, majо́ и др. Послѣ другихъ мягкихъ согласныхъ въ концѣ слова *е́* не встрѣчается, и о судьбѣ его въ нашемъ говорѣ ничего сказать нельзя.

Передъ *ж* и *ш* обыкновенно: паˀдо́ш, аˀдо́жъ, ˀдо́шъвă, ˀло́жă, хъласˀто́ш, лиˀно́шкă, каˀпо́шкă, сиˀро́шкă, сиˀрожъˀка, ăдиˀно́шъньк, ˀвеˀз диˀно́шъˀньк, jо́ш и др. Ср. ф. 2 л. ед.: идо́ш, ˀнисо́ш, ˀплиˀто́ш, гриˀво́ш, риˀво́ш, жˀро́ш, ткош и пр. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ передъ *ш* и *ж* сохраняется *е*: праме́ш, (ме́жду, — обыкнов. безударн.: миˀжду), гъла-

вéшкă, Надéждъ, Надéшкă, адéждъ, чéшът, вéшнь̀j, jéж'ли (съ e^2), прéжнь̀j. Случаевъ *е* передъ шипящей такъ мало, что ихъ для нашего говора удобнѣе объяснять аналогіей или заимствованіемъ, чѣмъ фонетическими условіями. Слово: Надéждъ, какъ имя—книжное. Ср. извѣстное въ говорахъ: надёжа, безнадёжный (мнѣ не пришлось слышать эти слова въ описываемомъ говорѣ). Тоже слѣдуетъ сказать и объ адéждъ, при болѣе частомъ адóжă. Слово гълавéшка заимствовано изъ другого говора, гдѣ шипящія отвердѣли позднѣе, или же зд. *é* по аналогіи съ суравéшкă и т. п. Что касается послѣднихъ 3-хъ словъ, то въ нихъ шипящая — передъ мягкой зубной; въ этомъ положеніи шипящія, вѣроятно, отвердѣли позднѣе: теперь въ разбираемомъ говорѣ шипящія *ш* и *ж* тверды передъ плавными и н̀ (вéшнь̀j, зд̀éшнь̀j; въ прéжнь̀j ж̀ изъ прéждй), но мягки или полумягки передъ т̀ и д̀. (Объ *о* передъ шипящ. см. у Шахм. Изслѣд. стр. 74—82).

Въ другихъ ю.-влкр. говорахъ о̀ въ этихъ случаяхъ рѣже. Такъ, суфф. *-ешк-* часто является съ *е*, а не *о*, ср. также: дéшево, лéжма, адéжа, и пр., фф. 2 л. ед.: идéш, несéш, найдéш—въ Мосал. говорѣ (Шахм. Мосал., стр. 194) и др., какъ ю., такъ и сѣв.-влкр. говорахъ. Поэтому, появленіе *é* вмѣсто ожидаемаго *ó* при господствѣ *ó* въ однихъ говорахъ и, наоборотъ, *ó* вм. *é* при господствующемъ *é* въ другихъ, — можетъ нерѣдко объясняться заимствованіемъ одного говора у другого.

Передъ *ц*—e^2: атéц, канéц и пр.

Передъ *ч*—e^1 (слѣдов., *ч*—мягкій звукъ): ришéчитằj, суфф. *-éчьк* (при нефонетическомъ *-о̀чьк*,—см. ниже), нидалéчь (ср. въ одной пѣснѣ: н̀и в далéчьм растаян̀и, но: н̀и в дало̀ки) [1]), пéчкă.

---

[1]) Кстати. Нельзя ли объяснять произношеніе: далéко, отмѣч. Шахм. въ Мосал. и извѣстное и въ другихъ говорахъ, даже сѣв.-влкр., вліяніемъ слова „далéче“? Если предположить, что далéче употреблялось чаще, чѣмъ далеко, и что при этомъ далеко имѣло удареніе на окончаніи (какъ и всѣ нарѣч. на

ѣ передъ *щ* и ж(д)ж. Въ клѣ́щ, трѣ́щйна, мирѣ́щьцъ, забрѣ́ж(д)жьлъ,—*е* изъ *ъ*. Остается: вѣ́щ или вѣ́щъ въ одной пѣснѣ, гдѣ поется: ссипа́лъ рвала́ паспе́лаю вѣ́ссю (не: вишню!), но это слово — книжное; ле́щ, падле́щьк — слова, извѣстныя только тѣмъ, кто этихъ рыбъ видѣлъ въ Москвѣ. Въ словѣ то́щъ — *о* неяснаго происхожденія (Ср. Шахм., Мосал., стр. 194).

Передъ *j* фонетически ѣ сохраняется безъ перехода въ *о*: капе́йкъ, вѣраѣ́й, сѣлаве́й, лѣшъѣ́й, је́й, је́ю, маје́ю и пр. Нефонетически *о* въ прилагат. баѣшо́й, минѣшо́й, чужо́й и т. п. (во всѣхъ формахъ передъ *j*, т. е. въ им. ед. муж. и средн., въ род.-дат.-мѣстн. и твор. ед. жен. рода) и въ творит. пад. единств. существительныхъ ж. р. мягкаго различія: зимлѣ́й, сѣмјо́й и пр. Но въ выраженіи сам-тритѣ́й сохраняется фонетически *е*, б. м., благодаря спеціальному значенію этого слова. Во всѣхъ другихъ случаяхъ въ окончаніи ѣ*j* (*jej*), ѣ*ю* (*jeю*) сохраняется фонетически *е*: маје́й, твае́й, фсе́й и пр. (Эти мѣстоименныя формы имѣли для себя менѣе аналогіи, такъ какъ въ мѣстоименномъ склоненіи *-оію* и *-ой* являлось только въ мѣстоименіяхъ личныхъ, въ мѣст. *тъ* и числит. *одинъ*; въ другихъ формахъ отъ нихъ самихъ *о* въ чередованіи съ этимъ *е* тоже не встрѣчалось. Въ тѣхъ говорахъ, гдѣ мы находимъ јо́й, маје́й, всо́й на такія фф. могли вліять прилагательныя). Въ фф. родит. множ.: лѣшъде́й, кастѣ́й, гастѣ́й и пр. Въ послѣднемъ случаѣ никакой аналогіи не могло быть и потому *е* во всѣхъ говорахъ осталось безъ перехода въ *о*.

ѣ*о* передъ отвердѣвшей согласной изъ старой мягкой.

Передъ *р* съ послѣд. твердой зубной: мо́рзнутъ, замо́рс, мо́ртвъй, чо́рнъй и пр., но: видѣ́рнъй, дѣ́рскъй. Ф. дѣ́рскъй, вѣроятно, книжная; въ словѣ видѣ́рнъй *е* не совсѣмъ ясно. Передъ *р* + шипящая — *е*: дѣ́ржът, твѣ́ржъ

-ько́), то появленіе „далѐко“ въ нѣкоторыхъ ю.-влкр. говорахъ болѣе, чѣмъ понятно.

(съ e^2). Передъ сочет. *с* или *з* + твердое *н*: хр҃о́снъj (при: кр҃е́ст, хр҃е́ст!), нивъ́снъj, кал҃о́снъj и пр., но: н҃и́тти пъдни-вѣ́снъвъ цвѣ́ту, сл҃е́зна, ръзлювѣ́знъj, че́сна, васкре́снъj. Шахм., Изсл. 79, полагаетъ, что зубныя передъ *н* твердымъ отвердѣли до перехода *ŏ* въ *о*. Въ такомъ случаѣ перечисленные примѣры слѣдуетъ считать заимствованными изъ книжнаго яз. Въ другихъ случаяхъ передъ зубной + твердое *н* имѣется ъ*о*.

Отмѣченные у Шахматова, Изсл. 78, слова съ суфф. *-ебн-*, *-евн-* мнѣ изъ описываемаго говора совсѣмъ неизвѣстны, кромѣ: цар҃е́вна. Всѣ эти слова едва ли въ говорахъ особенно употребительны и, если́ встрѣчаются, то по большей части заимствованы.

Въ с҃о́длы зв. *д* отвердѣлъ, по всей вѣроятности, до перехода *ŏ* въ *о* [1]), одновременно съ отвердѣніемъ зубныхъ передъ *н* твердымъ (Что здѣсь было *д* мягкое, видно изъ написанія бе седьла въ 13 сл. Григорія Богосл. XI в. и др. Впрочемъ, Р. Ѳ. Брандтъ предполагаетъ здѣсь ископное *д* твердое — Лекціи стр. 145, что мнѣ кажется излишнимъ).

д҃о́ргъ҃т, над҃о́ргъвъj, бл҃о́кнъ҃т. Здѣсь въ обоихъ словахъ отвердѣніе согласной и появленіе ъ*о* — нефонетич., такъ какъ въ разбираемомъ говорѣ *р* передъ согласными твердыми другого мѣста образованія фонетически сохраняетъ свою мягкость до сихъ поръ, а *к* является въ данномъ случаѣ передъ мягкой. Въ послѣднемъ случаѣ ъ*о* заимствовано изъ ф. бл҃о́кнуть. О сл. д҃оргъ҃т см. у Шахм. Изсл. стр. 80 (Будде, Къ исторіи, предполагаетъ въ о.-сл. корень *дъргъ-* рядомъ съ *дърг-*, стр. 95, но противъ такого предположенія высказывается Шахм. въ Отчетѣ о прис. Ломон. преміи въ 1897 г., стр. 41).

е сохраняется въ словахъ: т҃е́пли, пат҃е́плилă, ше́пчъ҃т. Здѣсь *п* и теперь полумягкое, такъ что ш҃о́пчеть въ дру-

---

[1]) Такъ какъ *д* и *л* — звуки однородные по мѣсту образованія.

гихъ говорахъ можетъ быть и нефонетич. (по аналогіи съ шо́пот, шопта́ть и т. п.).

сé²стрйн (съ *е*², но слышится, кажется, и *е* среднее: сестрин) при со́стры, хотя По́трйн при По́трă.

о передъ мягкими подъ вліяніемъ аналогіи нерѣдко, какъ и въ литературномъ говорѣ. Условія его появленія, въ общемъ, тѣ же, что и въ литературномъ яз. Отмѣчу такія слова, относительно которыхъ въ говорахъ разногласія. падо́нщык (-шык), зъгувоннык, Лонкă, по́рjь, тоть, и пр.; дружо́чьк, къришо́чьк и др. слова на *-о́чьк* послѣ шипящей заимствовали *о́* изъ дружо́к, къришо́к и т. п. Рядомъ съ этими фф. чаще употребляются фонетически правильныя образованія на *-ечьк*: друже́чьк, гаршечьк, мишечьк, пучечки и пр. Въ литературномъ произношеніи фф. на *-ечек* почти совсѣмъ вытѣснены формами на *-очек*.

е правильно въ ле́днйк, сплетни (съ *д* и *т* назализов. мягкими).

о изъ *ъ*: гнозды, надовьн, паддофкă, аброл, вок, сок.

Ф. аброл объясняется народной этимологіей этого слова, произведшей его отъ брол. Какъ при ишол являлось нашол, такъ при брол могли понимать аброл. (Ср. Брандтъ, Лекціи, стр. 24). Ср. сесть — сел, гдѣ почти при тѣхъ-же условіяхъ *е* сохранилось, или: стрел, — отъ того же глагола, только съ другой представкой. бѣгъ и сѣкъ являлись исключительными формами въ ряду многихъ формъ на *ок*: печ — нок, теч — ток и пр. Ср. запрок. Въ другихъ говорахъ извѣстны и бѣгъ, сѣкъ безъ перехода *ъ* въ *о* (такъ напр. въ говорѣ Шацк. у. Тамб.: прибегла, сек, атсек и др.). Въ разбираемомъ говорѣ фф. беч—вок рѣдки. Обыкновенно употребляется глаголъ бижат — бижал, какъ въ литературн. Распространенность ф. гнозды, надован и пр. въ влкр. говорахъ трудно объяснить. Съ *ъ* (*е* или *и*?) эти слова извѣстны только въ нѣкоторыхъ сѣв.-влкр. говв. (Тобольской губ., Новгор. Устюжн. и др.)

звоздъчкă, звозды и звездъчкă, звезды.

ъ*о* изъ *ѣ* также въ концѣ род.-вин. ед. мѣстоим.: јијó, тајó, съмајó, ѣднајó (или: аднѣјó), ѳсијо. Въ другихъ говорахъ, (сѣв.-влк., ю.-влкр. и бѣлор.) кое-гдѣ встрѣчается и јијé, тајé и пр. (См. Шахм. Изслѣд. стр. 175—176).

Но правильно ъ*е* изъ *ѣ*: ъвéдры (им. множ. отъ вядрó = вѣдрó, въ отличіе отъ ъвóдръ = ведро — хорошая погода), шéст, ърéзвјь и др. Въ словѣ рѣзвый *о* вм. *е* является только въ сѣв.-влкр. и смѣшанныхъ говорахъ, а въ сл. вѣдра ъ*о* распространено не только въ влкр., но и въ бѣлор. говорахъ.

Въ немногихъ словахъ со старослав. *-рѣ* вм. русскаго *-ере-* произносится ъ*е*: данърéш, върéднјь, дрéвъ: всѣ три слова употребительны и въ разговорномъ языкѣ. По Шахм., эти случаи—книжнаго происхожденія.

ъ*е* нефонетич. вмѣсто фонетич. ъ*о*. хърéст и крéст. (при: хъроснъј!), пъмирéскъвъит (только въ пѣснѣ, б. м. въ рифму съ патрéскъвъит), аслéп, Паръмéн, съмéткă (извѣстно мнѣ только изъ одной прибаютки, запис. въ Куровѣ), дамéк въ поговоркѣ: „ни в дамéк, дъ харóшъј чьлавéк“, Илéнă (только въ новѣйшихъ пѣсняхъ), нéбă, но рядомъ: нóбă, на нóби (чаще: нá ньби), с нóбă и всегда: нóбушкă (не: нéбушкă!).

Изъ приведенныхъ словъ крест (хрест), нéбă и Илéна—книжнаго происхожденья. Въ словѣ аслéп явилось *е* по аналогіи со словомъ слѣп, ср. Соболевск. Лекціи, стр. 65, Брандтъ, Лекц. 25. Эта аналогія настолько сильна, что выговоръ аслеп, ослѣп господствуетъ въ большинствѣ влкр. говоровъ, хотя извѣстно и ослён (Отм. между проч. аслёпъ у Филат. Ворон., т. 37, стр. 207.). Паръмéн—имя заимствованое; *é* здѣсь могло явиться по аналогіи съ размéн, бизмéн, аъмéн и пр. Ср. Паръфóн, — гдѣ такой аналогіи не было. Въ съмéткă зв. *é*, мож. быть, по аналогіи съ „мéтка“, гдѣ *е* изъ *ѣ*. Изъ *е* въ этомъ положеніи: *о*, ср. плóткă Сл. пъмирéскъвъит неясно по происхожденью; можетъ быть, здѣсь *é* изъ *ѣ*.

Въ старыхъ причастіяхъ страд. зал. на *-éньш* является

обыкновенно фонетич. *о*: свичо́нъj (=освященный), кало́нъj, мачо́нъj, ръзвало́нъj, привизо́нъj, ръзмито́нъj, кашо́нъj и пр., но въ новыхъ причастіяхъ киижнаго происхожденія *е* сохраняется въ видѣ *е*: наричёнăj, свисёнъвă налою, ницынёнъj (всѣ 3 случая въ пѣсняхъ.). Отм. еще фамилію: Привизёнцъф.

о въ чередованіи съ *и* — въ словѣ „рибитошки“ и ривитишки (также: рибитонки. Объ *и* вм. *о* въ 1-мъ слогѣ см. ниже). Здѣсь—2 различныхъ суфф.: *-ъшк-* и *-ишк-* (*-ъшк* ср. въ калошка и пр.).

о и даже *о* — въ дѣеприч. на *-мшы*: нъпаjомшы, нъцыжомшы и даже асидломшы и т. п. рядомъ съ различными другими гласными (ср. ни дапёмшы, ни дажымшы)—не изъ этихъ гласныхъ, а другого происхожденія и относится къ словообразовательному суффиксу. Ср. нпр. у Филат. Ворон. иблажомшы (т. 38, стр. 257). Филатовъ считаетъ эту ф. непонятной или случайной, хотя все-таки догадался сопоставить ее съ „възьмъши“. (Это сопоставленіе принадлежитъ А. И. Соболевскому. См. Лекціи, стр. 234). У В. Чернышова (Матеріалы 41[1], Мещов. у. Калуж. губ. стр. 100): не спросёмши, проводёмши, ходёмши, женёмши; у Будде (Тул.-Кал. стр. 834): зъчинёмшы, пăслажомшы. Вѣроятно, того же происхожденья *ё* въ приводимыхъ Рѣзановымъ (Курск Обоян. стр. 91) примѣрахъ: притарёвши, успрасёвши, ни хадёвши, наридёвши; „*в*“ въ этихъ фф. можно считать вторичнымъ изъ *-м-* подъ вліяніемъ прич. на-*вши*.

и, какъ ударяемое, такъ и неударяемое, всегда смягчаетъ предыдущую согласную, а послѣ *ш*, *ж*, *ц* переходитъ подъ удареніемъ въ звукъ, очень близкій къ *ъг*, который я такъ и обозначаю. Въ началѣ слога *и́* не принимаетъ jотаціи; не только: и́вă, паи́т, но и их, им и т. д. Впрочемъ, въ зависимости отъ предлоговъ, а иногда и въ другихъ случаяхъ: jим, jих, jи́ми (рядомъ съ: ним, них, ни́ми послѣ предлоговъ), нпр. с jим и с ним и пр. Безударное *и* изъ *и* тоже не принимаетъ jотаціи, а передъ *и* изъ *je*, *ja* звукъ *j* можетъ опускаться, нпр.: Илёнă, ило-

вьj и jилóвъj (чаще: jалóвъj), ищó и jищó. (По мнѣнію Ф. Ѳ. Фортунатова, раздѣляемому Шахматовымъ, ф. ищó и э́щё восходятъ къ о.-слав. ĥéšče съ удареніемъ на 1-мъ слогѣ, а jищó—къ о.-слав. ĥešče съ удареніемъ на концѣ. См. Лекціи Шахм., стр. 166; Фортун. Сравн. язык., фонет. стр. 259—260. Нашъ говоръ не даетъ матеріала для провѣрки, п. ч. „и“ въ немъ является и на мѣстѣ jе). Всегда: идва́ (слово, рѣдко употребляемое. Судя по случаямъ его употребленія, можно заключить, что оно заимствовано не очень давно изъ литературнаго языка. Ср. Шахм. Лекціи стр, 166). Въ записанныхъ мною сказкахъ: ивúлъс и jивля́ицъ. Миша Байковъ пишетъ: „и сенъ соколъ“ (въ пѣ.; т. е: ясёнъ...), что скорѣе всего можетъ указывать на *и* нejотированное. Но всегда съ *j*: jизы́к, jимшы́к, jиро́л (послѣднее слово только въ пѣ.)

Обязательно выпадаетъ *j* въ слогѣ послѣ ударенія передъ личными окончаніями глаголовъ послѣ гласной: думъйш, дéлъйш, (не: дýмъjьш, дéлъjьш!) и въ оконч. им. мн. прилагат. на -ъи; при пѣніи: ăи рядомъ съ ăjă (только при пѣніи) со вполнѣ опредѣленнымъ *j*. Но въ окончаніи существит. (очень рѣдкихъ) на -ијь, -ия́—*j* слышится. Вообще же окончанія словъ, кромѣ немногихъ, произносятся очень вяло.

и вм. *еj* въ сл. ъбабри́, пъдабри́с и пр.—нефонетич., а взято изъ infin. или другихъ формъ (по аналогіи съ хади́т—хади́; паи́т—паи́ и т. п. ?). При ъбабри́ и т. п. мы бы ждали вторичной формы настоящаго: брю́, но такъ, кажется, не говорятъ.

Вм. литер. *ъи—ъа* въ сл. трисня́къ и трасня́к рядомъ съ трисни́к (болѣе рѣдкимъ) = литер. тростникъ. Здѣсь суфф. не *-ик*, а *-ак* (*ъак*. Ср. дура́к, пятак, бѣдняк и пр.). Значеніе суфф. *ак*, кажется, мало отличается отъ значенія суфф. *-ик*, и потому мѣна ихъ вполнѣ возможна.

о́ въ разбираемомъ говорѣ—открытое, какъ и въ литературномъ произношеніи. Впрочемъ, передъ *ш*, *у*, *шу* и т. п. также можетъ являться и *о*[1], но въ запискахъ у меня, къ сожалѣнію, различные виды *о* не отличаются.

О переходѣ *ow* и *owy* въ концѣ слова въ дифтонгъ см. ниже.

Болѣе открытое, чѣмъ обыкновенно, произношеніе *o* я слышалъ одинъ разъ отъ одной дѣвочки въ Куровѣ въ сл. Со̀а̀нка (=Сонька); *a°* вм. *a* въ сл. сла°wъj см. выше.

ó=литер. ы̀ въ словѣ: но̀ичй, но̀ньшньj и т. д., но и *u*: ны̀ни, ны̀нчи. Ср. Соболевск. Лекц. 49, 73 и 94.

дубро́вă имѣетъ *o* общерусск. Въ ст.-слав. и ю.-слав. язз. въ этомъ словѣ *a*: дубрава (русское литературное дубрава и дуброва).

ó=литер. *á* въ сл. ро́внъj, ро́внй, ро́внюшкă. Здѣсь *o*—общерусск., между тѣмъ какъ литер. равный—книжное. Въ предл. ро́з: ро́звълѝни, ро́спуски, но ра́зум, также: ра́зи (=литер. развѣ) и ра́знъj. Послѣднее слово заимствовано изъ литер. яз. Слова производныя отъ „робъ“ (ст.-сл. рабъ) извѣстны только съ удареніемъ не на коренной гласной.

ó въ сл. лазо́ривъj (только въ пѣ.: „я рвала т̀вяты̀ лазо́ривằй) ср. съ литер. лазу́рь, лазу́рный.

Хош въ значеніи союза (=латин. vel) подъ удареніемъ попадается рѣдко. Не подъ удареніемъ: хўш и хъш. Въ одной пѣснѣ: „Хо́ш пе́j, хуш ле́j, хъж дамо́j вѝзи́“, въ другой: „хăш рябо́вă ю̀вѝд бу́ду“. (Подъ удареніемъ—*ó*, передъ удар.—*y*, въ слогахъ удаленныхъ отъ ударенія—*ъ*?)

ý. Отм. ударяемое *ý* въ сл.: нъкланýлъс, зъмануть=литер. наклонилась, заманить; *ý* въ этихъ сл. нефонетич. и заимствовано у словъ съ суфф. на *-ну-*, причемъ значеніе однократности, свойственое суфф. -ну-, является и здѣсь. При нăкланýть, зъмануть не скажутъ: кланýть, манýть. Слѣдовало бы ждать и наст.: нъкла̀но́ццă, зъма̀но́т, но такихъ формъ я не слыхалъ.

аткýл (или аткéл), = литер. отколѣ, могло заимствовать *y* изъ аткýдă, но, можетъ быть, здѣсь *y* древнее. Вообще, въ нарѣчіяхъ мѣста и времени замѣчательное разнообразіе гласныхъ: аттýдă, аттэ́дă, аттóл, аттýл; ац-

сю́да (суда́=литер. сюда), ацце́дă; аткю́л, аткё́л, аткё́л; пака́л, пакю́л; пакéдă, пакю́дă, патэ́дă и пр.

ъбанкрю́тиццъ—иностранное слово.

У Миши Байкова въ записяхъ ошибочно написано въ одной пѣснѣ: разъ красутка вм. раскрасотка (ръскрасо́ткă).

ы́ вм. ю́ въ сл. глы́пкă. глы́бжъ (не подъ удареніемъ обыкновенно *у*: глубо́къj, глубако́, глубжына́, рѣдко: глыбака́) и бы́ттă. Въ другихъ говорахъ въ этихъ словахъ *ы* тоже очень распространено. Филатовъ (т. 37, стр. 220) ставитъ первое изъ этихъ словъ въ связь съ старо-слав. глъбък, но русское *ы* въ этомъ положеніи не можетъ восходить къ о.-слав. *ъ*. Возможно, что *ы* зд. изъ *у* получилось фонетически. Ср. у Шахм. Ельн., ср. 88: лычинку, пролыбку, голыбъ. Слово бы́ттă, вѣроятно, понимается народомъ какъ быть-то. Такого же мнѣнія держится и Филатовъ (т. 37, стр. 219—220).

ы́ рядомъ съ *а́* въ окончаніи нарѣчій: туды́, суды́, куды́, и туда́, суда́, куда́, но всегда: када́, тада́ (таγда́, тагнда́. Впрочемъ, въ одной пѣснѣ и „никаγды́“), фсиγда́, инада́ и инаγда́. Конечно, здѣсь не переходъ *а* въ *ы*, какъ почему то думаетъ Филатовъ (т. 37, стр. 211), а старое *ы* (Ср. Шахмат. Отчетъ о прис. Ломон. пр. въ 1897 г., стр. 28).

Нѣсколько странное ы слышалось мнѣ въ одной пѣснѣ (Тобой,-милой, забыта): „А я млады́мла дэ́нъкă“. Слова — да вы́зръсту (= до тѣхъ поръ, какъ выростетъ), ср. литер. „возростъ“ (выз = вы+из?)

ы вм. *и*. Въ этихъ случаяхъ, по большей части, *и* перешло въ *ы* благодаря твердости предшествующей согласной, и потому это явленіе должно бы разсматриваться въ отдѣлѣ о согласныхъ. Ср. *ы* вм. *и* послѣ предлоговъ: в ы́збу, с ы́згъръди, с ыко́нъj. Такое *ы* является послѣ *р* въ словахъ: гры́п, грыбы́, кры́нкă, ры́гă и ръ́гă, скрыэ́ё́т и скръэ́ё́т, но: скръ́пкă, скръ́пъчкă. Послѣ другихъ согласныхъ *ы* въ давны́шнъj (ср. твердое *и* въ давно́, давны́м давно́), вы́шъ̀jă и вы́шъ̀jă (=вишни).

Наоборотъ *и* вм. литер. *ы*: мѝльэ̀стйнкă: „Пада́йти ми́льэ̀стйнку Христа ра́ди“, гдѣ является суфф. не -ын-, а -ин- (Ср. Шахм. Мосал. 208—„милыстину“ въ Ельн. гов. и др.).

ты́ркът при то́ркът и тырыка́т. Здѣсь ы́ не изъ *о*, а старое. Ср. србск. тȉр—ударъ, толчокъ [1]). Глаголъ ты́ркът, ты́ркъю отожествился съ глг. ты́кът и имѣетъ тоже значеніе. (Значеніе словъ: тыр и тырчки́ въ плясовой припѣвкѣ „Aj тыр, тырчки́“ мнѣ въ точности неизвѣстно, такъ какъ въ разговорѣ этихъ словъ я не слыхалъ. Слово „тык“ въ значеніи междометія отъ глаг. тыкать см. въ пѣ.: „Жилъ я у па́на“—„Мој бы́к то́лки ты́к“).

ˀ*у*, особенно часто *у* неударяемое иногда суживается въ ˀў (ü). Точно опредѣлить эти случаи не могу. Можно только отмѣтить, что ˀ*у* неударяемое и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не переходитъ въ ˀў, звучитъ все таки у́же, чѣмъ *у* безъ предшествующей мягкости.

Б. Гласныя слога, непосредственно́ предшествующаго ударенію.

Слогъ, непосредственно предшествующій ударенію, имѣетъ на себѣ побочное удареніе и притомъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ слогъ начинаетъ слово. Поэтому всѣ гласныя этого слога звучатъ довольно ясно. Несовсѣмъ ясный звукъ получается только послѣ шипящей передъ мягкой согласной. Впрочемъ, какъ исключеніе, побочное удареніе встрѣчается и на первомъ слогѣ слова не непосредственно передъ удареніемъ, причемъ слогъ, непосредственно предшествующій ударяемому, теряетъ свое побочное удареніе (примѣръ см. ниже).

---

[1]) Если это слово, дѣйствительно, србск. Въ русскомъ языкѣ сл. „тыр“ существуетъ, но только, кажется, въ поговоркахъ и т. п., ср. „тыр, тыр—семь дыр“.

а ПЕРЕДЪ УДАРЕНІЕМЪ.

1) *а* изъ *а*, *о* и *ъ* безъ предшествующей мягкости, не послѣ шипящихъ и *ц*, въ положеніи какъ передъ твердыми, такъ и передъ мягкими звуками, независимо отъ положенія въ начальномъ или неначальномъ слогѣ и отъ качества гласной слѣдующаго слога. Въ этомъ случаѣ произношеніе совпадаетъ съ литературнымъ. Какъ исключеніе, отмѣчу слышанную мной отъ одной дѣвушки (живущей зимой обыкновенно въ Москвѣ) единичную ф. а̀дн̓ъјо́ (вин. пад. ед. ж. р. отъ а̀ди́н, адна́), гдѣ вмѣсто а̀ (мы бы ждали: ъднàјо́ или ăднàјо́) въ предударномъ слогѣ благодаря переносу побочнаго ударенія на первый слогъ слова является *ъ* (глухой звукъ средняго ряда, болѣе открытый, чѣмъ *ы*) [1]).

Въ записяхъ пѣсенъ и сказокъ, сдѣланныхъ крестьянами, это аканье выражено очень ясно. Аннушка Акимова (см. записи) почти не употребляетъ въ этомъ положеніи другой буквы кромѣ *а*; Миша Байковъ безпрестанно путаетъ *о* и *а* и т. д.

2) *а* съ предшествующей мягкостью или шипящей изъ *ʾа* и *е*, а послѣднія изъ *ʾа*, **и**, **а**, *е*, *ѣ* и *ъ* передъ твердой согласной. Въ разбираемомъ говорѣ это аканье (вѣрнѣе: яканье) выдерживается нестрого; рядомъ съ *ʾа* можетъ явиться и *и* (а послѣ *ж* и *ш*—*ы*[ъ]), независимо отъ другихъ окружающихъ условій. Прим.: јаво́ и јиво́, јаму́ и јиму́, н̓ѝчаво и н̓ѝчиво́, тряпа́т и трипа́т; рябо́ј, хлябо́к, хлябо́чьк, Јаго́р (рѣже: Јиго́р), Јаго́рвнă, ъ̀ъ̀вяза̀т и а̀ъ̀виза̀т, Ръжаство́ (всегда съ *ʾа*), но Ръжд̊иство́ (всегда съ *и*), жала́нъј, бижжала́нъј, чижало́, жана́, жы̆ра́, и др., но всегда: јизы̆к, јимшы̆к.

---

[1]) Не нахожу удобнымъ возводить это *ъ* непосредственно къ *ы* и сопоставлять съ западнорусскимъ *ы*, *ъ*, *э* въ этихъ случаяхъ въ виду того, что въ томъ же положеніи мы не услышимъ тъјо́, самъјо́ и т. п.

Установить здѣсь какія-нибудь правила, при какихъ условіяхъ чаще *а*, при какихъ—*и*, кажется, нельзя, п. ч. только въ очень немногихъ словахъ въ этомъ положеніи постоянно одинъ и тотъ-же звукъ. Кажется, нпр., ляса́ рѣже, чѣмъ в лясу́, но провѣрить это было бы очень трудно, п. ч. такое произношеніе стоитъ въ зависимости отъ того, кто говоритъ, иногда отъ настроенія говорящаго. Можно только отмѣтить, что на „*и*“ въ такомъ положеніи побочное удареніе слабѣе, чѣмъ на „*а*“, ср. ъ̀в̀в̀иза́т̀ и а̀в̀виза́т̀, почти—а̀в̀виза́т̀. Приведу еще нѣсколько примѣровъ изъ записанныхъ мною пѣсенъ:

пята́к, пятро́ска̀я̀, па̀вязла́, ѝни бяру́т, вядро́, чи̯са́т̀ и ча̯са́т̀, шалко́ва̀, с̀лизо́ю и с̀лязо́ю, ва кл̀ино́ва̀j, ра̀с̀пива́ли (=распѣвали), к чаму́, ѝни жана́т, ѝвисяло́, кудрява́та̀j, па̀ гряха́м, ѝнѝвиса́ми, с̀лиза́ми, плиса́т̀и, гърява́т̀, дява́т̀, па̀нясу́, на̀двяза́т̀, ѝни л̀ита́л, пра̀тика́ла̀, ре̯ка́, жана́, жану́, вичаро́м и др. Различная степень аканья зависитъ отъ того, что пѣсни пѣлись разными лицами. Прослѣжу это явленіе по записямъ, сдѣланнымъ мною отъ отдѣльныхъ лицъ:

а) Семья Опенковыхъ. Старуха бабушка, родилась и прожила всю жизнь въ Парфенкахъ, и 3 дѣвки.

α) зилянова̀.

β) Старшая дѣвка: пъмярла́ жана́, чѝтвяры̀γ д̀ите́j, сяла́, жану́, с̀вякро́ви, с̀истру́ (2 раза), систра́ (тоже 2 раза), влюбляна́, ф̀с̀иγда́, живо́, лятамшы, ъдява́мшы, пъвязу́т.

γ) Вторая дѣвка: чарто́фкъ (во фразѣ: „Ацтаѝ вѝрблю́т, ка̀к чарто́фкъ л̀иса́ пъдл̀иц̀а́ица“).

δ) Младшая дѣвка: шалко́въj, т̀исо́въj, а̀ц̀ц̀иво́, javо́.

б) Миша Байковъ. Въ сказкахъ, записанныхъ мною съ его словъ: ж жано́ю, нявó, жана́, пъляза́j, javо́, зъвязу́. ѝничавó, вясно́ю, jаму́, жана́м, живó и др. Вообще, въ его произношеніи *и* въ такомъ положеніи почти исключительно только въ мѣстоим. живó, jиму́ (и то рядомъ съ javо́, jаму́) и въ немногихъ другихъ случаяхъ.

Въ записяхъ, сдѣланныхъ самими крестьянами.

а) Миша Байковъ. Въ его записяхъ я нашелъ только одинъ случай *и* вмѣсто *я*, *е*, *ъ* въ разбираемомъ положеніи, а именно, въ словѣ „ничиго“ въ сказкѣ про заклятую царевну. Въ виду обширности его записей и тѣхъ особенностей, о которыхъ ниже будетъ рѣчь, это написаніе слѣдуетъ или считать опиской („*и*“ подъ вліяніемъ „*и*“ перваго слога) или сопоставить съ распространеннымъ произношеніемъ јиво́, јиму́ по аналогіи съ другими формами того же мѣстоименія. Обыкновенно М. Б. пишетъ безразлично *е* и *ъ* въ разбираемомъ положеніи и очень рѣдко *я* (вмѣсто котораго тоже—*е* или *ъ*): его, ему и пр., ночевала, слѣдочкомъ, цветочекъ, лѣсу, рѣку, вѣрнутъ, пѣтухъ (нѣск. разъ), по селу, въ зеленомъ, ребую, кмостерамъ, попятамъ, смѣла, жена, леталъ, гнѣздо, емской, разпевай, верна, светой, снесу, зопрегай, взгленулъ, слепой и мн. др.

Орѳографич. *я*: попятамъ, плясать, въ три ряда, заряжалъ. Въ записяхъ 1898 г. у него есть нѣсколько случаевъ неорѳографическаго *я* и *а* въ томъ же положеніи: ничаго, чаго, призвяла, поклявать, пренясу, съ жаною (нѣск. разъ), жана, часать (2 раза), ни понясу и даже: ляму (т. е. ему́) Въ остальныхъ случаяхъ, т. е. не непосредственно передъ удареніемъ или же въ предударномъ слогѣ, но передъ мягкой согласной „*и*“ вмѣсто *е*, *ъ*, *я* у него не слишкомъ рѣдко. Такъ, онъ пишетъ: помиръ, болинъ, одиюсь, не можите и др. Передъ шипящими *ж* и *ш* у него тоже является *и*: за рижоной, побижалъ (нѣск. разъ), мишка и др.

Отсюда можно заключить, что написаніе *е*, *ъ* и *я* передъ твердой согласной въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенію, у Миши Байкова изображаетъ открытый неглухой звукъ, т. е. именно *а*, такъ какъ другого такого звука въ этомъ положеніи разбираемый говоръ не знаетъ.

б) Аннушка Акимова. Въ четырехъ случаяхъ въ разбираемомъ положеніи написано *я* или *а*: васлязахъ, чижало, взилянымъ, слядочки. Надо думать, что это написаніе въ этихъ случаяхъ соотвѣтствуетъ дѣйствительному произношенію. Въ другихъ случаяхъ при томъ-же положеніи она пишетъ *и*: распивали, тривожилъ, раздивались, блиснулъ, лисахъ, литахъ, писокъ, лисной, навсигда, пачиму. Во многихъ случаяхъ она пишетъ въ такомъ положеніи *е* или *ѣ*: слезою, чижело, лесу, цветокъ, цветочки, стрепѣхнулся, ево, да бела. Изъ этого правописанія видно, что яканье Аннушки Акимовой—смѣшанное, съ большей склонностью къ московскому иканью.

Другихъ записей здѣсь касаться не буду.

3) *а* съ предшествующей мягкостью или шипящей передъ шипящими *ж* и *ш*. Въ этомъ положеніи *а* является очень рѣдко: чижóлъj (не говоря уже о чижéлшь, гдѣ *ж* полумягкое), мишóк, мишкá, пишкóм. Никогда не говорятъ: чажóлъj, мяшóк, мяшкá, пяшкóм. Но иногда произносятъ: виряшкóм (при имен. все-таки вирижóк), шаᵉшнáццът, шаᵉшнáцътъj при шыᵇшнáцътъj. Въ обоихъ случаяхъ *а*, б. м., нефонетич. изъ вирягý (нá бирягý), бирягá и частój. Впрочемъ въ шашнацът *а*, б. м., и фонетическое изъ шаснáцът.

Приведу примѣры изъ записанныхъ мной пѣсенъ:

глижý, тишý, ришý, бижáли, мижóю, бирижóм, зáприжóм, дишóвáj, утишáит. Точно также *и* (не „*а*“!) слышится въ такихъ словахъ, какъ дифчóнкá, диржý. Наоборотъ, „сняшкú“ даже передъ к въ пѣ. „Сняшкú бéлы“, гдѣ *а*, б. м., нефонетич., изъ снягá, снягу (ф снягý и т. п.).

Въ записяхъ Миши Байкова: за рижоной, побижалъ, побижала, мишка, коришокъ. Въ заряжалъ *я* орфографическое.

Послѣдовательное проведеніе *и*, а не *а* послѣ мягкой въ предударномъ слогѣ въ положеніи передъ шипящими *ш* и *ж* въ описываемомъ говорѣ находится въ противорѣчіи съ появленіемъ въ ударяемыхъ слогахъ передъ шипящей *о*, а не *е*. Переходъ *е* въ *о* послѣ мягкихъ со-

гласныхъ завершился прежде появленія аканья, слѣдовательно, въ томъ говорѣ, къ которому восходитъ описываемый говоръ, шипящія въ эпоху появленія аканья были уже твердыми.

4) *а* послѣ *ц* изъ стараго *а* и *о* (а послѣднія являлись главнымъ образомъ послѣ *ц* новаго происхожденія изъ *цс* или *тс*, такъ какъ старое *ц* было мягкимъ) при всякомъ положеніи: царя́, ца̀ро́къ, пѣццава́ть (или: пѣцсава́ть), сюда же слѣдуетъ отнести и цалу́j, пѣцалу́ишь, въ которомъ изъ описываемаго говора нельзя опредѣлить происхожденіе *а*, но изъ Московскаго и сѣв.-русскаго произношенья видно, что здѣсь еще обще-влкр. *о* (ср. Шахм. Изсл. 161—162). Изъ стараго *ъ*, *ѣ* (изъ **а**) и *е* звукъ *а* послѣ *ц* является только въ положеніи передъ твердыми:

царко́внъj, цапа́, цапо́чкъ̀, цалко́въj, цана́, „вѐс̀ лицо́ ъпцапа́лъ̀“ и пр., но: уцыле́л, цырква́м, цыпе́, цыне́ и пр. Впрочемъ, у нѣкоторыхъ лицъ въ данномъ случаѣ возможно московское произношеніе, т. е. при царя́, цалу́j—цыърко́внъj, цыъпа́, цыъпо́чкъ̀ и пр.

Передъ *ц* гласныя произносятся, повидимому, также, какъ и передъ мягкими согласными, хотя достовѣрныхъ примѣровъ привести не могу. Въ сл. jица́ (=яйца) *и* явилось еще передъ j; рядомъ съ обычнымъ выговоромъ винца́, мисца́, кажется, возможенъ выговоръ и: вянца́ (=вѣнца), но *а* сюда могло попасть изъ вянка́, конечно, уже послѣ того, какъ *ц* отвердѣло. Ср. выше: вѝряшко́м и сн̀яшки́.

5) *а* съ предшествующей мягкостью или шипящей передъ слѣдующей мягкой согласной въ описываемомъ говорѣ не встрѣчается само по себѣ. Впрочемъ, въ двухъ словахъ я слышалъ нѣсколько разъ въ этомъ положеніи *а*: пус̀тя̀ки́ (хотя обыкновенно все-же говорятъ: пус̀тѝки́) и жа̀хи́ (вм. обычнаго: жаха́—им. мн.). Въ обоихъ случаяхъ *а* нефонетически изъ другихъ формъ, да и то больше случайно. Въ словѣ „грябли́“ („дѐ грябли́ дис̀ти́ны ты“ — слышалъ одинъ разъ отъ одной дѣвочки) *б*

звучало твердо и, слѣдовательно, не было препятствій для появленія здѣсь *а* (хотя не вполнѣ фонетическаго, а по аналогіи съ грябла́, ср. тепли, а не топли). Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ гласныя *а* и *е* старыя въ этомъ положеніи переходятъ въ *и*, а послѣ шипящихъ и *ц* (изъ мягкаго *ц*)—въ *ы*[ъ] [1]) и такимъ образомъ совпадаютъ (послѣ шипящихъ и *ц* не совсѣмъ) съ гласной *и* въ томъ же положеніи. Прим.: вирѝ, книгѝни (книжѝни), тивѐ, писо́т, питóркă, дисити́, ривѝнъ, шы[ъ]ли́т, шы[ъ]сти́, чпјку́, жы[ъ]ле́т, жы[ъ]ле́зъ, жы[ъ]не́, жы[ъ]ни́ццъ, цыди́т, цы[ъ]не́ и пр.

е предударное никогда не переходитъ въ *а* въ частицѣ *не* и въ предлогахъ: без, черес, пере, перед. Прим.: биз го́ду (или: бе́з гъду), бизу́мнъј, чѝриз го́т (чаще: чѐрѝз гот), пѝривó̀зьт, пѝриноśьт, пѝрихо́т, пьрид до́мъм, пьриу́лък, ни хо́ицă, ни сто́ит, ни зна́ю, нила́днă, нидо́бръј, нивóля и др. На предлоги пред и пре, встрѣчающіеся въ книжныхъ словахъ, примѣровъ не привожу, п. ч. они по большей части поняты, какъ „при“.

Предлогъ *для* сохраняетъ *а* только подъ удареніемъ. Такіе случаи извѣстны только изъ пѣсенъ: „Я ни для́ тибя сади́ла, ни для́ па̀ливала̀“. Передъ удареніемъ: дли: дли нас, дли домă, дли другă и пр.

е въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенію мнѣ слышалось нѣсколько разъ при пѣніи, а именно: развесо́лăј съла́вéј. (Въ пѣ: Ты не пой-ко безо время Розвеселый соловей), ăтпе[а]рла́, си[е]рдéчушкъ. (Милаи падрушки—Парф.), ре[а]ка́ (Мимо милого крылечка). Въ разговорной рѣчи такое произношеніе встрѣчается очень рѣдко, при особомъ, дѣланномъ тонѣ рѣчи, причемъ, конечно, *е* можетъ слышаться и вмѣсто стараго *и*. Впро-

---

[1]) ъ=*і* глухому открытому, какъ бы *і*[ѳ]; ы[ъ]—ъ*і*, склонное къ этому звуку, т. е. болѣе открытое и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе мягкое.

чемъ, произношеніе a^{e} вм. *а* предъ ударе́піемъ возможно и при обычномъ произношеніи.

о передъ ударе́піемъ не встрѣчается, кромѣ какъ въ самостоятельныхъ словахъ, нпр.: он бы́л, wot. о́н и т. п.

и въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударе́нію звучитъ всегда, какъ *и*, а послѣ шипящихъ и *ц*, какъ звукъ средній между *ы* и *и*, какъ и подъ ударе́піемъ. (Так. обр. въ жы^{ъ}не́ и жы^{и}тjо́ слышатся два близкихъ, но не вполнѣ совпадающихъ звука.).

у вм. *ы* въ предударномъ слогѣ: къ̀лубе́л, чьлуша́, при имен. ед. чалы́ш; мужука́, мужуты́ при им. ед. мужы́к. (Впрочемъ, Миша Байковъ произноситъ также и „мужыки́“, м. б., подъ вліяніемъ школы, а потому и пишетъ: „мужеки“ и „мужики“); кружо̀вник (чаще: грыжо́вник). Въ къ̀лубе́л и чьлуша́ *у* послѣ *л*—фонетически, такъ какъ вообще *у* и *ы* послѣ *л*, м. б., при наличности нѣкоторыхъ другихъ условій, нерѣдко чередуются. Ср. глы́бжъ и глубо́къj, также ср. Шахм. Ельн., стр. 88; Филат. Ворон., т. 37 стр. 219, и др. О сл. „мужука́“ см. у Шахм., Мосал. стр. 174 и 207. Въ сл. „кружо̀вник“, если въ корнѣ было *ы*, появленіе *у* нефонетич.: понятно стремленіе осмыслить слово, п. ч. основы крыж- въ русск. яз. нѣтъ. Такъ какъ *ы* вообще склонно къ чередованію съ *у* при многихъ условіяхъ, то легко было отожествить основу этого слова съ основой словъ: кру́шка̀, кружы́т, кружно́j, кружава́ и пр.

у вмѣсто *а* изъ стараго *о*: жура́ф, мъгута́, лъбуда́ (ср. млр. лобода́. Значеніе этого слова въ описываемомъ говорѣ мнѣ не извѣстно въ точности. Это—что то въ родѣ презрительной клички. Въ приб.: „Паъ̀фо́нкъска лъбуда́, ѣи хади́ти к намъ суда́“). Въ послѣднихъ 2-хъ словахъ *у* вм. *а* явилось, б. м., подъ вліяніемъ предшествующихъ *г* и *б*. (См. Шахм. Къ исторіи звуковъ, стр. 712). Впрочемъ, въ мъгута́ *у* могло явиться по аналогіи съ магу́ч, магу́, а можетъ быть даже и первоначальное, ср. сѣв.-влкр. могу́тной.

Сл. бурдо́въj (=цвѣта бордо́)—иностранное; *у* здѣсь

или по аналогіи съ „бурда“, или фонетически послѣ *б*. Могло быть такъ, что слово, услышанное въ видѣ бордо́ (bo¹rdо́¹) было воспринято, какъ бурдо́. Вообще, встрѣчая *у* вм. *и* и *ё* въ словахъ иностранныхъ, заимствованныхъ въ новѣйшее время, слѣдуетъ имѣть въ виду подлинное (иностранное) произношеніе этихъ словъ. Извѣстно, что ю.-великоросы, передразнивая сѣв.-влкр. и млр. произношеніе, выговариваютъ въ такомъ случаѣ *у* вмѣсто безударнаго *о*.

сурјо́знъј (=неуступчивый, требовательный, сердитый)=франц. sérieux. Это „су-“ теперь-чувствуется, какъ приставка. Въ воронеж. насюрьёзна (Филат., т. 37, стр. 200) на мягкость *с* могъ повліять другой выговоръ того-же слова, или же тамъ *с* ассимилировалось по мягкости слѣдующему р̓.

Приставка *су-* въ предударномъ слогѣ въ сл.: сугорбинъј. Въ сл. сасе́т, сасе́ди, сасе́душкă, сасе́ткă обыкновенно предлогъ *са* (*сз*), рѣже *су*: сусе́душкă (ср. ст.-сл. сѫсѣдъ); также: согла́снъј и сугласнъј (ср. въ пѣ.).

ў въ словѣ трюми́ нефонетич. по аналогіи съ двуми́.

а на мѣстѣ литер. *ы*—въ словѣ рача́к, ръчьга́. Ср. въ Тульск. губ. Ефрем. и др.: ро́чьк или ро́чьх, ро́чьгă (ро́чьγă).

В. Гласныя слоговъ, не предшествующихъ непосредственно ударенію.

Такъ какъ, обыкновенно, на этихъ слогахъ не бываетъ побочнаго ударенія, то большая часть гласныхъ слышится глухо. Изъ гласныхъ въ этомъ положеніи можно различать *а* (въ очень рѣдкихъ случаяхъ), ă, т. е. *а* очень глухое, *ъ* — глухой открытый звукъ средняго ряда, *ъ*ᵘ въ нѣкоторыхъ положеніяхъ, ы — по большей части очень глухое, иногда склонное къ *ъ*, и ў — послѣ твердыхъ согласныхъ. Послѣ мягкихъ: *а* (въ очень

рѣдкихъ случаяхъ), ă, ĭ, т. е. *и* глухое, склонное къ *ъ*, *ъ* (см. выше), ŭ и ў. Въ двухъ-трехъ словахъ мнѣ слышались *о* и *е*, но только при пѣніи.

Глухія гласныя при пѣніи могутъ переходить въ гласныя ясныя или болѣе ясныя, чѣмъ, какими онѣ являются въ разговорной рѣчи. При этомъ *ъ* и $ъ^{у}$ обыкновенно переходятъ въ *а*, а *ъ* въ *и* (въ рѣдкихъ случаяхъ тоже въ *а*), остальныя только теряютъ глухое произношеніе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ какъ будто при пѣніи и ы переходитъ въ *а*, но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ, п. ч. въ этихъ случаяхъ и въ разговорѣ слышится не *ы*, а *ъ*.

а, ă, *ъ* и $ъ^{у}$ сами по себѣ являются въ тѣхъ же случаяхъ, въ которыхъ въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенію является *а* при одинаковости всѣхъ остальныхъ условій (впрочемъ, послѣ шипящихъ вмѣсто *ъ* слышится и *ъ*). При этомъ ă и *а* являются при извѣстномъ положеніи не постоянно, а только, какъ проясненіе *ъ*, преимущественно въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Въ открытомъ слогѣ въ концѣ слова, а) въ окончаніи имен. един. жен. р. безчленныхъ именъ прилагательныхъ, напр. въ отвѣтѣ на вопросъ: Ты чья?—Горскъска, Савѣ̆льска, зъдѣ̆шня, или въ употребленіи ихъ въ значеніи членныхъ, напр. мӑлйнка, Паръфо́нкъска и пр. Ср. ясное „*и*“ въ томъ же положеніи въ имен. множ.: ма́лйнки и т. п., б) въ личныхъ формахъ возвр. глаголовъ: баю́са, дирро́сса, ката́йсса, ката́йцца, хо́цца при infin. дра́ццъ, ката́ццъ, баяццъ. Но и это проясненіе является больше въ концѣ фразы; въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ окончаніе *-са* употребляется наряду съ простымъ *-с* (т. е. въ 1-мъ л. ед. ч. и, рѣже, въ ф. жен. р. прош. вр.), это *а* почти всегда ясно. Сколько мнѣ удалось замѣтить, ф. на *-са* послѣ гласной попадаются только въ концѣ фразы, в) въ частицахъ: *жа* (=же), *ба* (вм. бы), главнымъ обр. въ концѣ фразы, и въ имен. пад. ед. жен. р. постпозитивнаго члена: *та*. г) иногда послѣ j въ словахъ: двоя́, троя́, скарея́ и т. п.; рѣже: поля́, моря́ и т. п. изъ *е* (не *ъ*),

и *а*; поэтому: на́ пъля, ф по́лѣ—вин. пад., но: на́ пъли, ф по́ли—мѣстн. пад. Въ остальныхъ случаяхъ *а* на концѣ словъ изъ стараго *а*, *о*, *е* рѣже. Во 2 л. множ. глаголовъ, въ оконч. сравн. ст. послѣ согласныхъ, въ оконч. имен. множ. существит. на *-не* и изъ стараго *ъ* — всегда *и*. Особо стоитъ што́-ля. Въ отмѣченыхъ случаяхъ ясность *а* вызывается, можетъ быть, больше реторическими причинами. Въ этомъ отношеніи описываемый говоръ слѣдуетъ отличать отъ нѣкоторыхъ ю.-влкр. говоровъ, въ которыхъ послѣдній открытый слогъ получаетъ побочное удареніе (къ такимъ говорамъ относятся всѣ тѣ, гдѣ слышится *-тя* во 2 л. мн. ч. глаголовъ, *-уя* въ вин. п. жен. р. прилаг. и т. д.).

2) Въ закрытомъ конечномъ слогѣ только иногда въ окончаніи имен. п. ед. ч. прилаг. муж. р.: до́брӑj, здаро́вӑj, сиро́бинӑj, главнымъ обр. въ концѣ фразы.

3) Въ открытомъ началѣ слова: аѣвиза́т, аѣвирну́т при ъѣвяза́т, ъѣвярну́т. Кажется, *а* въ началѣ слова слышится глуше (т. е., какъ *ъ*) въ открытомъ слогѣ передъ слогомъ съ гласной *а* и нѣсколько яснѣе въ остальныхъ случаяхъ. Напр. акули́нӑ, ӑгурцы́, атруби́т, аццыни́т, аѣмишу́лилъс (= ошиблась), ӑбману́т, ӑвдати́м, но ъгаро́х, ъгаро́т. Вообще, условія появленія *а* или *ъ* для меня несовсѣмъ ясны. Нѣкоторый матеріалъ для того, чтобы разобраться въ этомъ, можетъ быть, дадутъ записанныя мною сказки, хотя онѣ могутъ дать понятіе только о произношеніи одного лица; другіе, можетъ быть, говорятъ несовсѣмъ такъ.

На появленіи *а* въ пѣсняхъ не стану долго останавливаться. Отмѣчу только слѣдующіе примѣры:

маъчи́шачка, бидня́жачка, мана́шанки; шалава́т;

нака́жат, пи́шат, пля́шат, машат;

Ми́шана, Гри́шанаj, вѣроятно, подъ вліяніемъ словъ на -енка и -ѣнка; на сухо́j аре́шани.

Окончаніе не только имен. един. жен. р., но им. мн. прилагат. на *ая*: бе́лая, ми́лая, зило́ная; Ми́нински рибя́ты—чиряпа́хи би́тая, а Паръфо́нкасти рибя́ты, как канфе́-

ты ви́тая и пр., ср. въ записи Миши Байкова: развеселая глаза. Впрочемъ, обыкновенно, оконч. им. мн. прилаг. *-аги*, восходящее къ разговорному *-ъй*

висо́лами гла́сками, то́плам ква́сам, ф. чи́стам по́ли, в на́шам и пр.

го́ря, мо́ря, по́ля, ба̀лшо́я. зде́ся, ср. въ записи Миши Байкова: ни горя; но: бо́ли, ме́ни, кре́пшы, иди́ти, де́лъ̀ти и пр., также: в до́ми, кро́ми, по̀сли.

ъ самъ по себѣ въ неударяемомъ слогѣ въ положеніи не непосредственно передъ удареніемъ получается при тѣхъ же остальныхъ условіяхъ, при какихъ въ предударномъ слогѣ является *а* безъ предшествующей мягкости. Но благодаря глухому произношенію всѣхъ безударныхъ слоговъ возможенъ переходъ *ъ* въ *ы* и обратно (конечно, не произвольно). *ы* вмѣсто *ъ* могутъ иногда являться послѣ шипящихъ. Ср. *ы*[ъ] послѣ шипящихъ въ предударномъ слогѣ.

ъ вм. *ы*: 1) *бъ*, проясняющееся въ *ба* (никогда: бы!). Прим. „ja бъ у Ма́шки вѐс се́нъ ад̀ви́лъ ба“, „γо́спъ̀дй, къ̀бъ зна́тъ тӑ!“ Въ пѣ.: я бъ радъ, што́бъ̆, кабъ̆ зна́ла въ сказкахъ, записанныхъ мной, сл. бъ̆—нѣсколько разъ. (Ср. Филат. Ворон., т. 38, стр. 259; Шахм. Изсл. 291—292 и др.).

2) Въ приставкѣ *въ-* (= вы). Причины перехода — фонетическія, п. ч. непосредственно передъ удареніемъ: *въ*. Приведу нѣсколько примѣровъ изъ пѣсенъ: въраста̀т, вабира́йт, ваступа́йт, ваганя́лъ̆ я каро́ф на расу́, с̀няшк̀и́ бе́лы вапада̀ли, васпра́шава̀ти и пр. Миша Байковъ пишетъ въ этомъ случаѣ и *ва*, *во* и *въ*: ванимаетъ, вобѣгайте, вобѣгаетъ, давожимаетъ (въ сказкахъ); выгоняли, выкликаетъ, вынимаетъ и др.

3) Въ сл. нѣ́бълъ, при́бълъ, у́бълъ вм. нѣбыло, прибыло, убыло. Ср. въ пѣ: „Ф чи́стам по́ли х убъ̆ла̀“ или „В на́шам палку́ при́ба̀ла̀“ и пр. Эти формы, извѣстныя и изъ другихъ говоровъ (см. Шахм. Изсл. 291—292; Филат. Ворон. т. 38, 259—260), объясняются сильнымъ ослабленіемъ глагола *быть*, такъ какъ все значеніе пере-

тягивается на приставку или отрицаніе, а формы глагола *быть* служатъ только какъ бы суффиксами формъ спряженія. При этомъ звукъ *ъ* или ă явился вмѣсто *ы* по аналогіи съ многочисленными глаголами на *-ать*, *-овать*, *-ывать* и пр., напр. бѐгълă, дýмълă, дѐлълă, и пр.

4) Въ ф. глг. вы́мъ̀т, вы́мъл (=вымыть, вымылъ. Миша Байковъ пишетъ: вымать, вымалъ), вы́рълъ, вы́шълъ (=вышилъ, сравни въ пѣ: вы́шала), вы́шът, вы́шъты (=вышитъ, вышиты. Въ одной пѣснѣ запис.: „вышаты“). Во всѣхъ случаяхъ *ъ* вмѣсто *ы* въ слогѣ, слѣдующемъ за приставкой *вы*. Филатовъ (т. 38, стр. 259—260) объясняетъ такія формы (у него отмѣчено: вымалъ и выралъ) диссимиляціей *ы* съ *ы* перваго, ударяемаго слога. Не знаю, слѣдуетъ ли допускать въ данномъ случаѣ такую диссимиляцію, но эти формы скорѣе всего образованы по аналогіи съ глаголами на *-ать* (ср. выше о гл. нѐбълă и пр.). Аналогія эта усиливается совпаденіемъ формъ наст. вр. этихъ глаголовъ съ ф. наст. вр. гл. вымою и т. п. Такимъ обр. дýмъю, дýмъйш : вы́мъю, вы́мъйш (правильно изъ вы́мою, вы́моешь) = дýмъ̀т, дýмъл : вы́мъ̀т, вы́мъл. Для вышъты такая аналогія тоже допустима, п. ч. глаг. на *-ать* въ описываемомъ говорѣ могутъ образовать прич. страд. на *-т-*: зáгнът, вы́брът и пр.

5) Въ глагольномъ суфф. *-ыва-*. По всей вѣроятности, этотъ суфф. смѣшанъ съ суфф. *-ова-*. Получила преобладаніе ф. *-ъвъ-*, а не *-ывъ-*, какъ болѣе слабая, п. ч. и безъ того основа глагола съ этимъ суфф. становится слишкомъ утомительной для произношенія. Прим.: пъджужýкъвът, он сни́съвът. Другіе примѣры см. въ пѣсняхъ: спрыскавайт, всыскавайт и т. п. Миша Байковъ пишетъ: поцúповала, прехлебовала, но также: похаживала.

6) Въ косвенныхъ падд. прилагат. вмѣсто *-ых*, *-ым*, *-ыми* слышится *-ъх* (въ пѣ.: *-ах*), *-ъм* (въ пѣ.: *-ам*), *-ъми* (въ пѣ.: *-ами*), по аналогіи съ соотвѣтствующими фф. существительныхъ. Такимъ обр. въ ф. на *-ъм* въ ед. ч. совпадаютъ падд. твор. и мѣстн. (Ср. Филат. т. 38, стр. 260) или по другимъ нефонетическимъ причинамъ (См.

въ морфологіи). Приведу примѣры изъ пѣсенъ: изъ бе́лах ру́к, вис о́лами гла́сками, кра́снъм де́вушкам, топлам ква́сам. Ср. въ одной пѣ., записаной Аннушкой Акимовой: подракитавамъ, и др.

7) Въ пѣ., записанныхъ мною: Гри́шанај лю́лки, Ми́шана, аре́шани. Въ разговорной рѣчи этому должно соотвѣтствовать: Ми́пъна, Гри́шъна, аре́пъна. *ъ* могъ попасть сюда по аналогіи со словами на *-енка* и *-е́йка*. Можетъ быть, здѣсь имѣетъ значеніе положеніе послѣ шипящей; въ такомъ случаѣ сюда слѣдуетъ отнести и отмѣченное выше: вышаты. Въ пѣсенныхъ: ма́шат, пляшат звукъ *а* болѣе или менѣе правиленъ, изъ ма́шот, пляшот, хотя въ разговорной рѣчи слышится скорѣе ма́шьт, пляшьт, чѣмъ машът, пляшът.

8) хлъстану́т или хвъстапу́т=литер. хлыстнуть. Возможно, что здѣсь *ъ* изъ стараго *ъ*. Ср. хлестать изъ хльста́ти.

9) выіграш — въ сказкѣ, = выигрышъ.

Объ окончаніяхъ прилагат. *-ъј* (им. ед. муж. р.) и *-ъи* (имен. мн.) см. въ морфологіи.

ы вм. литер. *а:* су́дыр (въ пѣ.). Это *ы* могло явиться по нефонетическимъ причинамъ (см. въ Морфол.).

ъ въ соотвѣтствіи съ литературнымъ *у:* ийрикъ-вырну́лъс, о́мът (Миша Байковъ пишетъ: омотъ), бъравийкă. Въ первомъ случаѣ смѣшаны два сходныхъ корня. Ср ковыря́ть, коверкать при кувыркаться. Слово омутъ (ст.-слав. омжтъ) извѣстно не съ *у* и въ другихъ ю.-влкр. говорахъ. Можетъ быть, оно сближается въ народномъ пониманіи со сл. мотать, мотокъ, заключающими понятіе вращенья; тогда омотъ=водоворотъ. Въ сл. бъравийкă звукъ *ъ* совершенно правильно изъ *о* (См. Соболевск. Лекціи, стр. 68).

ъ^{у} является въ окончаніи 1 л. ед. ч. и 3 л. множ. ч. глаголовъ на *-ую* и *-аю* и, частью, вин. ед. ж. р. прилагат. на *-ую*. Въ послѣднемъ случаѣ чаще простое *ъ* открытое. *ъ*^{у} въ 3 л. мн. глаголовъ объясняется ассимиляціей *ъ* изъ *а* звуку ў слѣдующаго слога, а отчасти и аналогіей съ глг. на *-ую* (изъ двухъ ф., на *ую* и *ъю* получилась какъ бы одна средняя, на *-ъ*^{у}*ю*. Но одной аналогіей это *ъ*^{у} объяснять нельзя, такъ какъ никакая аналогія не порождаетъ новыхъ звуковъ). При этомъ *j*, находящійся между этими 2-мя гласными, является тѣмъ слабѣе, чѣмъ сильнѣе асссимиляція *ъ* слѣдующему *у*, или наоборотъ, чѣмъ слабѣе *j*, тѣмъ *ъ* болѣе склонно къ *у*. Ассимиляція *ъ* слѣдующему ў, повидимому, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ударепіе дальше отъ конца слова. При полной ассимиляціи *ъ* и *у* можетъ происходить стяженіе. Прим.: ви́лы торкъ^{у}jут, абе́дъ^{у}ют и пр., у́жынўют, по́лзўют (3 л. мн. ч.; 3 ед: по́лзъит). Но Миша Байковъ пишетъ въ этихъ случаяхъ *а*: повариваютъ, подговариваютъ (впрочемъ, оба случая въ пѣсняхъ, которыя онъ записывалъ, кажется, съ голоса).

Прим. стяженія: за́фтрикўют и за́фтрикўт, завидъвўт и завидъвўют, по́ччйвўт (вм. литер. завидуютъ, поччуютъ) выйгрывў.

Что касается глаголовъ на *-овать*, то въ нихъ, кажется, чаще просто ў (т. е. *у* глухое), чѣмъ *ъ*^{у}: пра́зпўют, про́бўют и пр., если только въ наст. вр. не является новообразованіе на *-въъ*^{у}*ю*. ср. выше по́ччйвўт.

Въ формахъ вин. ед. ж. р. на *ъю* (рѣдко: *ъ*^{у}*ю*), наоборотъ, является какъ бы диссимиляція гласныхъ, причемъ 1-я гласная измѣняется въ *ъ*. Въ другихъ ю.-влкр. говорахъ—обратная диссимиляція: измѣняется не первое *у*, а второе: каку́я, худу́я, зилянў́я и рѣже: до́бруя и пр. (Такое произношеніе извѣстно, между проч. въ Тульской, Рязанской, Калужской, Воронежской губ., въ Обоян. у. Курской губ. и др.), причемъ нерѣдко *-у́я* только подъ удареніемъ, а не подъ удареніемъ: *-а́ю*. (Ср. Рѣзановъ, Курск. Обоян., стр. 117; Филат. Ворон.,

т. 37, 221—222 и др.). Быть можетъ, вин. па -ью, -аю восходитъ еще къ старинному винит. на -ою, извѣстному по ркп. еще съ XIV—XV в. (См. Шахм., Новгор. грам. § 38). Если это такъ, то слѣдовало бы ожидать въ говорахъ вин. па -ою и подъ удареніемъ. Шахм. въ статьѣ о Мосал. гов. упоминаетъ о діалектич. вин. худою (стр. 205), но, къ сожалѣнію, не говоритъ, въ какомъ говорѣ онъ встрѣтилъ эту форму. Вообще же это окончаніе винит. извѣстно только въ положеніи послѣ ударенія, между прочимъ, и въ сѣв.-влкр. говорахъ (Ср. Матер. № 40, Самар. у.). Происхожденіе этой формы объясняется аналогіей съ формами другихъ падежей, гдѣ является *о* (всѣ косв. падд. ед. ч. ж. р., род., дат. и мѣстн. ед. ч. м-ср. р.). Этой аналогіей вызывается и то, что *ѣ* въ -ѣю—открытый, а не склонный къ *у*.

Послѣ мягкой согласной въ вин. един. ж. р. прилагат. не подъ удареніемъ: -ью, рѣже ь^{у}ю, а при нѣніи—ию. Послѣ шипящихъ *ж* и *ш*: ью, рѣже ь^{у}ю, при нѣніи—аю.

Примѣры будутъ приведены тамъ, гдѣ будетъ говориться о прилагательныхъ.

О неударяемое отмѣт. въ нѣснѣ: „не́рвоj садик“. Здѣсь, собств., двойное удареніе. Такое же неударяемое *о*, но только при нѣніи, можетъ являться и у другихъ прилагательныхъ съ подвижнымъ удареніемъ.

У вм. литер. *ы*:

1) въ сл. сурав́ешкă (=сыроѣжка)—едва-ли фонетич. Нѣтъ ли здѣсь аналогіи со словомъ суро́вăj?

2) въ суфф.—ушк, въ которомъ тк. обр. совпали старыя: ушк и ышк. Прим.: со́лнушкă, ко́лушки (им. ед.: ко́лушък), с^{ъ}то́клушкъф, кры́лушки, ро́брушкă, со́мушкă (имя собств.), суд^{ъ}о́нушкă (ср. въ записи Миши Байкова: „суденушко“ въ одной нѣснѣ), ка́мушък, мя́кушкă (при: мя́кьш) и др. Отм., что Миша Байковъ пишетъ въ

одной пѣснѣ: „у голубошки“. Это написаніе не соотвѣтствуетъ выговору; *у* въ суфф. не написано потому, что въ предыдущемъ слогѣ написано тоже *у*, а *о* взято изъ 1-го слога. Слѣдовательно, здѣсь зрительная диссимиляція, аналогичная съ ассимиляціей согласной слѣдующаго слога въ: „жужъ“ (въ его же записи).

У вм. *ъ* (изъ *а*, *о*): кумара́, кумаря́, кума̀ри́ и пр., кумаро́пък, кумаро́чък при им. ед.: кама́р, ср. глг.: ра̀скама̀ривала въ одной плясовой пѣснѣ; чубата́ми (только въ пѣсняхъ; въ разговорной рѣчи неупотреб.); тубаре́тка̀, думавни́чьт̀, кузпаче́йства̀, а̀къ̀лубине́т̀ (= околобенѣть? ъ^а̀къ̀лубине́ла̀ зимля́, т. е. стала твердой, не въ прорѣзъ сохѣ), и иногда въ другихъ словахъ по сосѣдству съ губными, п. ч. эти звуки, находясь въ неударяемомъ слогѣ, подвергаются лабіализаціи: бугачо́wy кри́нъчкy̆ (приб.), пъ^ълсапо́шки, штy̆п па̀спе́ли, шш^ъбъ wо́лк нютащил, га̀сти́нцъ^в да́м и др. (См. Шахм. Къ исторіи звуковъ, стр. 712). Но также: ба̀гачо́ва (пѣ.). Наоборотъ, *а* вм. *у*: дабавы́и сундуки́ (свад. пѣ.), мажучо́къ (въ одной пѣ., единичный случай), — въ обоихъ по сосѣдству съ губной. со́лнушна̀j (ср. пацсо́лнух) рядомъ съ: со́лнъчна̀j (послѣднее только въ одной пѣснѣ и то только отъ одной бабы). Но, наоборотъ: ра́дъшнъj (Миша Байковъ пишетъ и радушенъ и нерадошна, нерадошное. Я слышалъ только съ *-ъ-*).

Предложная приставка су- (ст.-сл. сѫ-): сумлява́ццъ, пъсумлява́лсъ, супра̀ти́вник, супра̀ти́ф (обыкновенно, съ другимъ удареніемъ: насу́прътьф), и др. См. также выше. Въ литературномъ яз. эта приставка по большей части замѣнена однозначущей приставкой *съ*, оставшись, кажется, только въ сл. супру́гъ. Ср. ст.-сл. оусѫмьнѣтисѧ, сѫсѣдъ и др. вы́гнут̀, вы́гнули (=выгнать, выгнали), пр.: „риба́ты̀ пашлѝ вы́гнулѝjо́“. Здѣсь *у* нефопетич.

е неударяемое рѣдко. Ср. въ одной пѣснѣ: но́жейку, но́жейки, но тамъ-же: ми́линкàj, ма́минка. Въ разговорной рѣчи очень рѣдко является такое произношеніе,

при которомъ всякое *и* и *е* неударяемыя произносятся, какъ *е*.

ъ вм. ў (ў)—же́ўчьк или зе́ўчьк. Но говорятъ и: же́ўчўк.

ў вм. ъ (й) нефонетич.: де́ўюшки при болѣе частомъ: де́ўньшки. Здѣсь *у* по аналогіи со словами, имѣющими суфф. -ушк.

у и ў въ 3 л. мн. ч. глаголовъ 2-го спр., по аналогіи съ глаголами 1-го спр. (а также для диссимиляціи съ 3 л. ед. ч.), какъ и въ большинствѣ ю.-влкр. говоровъ, а кое-гдѣ даже и въ сѣв.-влкр. говорахъ. Примѣры см. въ морфологіи.

Вообще надо замѣтить, что звуковыя явленія въ слогахъ удаленыхъ отъ ударенія плохо поддаются систематизаціи. Условія для ассимиляціи и диссимиляціи гласныхъ, а также и для всякихъ звуковыхъ переходовъ по аналогіи въ этихъ слогахъ болѣе удобныя, чѣмъ въ ударяемомъ и предударномъ слогѣ: произносясь глухо, гласныя легко переходятъ одна въ другую, сливаются, иногда вовсе выпадаютъ; всѣ эти явленія зависятъ также отъ интонаціи рѣчи, отъ положенія слова во фразѣ и другихъ условій, которыя уловить и тѣмъ болѣе отмѣтить на бумагѣ невозможно.

Судьба старыхъ ъ и ь. Вставка и выпаденіе гласныхъ.

Съ гласными, получившимися изъ старыхъ (о-слав.) ъ и ь, въ описываемомъ говорѣ, какъ и въ большей части сѣв.-влкр. и въ сѣв.-вост. половинѣ ю.-влкр. говоровъ, совпали гласныя, получившіяся изъ тѣхъ общерусскихъ гласныхъ, которыя акад. Шахматовъ опредѣляетъ, какъ ирраціональныя *ы* и *и* болѣе открытыя (см. Шахм. Мосал. 195 слл.; Энцикл. Слов., полут. 55, стр. 572). Тк. обр. говорятъ, какъ и въ литер. яз.: мо́ю,

крóю, шéјь, нéј, злóј, худóј, а также: дóбръј (не: дóбрыј!) или дóбрăј, зилóнăј, нъкрашы̀т, ф краѣ́ и пр., также, обыкновенно, —ăднајó, съмајó, тајó.

Но также, очень рѣдко, адпъјó (см. выше), а въ с. Пречистомъ той же волости, въ 5 верст. отъ Парфенокъ я слышалъ отъ тамошнихъ крестьянъ также: тъјó. Въ виду этой послѣдней ф. высказанное выше мнѣніе о вліяніи здѣсь побочнаго ударенія приходится считать невѣрнымъ.

Старый ъ выпалъ во многихъ случаяхъ, гдѣ современный литературный языкъ имѣетъ на его мѣстѣ гласную. Въ этихъ случаяхъ, по большей части, литературныя формы—книжнаго происхожденія. Тк., говорятъ; зъвирăццъ и т. п. Сюда же слѣдуетъ отнести совершенно правильныя: ванчé (=въ обчѣ, ст.-сл. въ обьштѣ, русск. литер.: вообще), сапчá (съ обча, ст.-сл.: съ обьшта, русск.-литер. сообща), гдѣ во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ видѣть сліянія, хотя изъ сообчá, вообчѣ должно бы было получиться то-же самое.

Во многихъ случаяхъ мы находимъ гласныя на мѣстѣ старыхъ ѣ и ъ тамъ, гдѣ слѣдовало бы ждать ихъ выпаденія, а также вставныя гласныя въ такихъ положеніяхъ, гдѣ никогда не было глухого. Я буду разсматривать какъ появленіе гласныхъ на мѣстѣ старыхъ ѣ и ъ, такъ и появленіе новыхъ гласныхъ между согласными вмѣстѣ, п. ч. условія появленія тѣхъ и другихъ трудно различать между собою.

Предлоги *об* и *под* являются въ видѣ ъбъ, ъба, пъда, пъдь нерѣдко въ такихъ случаяхъ, гдѣ фонетически ъ долженъ бы былъ выпасть. Не только: ăбъвират, ăбъвиру (что вполнѣ понятно при ъбабрат), но и: ăбарéзълă, ъбарéзът и т. п. вмѣсто ожидаемыхъ аввиру, абрéзълă (предлогъ *об* по большей части въ описываемомъ говорѣ является съ *б*, ср. ъбабри и пр.).

пъдагрéст, пъдабрúс (=подбрейся), пъдашóл (послѣднее слово въ той же ф. и въ литер.) и др.

Также съ҃бира́ть рядомъ со з҃бира́ть. Вторая ф.—органическая; первая—вторичная при сабра́ть (Миша Байковъ въ сказкахъ пишетъ сабираются и сбираться). Указаные случаи нельзя объяснять книжнымъ вліяніемъ (ст.-слав. яз. вмѣсто *об* передъ согласной имѣетъ *о*, а не *объ*), п. ч. происхожденіе ихъ вполнѣ естественно и легко объясняется аналогіей съ другими случаями.

дълина́=литер. длина́ (въ дълину́, дълины́) при исключительно употребительномъ дл҃и́ннъj. Причина, почему при дъ҃лина́ не явилось дал҃и́ннъj, заключается въ различіи этихъ словъ по мѣсту ударенія, но появленіе гласнаго въ словѣ дълина́ тѣмъ не менѣе неясно. Можно объяснять это, какъ фонетическими условіями, такъ и аналогіей. Зубныя *т* и *д* передъ *л*, какъ твердымъ, такъ и мягкимъ, не могутъ оставаться согласными полнаго образованія и измѣняются по направленію къ *л*. Между тѣмъ языкъ стремится сохранить первоначальный характеръ согласной, какъ согласной полнаго образованія. Это достигается или появленіемъ минимальнаго гласнаго или диссимиляціей *д* и *т* передъ слѣдующимъ *л*. Такая диссимиляці́я имѣется въ нѣкоторыхъ говорахъ, гдѣ говорятъ *гля* вм. *для;* 2) Стремленіе сохранить за согласной ея прежній характеръ вызывается другими формами, гдѣ эта согласная, не будучи въ условіяхъ, неблагопріятныхъ для ея образованія, сохраняетъ свой первоначальный видъ.

Для слова дъ҃лина́ аналогіей могли быть сл.: до́лгъj (синон. слова дл҃и́ннъj), до҃лшь, дългата́ и т. п. Слово доли́на или, б. м., долина́ (Ср. въ пѣ.: „Шол Ваню́ша дал҃ино́ю“—долгимъ путемъ или лощиной?) въ смыслѣ: ложбина, низкое мѣсто, едва ли могло само по себѣ содѣйствовать образованію слова „дълина́“ въ см. длина́.

пъсалты́р҃ (Миша Байковъ въ сказкѣ пишетъ: посалтыремъ, посалтырь). Сочетаніе *пс* въ началѣ слова описываемому говору вообще неизвѣстно. Русскій яз. имѣлъ (и, частью, имѣетъ) это сочетаніе только въ двухъ словахъ: въ косв. падд. отъ сл. песъ и въ глаг. псати (пьсати=писать), въ обоихъ случаяхъ непосредственно передъ

ударяемой гласной. Какъ незнакомое говору въ своихъ словахъ, это сочетаніе, конечно, является нѣсколько затруднительнымъ.

Въ склоненіи нѣкоторыхъ существительныхъ гласная изъ стараго ъ или ь проводится и по тѣмъ падежамъ, гдѣ старый глухой долженъ былъ выпасть. Эти слова слѣд.: в рату́, ро́тйк (вм. ва рту́, рто́к), ратýшкă (то, что можно положить въ ротъ за одинъ пріемъ), но: у рта́ или у́ ртă; мо́ха (отъ им. мох=о-слав. мъхъ); ро́жы (род. ед. отъ: ро́ш), рядомъ со: ржы́, к любо́ви, биз любо́ви (отъ имен. любоф или любо́ф, старое любы, любъ̀ве, любъ̀вию; эти фф. извѣстны мнѣ только изъ пѣсенъ, но, кажется, употребляются и въ разговорномъ яз.), но рядомъ и: любвй. Обратное явленіе—выпаденіе старой гласной полнаго образованія въ формахъ склоненія—является въ тѣхъ же словахъ, какъ и въ литерат. яз.: пъталка́ (нъ пъталке́, ср. сѣв.-влкр.: потоло́ка), ка́мнь, корнй и пр., кало́ццă и т. п. Кажется, говорятъ „ва рву́“, но обыкновенно слово ров совсѣмъ не употребляется, а замѣняется словомъ „кана́вă“. Впрочемъ, правильно: „ро́вък“. Отъ ло́т косв. лда, лду́, илду́, са лдо́м, на лду́. Старинная ф. ло́ду встрѣчается только въ плясовой припѣвкѣ: „Прихади́ кума́ за ло́ду, ло́ду да́м“. Отм. еще: ăгуре́чьк рядомъ съ агу́рчьк, подъ вліяніемъ основного ăгуре́цъ (при родит. ăгурца́ и пр.), каре́чьк (нъ каре́чьку), стибиля́ (множеств. отъ сте́бьл: мали́нъ фсй ф стибиля́х), аро́лик (=орликъ), но: на́лчьк и т. п.

„Ру́зъскъвъ уjéзду“ вм. Русскъвъ...“ (Рузскій). Но здѣсь слѣдуетъ видѣть не столько появленіе вторичнаго глухого, сколько употребленіе суфф. -ов- (первопачально являвшагося только въ деноминативныхъ образованіяхъ отъ основъ на -у-, чередов. съ -ов-, т. е. въ такихъ образованіяхъ, какъ сыновской, любовный, но потомъ распространившагося и на другія основы). Ср. въ одномъ письмѣ: «Рузовскаго уезда“.

Въ глаголахъ на *-ну-* является вставное *а*: щлкану́т, тълкану́т, мьрган у́т, мьлкану́т, пугану́т, стйгану́т,

хлъстану́ть, мъхану́ть, дъргану́ть (пльсканут), б. м., и др. Въ этихъ глаголахъ никакого проясненія *а* не могло быть, п. ч. первоначальный видъ ихъ не мьргънѫти и пр. Въ ст.-сл.: мрѣгнѫти, тлѣкнѫти, двигнѫти и т. п. Отсюда въ русскомъ: двинуть, двинулъ, такъ что гласной здѣсь являться неоткуда. Мнѣ кажется, что *а* въ этихъ глаголахъ скорѣе всего занесено изъ неоднократныхъ глаголовъ щелкать, толка́ть, морга́ть, мелька́ть, пуга́ть, стегать, маха́ть (съ наст. маха́ю) съ удареніемъ на конечной гласной основы и съ наст. на -а́ю. *а* здѣсь чувствуется принадлежащей основѣ глагола вобще и переходитъ въ образованія однократнаго вида. При этомъ между фф. маханý, толканý, хлестанý съ одной стороны и махну, толкнý, хлес(т)нý—съ другой могло сознаваться такое же грамматическое отношеніе, какъ между маха́ю, толка́ю, хлеста́ю и машý, толчý, хлещý. Такое предположеніе мое, конечно, надо будетъ признать невѣрнымъ, если въ сѣв.-влкр. говорахъ окажутся такія образованія со звукомъ *о* перед *-ну*. Но, сколько я могу судить, такія образованія изъ сѣв.-влкр. говоровъ неизвѣстны, а распространены только въ ю.-влкр. (Ср. Рѣзан. Кур. Обоян. стр. 90 и др.). Даль почему то пишетъ въ этихъ словахъ *о*: топонý, толконý и пр., но не отмѣчаетъ, гдѣ они имъ записаны. Если же здѣсь *а* фонетическаго происхожденія и въ соотвѣтствіи съ нимъ существуютъ сѣв.-влкр. фф. на -онý-, то придется предположить, что первоначально вставная гласная являлась только въ тк. глаголахъ, какъ толкнуть, моргнуть, мелькнуть для устраненія стеченія 3-хъ согласныхъ, а затѣмъ уже была усвоена и другими глаголами.

Рядомъ съ новообразованіями на -ануть сохранились и старыя ф. на -нуть: гланýть, качнýть, то́рнуццъ, дви́нуть, стри́ихнýццъ, прачхнýццъ, прачкнýть, до́рнуть и пр.

Предлоги *вз*, *съ*, *кз* въ пѣсняхъ могутъ сохранять (или, вѣрнѣе, возстановлять) гласную при всякомъ положеніи, напр.: въ садо́чьки, ва дéушкъх, ва дéтим и мн. др. Это явленіе извѣстно, кажется, во всѣхъ говорахъ. Меж-

ду проч. ср. у Филат. Ворон., т. 38, стр. 266: „предлоги съ *ъ* почти всегда измѣняютъ этотъ *ъ* въ гласный звукъ или — вѣрнѣе — на его мѣстѣ является гласный звукъ, и это явленіе повсемѣстное.“ Наблюденіе Филатова опровергается его собственными записями сказокъ, гдѣ, по большей части, отмѣченаго имъ явленія нѣтъ, кромѣ единичныхъ: ва кула́к, т. 40, стр. 32, и ка двару, ibid. стр. 33, притомъ во второмъ случаѣ „ка“ передъ двумя согласными. Тк. обр. наблюденіе Филатова слѣдуетъ отнести цѣликомъ только къ пѣснямъ. Шахматовъ въ своихъ Лекціяхъ (стр. 53—54) чуть-ли не во всѣхъ такихъ случаяхъ предполагалъ вліяніе книжнаго языка, но, какъ мнѣ кажется, они могутъ объясняться и условіями пѣнія, отличными отъ условій разговорнаго языка.

Только въ пѣсняхъ: кърапи́вă; клубни́кă (Миша Байковъ въ пѣсняхъ тоже пишетъ: „колубничка“. Повидимому, онъ записывалъ съ голоса). Но обычно: крава́т.

При пѣніи между согласными можетъ развиваться бѣглый глухой и ирраціональный гласный звукъ. Это явленіе не стоитъ въ связи съ явленіями разговорнаго языка.

Вставное *у*—въ сл. пушо́ннъj: пушо́ннъй ка́шъ, но: пшано́. *у* въ сл. пушо́ннъj не по аналогіи ли съ пушо́нъj (отъ пушы́т)? Въ другихъ говорахъ извѣстно въ словѣ пшено и производныхъ вставное ă (ъ): пăшано́.

Выпаденіе гласной въ серединѣ слова, не стоящее въ связи съ перечисленными выше случаями отм. въ сл. блъγдари́т, блъславле́нjь (изъ блъγъславле́нjь черезъ посредство блъhъславле́нjь), оба раза въ положеніи не непосредственно передъ удареніемъ, но въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенію, гласная не выпадаетъ: блъγаро́дьи, блъγада́рьи и пр. Ср. ниже—о сокращеніи полногласныхъ созвучій.

rwӑр̥т (съ ӑ ирраціон.) = говоритъ, но съ ослабленнымъ значеніемъ. Въ другихъ говорахъ сокращеніе этого слова еще сильнѣе.

Другіе случаи выпаденія гласной удаленной отъ ударенія непостоянны; въ сказкахъ отм.: ипада́йццъ, де́д'шк и др. при обычныхъ: пъпада́йццъ, де́душк.

Только въ пѣсняхъ встрѣтились три случая выпаденія гласной въ предударномъ слогѣ: пругат̀, пар̀но́к (оба слова въ Куровѣ), мня́. Въ разговорной рѣчи ни одно изъ этихъ словъ въ такой формѣ не встрѣчается. Въ другихъ говорахъ „мня́“ встрѣчается.

Полногласіе.

Есть нѣсколько словъ въ неполногласной формѣ въ разговорномъ языкѣ, именно: вряда́ (и вр̀ида́, рѣже въ муж.: вр̀е́т,=литер. вредъ), вр̀е́днъj и произв., при ве́рьт (род.: ве́рьдӑ) въ другомъ значеніи (=болячка), дапр̀е́ш, др̀е́въ, рядомъ съ де́рьвӑ, благо́j (въ разныхъ значеніяхъ: в благо́j ча́с=въ добрый часъ; благо́jь дитя́=крикливое, капризное дитя; моj тя̀тинькӑ благо́j въ пѣ.: сердитый) и произв.: блажно́j, блажы́т̀ и пр.; агра́дӑ, сла́ткъj, ндра́ф, ндра̀йццъ, при но́ръф, спаро́фкӑ; требъвът̀, вр̀е́мь.

Только въ пѣсняхъ: младо́j, мла́дъс̀т̀, мла́ццу, а въ недавнихъ пѣсняхъ: хла́днъj и злато́j, при разговорныхъ и пѣсенныхъ мъладо́j, мо́лъ̀дьц, мо́лъ̀дъс̀т', хало́днъj, зълато́j.

Но вообще полногласіе, по крайней мѣрѣ, въ разговорной рѣчи, соблюдается строже, чѣмъ въ литературномъ языкѣ. Отм.: с̀ирида́, ф се́рьду, с̀ир̀е́днjь, с̀ир̀е́т̀, пъс̀ир̀о́т, с̀ирид̀и́, с̀ир̀о́дыш, бир̀е́мя, мъладе́ньц (мъладе́нцӑ); предл.: че́р̀йз, пе́р̀йд или пьр̀йд, пйр̀й (только какъ приставка).

Второе полногласіе: пъпало́с (= поползъ), жьре[а]ло́, мо́лъ̀jӑ и мълаjа́. О словѣ тырыка̀т̀ см. Соболевск.: Изъ исторіи русск. яз. Ж. М. Н. Пр. 1897. май, стр. 54.

Если звуковая группа -оло, -оро-, -ере и т. п. не находится подъ удареніемъ и не непосредственно предшествуетъ ударенію, то она подвергается сокращенію, причемъ въ положеніи не послѣ ударенія выпадаетъ вторая гласная этого звукового сочетанія, т. е. та, которая ближе къ ударенію.

ӣйр҃и҃тин҃, ӣйр҃итинул, ӣйристро́чьнъй, чѐр҃ис ты́н, ӣьр҃ид до́мъм, ӣьр҃ино́с҃ит, ӣйр҃иво́зит, ӣйр҃ило́жыт и пр., но: ӣи҃р҃тя-но́, ӣир҃ти҃ницъ҃ (одно изъ прозвищъ ящерицы), ӣир҃нас҃и́т, ӣир҃кр҃ис҃ти́т, ӣир҃лажы́т, ӣир҃мачи́т и пр., Сълмани́дъ҃, чьр҃си-дѐ́л҃нйк, ди҃р҃вяно́j, ъ҃дйр҃ви҃не́т, пйр҃ни°ре́чивъ҃т (говорить наперекоръ), пир҃скачи́т и т. п. ӣьр҃о҃рабо́тъwу (съ *р* слоговымъ). Подъ вліяніемъ бърнава́т, гдѣ *о* выпало фонетически, — барну́ю, барну́ют, рядомъ съ бъраню́ю, но всегда: бърана́, бърани́т.

Миша Байковъ пишетъ: первези, воржия, перьрубилъ, перковынула, первернула, пердомной.

Предлогъ *перед* въ этомъ положеніи можетъ и не сокращаться, п. ч. онъ является энклитикой постоянно только въ положеніи непосредственно передъ удареніемъ, а въ другомъ положе́ніи часто получаетъ самостоятельное удареніе. Предл. че́рьс почти всегда имѣетъ самостоятельное удареніе.

ӣир҃да мно́j, ӣир҃дакно́м, но также: ӣѐрьд акпом, чѐ-р҃ьъ҃гаро́т, ӣѐрьт табо́j и т. п. Говорятъ также: ӣр҃ида мно́j, ӣр҃ьт табо́j.

Если не считать предлоговъ перед и черес, то несокращеныя полногласныя формы въ такомъ положеніи рѣдки. Въ моихъ запискхъ только 2 случая: ӣйр҃йкъ-вырну́лъс(а) (въ сказкѣ) и Вълъкала́мскъ҃ (въ легендѣ, записаной отъ церковн. сторожа въ с. Васильевскомъ).

Достовѣрныхъ примѣровъ сокращенія звуковыхъ сочетаній -оро-, оло, ере и т. п. въ положеніи послѣ ударенія мнѣ не пришлось подмѣтить. М. б., такое сокращеніе—въ „вызлочены“ (запись Дуни Максимовой); здѣсь выпала гласная, которая была ближе къ ударенію. Въ ана-

логичномъ положеніи: вы́тр̥сила = вытаращила, но въ плясовой частушкѣ.

Иногда, кажется, въ положеніи передъ удареніемъ отпадаетъ не 2-я гласная звукового комплекса -оро-, оло и пр., а 1-я. Ср. прйда мно́ю (въ сказкѣ), прйт табо́ю (гдѣ выпаденіе 2-й гласной представляло фонетическія затрудненія). пъраса́нъък и праса́нъчък, вратйли јаво́; бисприме́ннъ. Въ запислхъ Миши Байкова: завлоса, повратилъ лошадь. Въ этихъ случаяхъ несовсѣмъ удобно усматривать неполногласныя (т. е. книжныя) формы.

Въ нѣкоторыхъ словахъ книжнаго происхожденья вмѣсто приставокъ перед и пере является прй. По большей части, эти приставки отожествляются и по смыслу съ приставкой при, что видно изъ тѣхъ измѣненій въ значеніи, какія претерпѣваютъ книжныя слова съ этими приставками въ народной рѣчи, и изъ управленія глаголовъ такого происхожденья. Ср. наприм. пристаѝт, придаѝт, придйлиѝт (придать къ суду, придилить къ мѣсту, къ должности, и пр.). Но иногда эти приставки понимаются вѣрно. Ср. народное объясненіе слова „прйпла-вле́нје“ (Будто этотъ праздникъ названъ такъ потому, что Христосъ въ этотъ день Іорданъ „йрплыва́л“. Въ Каси́м. у. говорятъ правильно: „прйпӑлаве́нье“— Будде. Къ ист. стр. 112. Будде совсѣмъ некстати видитъ здѣсь вставку гласной).

Приставка гласной въ началѣ слова.

а — ъ: ъгаро́х, ӑржано́ј, ӑ̀лляпо́ј, ӑпшапи́шъј (ӑкрами́, ъпасля́ или апо́сли, Акси́нјӑ).

и: истру́п, йлну́ рядомъ со: лну́ („Мы́ бӑ ста́ли и́спълу бра́ѝт, у нас йлну́ ма́̆лъ, у нас лну́ паччи́ сафсе́м нѣ̀т“).

Другого происхожденія *и* въ началѣ слова въ сл. ишо́л, ишла́, ишли́ (Миша Байковъ пишетъ ишолъ нѣ-

сколько разъ, но также: шолъ, шли) чаще, чѣмъ простое: шóл, шлá, шли. Существуетъ 2 объясненія *и* въ этомъ словѣ. По одному (Соболевск. Лекціи 131)—ишóл изъ из-шьлъ, въ которомъ согласная предлога (утерянная еще въ о.-слав.) не была возстановлена; по другому (Филат. Ворон., т. 38, стр. 265) „*и*“ въ этомъ словѣ заимствовано изъ формъ наст. врем. Таже ф. съ тѣмъ же значеніемъ существуетъ въ србск. (йшао, йшла) и польск. язз. Русское ишóл врядъ ли изъ и́з+шьлъ; старославянскому ишьлъ въ русскомъ соотвѣтствуетъ вы́шелъ; кромѣ того, въ ст.-сл. и́шьлъ ударе́ніе было на *и*, въ соотвѣтствіе чему хоть въ нѣкоторыхъ говорахъ русскаго языка слѣдовало бы ждать и́шьл (и́шол).

Отпаденіе гласныхъ въ началѣ слова.

1) Въ иностр. словахъ: Ляксáндръ (и мужск. и женск. имя), но въ одной пѣснѣ (не въ разговорѣ!): „Алúксáндрáскu салдáты“; Ликсéj (с Ликсéйм и т. п.), рéндъ, ринда́к (род.: риндака́=арендаторъ), ри́ндавáт, палéты, талјáнкă и производн.

2) Въ русскихъ словахъ: жыре́ли (Ср. Будде. Къ исторіи, стр. 196), придили́т, спóлнúцъ, врáк (примѣры: Сарóчьj врáк, касит врáк), минúнник (напр. атец минúнник. Ср. у М. Байк.: поподья менинница). Изъ перечисленныхъ случаевъ только въ послѣднемъ несомнѣнно отпала гласная; слово „придилит“—книжнаго происхожденія и понято, какъ при-дѣлить; слова „жыре́ли“ и „врáк“, б. м., восходятъ къ старымъ формамъ этихъ словъ безъ предложной приставки *о(б)*. Будде (Къ исторіи, 76) приводитъ примѣры на слово „врагъ“ въ смыслѣ: оврагъ изъ старо-русскихъ грамотъ XV—XVI вв., но отмѣченая имъ въ Касим. гов. ф. „заврагăм“ не можетъ служить примѣромъ, п. ч. изъ „за авра́гăм“ получилось бы то-же самое. Въ сл. „спóлницъ“, вѣроятно, приставкой служитъ предлогъ *съ*, а не *из*. Предлогъ *с-* въ народной

рѣчи чаще, чѣмъ въ литературной, ср.: спакój, спакаицъ, б. м., также въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ этому *с-* и *з-* соотвѣтствуетъ литературное *вз-*.

3) Иногда нá вмѣсто „она“, рядомъ съ анá. Прим. пришлáнà (оба *а* — краткія).

Объ отпаденіи гласной передъ гласной или послѣ гласной см. ниже—о сліяніи гласныхъ.

Отпаденіе гласной въ концѣ словъ.

1) Въ infin. глаголовъ на ти́ съ основой на согласную, съ переносомъ ударенія на основу: нéс̀т', грéс̀т', вéс̀т', плéс̀', йринéс̀т', рóс̀т', т̀éч, бéч, ĭéч, с̀éч, запрéч и пр. (Въ другихъ случаяхъ „и“ въ окончаніи infin. утрачено всѣми влкр. говорами) -ти́ съ удареніемъ на концѣ сохранялось только отъ глагола ити́ съ производн., который вмѣсто сокращенія ф. infin. получаетъ вторичную инфинитивную наставку -т̀: ит̀и́т̀. Въ производныхъ отъ ит̀и́т̀ эта наставка обыкновенно остается, но можетъ и не быть: наj̀т̀и́т̀, зaj̀т̀и́т̀, вaj̀т̀и́т̀, вы́j̀т̀ит̀ и пр., рѣже: наj̀т̀и́, вaj̀т̀и́, уj̀т̀и́, вы́j̀т̀и, еще рѣже: ит̀т̀и́.

Въ пѣсняхъ, наоборотъ, встрѣчаются infin. на -ти даже и отъ глаголовъ съ удареніемъ на основѣ: ĭи́т̀и, любĭи́т̀и, вĭйс̀ĭлĭи́т̀исă, радавàт̀иса, и пр.

2) Въ формахъ ед. ч. пов. накл. на -*и́* (*и* неударяемое отпало во всѣхъ влкр. говорах) съ переносомъ ударенія на основу: прагóн̀, адгóн̀, аттвóр̀, затвóр̀, схарóн̀, пóт̀, пасóт̀, пакáш, палóш, станóф (или станóф; пъстанóф), jéт̀, падjéт̀ (=поѣзжай), вы́т̀; и др. Множ. ч. отъ этихъ формъ: адгóн̀ти, затвóрти, пасóт̀ти, станóфтис и т. д. но: уjд̀и́, зaj̀д̀и́, пъдaj̀д̀и́, пр̀ид̀и́, и др.; хад̀и́, мал̀и́, хр̀ис̀ти, любĭи́, вир̀и́, нис̀и́ и др. При этомъ, и отъ тѣхъ глаголовъ, въ которыхъ -и́ въ повелит. отпадаетъ, употребляются и ффф. на -и́: пъкажы́, пад̀и́; вы́jди.

Во множ. ч. повелит. на -тѝ конечная гласная можетъ отпадать, нпр.: падит̀ истапи́т̀ маю́ ба́ню и др.

3) Въ мѣстоименіяхъ: што́ тако́j, кој што́, кој хто́ (косв. кој каму́ и пр.), кој ка́къ и пр. Ср. што- ѝть тако́йчѫ. У Миши Байкова: кой-какъ, што такой, кто такой.

4) Въ предлогѣ: о́къл при о́къла́ и о́къл (не: о́кул!): о́къл чиръте́, о́къл мо́сту, ѝокъл до́му и т. п.

5) Въ зват. пад. при имен. на -а, кк. ѝде́душк при им. ѝде́душкъ (см. Морфолог.).

6) Въ нарѣчн. выраженіи: ста́л бъ̀т (=стало быть); въ повелит., употребляющемся по большей части въ значеніи союза: ѝни тро́к (нпр.: ѝни тро́г в ѝдире́вни пъжыво́т и пр.), ни за́м, чаще: ѝни замај, набо́с и ѝнибо́с.

Наоборотъ, сохраняется гласная въ концѣ слова:

1) Нерѣдко въ окончаніи -са взвр. глаголовъ, не только послѣ согласной, но и послѣ гласной: баю́са, испуга́ласа (ж. р.), ана̀ ръскало́лъса. Ср. у Миши Байкова (въ сказкѣ): спрошуся. Въ пѣсняхъ такія неусѣченыя окончанія гораздо чаще, чѣмъ въ разговорной рѣчи.

2) Въ нарѣчіяхъ: ѝзде́сѧ, та́ма, ту́тѫ и въ словѣ ѝне́ту. Ср. въ записяхъ Миши Байкова: тама, сдѣся (въ пѣсняхъ); нѣту (сказк.).

Стяженіе гласныхъ.

Стяженію подвергаются преимущественно неударяемыя гласныя. При этомъ слѣдуетъ различать слѣдующіе случаи: 1) стяженіе гласныхъ непосредственно передъ удареніемъ; 2) не непосредственно передъ удареніемъ; 3) послѣ ударенія. Съ другой стороны: 1) когда между стягивающимися гласными не было никакого неслогового звука; 2) когда между ними выпало неслоговое ѝ или w. Гласная, получающаяся отъ стяженія неударяемыхъ гласныхъ, почти всегда краткая, но можетъ отличаться по качеству отъ нестяженныхъ гласныхъ (таково у въ окончаніи 3 л. мн. глг., ъ°—въ оконч. 2 и 3 л. ед.). Слѣдовало бы различать случаи стяженія по ихъ относительной древно-

сти, тк. к. несомнѣнно стяженія: мавó, пымáт, накнé, ниднамý принадлежатъ различнымъ эпохамъ, но это различіе я оставлю въ сторонѣ.

ъ (а,о)+а (ъ,о) и ъ+ъ.

Это стяженіе почти обязательно: навéдът, набарóт, нъгарóди, накóшкă, завéдъм, завúнъм, навúни, пъгарóх (по+огорох) и др.; „Он ијò лю́бит, ана́ (= а она) јивò ну к што́ш“; въ пѣсняхъ: нагарóди, заблака́, пăтарва́ли и др. У Миши Байкова: накошко, хотя чаще: на окошкѣ и т. п., победать, онъ победалъ. Но иногда стяженіе не происходитъ; въ одной сказкѣ у меня записано: ади́н нъ ади́н (даже не: нади́н). Можетъ въ этомъ положеніи являться и ă (нереторическое!): „двóй нади́нъвă“ (запис. въ Савельевѣ). (Ср. также сказки).

у+у. кы́скувида́л (въ сказкѣ) и др.

у+а или ъ (изъ а, о, ъ). Въ положеніи непосредственно передъ удареніемъ стяженія не происходитъ: у ацца́, у аднóј, у акна́, у афса́ или: у wацца́, у wаднóј, у wакна́, у wафса́. Но говорятъ: уднавó, угарóдă (у огорода; слово огородъ само по себѣ всегда: ъгарóт), у Мйја́нă (не послѣ безударной гласной, кажется: Амйја́н) и только разъ: нудда́л (= ну оддалъ) въ сказкѣ.

ъ (а, о)+у. Рѣдко: зугло́м (= за угломъ), нувáрцъви (= на Уварцевѣ), путрý и пŭтрý, также пъутрý и др.

й (е)+а или ъ (а, о, ъ). Въ положеніи непосредственно передъ удареніемъ (т. е. собств. и+а) стяженія не происходитъ: нй абма́ньт, нй аста́вът, прй адно́м, прй ацце́. Въ словахъ Нини́лă, Дини́с стяженіе гласныхъ въ примѣръ не идетъ, п. ч. это — слова иностранныя (и здѣсь стяженіе—очень старое). Но въ слогѣ черезъ слогъ передъ удареніемъ (т. е. изъ *и+ъ*) гласныя стягиваются. Нпр. нътwъраги́т (сказка), и въ пѣсняхъ: нйднамý, нйблйвáј слйзóю, нйвижáјса, ницыне́нъј.

й (е) + у въ пѣснѣ: нйжéли. Въ разговорной рѣчи не только нйужéли (впрочемъ, почти что неупотребительное), но и ньужли; впрочемъ, при очень быстромъ

произношеніи, могутъ сказать и нюжли́; ви́мюфсе́х (=вымя у всѣхъ — въ сказкѣ).

О стяженіи: гласная+и (и i) см. дальше.

Въ косвенныхъ падежахъ мѣстоименій притяжательныхъ употребляются только стяженыя формы: мавó, тваво́, свавó, мамý, тваму́, свамý. Отм.: по свамý (=литер. по своему). Нестяженыя фф. мъиво́, свъиво́, мъиму́ и пр. употребительны только въ пѣсняхъ новой фабрикаціи, но не въ старыхъ пѣсняхъ и не въ разговорѣ. Написаніе: своего и т. п. у Миши Байкова — грамматическое.

Стяженіе гласныхъ является въ личныхъ флексіяхъ глаголовъ не подъ удареніемъ, преимущественно отъ глаголовъ съ основой на *-ыва-* (и на *-ова-*, гдѣ послѣднее понято, какъ *-ыва-*), но необязательно. При этомъ гласная, получившаяся отъ стяженія, имѣетъ особенный выговоръ: въ 3 л. ед.—*o*, склонное къ *o*[1] (т. е. *o* закрытому), а въ 3 мн. какъ бы *y* открытое, похожее на сокращеніе дифтонга у̯о̯. Это стяженіе, мнѣ кажется, нельзя ставить въ связь съ сѣв.-влкр. дѣлаш, знаш и т. п., такъ какъ сѣв.-влкр. стяженіе восходитъ къ фф. дѣлаашь, знаашь, и потому не зависитъ отъ ударенія, а стяженіе, наблюдаемое здѣсь, зависитъ главнымъ образомъ отъ положенія не подъ удареніемъ и отъ длины слова. Примѣры:

выи́гръву, ни̯ ӑбрабáтывъ°ш, пас̯тóгывъ°т, пъджужу́къвъ°т, он с̯писъвъ°т, нъвала́къвъ°т, раскáзывът, спрáшъвът, изнáшъвът, ана̯ чиря́пкъца, ане́ пако́с̯нйчу̊т, ъхабáчьву̊т, пай̯до́м пау́жынъм, свин̯ja̯ хрю́кът, ана̯ або́и сарáй закáшъwът палне́нкъ, (небо) засúниwъццъ, (она) клáньцъ и др. Особо стоитъ бóзнъ̯т, рѣже бóнзнъ̯т въ значеніи нарѣчія, обыкновенно въ выраженіи бóзнъ̯т штó. Здѣсь сокращеніе вызвано еще очень давно (-т!) потерей первоначальнаго значенія. Говорятъ и Бóγ зна̯т. Въ пѣсняхъ: паскáкъвъ°т, паплясъвъ°т, навя́зъву̊т, атказывýт, паткáтывýца, пóччйву̊т, дéлът и одинъ разъ: дéлъти (2 мн.).

Но также: паткáшливъйт, пац̯мéйвъйт, пакáзывъйт

спрашы́въйт, хрю́къйш и др.; въ пѣснях: патре́скъвъит, па̀мире́скъвъит и др.

Эти стяженія произошли только благодаря выпаденію j. Къ такого же рода стяженіямъ относится и ф. ко́̀ѣмъ (при имен. ко́̀ѣмь) рядомъ съ ко́̀ѣмьм.

Стяженіе гласныхъ благодаря выпаденію *и* отм. въ nom. patronym. на -ы́ч и -ъч изъ -овичъ: Ягоры́ч, Ива́ны́ч. Ср. въ пѣснѣ: „Ужъ какъ по саду-садику“: „Што Ликсе́й ли ̀Фо́да̀ра̀ч“. Стяженіе здѣсь *о*+*и* (*ъ*+*и*) въ -*ъ*- (рядомъ съ -*ы*-) ср. съ *ъ* такого же происхожденія въ личныхъ флексіяхъ глаголовъ.

Если изъ двухъ стоящихъ рядомъ гласныхъ одна — подъ удареніемъ, то стяженіе рѣдко, и если бываетъ, то гласная отъ стяженія — обыкновенно долгая: ступа́й ищи́̄ jо̀ и др. Но краткія гласныя: ана̀пя̀т̀ (= она опять), ни маялище́тъ (= не моя ли еще эта).

Звукъ *и* въ серединѣ слова въ сосѣдствѣ съ другой гласной.

Въ этихъ положеніяхъ *и* или становится неслоговымъ (i̯, j) или сливается съ другой гласной, или выпадаетъ. Послѣдніе 2 случая не всегда можно различать.

j изъ i̯ послѣ согласной: ъ̀ја́йт (при inf. ъ̀ја̀т̀. Литер. зіяетъ — ф. книжная), ъ̀ја́йт, завъ̀ја́йт (въ выраж.: „какъ ви́хъ̀р завъ̀ја́йт“); [1]) жыт̀јо́, пит̀јо́, Успи̯нјо́ или Успе̯́нјь, Успе̯́нјьв дѣ́н, пращѣ̯́нјь, и пр. (о выпаденіи *j* въ такихъ ф., какъ пращѣ̯́ница, см. ниже). Но въ легендѣ о Николаѣ Чудотворцѣ и Іосифѣ Волоколамскомъ, богатой книжными словами, встрѣчается также: „видѣ̯́нјь“ (2 раза). Въ сказкахъ: с ма́тирйю, рукъписа́нијь.

---

[1]) Ср. сербск. ви̯јати; литер. вьюнъ, вьюга отъ того же корня, но съ другой глагольной основой; въ сл. вѣять—тотъ же корень въ сильномъ видѣ.

j (і̯) изъ *и* или *j*+ неударяемая гласная послѣ гласной, кромѣ *и* только въ нѣкоторыхъ словахъ, а именно: 1) въ сложныхъ съ имать и ити: зајма̀ѣ (*о*: ѣни зама̀ј см. ниже), пајма̀ѣ, најма̀ѣ, ъбајму́ и пр.; зајѣтѝѣ, ујѣтѝѣ, пъдајѣтѝѣ, ъбајѣтѝѣ, зајду́, пъдајду́, ујду́, вы́йду и вы́јѣтѝѣ (послѣднія два слова въ такомъ видѣ рѣдки). У Миши Байкова: уйтить, пойдешъ, пойдемъ, взойдетъ, но выдетъ (см. ниже). Рядомъ съ перечисленными сложными съ *-имать* употребительны и заимствованыя изъ литературнаго языка: нъѣнима̀ѣ, пъѣнима̀ѣ (глг. несоверш. вида при соверш. пана̀ѣ, причемъ по́ньл почти=запомнилъ), въѣнима̀ѣ (=вынимать, см. ниже). Но въ сложныхъ съ играть и др. *и* остается слоговымъ: пръигра̀ѣ, пръигра́йш. 2) въ другихъ случаяхъ: аччáјнъј рядомъ съ ачча́йнъј, аччáйны (і̯ изъ *и*=*ја*); ѣде́лъјѣтй, ѣбе́гъјѣтй—2 л. мн. indic. (только въ пѣсн.), што́ і̯тъ тако́йчь, гѣде і̯тă, и т. п., (і̯тъ изъ это). Наоборотъ *и* слоговое вмѣсто і̯ встрѣч. въ одной пѣснѣ: „сам ѣел на скаме́ику“.

Почти всякое *и* (изъ *и*, *е* или ја) послѣ гласной при положеніи послѣ ударенія не на концѣ слова переходитъ въ і̯, составляющее съ предшествующей гласной долгій дифтонгъ: де́лъі̯ш, играі̯т, што́ і̯тъ, и др.; въ концѣ слова *и* остаётся слоговымъ въ имен.-вин. множ. существит. и прилаг.: сарáи, бе́лъи, зи̯ло́нъи и др.

и (или другая неударяемая гласная послѣ мягкой согласной или *j*)+*и* даетъ *и* (получающееся или путемъ стяженія изъ й или черезъ отпаденіе і̯ изъ второго *и*): јицо́ (=яйцо), ѣниду́, ѣнидо́т (рѣже: ѣнијдо́т), пѣриду́, пѣридо́т, прима̀ѣ, мая́ гало́wушкă нъприма́лъз го́рюшкă, ѣнѣзме́нъј и др. У Миши Байкова: нипримаетъ.

ы+*и* даетъ *ъ* (изъ ы+і̯) въ сложныхъ съ *ити* и *имать*: вы́ду, вы́дьт, вымá̀ѣ, вымá̀йт. Но говорятъ и: въѣнима̀ѣ, заимствованное изъ литературнаго языка.

У Миши Байкова: выдетъ.

Старое *о*+*и* дало *ъ* въ одномъ словѣ: пыма̀ѣ, пыма́йш; рядомъ съ этимъ говорятъ: пајма̀ѣ, пајма́йш и, какъ сдѣлка между этими двумя формами, пыјма̀ѣ, пыј-

ма́л, пыjма́йш. Въ другихъ сложныхъ съ имать и въ сложныхъ съ ити въ аналогичномъ положеніи *и* переходитъ въ j̑, и стяженія не происходитъ. У другихъ глаголовъ *и* сохраняется: пръигра́ъ̑т, пъигра́ъ̑т и пр. Тѣ-же гласныя (старое *о*+*и*) при стяженіи дали *и* въ сл. пр̑и-зъ̑ве́с̑ъ̑, пр̑изъ̑звяла́. (Только въ пѣсняхъ). Хотя въ пѣсняхъ же я слышалъ и „пръизъ̑звяла́“, но надо думать, что народная этимологія этого слова не про+извести, а при+извести. По смыслу (почти=довесть, ср. „Учиз го́р̑ка́я́ суд̑ба́, дъ чьво́ ты миня́ пр̑изъ̑звяла́?“; „судьба призвяла любить козака“—Миша Байковъ) оно какъ будто сближается со словомъ привесть.

а+*и*=*ы* въ слов. ды̑ убягла́ въ сказкѣ.

Неслоговыя j̑ и j, w и γ.

Буквой *j* въ моихъ записяхъ изображается какъ согласная *j*, такъ и j̑ въ тѣхъ случаяхъ, если дифтонгъ: гласная+j̑ — краткій; гдѣ дифтонгъ: гласная+j̑ — долгій (дяj̑, гляj̑-къ-с̑), я пишу j̑. Собственно *j* является только въ положеніи послѣ согласной и въ началѣ слова, а между гласными только передъ ударяемой гласной и въ послѣднемъ открытомъ слогѣ. При пѣніи всякое j̑, не составляющее съ предшествующей гласной долгаго дифтонга, переходитъ въ согласную *j*.

j послѣ согласныхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, которыхъ вполнѣ точно не могу опредѣлить, можетъ выпадать. Нприм. при: пла́ъ̑тьj, у̑тишо́нь, жы̑ла́нь, и т. п., также: пла́тьм (твор. п.), пла́ъ̑тйцъ̆, у̑тишо́ницъ, жыла́ницъ, канпа́нь, въскрисо́нъ̆, Савъ̑е́лйвъ̆, пъ Васильску, за д̑е́вйчьj (въ пѣ.) (отъ Савъ̑е́льj, Савъ̑е́лъj) и др. Аннушка Акимова пишетъ: желаници, страданица. При гармо́нь, в гармо́нju говорятъ также: „в гармо́ню“. Во всѣхъ отмѣченыхъ случаяхъ *j* выпалъ не въ ударяемомъ слогѣ. У Миши Байкова въ одной сказкѣ „слицъ“. По всей вѣроятности,

это — описка, но можно читать и „сиѝц“, тогда отпаденіе *j* здѣсь будетъ аналогично съ *и* въ „ивѝлъс“, „илóвъj“.

Въ томъ же положеніи j можетъ ассимилироваться предшествующей согласной; по крайней мѣрѣ, такая ассимиляція — въ слл. плáтть; другихъ примѣровъ не знаю.

Въ словахъ тритóвъс и „ка Бажój цéркви (послѣднес только въ пѣснѣ) выпаденія *j* нѣтъ, ср. „трéтьjь нидéлѝ“, „трéтью нóч“, а не „трéтjь“, „трéтjу“; точно также: в Бóжью цéркву“ рядомъ съ „в Бóжju цéркву“. (т. обр. здѣсь имѣются разныя склоненія прилагательныхъ).

j (i̯) послѣ гласныхъ въ положеніи передъ согласной выпадаетъ въ слл. падѝ, пот, падóмти, падѝт, но: пajдý и пр., пójт или пójти (= пойте), ни замáj (но: зajмáт и пр.), пажáлустъ, набóс и нибóс, сичáс и чичáс (шьчáс). Въ пѣснѣ также: дéльти, абéдъти. У Миши Байкова: поди—нѣсколько разъ, но всегда: пойдемъ, взойдетъ и пр. Во всѣхъ перечисленыхъ словахъ *j* выпалъ благодаря особымъ условіямъ употребленія этихъ словъ: сейчасъ превратилось въ нарѣчіе, остальныя всѣ—повелит. наклон., причемъ „ни замáj“, по значенію—союзъ („ни замáj тáг бýдьт=ни трóк тáг бýдьт=пусть такъ будетъ), а „пажáлустъ“—вводная частица.

Зіяніе, получающееся не подъ ударéніемъ, въ извѣстныхъ случаяхъ (см. выше) устраняется посредствомъ стяженія. Но зіяніе между гласными, изъ которыхъ на одной лежитъ ударéніе, допускается. Случаи устраненія зіянія посредствомъ паразитныхъ согласныхъ по большей части всѣ старые. Такими паразитными согласными являлись въ различныя эпохи жизни языка и при разныхъ условіяхъ неслоговыя i̯, w и, б. м., γ (изъ h).

j такого происхожденія сохранился въ греч. имени ʾСѝмијóн (чаще, чѣмъ слитное ʾСимóн). Другое слово, гдѣ на мѣстѣ зіянія, имѣющагося въ литературномъ яз., является въ разбираемомъ говорѣ *j*—пъибаю́ткӑ—вполнѣ

правильно отъ бѫти, бают. Впрочемъ, въ другихъ влкр. говорахъ въ этомъ словѣ *j* зачастую нѣтъ, и являются другія паразитныя согласныя: Олон.: прибалу́тка, Калуж. Медын. пр̀ибаγγу́тка, пр̀иγаγγу́тка [1]). Тамб. Шацк.: пр̀иγγу́тка—отъ другой основы.

Новое *j* въ сл. j̀ир̀о́л, j̀ир̀о́л̀йк, мож. б., въ сл. j̀ищо́.

Вставное *j*, которое и въ настоящее время и въ старину было извѣстно многимъ говорамъ, кое-гдѣ встрѣчается только при пѣніи. Такъ наприм., это *j* извѣстно мнѣ изъ говора Рязан. у., Шацк. у. Тамб. губ. и др. То-же *j* отмѣчено и Филатовымъ въ двухъ деревняхъ Бобровскаго у. Ворон. губ. (т. 37, стр. 218). Филатовъ не говоритъ, слышится-ли это *j* въ разговорной рѣчи. Примѣры, приводимые имъ (кромѣ т. 37, еще т. 38, стр. 269), взяты только изъ пѣсенъ и пословицъ. Въ описываемомъ говорѣ такое *j* при пѣніи я слышалъ только у старухъ.

Дифтонгъ а̯і̯ долгій отм. въ словахъ: дя̯і̯, jѐі̯ Бо́γγ, гля̯і̯къ̀с̀ (См. также выше). Первое изъ нихъ употребляется, какъ обращеніе, безъ имени; въ остальныхъ случаяхъ—только съ именемъ: „дя̯і̯, лъшъд̀е́j гожъ ко́р̀мьш“, дя̯і̯ Ива́н, у дя̯і̯ ʾПо́тр̀и и пр. Для обозначенія степени родства: дя̯́дь.

в передъ гласной: 1) Ръ̀дивон, сурав̀е́шкă, во́стръj, во́спă, во̀́сьм, ва̀см́ j, ѵинаходьп.

2) Въ род. пад. ед. ч. мѣстоименнаго склоненія: маво́, тваво́, сваво́, чаво́, jиво́, до́бръвă, зло́въ, тако́въ, мило́въ, тр̀ито́въ̀с̀ и пр., никогда не γ. Миша Байковъ рядомъ съ орѳографическимъ: сегоднешній, у зеленого и пр. иногда пишетъ: милова, у мово, задругова, никово. Это—черта многихъ великорусскихъ, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ говоровъ.

---

[1]) Впрочемъ, вѣрнѣе думать, что это слово не отъ бѫти, п. ч. олон. *л* и калуж. γ указываютъ на болѣе раннее γ или *в*.

3) Въ словѣ кърáвóт (кърáвóду), имѣющемъ „в“ только въ сѣв.-влкр. и моск., но не въ ю.-влкр. (см. ниже). Въ случаяхъ перваго рода *в* — изъ стараго *w* паразитнаго передъ лабіальной гласной, кромѣ суравéшкă и винахóдьц, гдѣ *в*, по всей вѣроятности, явилось пефопетически. Въ род. же на *-ово* и т. п. и въ словѣ кърáвóт *в* могло быть и такого происхожденія (если γ переходило въ *h* и затѣмъ выпадало), но могло явиться и другимъ путемъ, прямо изъ γ. Ср. сѣв.-влкр. ковды́, товды́, соотвѣтствующія ю.-влкр. каγды́. Если бы γ передъ *d* исчезло совсѣмъ, то звуку „в“ рѣшительно неоткуда было бы появиться. Чередованіе между γ и *в* въ такомъ случаѣ аналогично чередованію *x* и *ф* во многихъ русскихъ говорахъ [1]). Ср. латин. діалектическое *f* вмѣсто *h*.

w, т. е. *в* губное—довольно часто, преимущественно передъ лабіальными гласными (у, о, ў), иногда и въ другихъ случаяхъ. Но въ тѣхъ же положеніяхъ слышится и *в* губнозубное. Передъ лабіальной гласной и передъ группой зубныхъ это *w* можетъ выпадать. Прим.: вика́ўшкă, гало́ушкă, жыў, жыўт (но: жывóт), каро́ушкă, дéушкă, *w*до́ушкă; у няó, чаó, óзлй рядомъ съ вóзлй, óстръj (наприм., въ приб.: „Мнé даóстръвъ нажá), рѣдко: отъ, оп, при: вот, вóн (wот, wон), гатóўт, згруснýццъ, здýмăт и пр. Въ томъ же положеніи *w* и *в* губнозубное могутъ сохраняться: wздywáj, трáвушку, дéвушк, голáву, nawójнйчьк и пр.

Къ сожалѣнію, въ моихъ записяхъ почти нигдѣ не отличается *w* и *в*.

w можетъ развиваться въ положеніи между гласными, гдѣ первоначально не было никакого неслогового звука: wóн (рѣдко), ywафсá, ywаврáга, у w аднój, у wакнá и др. Развитіе *w* послѣ *y* въ этихъ случаяхъ пове-

---

[1]) Ср. Шахм. Отч. о прис. Ломон. преміи въ 1897 г., стр. 70—72.

ло къ образованію даже такихъ формъ, какъ: ywa фсѐх. Въ этомъ *wa* слѣдуетъ видѣть новое распространеніе предлога, аналогичное съ *обо* въ: ъба мнѐ, ъбарѐзъла вмѣсто: о(б)мнѣ, о(б)рѣзала.

Очень рѣдко вмѣсто w — ў неслоговое: ўрóс, тожъ ў лаптя́х, дрóў буду лама́ть, ўафто́рник. Въ сл. трáула (= травленый лугъ) -ау- скорѣе два слога, чѣмъ дифтонгъ.

Особо стоятъ: и́ш=вижь, какъ нарѣчіе, и Аршáвъ. Въ 1-омъ изъ нихъ *w* или *в* утрачено еще очень давно, а второе—заимствовано.

Не передъ группами согласныхъ *w* (или *в*) отсутствуетъ въ слл. зор и дрýк. Сл. „зор“ встрѣчается только въ пѣсняхъ, такъ какъ здѣсь *w* никогда не слышится, то вѣрнѣе думать, что здѣсь слово „зор“ безъ приставки. Слово „вдругъ“ въ разговорномъ яз. можетъ являться и съ „*в*“.

У Миши Байкова: жиутъ, короушекъ, съ другой стороны: живу, живутъ, славушки, даже: овукнулась, а ву, аву. Въ послѣднихъ я никогда не слыхалъ между гласными никакого неслогового звука. Вѣроятно, здѣсь просто вставлено *в* по аналогіи съ такими случаями, какъ жыў, вдóушка, гдѣ М. Б. не произноситъ *w* или *в* между гласными. Перед *о*: онъ, отъ, озли него круга (2 раза), но чаще съ *в*: вотъ, востру, возли него. Передъ зубными „*в*“ М. Б. всегда пишетъ, даже въ словѣ: взоръ.

Въ сочетаніяхъ w съ неударяемыми гласными происходятъ нѣкоторыя измѣненія. Гласныя рядомъ съ *w* (и даже *в*) болѣе или менѣе лабіализуются: прија́тнуw аните́ту, гасти́нцъ^{у}в да́м. При отпаденіи *w*: ут (=вотъ) рядомъ съ *вóт* и wóт: цаp ут увида́л, а то́ ўт ищó, ўт е́тът и т. п. Изъ w + гласная *ъ* (изъ стараго *о* и др.) рѣже *у* послѣ гласной въ положеніи послѣ ударенія получается ў неслоговое, составляющее съ предыдущей гласной долгій дифтонгъ. Прим.: карóу (3 слога) и карóў (2 слога), дóбръў слóў, тóлстъў, с лéўj и пр., цалкóўва, „тибя э́дъ-

къwъ здарóувă тъ на тéм ѣвяту-тъ ни примýт“ и т. д. ў неслоговое вм. ѣw очень рѣдко. Отм. грúўн (=гривенъ).

Приблизительно ту-же роль, что *j* и *w* между гласными, играетъ иногда γ. Эта согласная въ немногихъ случаяхъ можетъ переходить въ *h* и затѣмъ выпадать. Такое γ имѣется въ словахъ: таγдá, каγдá, фѣсиγдá, γдé. Вмѣсто таγда, каγдá почти всегда говорятъ: кадá, тадá; б. м. сюда же слѣдуетъ отнести и нарѣчіе: анóдъѣс, если только оно одного происхожденія съ сѣв.-влкр. онолды́, оновды́ (подробнѣе объ этомъ см. въ морфол.). γдé и даже гдé такъ же часто, какъ: дé (= гдѣ). Въ словахъ фѣсиγдá, зъфѣсиγдá (также фѣсиhдá,) звукъ γ обыкновенно не выпадаетъ; въ словѣ блъγдарúт и друг. всегда γ вполнѣ ясное. Въ другихъ южно-великорусск. говорахъ замѣчается то-же различіе въ устойчивости γ (г) въ словахъ когда, тогда съ одной стороны, и всегда—съ другой. Такъ наприм., по Рѣзанову, въ Кур. Обоян. всегда говорятъ: кадá, тады́, но— „завсегда“, причемъ „звукъ г.....“ „произносится крайне быстро, слабо, еле уловимо для уха“ (стр. 105; т. е. не какъ γ, а какъ h?). То же, по Филатову, въ Ворон. губ. (т. 38, стр. 383). Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ ю.-влкр. говорахъ γ сохранилось и въ этихъ словахъ. Такъ, оно слышится изрѣдка и въ описываемомъ говорѣ; въ произношеніи одной крестьянки Шацкаго у. Тамбовск. губ. я слышалъ кагдá и т. п. съ очень опредѣленымъ *г* взрывнымъ. Въ сѣв.-влкр. обыкновенно во всѣхъ этихъ нарѣчіяхъ *-вд-*, *-лд-*. Не стоитъ ли ю.-влкр. кадá въ какой-ниб. связи съ србск. кàда, ст.-слав. ни-къда?

Благодаря выпаденію h изъ γ между гласными получается стяженіе по правиламъ, указ. выше: блъславлéнjь и даже бъславлéнjь, гдѣ *л*, б. м., выпало фонетически по диссимиляціи съ *л* слѣдующихъ слоговъ, а скорѣе всего,—нефонетически, п. ч. первая часть слова понята, какъ бого („богословленье“, п. ч. благословляютъ именемъ Божіимъ).

г изъ стараго h или б. м., вставленое по аналогіи

съ именемъ Григорій—въ имени Јагóр или Јигóр (=Георгій=Γεώργιος, т. е. Јеóрјіос).

Въ пѣніи между гласными, не подвергающимися стяженію, является вставное *х*, наприм. „Напајóмшы х угавáривала“; „Сняшкѝ бéлы.... вăпадáли х аńе па маря́“ и мн. др.

л передъ *и* въ началѣ слова — въ имени Липáт = Ипатій.

СОГЛАСНЫЯ.

Кромѣ звуковъ, извѣстныхъ въ литературномъ языкѣ, отм.

р губное: пр͡у̀сéн (этимъ именемъ подзываютъ телятъ. По происхожденію не родственно-ли съ порося, поросéне?), пр͡у́п͡рунда (междометія).

Твердость и мягкость согласныхъ.

Прежде, чѣмъ говорить о смягченіи согласныхъ, замѣт., что въ положеніи передъ глухими согласными извѣстны только глухія, а передъ звонкими, кромѣ сонорныхъ, *в* и *j*,—только звонкія.

Разсмотримъ согласныя 1) въ положеніи передъ мягкой согласной, 2) передъ твердой, 3) передъ гласными и 4) въ концѣ слова.

Согласная передъ слѣдующей однородной мягкой согласной, если не диссимилируется ей, сливается съ ней въ одну усиленную согласную мягкую. Такая удвоенная согласная въ моихъ записяхъ изображается 2-мя одинаковыми согласными. Т. обр., получается: аѣ̀бѝт̀, аѣ̀вирóзу, аńńéчку, вѣ̀ис̀ти, апà вѣ̀вилá, ф̀филатъвă, адд̀éлът̀, адд̀вéри, ат̀тяшкăj мýкѝ, с̀сéнъм, з̀зилóнъм, ʾАńńи. Сочетаніе х+х̀=х̀х̀; сочетаній к+к̀ и г+г̀ не существуетъ. Впрочемъ, въ сочетаніи т+т̀, получившееся изъ к̀, первое *т* не

вполнѣ ассимилируется второму: кле́²тти, се́тти, хотя встрѣч. и кле́¹тти и т. п.

Согласныя шумныя и носовыя передъ согласной шумной и, частью, носовой того же мѣста образованія уподобляются ей по степени мягкости. Исключеніе составляетъ *j* (впрочемъ, въ этомъ положеніи только і), не измѣняющійся въ положеніи передъ твердой задне-небной и не ассимилирующій ее себѣ.

Прим. ло́хкіи, мя́хкіи, но: ло́хкъј. мя́хкъј и пр., сто́јкă, чьјку́.

авве́сить, аввистить, ввить, ф пе́чки, аввязнъс, в ме́ру, ам'мини́т, вие́сти и пр., но: ф по́грѣби, аб вас и пр.

пацсме́ивъит, ацсе́львă, пъдзило́нъю, с тиле́ди, любава́лиз дивава́лйс, кости, вмести, визде́, гво́зди, свисте́т, Не́стър, с ним, сне́к, биз няво, антире́снă, андьл и андьл (если здѣсь д—давнее), пре́¹жди и пр., но: пăцсабо́ј, аццу́дă, пъдзабо́ръм, стая́т, пасто́ј, сви́ст, ко́стъчкă, ме́стъ, гвазло́чьк, и пр.; дирив́е́нскъј, Успе́нскъј и пр. Впрочемъ, въ сочетаніи цс первая часть можетъ быть твердой: пъцсирпо́м. Передъ твердой шипящей (*ш*, *ж*) зубныя тш и дж тверды, но мягкій н сохраняется: ме́ншъ, надо́ншык, рядомъ съ надо́нщьк, гдѣ н — передъ мягкой шипящей. Шипящія *ш* и *ж* мягки только передъ зубной шумной (взрывной?), ср.: пре́жди, но ве́²шньј, зде́²шньј. Въ сл. пре́¹жньј *е*¹ осталось по аналогіи съ пре́¹жди. Иногда встрѣчается *с* твердое передъ н: Бо́х *с* но́м, *сни́зу* и др.; также передъ т изъ к: кусти́, паръфо́нкъ*стих*.

Губныя передъ мягкими средненебными обыкновенно смягчаются; точно также и передъ мягкими губными являются мягкія средненебныя. Но въ тѣхъ же положеніяхъ извѣстны и твердыя губныя и задненебныя.

вју́, ју, увјо́т, вы́пјьт, вју́, завјай́т, авје́хът, авјивй́т, де́¹фки, но чаще: де́²фки (и де́²фти), гдѣ *е*² и *ф* изъ другихъ формъ; ще́¹ки, кре́¹кии при кре́пкъј, стифки, со́мкин, пато́мки но и убју́т, симја́, пјо́т, слифки, пато́мки.

къ ми́лъму, ф це́рькви; кажется: г бе́рьгу, г вирóзи, къ Фили́пу, и пр.

Зубныя передъ мягкими губными обыкновенно мягки: дъве́ри, съве́т, съякрóф, надъ ве́ткай, дъви́нуть, надъмóтки, мидъве́ть и видъме́г, гве́т, вызъве́, съ пятьим, ръзъзива́ли, зъсвирка́ли, изъмиги́ть, изъме́шыцă, спи́т, адъви́ть, атъве́дъть, аг-ю́рлă, ръспява́ют, твирозъj, пъдвярну́лъс, спе́рвă. Шипящія *ш* и *ж* и аффрик. *ч* въ этомъ положеніи всегда тверды. Могутъ являться твердыми и другія зубныя. Ниприм. ат миня́, ăтпира́j, биз вяны́, спе́рва и др.

Губныя передъ мягкими зубными, кажется, тверды, по крайней мѣрѣ губныя билабіальныя, а губнозубныя передъ согласной другого слога (только н?): аслé²пньт, пълюбóвньк (в назалир. твердое), дирé²вня, чé²пчьк, копчьк, апто́р, абделъть. Но: взял, взя́ть, фсó, фсé, рядомъ съ взять, фсé. Впрочемъ это правило еще требуетъ провѣрки.

Задненебныя *к*, *г*, *х*, *γ* всегда тверды въ положеніи передъ слѣдующей мягкой зубной: к сибé, г зимé, х гибé, γ дéрьву, трахтúр, лякти, нé²γди и не²гди, Аксю́тка, пóкньт, пихнот, блóкньт, дъмикниса.

Твердыя зубныя въ положеніи передъ слѣдующей мягкой средненебной к, г, х j не смягчаются: нé² с ким, аткéдă, платкú, Парфóнкъски, клé²тки, вé²тки, скáски, мазги, сáнки, пéнки, жырибóнки, падjéхъл, атjéхъл, сjéл и пр. Но передъ мягкой средненебной того-же слога зубныя *с* и *з*, кажется, могутъ иногда смягчаться. Поэтому: ткóт, но скúнуть, згúнуть, с кем (или только: стúнуть, здúнуть, с тем. по: скúнуть, згúнуть, с кем?), сjéздить, сjес при сjéс. Передъ j, кажется, могутъ иногда являться мягкія зубныя и въ другомъ положеніи. Рядомъ съ атjéхъл, падjéхъл, кажется, произносятъ и падjехъл, атjéхъл (?).

Мягкія зубныя передъ мягкими средненебными сохраняютъ свою мягкость: мурúски (им. ед.: мурúскă), Васки, Пéтки, Фетки (при им. ед. Вáскă, Пéткă, Фéткă), ступéнки, дéнги, жытjó, бытjó, зjáйт, касjó.

j передъ зубными, какъ твердыми, такъ и мягкими остается безъ измѣненія.

Передъ л̓ смягчаются только зубныя, но и у тѣхъ смягченіе не совсѣмъ полное и не обязательно: ма́сл̓инъj, во́зл̓и, ас̓ле́п, зл̓и́ццъ, пъни́с̓л̓и, зътри́с̓л̓и, но также: слизну́лъ и др. (о *т* и *д* передъ л̓ см. ниже). Согласныя губныя передъ л̓ — среднія или твердыя: пате́¹пл̓илъ, ге¹пл̓и и: те́²пли, гре́²бля́, (ср. гряб̓л̓и́); зе́²млю. Остальныя согласныя вполнѣ тверды: клю́ч, кл̓е́щ, кл̓е́ткӑ, в э́дъкъм по́кл̓и.

Чередованіе л и л̓—устарѣлое. Въ настоящее время мягкость или твердость слѣдующей согласной сама по себѣ не вызываетъ смягченія или отвердѣнія л. Прим. малча́т̓, па́лк̓и, во́лк̓и, пал̓и́нӑ, то́лщь и пр.

ма́л̓чьк, ба̓лшо́j, до́л̓шь, ме́л̓чь, ка̓лцо́, по̓лкӑ, стри̓лба́, гу̓лба́, а̓лха́ и пр.

Передъ р̓ всѣ согласныя тверды: зафтр̓и, тр̓и, прихад̓и́т̓, кре́пкъj, хре́ст, гре́с̓т̓, сря́ду, зре́ю, дре́вӑ, с̓е́стр̓ин. „*е*“ въ послѣднемъ словѣ указываетъ на то, что отвердѣніе зубныхъ передъ р̓ сравнительно недавнее, хотя ср. по́тр̓ин. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ между мягкой согласной и р̓—бѣглая гласная, при отсутствіи этой гласной предшествующая согласная можетъ еще сохранять свою мягкость: с̓р̓ид̓и́ (и ср̓ид̓и), чаще: с̓и́р̓ид̓и, п̓р̓ид акно́м (вм. передъ окном), чаще: п̓и́р̓д акно́м или п̓е́р̓ьд акно́м.

р передъ мягкими зубными и губными почти всегда мягокъ: нъ чир̓т̓е́ (при имен. ед. чирта́), че́р̓т̓и (им. ед.: чорт), чир̓т̓ин̓я́тьчк̓и, ар̓т̓и́ст, ше́р̓с, шыр̓с̓тяно́j (но: шырстабо́j), Ар̓с̓е́н̓т̓ьj, с̓ир̓д̓е́чкъ (ср. с̓е́рцъ), с̓ир̓д̓и́ццъ, ас̓е́р̓д̓иссă; кар̓м̓и́т̓, ко́р̓мьт (ср. корм), скар̓в̓е́т̓ (ср. скорбнъj), т̓ир̓п̓е́т̓, т̓ир̓п̓и́ч (=кирпичъ), Пар̓ф̓о́нкъск̓и, чир̓во́нъj, в̓ир̓в̓и́въчкă (впрочемъ, въ этомъ словѣ *р* первоначально мягкое, ср. в̓и́р̓о́фкă), ръзар̓в̓и́, ръзар̓во́ш; съмава́р̓чьк, фто́р̓н̓ик; дво́р̓н̓ик, го́р̓н̓ицă, чо́р̓н̓и̓н̓кăj и пр. Но очень рѣдко, и въ этомъ положеніи слышится *р* твердое: асирди́лсъ, пьрнима́т̓.

Передъ мягкими средненебными *р* твердый не смяг-

чается: парк҃и́, ко́рк҃и, Го́рк҃и, тарги́, ку́рки, Чу́рк҃йн и пр., но р҃ сохраняетъ свою мягкость: ˀСир҃е́j, се́р҃ˀи, церк҃ви и пр. Ср. ˀСи́р҃ога, с҃ир҃о́шка; старослав. црькы.

р остается твердымъ и передъ т҃ и д҃, происшедшими изъ к҃ и г҃. Поэтому при чир҃те́, с҃ир҃диццъ: Го́рт҃и, ку́рт҃и, апо́рт҃и, тард҃и́, но, конечно, ˀСир҃де́j и пр.

Шипящія аффрикаты *ч* и *щ* (ж҃(д҃)ж҃ послѣ согласныхъ не встрѣчается) смягчаютъ предшествующую зубную носовую *н* и шипящія *ш* и *ж*. Остальныя зубныя передъ шипящими вообще неизвѣстны, такъ какъ тоже переходятъ въ шипящія (*т* и *д* въ аффрикаты, а *с* и *з* во фрикативныя).

Согласныя передъ слѣдующей твердой согласной.

Мягкія губныя и средненебныя въ положеніи передъ твердой согласной вовсе неизвѣстны: зе́ˀмскъj, кро́внъj, то́мнъj, и пр. Что касается j, то у меня въ такомъ положеніи это только условное написаніе вм. д҃.

Мягкія зубныя, какъ шумныя, такъ и сонорныя сохраняютъ свою мягкость передъ твердыми губными (только билабіальными?) и задненебными:

ˀФе́т҃ка, ˀПе́т҃ка, Ва́ска, мурыс҃ка, пис҃мо́, р҃изба́, сва́д҃ба (и сва́р҃ба), казба́, Кузма́, вазму́, но: изба́, шу́тка, кыска, пасмо́тр҃ьм, изма́йлса и пр.

н҃: ду́шън҃ка, Пара́шън҃ка, но́жен҃ка, ми́л҃йн҃ка, ко́сын҃ка, кърат҃е́н҃ка, ма́мйн҃ка, мъла́д҃е́н҃ка, ја́блън҃ка, за́ин҃ка, за чо́р҃нйн҃ку, чирнабро́вин҃ка, ки́сън҃ка, ма́хън҃къj, Ка́т҃ьн҃ка, бир҃о́зън҃ка, ран҃о́хън҃ка, сва́шън҃ка, де́н҃гъми, Са́н҃ка, Со́н҃ка, Про́н҃ка и пр. (большая часть примѣровъ взята изъ пѣсенъ). Но: ас҃и́нка, лаха́нка (при неуменьш. лаха́н҃), са́нки (неуменьш. са́ни), ˀе́с҃ьнка (при: ˀе́с҃н҃ь), ле́сьнку, ре́пьнку, мана́шънка, дал҃и́нка. бы́л҃и́нка, ав҃е́д҃йнка, ми́л҃ъс҃т҃йнка (см. выше), гу́линка, за кра́сйнку (=красненьку), мали́нку (сказк.) и пр.

л: па́лка, по́лбъ, сталба́, талпа́, но: О́лгъ, Олкъ, Ма́лкъ, По́лкъ, а̀лха́, па̀лба́, стр̀ла́ и пр.

р̀ и *р:* с̀е́¹рп, с̀ирпа́ и пр., че́¹рпът, пъчир̀пну́т, ве́¹рбъ, в̀е́рбъвъј, вир̀блю́т (ругат.: ацта́н вир̀блю́т), с̀те́рвъ, вѐрх, нъвир̀ху́, св̀е́рху, го́ркъј, зъсвир̀ка́ли, пан̀ѝрка́, чит̀ве́рк (и чичв̀е́рк), з̀е́̀ркълъ (и зе́рт̀лъ), це́рквъ, це́ркъф, пе́рвъј, спе́рвъ, но и: спе́²рва: „я ни зна́ю, как ӣјо́ (т. е. пѣсню) спе́рва“. Несовсѣмъ понятное исключеніе: царко́внъј и до́ргът. Ср. де́¹ргат въ нѣкоторыхъ другихъ говорахъ. По мнѣнію Шахматова, здѣсь -̀ор- вм. -ер- заимствовано изъ глг. дёрнуть (Шахм. Изсл. 80).

Мягкія зубныя передъ твердыми зубными же по большей части отвердѣли. Фонетически сохраняютъ свою мягкость л̀ при всякомъ положеніи и н̀ — передъ шипящими.

изме́н̀шыцъ, т̀ин̀жа́л, ме́н̀шъ и пр.

па̀лто́, и ӣду́, по́лзъ, ба̀лшо́ј и пр.

мо́ртвъј, замьртвъ, чо́рнъј, д̀е́²рскъј, ӣе́²рцу, ӣиршы́т, ӓржано́ј и пр. Неясно р̀ въ сл. с̀ирту́к въ одной прибаутк̀ѣ, при обычномъ: с̀ирту́к. Далѣе р̀ не успѣлъ отвердѣть передъ твердой согласной, если между ними выпала гласная (изъ стараго *ъ*): пир̀там̀е́т, пир̀дакно́м, пир̀сади́т, чӥрз акно́, ӣир̀нас̀и́т и пр. Въ этомъ случаѣ иногда вмѣсто р̀ слышится р̥ слоговое.

Изложенныя здѣсь правила смягченія и отвердѣнія согласныхъ передъ слѣдующей согласной касаются только согласныхъ въ серединѣ слова или въ концѣ предлога. При встрѣчѣ согласной въ концѣ одного слова съ согласной въ началѣ другого дѣйствуютъ тѣ же правила, но не такъ послѣдовательно.

Мягкость согласныхъ въ концѣ слова.

Губныя мягкія въ концѣ слова (такъ же, какъ и передъ ј и другими мягкими согласными), иногда твердѣютъ: го́лу̀ӣ, ру́п̀, кара́ӣ, жура́ф, кро́ф, любо́ф и: го́луп,

ру́п, кара́п, про́луп, жура́ф, кро́ф [1]), любо́ф; се́²м, рѣже: со́¹м. Приведу нѣсколько примѣровъ изъ сказокъ:

wо́сьм̓ ане́ ле́т, се́мдьсьц̓ се́м, кро́в вы́пьл, „аста́w, rwӑр̥т, аста́ф“. Ср. передъ j: ф сафјанѣх сапо́шкѣх, пја́нскьми и пја́нскьми, симја, убју́т, пјо́т и ўвјут и пр. Миша Байковъ въ этихъ словахъ обыкновенно пишетъ *ъ:* голубъ, свекровъ, семъ дорогъ, поставъ насъ, вцерковъ, но также: въ церковь. Впрочемъ, онъ несовсѣмъ ясно различаетъ значеніе *ъ* и *ь* и нѣсколько разъ пишетъ *ъ* послѣ мягкой согласной, а именно: теперъ, царъ, денъ, опятъ, почитатъ, читатъ, преобщитъ (infin.), незнаетъ (вмѣсто: не знаете), иговорить (3 л. един.); въ остальныхъ случаяхъ *ъ* и *ь* употребляется правильно.

н̓ и *н:* о́чьн̓ и о́чьн. Миша Байковъ пишетъ и очепь и оченъ.

дйрива́н̓ и пр., но са́жьн (род. множ.), пе́сьн, ба́сьн или даже пе́сь̯ⁿ, ба́сь̯ⁿ съ *ь* носовымъ на концѣ и съ очень слабымъ согласнымъ *н* (см. между прочимъ Шахм. Лекціи, стр. 151).

л и л̓: о́къл и о́къл̓, также: о́кълъ. Прим.: о́къл̓ о́зьра и пр. Въ предположеніи Будде, объясняющаго л̓ въ этомъ словѣ апалогіей съ откуля, нѣтъ необходимости (Будде, Къ исторіи, стр. 101—102). Вѣроятно здѣсь предлогъ *о* съ мѣстнымъ, а не винит. пад.

а́н̓дйл̓ при а́н̓дьл, но всегда: а́н̓дьлӑ.

Окончаніе 3 л. глагол. всегда *т* твердое, какъ въ московскомъ и сѣв.-влкр. говорахъ. Но Бо́знът̓ (при Бо́γ знадт), Бо́знъч̓ што́, на́дът̓, јес̓т' (=есть, по је́²ст=ѣстъ).

з̓ и с̓ — въ предлогахъ: чѐр̓из̓, рѣдко: чѐр̓из (чйрйз), бли́с̓ (=близь — совершенно правильно; литературное на-

---

[1]) Одинъ разъ мнѣ пришлось говорить о произношеніи словъ съ одной бабой нашей деревни (Анной Акимовой) 24 лѣтъ и ея младшей сестрой, тоже изъ Парфенокъ, дѣвушкой лѣтъ 16. Младшая сестра говорила: „кроф“. На это старшая замѣтила: „этана́ та́г бре́шът; фсо́ кро́ф“.

писаніе „близъ“ вызвано какими то посторонними соображеніями); въ нарѣчіи пакáмис(т). Примѣры: чéрьз грáтку, чéрьс пóль и др. У Миши Байкова: черезь годъ.

Мягкость согласныхъ передъ слѣдующей гласной.

р: чиряпъть, ачиряпъццъ, чиряпкъцъ (=литер. царапать, царапаться; ср. Рязан., Тул. и др. карябъцца, кóшка карябъла), стрючкй, крипúвъ, чаще: крапúвъ, трúсняк, рядомъ съ трасняк, но: трóстъчкъ; кумаря, кумарóнък, кумарй, рядомъ съ кумарá, кумарóчьк, камáр; абрящьк; рибяты, чаще, чѣмъ рабяты, но правильно: равóнък, зáфтрикъть и зáфтръкъть (у Миши Байкова только: завтракать, позавтрокаемъ), дригáццъ и дрягáццъ (ср. литер. дрыгать); Матрóна; зáфтри, и, кажется, брикáццъ.

Чередованіе *р* и р во многихъ словахъ неяснаго происхожденія. А. И. Соболевскій приводитъ цѣлый рядъ словъ, извѣстныхъ какъ съ твердымъ, такъ и съ мягкимъ *р* (Лекціи, стр. 120—122). Въ нѣкоторыхъ словахъ это чередованіе, несомнѣнно, общеславянское. Къ такимъ случаямъ, б. м., можно отнести корябать и черяпать при царапать (3 родственныхъ, но разныхъ корня), крепива (изъ крьпива?) при кропива, трестнякъ или трестникъ (отъ трьсть) при тростникъ (отъ тръсть), и, пожалуй, дрегаться (дрьгатися?) при дрыгаться. Въ сл. абрящьк р, вѣроятно, вызвано дѣйствіемъ аналогіи и не стоитъ ни въ какой связи съ р вм. *р* въ только что приведенныхъ словахъ. Слово „образчикъ“ — книжное. Вѣроятно, здѣсь — смѣшеніе двухъ основъ, нерѣдкихъ въ церковнослав. яз.: **обраѕ-** и **обраѕц-** (хотя само по себѣ это слово не заключаетъ въ себѣ ни той, ни другой основы). Въ современномъ церковномъ пѣніи и чтеніи мнѣ нерѣдко и притомъ у многихъ лицъ приходилось слышать произношеніе: обрящся, обрящ вм. обращся и т. п. и даже: приобрящся вм. преображся. Въ связь съ этимъ произноше-

ніемъ я бы поставилъ встрѣчающееся въ древнерусскихъ памятникахъ написаніе тѣхъ же словъ черезъ *я*, ср. **ѡбращьса** вмѣсто „обращься“ въ сп. повѣсти объ Акирѣ XV в. б-ки Общ. Ист. и Древн. Росс. № 189, л. 95 об., стр. 9. Слово „р҃ибя́ты“, вѣроятно, заимствовано изъ Москвы. Откуда здѣсь р҃ (ср. литер. ребёнокъ), неясно. Въ другихъ, какъ сѣв.-влкр., такъ и ю.-влкр. говорахъ правильно: робя, робята и пр. Не знаю, почему Филатовъ здѣсь, какъ и въ словѣ попелъ (ср. древнерусское попелъ при русскомъ-же и ст.-слав. пепелъ), *ждалъ* звука *е* (т. 37, стр. 205). Въ сл. „за́фтр҃и“ окончаніе -р҃и (въ другихъ говорахъ -ря) могло быть заимствовано изъ нарѣчія утр҃и=утрѣ. Шахм. въ Изслѣд. выводитъ завтря изъ заоутриѥ (стр. 68—69), а заўтри изъ заоутрии (Ельн. 81). Въ словѣ зафтр҃йкъ҃т р҃ изъ зафтр҃и.

р: гры́п, грыбы́, пры́нц, кры́нкă; рѣже: ры́гă, скры́нё҃т при р҃и́гă, скр҃ипё҃т. Всегда скр҃и́пкă. бръ҃лия́нтъвъj (народн. этимол.?), угру́мъй рядомъ съ угрю́мъй.

л҃ и *л:* па́кла҃ (ср. литер. пакля).

н҃ и *н:* набо́с҃, нябо́с҃ и н҃ибо́с҃ (первое и второе только, какъ союзъ; третье — какъ союзъ, но иногда сохраняетъ старое значеніе: не бойся); кра́jнъj и кра́jн҃ьj, да́л҃нъj и да́л҃н҃ьj, давны́шнъj, пазны́м пазн҃о́хъ҃йкъ, тап҃ёрьшнъj, и́хнъj, но: с҃иво́дн҃ьшн҃ьj; бу́бьн҃. У Миши Байкова: крайной и крайнёй, дальный и вдальній, далнею, таперешный, ихный, сегоднешній. Въ сл. набо́с҃ отвердѣніе *н* можно сопоставить съ Ворон. што набуть (Филат., т. 38, стр. 318). Въ словахъ на -нъj и н҃ьj мы имѣемъ различные суффиксы. Ср. у Будде, Къ исторіи, стр. 197 и въ другихъ говорахъ. То-же и въ сл. давны́шнъj, которое произведено не отъ да́вн҃ьj, а отъ да́внъj, ср.: давно́ давны́м (въ такомъ порядкѣ словъ это выраженіе извѣстно описываемому говору) и пр. *н* твердое въ ихнъj ср. съ чешскимъ ny въ словѣ wšechny, первоначально = общій, принадлежащій всѣмъ.

н҃ въ та́рака́н҃и (нѣ.) см. въ Морфологіи.

к и *г*. Старыя сочетанія кы, гы перешли въ ѣки, ѣги, но въ глаголахъ на -кывать, -гывать твердыя задненебныя сохранились, причемъ *ы* частью сохранилось, частью перешло въ *е*: паттáлкѣвѣт, паддóргѣвѣт и др. Въ сл. кы́скă, м. б., сохранилось первоначальное кы, а, б. м., уже возстановлено потомъ. Рядомъ съ этимъ произношеніемъ — также: ѣ́скă, сѣ́рă ѣ́сăнкă (пѣ.) (кыска, кыш отм. также у Филат. Ворон. т. 38, стр. 274; у Будде, Къ діалектологіи, 61 и др.).

Твердыя задненебныя въ сл. Гарáсăм, къраси́н (къраси́нъj=керосиновый), лъгаря́ и лъгари́. Всѣ перечисленныя слова — заимствованы. Отвердѣніе *к* и *г* въ нихъ — различнаго происхожденія. О „Гарáсим“ см. Шахм. Изсл. 24; остальныя два слова — недавнія.

сѣ́ргъв дéн при сѣ́ргъj (имя святого), Сирдéj. Ср. *г* въ Сирóга.

ѣ: зѣ́ртйлă изъ зѣ́рѣ́лă, при зѣ́ркълă. *к* здѣсь смягчается, хотя необязательно, подъ вліяніемъ предшествующаго мягкаго звука (или предшествующихъ мягкихъ звуковъ?). Но въ другихъ словахъ такого смягченія не бываетъ: мáльнкъj, дéнгъми, папи́ркă и пр.

кистинтúн, но чаще: къстинтúн. ѣ въ этомъ имени слышится въ очень многихъ великор. говорахъ и, вѣроятно, вызывается мягкостью слѣдующихъ согласныхъ.

Губныя. Смягченіе губныхъ посредствомъ л распространеннѣе, чѣмъ въ литерат.: блъславлéнjь, усплéнjь, усплинjó, приплавлéнjь, заржáвлинăj и др. Такое же л въ глг. купля́т, купля́ю при пъкупа́т, пъкупа́ю (см. въ Морфол.). Въ глаголахъ на -плю, -блю, -млю, -влю это л въ 1-мъ л. ед. сохраняется: куплю́, таплю́, люблю́, кармлю́, готóвлю, стáвлю и пр.; формъ 1 л. ед. отъ такихъ глаголовъ безъ л нѣтъ. Вѣроятно, по аналогіи съ этими глаголами л выпалъ во 2-мъ л. глаг. трéльссă при 1 л.: триплю́с, но: мéрьн трawý сúпльт и т. п. Въ концѣ словъ это л отпало: руп, карáп, журáф или рýф, карáф.

Мягкія губныя: чирвóнъj, пръмихнýлъс, мьргануть (ср. литер. моргнуть), Нифóт (род. Нифóда), пъздарóвицъ (=по-

здороваться), рѣдко: Висили́са при обычномъ: Въсили́сѣ. Но правильно: высо́кѣй, высако́ и др. Въ сл. чирво́нъй звуки *р* и *в* смягчились, п. ч. стали производить это слово отъ „червь“. Въ сл. Висили́са, извѣстномъ въ такомъ видѣ во многихъ великор. говорахъ, можетъ быть, дѣйствовала аналогія со сл. веселиться, поддержанная и мягкостью слѣдующихъ слоговъ. Шахматовъ (Мосал., стр. 185) видитъ здѣсь только ассимиляцію гласной гласнымъ послѣдующихъ слоговъ. Въ сл. „пъздаро́вицѣ“ — другой суфф. Ср. тотъ же глаголъ, но въ другомъ значеніи въ литер. языкѣ.

Твердыя губныя. Пъладе́й (см. Шахм. Изслѣд., 24), бълабо́кѣ („саро́кѣ бълабо́кѣ“ въ одной прибаюткѣ), вы́шнй, графы́н, графы́нй. Обычное названіе сороки — „бѣлобока“, но здѣсь, очевидно, другое слово, ср. балаболка“. Въ „графы́нй“ тотъ же суфф., что въ барыня, сударыня, боярыня, княгиня, гусыня и пр.

Зубныя: дю́жъ — „авоз дю́жъ харо́ш“ и пр., ˀНесˀтьр (см. Шахм. Изсл. 28), ми́лъсˀтйнкѣ („ми́лъсˀтйнку Христа̀ ра́ди“), наоборотъ: студо́нъй, студяно́, хотя, кажется: ˀстю́дьнˀ; дыра́; таˀне́ˀр, тапе́ˀрьчь, таˀне́ˀрьшнъй и пр., рядомъ съ ˀтипе́ˀр, ˀтипе́рй и пр. У Миши Байкова: теперь (нѣсколько разъ) и типерича, но одинъ разъ: таперешный часъ. Въ сл. „ˀми́лъсˀтйнкѣ“ — суфф. -ин- (ср. Шахм. Мосал. 208). О „дюжъ“ и „студо́нъй“ см. Собол. Лекціи, 121; о „таˀне́ˀр“ и „ˀтипе́ˀр“ — тамъ-же, стр. 93.

с твердо въ окончаніи возвратн. глаголовъ *-с* и *-ся*. Прим. пя́ˀтилъ́ас, бря́кнуласа, раста́нца, абˀнима́юс, гань́оса, го́ница, ˀни жыˀни́са, же́ˀнисса, ˀни дакли́калас, казалˀса и пр. (Примѣры взяты изъ пѣсенъ, но то-же и въ сказкахъ и разговорномъ языкѣ). ˀс мягкое сохранилось только въ выраженіи ˀнибоˀс и набо́ˀс, почти утратившемъ первоначальное значеніе. Но въ 5 в. къ востоку отъ Парфенокъ, въ дер. Мазиловѣ въ этомъ случаѣ — ˀс, ся.

Въ другихъ влкр. говорахъ чаще -ˀс, -ˀси, -ся, также -се́ (послѣднее преимущественно въ сѣв.-влкр.) (см. Шахм. Изсл., 209) и -ˀсо, но нерѣдко встрѣчается и окончаніе

-с, -са, -сы съ твердымъ *с*. Повидимому, послѣднія формы чаще въ сѣв.-влкр. говорахъ (ср. Матеріалы 21, 35, 36, 37, 38, 39, 40 -са; 22, 41 -сэ; 28 -сы), чѣмъ въ ю.-влкр. Впрочемъ, *-с* и *-са* отм. у Филатова (т. 38, стр. 319), а *-с* и *-сы* у Будде въ Тул. губ. (Изв. II Отд., т. III, кн. 3 и 4) и пр. По мнѣнію А. И. Соболевскаго, твердое *с* здѣсь изъ фф. на -ца, -цы въ 3-мъ л. ед. и мн. и неопр. накл. (Лекціи, 120).

суда́ и суды́. Миша Байковъ пишетъ: „иди суда“. Ср. старослав. сѫдоу (см. Соболевск. Лекціи, стр. 120).

Лабіализація согласныхъ.

Нѣкоторыя твердыя согласныя въ положеніи въ неударяемомъ слогѣ могутъ получать лабіализацію передъ *у, ы, ъ* (т. е. глухая открытая гласная) или послѣ этихъ гласныхъ. Такой лабіализаціи подвергаются главнымъ образомъ губныя согласныя и *л*, нѣсколько менѣе — заднепебныя. Зубныя согласныя тоже иногда лабіализуются передъ *у* или если въ сосѣднемъ слогѣ являются губныя. Гласныя въ положеніи послѣ и передъ такими лабіализованными согласными, находясь не въ ударяемомъ и не въ непосредственно предшествующемъ ударяемому слогѣ, болѣе или менѣе лабіализуются, но можетъ происходить и обратное явленіе, т. е. лабіальная гласная, диссимилируясь съ сосѣдней лабіализованной согласной, переходитъ въ гласную нелабіальную. Примѣры [1]): ъ̊пъ^{у}лапо́шки, ъ̊пъмура́вицъ („че́м ьт ана́ јаму̀ ъ̊пъмура́вилъс?“ = понравилась), бу^{γ}ачо́wу; штӯп паспе́ли, шшъ^{у}бъ wо́лк ни утащи́л, думавни́чъ̀т, тубаре́ткӑ; ӑкълубине́лӑ земля́; кузначе́јствӑ; мажучо́к, дабавы́и (послѣдніе два случая только въ пѣ.). Къ сожалѣнію не могу теперь привести примѣ-

---

[1]) Лабіализація согласныхъ, если гдѣ подмѣчена мной въ записяхъ, обозначается черезъ ° надъ буквой; въ остальныхъ случаяхъ объ ней можно догадываться по измѣненію гласной.

ровъ на всѣ извѣстные мнѣ случаи лабіализаціи. *у* въ положеніи послѣ лабіализованныхъ согласныхъ выговаривается нѣсколько болѣе открыто, чѣмъ послѣ нелабіализованныхъ согласныхъ. Странный случай лабіализаціи — въ сл. ко́кӱф = како́въ въ одной пѣснѣ.

Переходъ глухихъ въ звонкія и обратно.

Правила перехода этого — тѣ-же, что и въ литературномъ языкѣ, т. е. звонкія шумныя въ положеніи передъ глухой шумной переходятъ въ соотвѣтствующія глухія; глухія же шумныя въ положеніи передъ слѣдующей звонкой шумной, но не передъ *в*, за которымъ слѣдуетъ гласная, и не передъ *j* переходятъ въ соотвѣтствующія звонкія, а передъ *в* съ послѣдующей гласной и передъ *j* остаются безъ измѣненія. Но передъ *в*, которое само — передъ звонкой согласной шумной, глухая переходитъ въ звонкую. Поэтому: ни тро́к во́зйт, но: ни тро́г в дире́вни пъжыво́т. На концѣ слова всѣ звонкія переходятъ въ глухія, если за ними не слѣдуетъ такая согласная, передъ которой по правиламъ глухая должна перейти въ звонкую. Поэтому: Бох мој, уш вы збо́ры (въ пѣснѣ), дру́к мој, во́с ује́хъл, го́луп улите́л (или: го́лӱпӧлите́л) и пр., но: во́з ба̄шо́ј и т. п. Что касается предлоговъ, то они, за немногими исключеніями, такъ тѣсно примыкаютъ къ слѣдующему слову, что не подчиняются правиламъ конца слова. Поэтому: пъд акно́м, чйриз ре́ку, надна́ми, бьз ръзгаво́ру, биз мӣня́ и пр. Исключеніе составляютъ нарѣчія въ роли предлоговъ, ср. блӣс акна́, супрати́ф мӣня́ и пр.

Передъ сонорными согласными, передъ *в* съ послѣдующей гласной, передъ *j* и передъ гласными степень звонкости или глухости согласныхъ остается та-же. Предшествующая согласная тоже сама по себѣ не вліяетъ на степень звонкости или глухости послѣдующей согласной. Но въ единичныхъ случаяхъ являются звонкія согласныя вмѣсто глухихъ.

э́дък, э́дъкъj вм. э-так, э-такой. ну дък wо́т, но также: и: та́к, ну тък што́жъ и т. п. Ср. Рѣзан. Курск. Обоянск. 105.

чир̓ни́гъ̆, брусн̓и́гъ̆ и пр., рядомъ съ: чир̓ни́къ̆ и т. п. (ср. Будде, Къ исторіи, 185; Колосовъ, Замѣтки, 299 и др.), к ъ̓лшнягу́ (имен. ал̓шня́к. Ср. у Будде, Къ исторіи: „дубнягу́“ — стр. 348), га́н̓тък, грыжо́вник (ср. у Чернышева, Краткія свѣдѣнія о пѣк. говв. Дмитров., Богород. и Егорьев. у., 2). Въ дѣтской игрѣ въ макъ макъ называется: магави́стаj и макави́стаj.

ачуди́лъс (=очутилась. Сказк.). Можетъ быть, здѣсь — другой корень. Ср. у Даля и у Подвысоцк. очуди́ть въ знач. изумить.

У Дуни Максимовой въ одной пѣснѣ: лендай. М. б., такъ иногда и произносятъ (ср. Рѣзан. Курск. Обоянск. 105: „ленда“ и др.), но я обыкновенно слышалъ: ле́нтъчкъ̆.

Союзъ „если“ произносится: jе́с̓ли, jе́²ж̓ли и: jе́з̓ли (также — jе́ли).

жинтари́чкъ̆ (въ пѣ., Курово) = непонятому шипкарічка.

мя́гък по аналогіи съ л̓о́гък (и сва́дьп? Впрочемъ, ф. сва́дьп и сва́дьпкъ̆ мной не подмѣчены. Прилагат. — сва́дбишпъj; род. множ. можетъ быть сва́р̓п и сва̓тп).

Ли́зъ, Лизаве́тъ, =греч. Ἐλισαβέθ. Въ такой формѣ это имя извѣстно во всемъ русскомъ языкѣ. Вѣроятно, оно попало въ русскій языкъ откуда-нибудь съ запада, потому-что съ греческ. мы получили бы Олисаве́фь (ср. въ Остр. ев. Єлисаѳєѳь) или что-нибудь въ этомъ родѣ. Впрочемъ, при заимствованіи этого имени съ запада, несовсѣмъ яснымъ было бы здѣсь *в* вмѣсто *б*. Рядомъ съ этимъ обычнымъ произношеніемъ отмѣтимъ полуцерковное: Лисафе́т (с. Васильевское), гдѣ, наоборотъ, звонкая *в* перешла въ глухую *ф*.

Въ 9 верст. къ сѣв. отъ Парфёнокъ въ дер. Поповкѣ Клинск. у. Спасъ-Нудальской вол. существуетъ произношеніе: ˙іе[a]˙ю́ж̓ы̆чки, но: карто́ш̓ы̆чки. Въ говорѣ Пар-

фёпокъ въ обоихъ случаяхъ — *ш* (ср. у Филат. Ворон. мальчижычкя, т. 38, стр. 273).

Глухія вмѣсто звонкихъ: пара́тнъj (пара́тнъjь крыл̀цо́), во́тъчкă, на ко́ръ̀пи (имен. ед. ко́ръп = коробъ. Загадк.), нимно́шьчкă (Васильевское). Произношеніе во́тъчка, гдѣ *т* заимствовано изъ во́тка, очень распространено въ великор. говорахъ. Ср. у Филат. Ворон. т. 38, стр. 272—273 и у мн. др. Филатовъ, кромѣ вотачки, приводитъ еще лотачкя и два заимств. слова: лиманату и скыпитаръ. Какъ произносятся эти слова въ Парфёнкахъ, мнѣ неизвѣстно.

в передъ глухими и въ концѣ слова правильно переходитъ въ *ф*.

Переходъ взрывныхъ во фрикативныя.

г передъ гласными обыкновенно=латин. g. Фрикат. ɣ постоянно — въ слѣдующихъ словахъ: Бо́ɣă, ɣаспо́ɫ̀, ɣо́спъ̀ди, арɣа́н, ɣъспажа́, мя́ɣък, л̀о́ɣък, пăляɣо́нĕчку, ɣаɣо́чьт, баɣа́т [1]), и-ɣо-ɣо́ (междом.) и производныхъ отъ тѣхъ же основъ; рѣже: пираɣа́ми. Въ легендѣ о Николаѣ угодникѣ: уɣо́д̀ник (нѣсколько разъ): здѣсь — церковное произношеніе церковнаго слова. Въ пѣсняхъ, записанныхъ мною со словъ Дарьи Арсеньевой: арɣа́п, цыɣа́нкă и одинъ разъ: маɣи́лу, но чаще: мад̀и́лу.

Отсюда и въ концѣ словъ то *к*, то *х:* запро́к, увок, ве́рьк, паро́к, но: Бох и т. д. У Миши Байкова въ сказкахъ: запрегъ, запрекъ двѣ лошади, запрехъ лошадь.

Передъ соглас. отм.: ɣл̀ижу́, л̀ɣла́, ɣрусна́ (и грусна́. Всѣ три примѣра изъ пѣсенъ). Обычно здѣсь *г:* лигла́, глижу́.

---

[1]) Ср. Брандтъ, Лекціи, 112. То-же различіе существуетъ и въ другихъ говорахъ. Ср. у Будде, Къ исторіи, стр. 181, примѣры изъ дер. Акулова.

Сравнительно рѣдкое произношеніе *г*, какъ ɣ, роднитъ описываемый говоръ съ московскимъ и сѣв.-влкр. Впрочемъ, надо замѣтить, что и среди ю.-влкр. встрѣчаются такіе, гдѣ *г*—взрывное. Ср. Будде, Тул. и др. Быть можетъ, эти говоры смѣшанные.

Задненебныя взрывныя *к* и *г* переходятъ во фрикативныя *х* и ɣ передъ задненебными и зубными взрывными, т. е. передъ *к*, *г*, *т*, *д*:

лóхкъj, мя́хкъj, х каму́, х ка́мню, х ку́му и пр.; хто́, ѝнихто́, трахтѝр, нъдихта́нти, ф трахтѝри, кара́хтьр, х тибе́, дóхтур.

ɣ го́ръду, ɣ га́ду и пр.; ɣдѝе́, ɣ до́му, ɣ дѐрѝву, ɣ ду́бу, фсиɣда́, ѝникаɣды́ и пр.

Этотъ переходъ обязателенъ передъ задненебными, но передъ зубными могутъ сохраняться и *к* и *г* взрывныя, хотя не во всѣхъ словахъ: к ти́гри (сказк.), ля́кти (не: ляхти!), ло́кти (и: ло́хти), гдѐ́ (ср. выше), г другóму и пр., но всегда, наприм., — трахти́р, кара́хтьр и пр, съ *х*.

Кажется, вмѣсто *х* изъ *к* въ такомъ положеніи могутъ являться придыхательныя: kh, gh. По крайней мѣрѣ мнѣ слышалось иногда произношеніе: khто́, ghдѐ́ и др. Примѣры: khто́, khто́-тă, khто́-жъ—нѣск. разъ, gh дóму— въ пѣсняхъ; khто́ там и ghдѐ́ бъ — въ сказкахъ. Быть можетъ, эти аспиранты явились подъ вліяніемъ чередованія взрывныхъ и фрикативныхъ въ такомъ положеніи; въ такомъ случаѣ, аспираты можно ждать только передъ *т* и *д*, а не передъ *к* и *г* (т. е. нельзя сказать: gh го́ръду, kh каму́?).

Миша Байковъ передъ *т* пишетъ орѳографическое *к*: кто, некто, въ трактиръ, трактиршикъ, по трактирамъ и др.

х въ соотвѣтствіи съ литерат. *к*: хр̀о́снъj, хр̀е́с̀ньк, хр̀ис̀ти́т, хрищо́нъj, хрис̀ја́нскъj, ахрис̀ти́л, хре́с[т]. Но также: кре́с[т], крис̀ти́ццъ, пиркрис̀ти́лса, не́крис̀(т̀). У Миши Байкова: хрестъ, крестьянка. Въ другихъ говорахъ въ этихъ словахъ — и *х* и *к*.

х=*к* другихъ говоровъ: х'wе́лъj и х'wи́лъj=слабый, болѣзненный, хилый. Въ другихъ говорахъ въ томъ же значеніи мнѣ извѣстно кwе́лъj (Тамб. губ., Козловск. у.) и кв'о́лăj (Тульск. губ., Веневск. у. Косяевск. вол.). Ср. у Соболевск. Лекціи, стр. 31 и 126 и у Ляпунова, Ж. М. Н. Пр. 1900, ноябрь. Переходъ *к* въ *х* въ этомъ словѣ могъ быть фонетич. Ср. у Будде, Къ исторіи, 187, такіе прим. какъ цэрьхвéй, хвартéра; Тул. Кал. хвятóкъ (стр. 895).

Старое *к* сохраняется въ сл. мя́кчй (сравн. ст.), но также и мя́хчй при положит. ст. мя́хкъj, мя́γък.

к=литературному *х:* кара́хтър, къравóт, клéф (ф кливé и пр.). Въ первомъ словѣ *к*, вѣроятно, — для диссимиляціи съ послѣдующимъ *х* фонетич. происхожденія или восходитъ къ нѣмецкому (и французскому) произношенію этого слова; во второмъ *к* общерусское; литературное: хороводъ обязано своимъ *х* ложной этимологіи этого слова [1]). Отмѣтимъ, что *в* въ этомъ словѣ служитъ признакомъ сѣв.-влкр. или московск. говора, такъ какъ въ южновлкр. говорахъ, даже тамъ, гдѣ въ окончаніи род. пад. муж. р. прилагат. и мѣстоим. — *в*, въ словѣ корогодъ γ или *г* сохраняется. Ср. *Будде*, Къ діалектол., стр. 165, 172, 177 и т. д., Тул. Калуж. 833, Тул. 1300, 1305, 1311 и др.; *Рязановъ*, Курск., Обоянск., стр. 104; *Филатовъ*, Ворон. 281 и др. и мн. др. По происхожденію же это *в* восходитъ къ γ и, слѣдовательно, аналогично съ влкр. *в* въ оконч. род. пад. един. ч. муж. р. прилаг. и мѣстоим. Старое γ, не *г*, предполагаетъ въ этомъ словѣ и А. И. Соболевскій (Лекціи, стр. 113). Въ словѣ клéф (клѣвъ) *к*,

---

[1]) Впрочемъ, у Даля есть и *хороводъ*, довольно подозрительное, потому-что фонетическій переходъ *к* въ *х* въ русскомъ языкѣ существуетъ только передъ согласными, слово-же хоръ въ простомъ народѣ мало извѣстно. Вообще, этимологія слова *корогодъ* неясна. Отмѣтимъ, что въ сѣв.-влкр. говорахъ рядомъ съ коровóд и короγóд чуть ли не чаще слышится каравóд, каревóд и т. п.

можетъ быть, старое. Мѣну *к* и *х* въ этомъ словѣ въ разныхъ говорахъ ср. съ подобнымъ же чередованіемъ въ сл. хло́поты, хлопотать при старорусск. клопоты, всклопотить; клобукъ и нахлобучить и т. п. (см. Соболевск. Лекціи, стр. 127).

Губныя. *п* вм. *ф:* Осип, Стипа́н, шкап, Капка́с. Въ первомъ словѣ замѣчу чередованіе *п* и *ф* въ легендѣ о Николаѣ Чудотв: „въ Ося̀пъвъм мънъстыр̀е“, „О́ся̀пъф мънастыр̀“ — это обычное, народное названіе, вполнѣ установившееся, но О́ся̀ф и даже Ио́ся̀ф — книжное имя, п. ч. говорится не о простомъ Осипѣ, а объ святомъ. Здѣсь *п* въ имени, б. м., уже было получено такимъ если не отъ грековъ (ср. Ιωσηπ, Ιωσηππου и т. п. написанія въ ср.-греч. ркп.), то отъ южныхъ славянъ [1]).

Капкас съ *п* извѣстно и въ другихъ говорахъ. Ср. у Филат. Ворон., т. 38, стр. 291; я слышалъ такое произношеніе у жителей Пронск. у. Рязанск. губ.

б вм. *в:* Абра́м, губярна́нка (= гувернантка) и губярна́тка. Послѣднее въ пѣ. „Саушка по сѣнюшкамъ похаживаетъ“, въ такомъ стихѣ: „взя̀л ба̀ губярна́тку,— та ма́тка̀ мая́“. Такимъ образомъ „губярна́тка̀“ здѣсь названіе какой-то птицы (?), но по происхожденію, б. м., = гувернантка. *б* здѣсь изъ болѣе знакомаго крестьянамъ: губернаторъ. Ср. у Филат. Ворон., т. 38, стр. 291 и у др. Въ имени же Абра́м *б* вм. *в* очень старинное, являвшееся въ древнемъ русскомъ (и въ ю.-славянскихъ) яз. во многихъ именахъ, взятыхъ у грековъ. Подобно тому, какъ изъ Ιοσήφ, Εὐστάφιος, Ἀραφαρ, Σιναριφ въ пов. объ Аки-

---

[1]) Ср. у Лаврова, Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго яз., стр. 91; въ Вукановомъ ев. начала XIII в. (Кульбакинъ, Изв. Отд. русск. яз. и сл. III, 1162); въ сборн. Срѣковића XIII—XIV в. по текстамъ, напечатаннымъ у М. И. Соколова въ Матер. и Зам. I—V: пилософь, Леопирій, Рапаилъ. Епрѣмъ и др.; въ пов. объ Акирѣ по сп. Общ. Ист. и Древн. № 189, XV в.: Синагрипъ и Аранаръ. Послѣднему въ семитскихъ текстахъ соотвѣтствуютъ имена на -far, у Bar-Bahlul'a — 'Arâfar.

рѣ?) являлось: Осип, Остап (Аранар, Синагрип въ пов. объ Акирѣ), такъ и изъ Αβραάμιος являлось Абрáм. Впрочемъ, возможно, что Абрамъ явилось по аналогіи со сходнымъ именемъ: Абрáм или Амбрáм = греч. Ἀμβράμ и Ἀμράμ, и другими именами на Аб-, какъ наприм. Аббакýм или Амбакýм (въ такомъ видѣ это имя извѣстно въ современныхъ говорахъ и въ древнихъ памятникахъ русской письменности), имѣвшими *-б-* еще въ діалектахъ греч. языка даже въ концѣ Византійской эпохи [1]). Ср. Лавровъ, Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгар. яз., стр. 92; Соболевскій, Статьи по славяно-русскому яз., стр. 24; его-же: „Изъ исторіи...“ (Ж. М. Н. Пр. 1897, т. 314, ноябрь), стр. 64—65 (зам. XV).

ф вм. *п* въ сл. Аграфéнă—обще-влкр. Ср. сѣв.-влкр. Огрофéна, но млр. γορπίνα съ *п*.

в вм. *б*? бáушкă при бáбă, бáбŭ позволяетъ предположить переходное бáwушкă. Условіемъ для такого перехода взрывной во фрикативную могло быть ласкательное произношеніе этого слова съ усиленной лабіализаціей всѣхъ согласныхъ (причемъ такому переходу способствовало *б* сосѣдняго слога и *у*, слѣдовавшее за вторымъ *б*, которое такимъ образомъ ассимилировалось слѣдующему *у*, диссимилируясь съ *б* перваго слога).

Шипящія согласныя.

Шипящія *ш* и *ж* мягки только передъ т̀ и д̀; мягко также ж̀ въ сл. пре́ж̀ньj; передъ *е́* звуки *ж* и *ш* — среднiе, въ остальныхъ случаяхъ — тверды.

Одной изъ особенностей разбираемаго говора является его шепелявость, но эта шепелявость сильно отличается отъ шепелявости сѣв.-влкр. говоровъ и нѣкоторыхъ

---

[1]) Такого-же происхожденія въ пов. объ Акирѣ имена Анабугилъ и Абекамъ или Амбекамъ, въ которыхъ *б* и *мб* восходятъ къ греч. ββ или μβ.

изъ ю.-влкр. Сложныя аффрикаты *щ* и ж͡(д)ж у большинства лицъ въ описываемомъ говорѣ произносятся, какъ с̑с̑ (и с̑) и з̑з̑ (и з̑) съ шепелявымъ оттѣнкомъ; рѣже слышится шепелявое ц́ мягкое вмѣсто *ч; с* и *з* вмѣсто *ш* я совсѣмъ не слыхалъ. Наоборотъ, с̑ и з̑ у нѣкоторыхъ лицъ произносятся съ шепелявымъ оттѣнкомъ. Въ Куровѣ, подсмѣиваясь надъ парфенковцами, говорятъ, что въ Парфёнкахъ нѣкоторые выговариваютъ даже „глажо́к“ и т. п., но я слышалъ *с* и *з* твердые шепелявые только у одной старухи, у которой такое произношеніе могло быть просто физическимъ недостаткомъ.

Шепелявое произношеніе шипящихъ и, отчасти, свистящихъ согласныхъ въ разбираемомъ говорѣ — явленіе не всеобщее и распространено въ разной степени только на нѣкоторыя семьи, но можно думать, что прежде оно было болѣе распространено. Незамѣтно шепелявое произношеніе именно въ тѣхъ семьяхъ, члены которыхъ часто бывали въ Москвѣ, ходили въ школу и пр. или же тамъ, гдѣ бабы, взятыя не изъ шепелявящихъ деревень, могли оказать вліяніе на говоръ другихъ членовъ семьи. Наоборотъ, въ наиболѣе консервативныхъ и, если такъ можно выразиться, наиболѣе туземныхъ семьяхъ, какова напримѣръ семья Опенковыхъ, произношеніе сильно шепелявое.

Примѣры изъ крестьянскихъ записей: 1) У Аннушки Акимовой: дозикъ, уизяитъ (2 раза), присисливай, прасяйти. Въ написаніи „уизаитъ“ (одинъ разъ) могло быть просто пропущено *ж* по ошибкѣ. Въ остальныхъ случаяхъ пишетъ правильно.

2) Миша Байковъ, равно какъ и Дарья Арсеньева, обыкновенно произносятъ всѣ шипящія и свистящія вполнѣ чисто; тѣмъ не менѣе въ правописаніи шипящихъ у М. Б. находятся такія особенности, которыя указываютъ на шепелявость. Именно, онъ пишетъ (не во всѣхъ своихъ записяхъ) вмѣсто *ща* обыкновенно *щя* и *сщя*, какъ наприм.: сщиплетъ, просщяй, сщеголь, сщипалъ, пусщяй

и др.; разъ прощяется, прощяй, ни прощю и т. д., и наконецъ: скази, вещь за коптелый.

Пѣсни онъ записывалъ со словъ своей бабушки, произношеніе которой, какъ и всего старшаго поколѣнія нашей деревни,—шепелявое.

Примѣры изъ моихъ записей:

а) Нешепеляв. 1) Миша Байковъ (сказки, записанныя съ его словъ): ѝнихр̀ищóнъjь, jищó, к с̀в̀ищéн̀нику, с̀в̀ищéн̀ниг гъвари́т, пъjиж̂ж̀а́j̀ти, пъjиж̂ж̀а́j.

2) Дарья Арсеньева: праща́j̀ти, праща́j, щис̀л̀и́вăj, ѝнища́снăй, мало́ччьк и пр. У одного мальчика: пато́щьм, и др. Произношеніе шипящихъ у этихъ лицъ слѣдующее (о *ш* и *ж* см. выше): *ч*—очень мягкое; *щ*=ш̀+ч̀ мягкія, причемъ взрывный элементъ (т) въ *ч* довольно слабъ; ж̀(д̀)ж̀ = ž = ǧ слитныя, очень мягкія, причемъ вторая часть этого сочетанія (ǧ) почти=простому ж̀ очень мягкому. Въ нѣкоторыхъ положеніяхъ вм. *щ* и ж̀(д̀)ж̀ является *ш* неудвоенное твердое, о чемъ см. ниже. ш̀ мягкое можетъ являться въ словѣ ш̀ьча́с (см. ниже).

б) *Шепеляв.:* ц́ вмѣсто *ч* рѣдко: ац́ц́иво́, пипаро́ц́-наj, крича́лă и крицялă (всѣ примѣры изъ пѣсенъ) и др., но: пă плича́м, кале́чйк, уро́чнăj, о́пчий, чаwо́, и пр. Почти всегда въ пѣніи: ты́с̀иця: ты́с̀ицю (въ одной новогодней пѣснѣ), ты́с̀ицяф („Въ чистомъ полѣ посѣемъ“). Послѣднее при мнѣ пѣли всегда (разъ двадцать или больше) одинаково съ ц́. Разговорное только: ты́с̀ся или ты́щă. Кажется, въ сл. ты́с̀иця зв. ц́ слѣдуетъ отличать отъ ц́ вмѣсто *ч* въ другихъ случаяхъ и видѣть въ немъ вторую часть разложеннаго дифтонга с̀с̀, такъ какъ *с* + *ц* = *сс*, а с̀ + ц̀ = с̀с̀ (см. ниже). Что условія для перехода *ч* въ ц́ въ этомъ словѣ болѣе удобныя, чѣмъ въ другихъ, видно изъ нѣкоторыхъ говоровъ, не смѣшивающихъ *ч* и и *ц*, но тѣмъ не менѣе имѣющихъ тысяца (ср. у Собол. Діалект., стр. 36 — Владим. губ. Ковров. у.). Ср. ниже о ш̀ьча́с и чижало́.

щ = с̀с̀: с̀ся̀с̀jйм, с̀ᵉо́гъл̀нă, тъцари́с̀ся, ро с̀ю, ис̀с̀о, э́тъ мус̀с̀и́нă, же́н̀с̀йнъ, с̀ᵉяко́лды (у дверей), тава́рис̀ и др.,

ме́р҃ы trawy с҃и́льт. Ср. также въ пѣснях҃ъ: и҃с҃с҃о́, пра-ся́лис, ро́с҃с҃и, рапс҃и́, ни҃с҃ся́снъвъ, с҃я́с҃ица҃, с҃с҃ита́т, и҃с҃сина́ли и даже: иссына́ли (=исцапа́ли?: „мали́на҃вы атро́стачти и҃с҃с҃ипа́ли или иссына́ли мае́ ко́стъчти“) и пр.

ж҃(д҃)ж҃ = з҃з҃: приизз҃а́й, до́з҃з҃ик и др.

У нѣкоторыхъ лицъ, напр. у Опенковыхъ, Анны Акимовой и др. въ произношеніи *щ* и ж҃д҃ж҃ очень послѣдовательно замѣняется свистящими.

с҃ шепелявое: с҃ш'о́ = всё и т. п. я слышалъ у очень немногихъ. Такое шепелявое произношеніе передаетъ и написаніе „вещь“ вмѣсто „весь“ у Миши Байкова.

с҃ = литерат. *ш:* с҃ипи́т. У М. Б. сипитъ (въ пѣ.) про змѣю, ср. литерат. шипитъ. Вѣроятно, здѣсь другое слово. Ср. литературное: сипота, оси́пъ, сиплый и пр. („сипить“ = литерат. шипитъ также у Филат. Ворон., т. 38, стр. 308 и др.).

Твердыя шипящія и свистящія никогда ни у кого не произносятся шепеляво; *жс*, *щ* и *ч* всегда чисты.

Явленія въ области шипящихъ, не стоящія въ связи съ шепелявостью.

Русское *ч* (изъ о.-слав. tj) = литер. *щ:* о́пчьj и производн.: вапче́, сапча́, о́пчьства҃ и апчиство́; с҃вичо́пъj, по́мъч, паху́чьj, дража́чьj (въ одной пѣ.: дража́чью руко́ю) и т. д. Въ заимствованныхъ книжныхъ словахъ встрѣчается *щ:* с҃ви҃с҃се́нъj (только въ пѣ.: „вакру́к с҃ви҃с҃с҃епъвъ нало́ю“ и т. п.), с҃ви҃ще́н҃н҃ик, н҃и рапс҃и́ (только въ пѣ.).

зря́щьj (— тотъ, кто дѣлаетъ зря, т. е. кое-какъ) не стоитъ въ связи съ причастіями на -чій (ср. зря́чьj = не слѣпой), ст.-слав. -щии, а имѣетъ *щ* другого происхожденія.

Русское *щ* само по себѣ, если не переходитъ въ с҃с҃, остается безъ измѣненій: щи (не: шти!), кладби́ща҃, тъпари́с҃с҃я, пу́с҃и (= пу́ще) и пр.

ж общерусское = *жд* литер. или другихъ говоровъ: Ръжаство́, дапре́ш, прамéпи, ражáт, уражáj, ăбижáт, чужój, сажáт, ръзбужý, угажý, гóжъ, адóжă и пр. Но: мижду (энкл.) или мéжду, Ръждиство́, раждéнjь, адéждă, Надéждă, пръбуждáццă, нъслаждáлйс (въ пѣснѣ), пръклаждаццă. Въ записи у Миши Байкова отм. одежу и по раженью. Въ другихъ русскихъ говорахъ извѣстны также и другія слова съ *жд* вм. *ж* (абиждать, постраждай, ураждай, досаждать, пригождаться и др.). Появленіе *д* въ этихъ словахъ объясняется различно. Въ такихъ словахъ, какъ: между, Рождество, одежда, Надежда — *жд*, несомнѣнно, книжное. Но въ остальныхъ случаяхъ, по мнѣнію А. И. Соболевскаго, *жд* можетъ быть самородное. Ср. Лекціи, стр. 21 и 126—127. Мнѣніе Соболевскаго усвоено Р. Ѳ. Брандтомъ (Лекціи, стр. 125), затѣмъ повторяется почти безъ оговорокъ Филатовымъ (т. 38, стр. 300). Это мнѣніе Соболевскаго весьма вѣроятно, п. ч. въ говорахъ замѣтна тенденція провести *д* по всѣмъ формамъ словъ, имѣющихъ въ большинствѣ формъ это *д;* такія слова, какъ: урождай, проклаждаться и проч. совершенно неизвѣстны современному литературному языку и не встрѣчаются въ старинныхъ памятникахъ. Но А. А. Шахматовъ въ Лекціяхъ (стр. 42) проводитъ совсѣмъ другое толкованіе этого явленія. Въ виду неизвѣстности такихъ народныхъ словъ, какъ обиждать, урождай, литературному языку не только современному, но и старинному, Шахм. думаетъ, что этими словами русскій яз. обязанъ не только литературѣ и болгарскому духовенству, но и менѣе культурнымъ элементамъ болгарскаго народа, нахлынувшимъ на Русь въ X и слл. вѣкахъ (стр. 41—42). Противъ такого объясненія образованій съ -жд- можно сказать, что 1) литературный яз. былъ подъ болѣе сильнымъ вліяніемъ болгарскаго яз., чѣмъ народный, однако до XV вѣка строго отстаивалъ русское *ж* и не усвоилъ старослав. *шт;* 2) въ современномъ народномъ языкѣ мы тогда должны бы были ждать широкаго употребленія звуковъ *щ* и *шт* вм. русскаго *ч*, однако *шт* въ такомъ зна-

ченіи вовсе неизвѣстно (*шт* вм. русскаго *щ* есть), а употребленіе *щ* (вм. *ч*) ограничивается нѣсколькими новообразованіями, гдѣ его не совсѣмъ удобно возводить къ старослав. *шт*. Изъ перечисленныхъ мною словъ въ описываемомъ говорѣ *жд* такого происхожденія только въ пръбуждáццъ и пръклаждáццъ, а слово нăслаждáлис — книжное.

Общерусское ж͡д͡ж, если не переходитъ въ з͡з, сохраняется безъ измѣненій, какъ мягкая шипящая. Прим.: даж͡(д)жя́ или даз͡зя́, дъж͡(д)жавój, дóз͡зьк (ср. дозикъ у Аннушки Акимовой), jéж͡(д)жю, уjиз͡зя́йш (или: уиз͡зя́йш), вож͡(д)жи, забрéж͡(д)жьлă, пóж͡(д)жй, важ͡(д)жáццъ и пр. Тотъ же звукъ и въ сл.: иж͡(д)жóга (= изжога) и т. п. ж͡д вмѣсто этого сочетанія, являющееся въ нѣкоторыхъ говорахъ (ср. аналогичное шти вм. щи), въ описываемомъ говорѣ неизвѣстно.

с͡ вм. ж͡(д)ж (?): брéс͡ът въ одной дѣтской считалкѣ.

Твердое *ш* въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣняетъ *щ*, какъ первоначальное, такъ и изъ ж͡(д)ж въ концѣ слова. Это же *ш* имѣется въ суфф. -шык вм. употребл. въ литер. -щикъ, нприм.: jимшы́к, изм͡е́ншицă и др. У Миши Байкова: емшикъ, трактиршикъ, что можно читать, какъ: трахт͡и́ршык. У него-же: „набаршину“. Произношеніе этого послѣдняго слова на живомъ говорѣ мнѣ не удалось провѣрить. Въ концѣ слова: тава́р͡йш, дóш и даже: тава́р͡йшы (им. мн.), но также и: тава́рис͡; остальные косв. падежи: тава́р͡йща, тава́р͡йщю или тава́р͡йс́я, тава́р͡йс́ю, даж͡(д)жá, даз͡зя́, доз͡зьк и пр. Миша Байковъ въ словѣ товарищъ во всѣхъ случаяхъ пишетъ правильно *щ*.

Иногда у нѣкоторыхъ лицъ слышится твердое *жж:* дрóжжи, вожжи, но у большинства выговоръ этого звука мягкій.

Въ твердомъ *ш* (и *жж*) вм. *щ* (и ж͡д͡ж) можно усматривать слѣды твердаго произношенія этихъ шипящихъ, т. е. *ш* и ɯ въ описываемомъ говорѣ, вѣроятно, восходятъ къ различнымъ діалектамъ.

ч передъ *т* переходитъ въ *ш*, кажется, только въ мѣстоим. што́ и сложныхъ съ нимъ: нѐшто, што́ и пр., но: по́чтӑ, пачта́р, пачи́ (изъ почти).

ч передъ *н* перешло въ *ш:* кума́шнъј, клю́шнӣк, разлу́шнӣк, памо́шнӣк, ску́шнъј, скушня́ю (глг. скушня́т), писо́шнъј, разлу́шнъј, пишно́ј, заше́шнъј, сирде́шнъј, пълуно́шнъј, каше́шнӑ, пашно́ј и пр. Но: начну́, качну́ и пр., а также (книжныя?): шипаро́чнъј, ве́чнӑ, уро́чнъј (всѣ 3 въ пѣснѣ), начно́ј сто́ръш; всегда: то́чнъ. У Мини Байкова: нопишной столбъ, клюшникъ, но: точно.

шн изъ *щн:* то́шнъ, ташно́, ташни́т, ср. таска́, тъскава́т.

ш вм. *ч* (нефонетически) также въ словахъ: кре́пшъ и ле́хшъ (и: ле́хчӣ, также: ле́кшъ), но: шы́пчь, мя́хчь или мя́кчь и пр. *ш* въ этихъ словахъ ср. съ *ш* въ шы́ршъ, дли́ншъ, да́лшъ или до́лшъ, вы́шъ и пр.; *ж* въ глы́бжъ при полож. ст.: кре́пък, ло́γък, шыро́к, дало́к, до́лък (долгій), высо́к, глубо́к и пр.

Наоборотъ *ч* = литер. *ш:* лу́ччь рядомъ съ лу́чшь.

Шипящія въ чередованіи со свистящими.

ч = литер. *ц* въ сл. ачиря́път, чиря́пкъцц. Въ другихъ говорахъ на мѣстѣ *ч* — *ц* и *к*. По всей вѣроятности, всѣ три основы: царап-, каряб-, черяп(б)- были уже въ общерусск. языкѣ.

ч вмѣсто *с:* чьча́с, па́чпърт.

ц вм. *ч:* ты́сйця (см. выше).

ш вм. *с:* шьшна́ццът, шьшна́цътъј, но: шасто́ј; страшпа́јь нидея́; шпито́нък — шпита́ты; шьча́с (рядомъ съ: сича́с, чьча́с, щча́с и т. п.).

ж вм. *з:* дражни́т (ср. Соболевск. Древн. црк.-слав. яз., стр. 117). Наоборотъ: друзја́, какъ и въ литер. (вмѣсто: дружја́, существующаго и до сихъ поръ въ русскихъ говорахъ. Ср. дружја́ въ нешепел. говорѣ дер. Окулова

Пронск. у. Рязан. губ.; у Филат. Вороп. т. 38, стр. 302 и во мн. др.).

с̀ вм. *ш:* сипи́т (см. выше).

з̀ въ чередованіи съ *ж:* же́н̀чук, же́н̀чьк и зе́н̀чук, зе́н̀чьк, но всегда: жыле́зъ и пр., какъ въ литерат.

Изъ приведенныхъ примѣровъ въ сл.: страшна́јь *ш*, вѣроятно, не изъ *с*, но вмѣсто неупотребительнаго страсно́j (страстной) поставлено другое прилагательное: страшно́j = литер. страшный. Слово страшной въ послѣднемъ значеніи и съ ударѐніемъ на концѣ извѣстно во многихъ говорахъ. Отм., что самое слово: стра́с̀т, стра́с̀ти въ описываемъ говорѣ обозначаетъ то, что страшно, а не страданія. Въ словѣ „друзјá“ з̀ вм. *ж* нефонетич.; оно возникло діалектически въ общевеликор. яз. еще въ ту эпоху, когда говорили: нозѣ, друзѣ, друзи и т. п. (См. Собол. Лекц., стр. 129. Шахм. Энц. Слов., полутомъ 55, стр. 577 и др.). Въ словѣ же́н̀чук, зе́н̀чук и т. д. ж и з одинаково стары. См. Собол. Лекціи, стр. 129. Въ словахъ ш̀ча́с, чьча́с, ты̀си́ця, шьшнацъ̀т шипящія вмѣсто свистящихъ и ч́ вм. *ч* явились по ассимиляціи съ сосѣдними шипящими и с̀. При этомъ въ ш̀ча́с ассимиляція 1-го слога согласной 2-го слога та-же, какая явилась бы при отсутствіи гласной 1-го слога: с┼ч = щ = ш̀┼ч́, слившимся въ одно цѣлое; так. обр. въ ш̀ча́с имѣется какъ бы разложившійся звукъ *щ*. Аналогичная, но только прогрессивная ассимиляція согласныхъ въ ты̀сиця и шьшна́цъ̀т (при отсутствіи гласной между ассимилирующимися согласными прогрессивная ассимиляція невозможна). Впрочемъ ты̀сиця удобнѣе объяснять, какъ разложеніе по требованіямъ ритма разговорнаго ты̀ся; другая форма: ты̀ща̀ дала бы: ты̀ш̀ичя. Слово шпито́нък—изъ взпитонокъ (взпитомокъ)—спито́нок. Почему *с* перешло въ *ш*, неясно. Ср. нѣм. sp=*шп*: Spiegel, spielen и пр., но русскій яз. этого перехода не знаетъ.

Въ положеніи передъ слѣдующимъ *с* (не другого слова) шипящая *ш* ассимилируется этому *с*: ѝни нахо́дйсса̀,

ни памóйсса, жéнйсса, нйримéнйсса и пр. Это *сс* можетъ упрощаться въ одно: варóтйсă и т. д.

ц изъ *ш*+*с*—Калýцкъj, муцкýю адóжу. Вм. муцкýю также: мускýю или мусúнскъю. Здѣсь *ц* непосредственно изъ *сс* передъ *к*, ср. плóцкă.

Остальные случаи появленія шипящихъ.

ч изъ *т*: чижóлъj, чйжало́, чижéлшъ при тя́ш, тя́шкă, тя́шкъj. Въ говорахъ въ этомъ словѣ *ч* очень распространено, хотя не повсемѣстно. чичвéрк, чйчвирта́к, но также (и, кажется, чаще) читвéрк, чйтвярта́к; паччи́. *ч* во всѣхъ этихъ случаяхъ—по ассимиляціи съ сосѣдней шипящей. О сл. чижóлъj см. зам. Булича въ Р. Фил. Вѣстн. 1889, т. XXI, стр. 241, и у Шахм. Отч. о присужд. Ломон. преміи въ 1897 г., стр. 42.

прачкнýлă (о нарывѣ и т. п.)=по значенію: проткнула. Но здѣсь *ч* не изъ *т*. Слово прачкнýт восходитъ къ корню чьк—чик. Отсюда глг. „прочкнуться“, употребляемый въ Арханг. нарѣчіи о листьяхъ на деревьяхъ и о травѣ: начать распускаться, пустить ростокъ; „прочика“—тамъ-же: первый лйстокъ, ростокъ (Подвысоцкій. Словарь обл. Арханг. нарѣчія). Отъ того-же корня, вѣроятно: почка (на деревѣ). У Даля въ томъ же значеніи, какъ и у насъ: „нарывъ прочкнулся“. Ср. сербск. прочкати, прочачкати—прокалывать, протыкать и др.

т и *т* въ положеніи передъ *ч* ассимилируется ему, и такимъ обр. получается одно усиленное *ч*.

щ—*ск*: пущáj, пущáт, и: пускáj, пускáт, причемъ фф. съ „*ск*“, вѣроятно, заимствованы изъ литер. языка. У М. Б. „непускаетъ“.

г—*ж*. Всегда: пугáт, испугáццъ; также: бягý, бягýт (при бижúш и пр.) съ *г*, а не *ж*.

Въ глаголахъ ткý, жгý, во всѣхъ формахъ *к* и *г* сохраняются: ткóт, жгóт, (рѣже: ж(д)жóт), ткú, жгú и пр. Отъ другихъ глаголовъ съ *к* и *г*: пикóт, тикóт, сикóт ря-

домъ съ ѝичо́т, ѝичо́т, ѐичо́т. При этомъ, кажется, различается: „ана́ ѝико́т (и ѝичо́т) ѝираѐи́“, но „со́нцъ ѝичо́т“. Всегда: ѝики́, ѝики́, ѐикѐи́ и пр.

ѝ вм. *ч* въ сравн. степ. баγа́ѝти=богаче.

Согласныя назалированныя и склонныя къ *л*.

Назалированными являются, какъ и въ литературномъ говорѣ, согласныя зубныя взрывныя передъ *н*, т. е. такія сочетанія, какъ т+н, д+н, т+ѝн, д+ѝн, и губная взрывная *б* (губная *п* въ такомъ положеніи мнѣ неизвѣстна) передъ *м*, какъ наприм. въ сл. аѝмѐ́н. Рѣже является *б* назалированное передъ *н*, но, кажется, только передъ *н* твердымъ и притомъ въ слогѣ, удаленномъ отъ ударенія. Именно, такое *б* мнѣ извѣстно въ сл. на́дъб^{м}нъ, гдѣ это б^{м} можетъ переходить и по большей части переходитъ въ *м* (ср. надамна у Рѣзанова, Курск. Обоянск., стр. 108 и др.). Наконецъ б^{м} или *м* слышится не передъ носовой въ выраженіи: должно́б^{мъ}ѝ и должно́м^{ъ}ѝт=должнобыть.

Всѣ перечисленные случаи извѣстны и литературному говору. Особенностью, неизвѣстною литературному говору, является *в* назалированное передъ *н*, на мѣстѣ котораго въ литер. говорѣ — *м* или *в* чистыя. Именно, *м* передъ *н* обыкновенно переходитъ въ *в* назалированное, а *в* чистое въ томъ же положеніи становится назалированнымъ. Впрочемъ, въ произношеніи нѣкоторыхъ лицъ *м* и *в* передъ *н* могутъ сохранять свой первоначальный видъ. Очень рѣдко *в* назалированное переходитъ въ *м* (можетъ быть, *м*, склонное къ *в*), но такое произношеніе я подмѣтилъ только у двухъ лицъ; наоборотъ, чаще *в* назалированное можетъ терять носовой оттѣнокъ.

Прим.: в^{м}но́γа́, гув^{м}но́ (въ этихъ двухъ словахъ почти никогда не слышится *м*), по́в^{м}ѝни, папо́в^{м}ѝни, ѣда в^{м}но́j

и др. Въ пѣсняхъ: т̀ом^{в}наю но́ч, уны́в̀нāj, ко́м^{в}нъты, т̀овнъ но́чи, са м^{в}но́j, т̀ом^{в}нā т̀о́м^{в}нā т̀им^{в}ната́, па wно́гу. Ср. Будде, Къ исторіи, 159—160.

м вм. *в* только въ сл.: мну́чкъ, кро́мнъj = кровной и ро́мнъ = ровно, съ *м* близкимъ къ переходу въ назалированное *в*. Въ Куровѣ это явленіе рѣдко, и тамъ смѣются надъ Парфенковскимъ произношеніемъ: „кро́мнъй мајé“. Переходъ *м* въ *в* и обратно передъ *н* извѣстенъ въ различныхъ, какъ сѣв.-влкр., такъ и ю.-влкр. говорахъ.

Интересно отмѣтить сл. „загу́вьн̀ь“; гдѣ *в* изъ положенія передъ *н* перешло и въ такія формы, гдѣ оно фонетически не могло развиться.

Другого, нефонетическаго происхожденія *в* вм. *м* въ сл. афша́н̀йк вм. омшаникъ. Быть можетъ, здѣсь играла какую-нибудь роль аналогія со сл. овесъ или овца.

Тоже нефонетическія причастія на *-мшы*. Это—морфологическія новообразованія, объясняемыя А. И. Соболевскимъ, а вслѣдъ за нимъ и другими учеными аналогіей съ такими образованіями, какъ вземши и т. п. Дѣепричастія на *-мши* извѣстны главнымъ образомъ ю.-влкр. говорамъ, а изъ нихъ проникли также и въ сѣв.-влкр. и бѣлор. (см. Шахм., Энциклопед. Словарь, полутом. 55, стр. 579). См. также выше, 19. Изъ того, что дѣеприч. на *-мши* образуются нерѣдко отъ другой основы, чѣмъ дѣепричастія на *-вши* и притомъ во многихъ говорахъ существуютъ рядомъ съ послѣдними, не смѣшиваясь съ ними, ясно видно, что они являются чисто морфологическими новообразованіями, и что въ звукѣ *м* никакъ нельзя видѣть простую замѣну *в*.

Подобно тому, какъ передъ *н* мягкимъ и твердымъ являются *т* и *д* мягкія и твердыя назалированныя (но не *н*!), такъ и передъ *л* мягкимъ и твердымъ являются *т*, *д* и *н* твердыя неполнаго образованія, склонныя къ *л* (л̀). Прим.: ад^{н}на́, ад$^{н'}$н̀е́, ат$^{н'}$ня́т ат$^{н'}$нису́, ат^{н}нас, д̀$^{з'}$ли м̀иня́, по́д̀$^{з'}$ли, ът^{л}лами́т, ат$^{л'}$ли́т, над^{л}ло́мют, пр̀игля́д̀$^{з'}$ливāй, тала́н̀$^{з'}$ливāй (пѣ.).

Въ записяхъ назализація согласныхъ и склонность

ихъ къ *л* (ъ̀л), но большей части не обозначена, п. ч. зубныя передъ *н* всегда назалированы, а передъ *л* всегда склонны къ *л*.

ПЕРЕХОДЪ СОГЛАСНЫХЪ.

А. Такъ называемое переходное смягченіе.

Переходъ мягкихъ средненебныхъ въ зубныя взрывныя.

Переходъ этотъ необязателенъ. Чаще всего сохраняется ѐк и ѐг тамъ, гдѣ оно поддерживается аналогіей другихъ формъ, такъ наприм., въ окончаніи -ѐки чаще слышится именно -ѐки, не -ѐти. Иногда вмѣсто ки́, ке́ слышится переходный звукъ: к'и, к'е. Въ моей транскрипціи я обозначаю такой звукъ черезъ ќ или т́. Замѣчу, что при ѐт, ѐд вм. ѐк, ѐг мнѣ ни разу не слышалось ѐк, ѐг вмѣсто ѐт, ѐд, кромѣ заимствованнаго слова: ќия́тры. Переходомъ ѐк въ ѐт вызывается употребленіе имени ˀКита́j, ˀКита́jьф вмѣсто и рядомъ съ ˀТи́т, ˀТито́ф (не: ˀКит!). Переходъ средненебныхъ мягкихъ въ зубныя взрывныя встрѣчается, какъ въ ю.-влкр., такъ и въ сѣв.-влкр. говорахъ. Объ исторіи этого перехода см. А. И. Соболевскій, Изъ исторіи русскаго яз. III (— Ж. М. Н. Пр. 1897, май, стр. 48—49); Погодинъ, Къ вопросу о смягченіи гортанныхъ и пр. Послѣдній приводитъ примѣры аналогичнаго перехода изъ другихъ индоевроп. яз. Добавлю, что въ нѣкоторыхъ діалектахъ соврем. греч. яз. тоже слышится t́ вм. ḱ: t́é² вм. καί, при t°é = τὲ.

Прим.: Ѐвдаѐти́м, ˀМиѐти́тка̀ (рѣже: ˀМиќи́тка̀), ѐтирпи́ч, ˀМиѐти́фър (и ˀМиќи́фър), мади́ла̀, зади́бушки (пирожки съ творогомъ) Јивде́ньj, Пъладе́jь, ѐсти́нут, ѐсти́н картус́, „ѐсти́н парќи́, заткѐни́ акно́“ (поговорка); „Ни́ттти jе́с?“—ˀНи́так? Каѐти́х ѐни́тък?—„Пъдѐнибе́снъвъ цве́ту“ (разговоръ въ мѣлочной лавкѣ въ Покоевѣ). Окончаніе -ѐти вм. -ѐки: „ˀЛи-

савʲи́к, лисавʲи́к, у твајéj жыʲнé тʲи́тʲти как падýшʲти“, хло́пʲлʲти (трава), жыʲривóнʲти, дéцʲтих (Савельево), ба́тюшʲти, ма́тушʲти и пр., но рядомъ: ма́хъʲнких и пр.

Прим. изъ сказокъ (М. Б. и Дарья Арсеньева): татʲи́м ро́дъм, ʲиʲритʲи́ʲн, в ру́ти, но: у дéдушки, ма́хъʲнки братʲи́шки.

Изъ пѣсенъ: мадʲи́лă, а́ндʲьл, тʲиʲжа́л; тʲилéʲницă; сʲирдéйву, ʾСирдéй, но: дéушки, далʲи́нушки, палʲтʲи́нушки; высóтии, но: ба́тюшки, ма́тушки; аʲндʲи́л, аʲндʲьл, к мадʲи́ли, тʲиʲркój, на ру́чʲти, падʲи́бнутʲ, ф ка́тʲа̀рди, но: гóʲркйми; ва свʲитóлачʲти, в бы́стрăj рéчʲти; у галýпʲти, но: на јимшы́цких; ф кабачʲтé мужучʲтй, но: гýлки, лю́лки, и пр. (Слова разбиты на группы по пѣснямъ). Тамъ-же: тʲисéл, тʲисилй, дéʲнди; с тʲилéди; вы́тʲинула; кул мутʲй, зéʲртйлъ; тʲидáйт; не² с кйм, кйсанкă.

Въ записяхъ самихъ крестьянъ:

1) У Дарьи Арсеньевой: дароди, китайти; мадилу; мадила; нестимъ (=не съ кѣмъ), съ тѣмъ (вопр.: „съ тѣмъ ты ночку прогуляла“); цвѣточти; въ остальныхъ случаяхъ — *к:* лавки, неубытки и пр.

2) У Миши Байкова. Обыкновенно правильно: дѣдушки, тетки, печки, дѣвки, старики, мужеки, веревки, скуки, руки, рекѣ, денги, помоги, по волгѣ, домогилки, и пр., но: латея и тидалса.

Б. м., сюда же слѣдуетъ относить и сл.: тʲвéт съ производными = русск. литерат. и ю.-слав. цвѣтъ, зап.-слав. квѣтъ. Въ описываемомъ говорѣ слово тʲвéт употребляется въ значеніи цвѣтка, = ἄνθος, flos; въ значеніи же χρῶμα, color говорятъ: цвéт (но: „тʲвéтнăj платʲь“). Послѣднее могло быть заимствовано, какъ мнѣ указалъ Р. Ѳ. Брандтъ, у торговцевъ, такъ какъ употреблять это слово въ такомъ значеніи приходится почти исключительно при сношеніяхъ съ торговцами.

Прим.: тʲвéт, тʲвятóк, тʲвяты, тʲвитóт, тʲвéтнăj платʲь, но: „ʲнитʲти пъдʲнивéснъвъ цвéту“. Очень рѣдко въ этомъ словѣ слышится с: мој свéтнъј платʲь. Въ одной пѣснѣ: ди-

тя „свéту áлáвă“. Рядомъ съ раствóл, ръствитáіт чаще: „рассвóл“, рассвéс.

Въ крестьянскихъ записяхъ:

1) Анн. Аким. При болѣе частомъ написаніи: цветъ цветокъ и пр. съ орѳографическимъ *ц*, два раза: твитётъ (*ъ* здѣсь ошибочно), цветочикъ.

2) Миша Байк.: цветочекъ, цветъ.

Слово твѣтъ извѣстно съ *т*, а не *ц*, чуть ли не большинству влкр. говоровъ и тѣмъ изъ бѣлор., въ которыхъ *ц* не является вмѣсто всякаго т. Въ чакающихъ говорахъ говорятъ чвѣт; попадается произношеніе свѣт и даже квѣт.

По аналогіи съ тѣми случаями, гдѣ въ говорахъ русскаго языка имѣется т вмѣсто к, можно бы думать, что и въ словѣ твѣт т такого же происхожденія. Это мнѣніе и было высказано нѣкоторыми учеными [1]). Другіе изслѣдователи, наоборотъ, выводятъ это т изъ *ц* [2]). Мнѣ кажется, что говоря о словѣ цвѣтъ, нельзя отдѣлять его судьбу отъ судьбы словъ квѣлый, квѣлить. Сохраненіе задненебнаго или средненебнаго звука въ этихъ послѣднихъ во всѣхъ говорахъ русскаго языка съ одной стороны говоритъ за то, что русскимъ языкомъ было получено изъ общеслав. сочетаніе *квѣ*, вопреки мнѣнію, высказанному акад. Шахматовымъ въ Отч. о прис. Ломон. преміи въ 1897 г., съ другой стороны за то, что твѣт врядъ ли восходитъ непосредственно къ квѣт, потому-что *к* въ такомъ положеніи въ русскомъ языкѣ или сохранялось или переходило въ *х*. Поэтому я вслѣдъ за Соболевскимъ, Шахма-

---

[1]) Колосовымъ, акад. Шахматовымъ (Лекціи, 121) и др.; того же мнѣнія придерживается и акад. Ф. Ѳ. Фортунатовъ.

[2]) Акад. А. И. Соболевскій (Лекціи, 118), ак. Шахматовъ (Отч. о прис. Ломон. пр. въ 1897 г.), Ляпуновъ (Живая Стар. 1894, стр. 159). Шахм. и Ляпун. объясняютъ переходъ *ц* въ этомъ словѣ тѣмъ, что ц' здѣсь въ эпоху отвердѣнія *ц* въ большинствѣ говоровъ не могло сохраняться въ такомъ видѣ передъ в' и упрощалось въ т' въ однихъ и въ с' въ другихъ говорахъ.

товымъ и Ляпуновымъ возвожу твѣт къ старому цвѣтъ. Существованіе же рядомъ съ цвѣт, твѣт и пр. словъ квѣлый, хвѣлый и т. д., я думаю, слѣдуетъ объяснять или тѣмъ, что слово квѣлый было заимствовано русскимъ языкомъ изъ другого слав. языка еще въ общерусскую эпоху, или тѣмъ, что русскимъ языкомъ были получены эти слова съ двоякимъ произношеніемъ, т. е. квѣтъ и цвѣтъ и цвисти (безъ параллельной формы квисти, не существовавшей уже въ общеслав. яз. [1]); квѣлыи и цвѣлыи, квѣлити и цвѣлити (форма цвилѣти, вѣроятно, русскимъ языкомъ совсѣмъ не была получена). Затѣмъ, въ послѣднихъ двухъ словахъ формы съ *к* вытѣснили другую форму. Въ словахъ же цвѣтъ и цвисти, благодаря тому, что при цвисти не было парной формы съ *к*, а при квѣтъ была парная форма съ *ц*, возобладали формы съ *ц*, которыя почти вытѣснили форму съ *к* [2]). Въ западнославянск. языкахъ наоборотъ *к* изъ квѣтъ (полученнаго тамъ только съ *к*) перешло и въ другія образованія отъ того-же кор- Ср. польск. kwitnąć.

Параллельная квѣлить форма цвѣлити, повидимому, существовала еще въ древнерусскомъ языкѣ, ср. Слово о полку Игоревѣ; съ другой стороны и форма квѣт сохранилась еще до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ русскихъ говорахъ (частью съ переходомъ *к* въ *х*), гдѣ ее не совсѣмъ удобно объяснять польскимъ вліяніемъ. Слѣдуетъ замѣтить, что при формахъ съ *квѣ* въ русскомъ языкѣ почти неизвѣстны формы съ *гвѣ:* гвѣ́зда въ Олон., вѣроятно, заимствовано съ польскаго [3]).

---

[1]) Принимая гипотезу акад. Ф. Ѳ. Фортунатова объ измѣненіи звуковыхъ сочетаній *кв, хв, гв* въ общеслав. яз передъ старыми мягкими гласными и передъ *ъ* изъ стараго оі.

[2]) Приблизительно такое-же объясненіе даетъ и акад. Ф. Ѳ. Фортунатовъ. Онъ предполагаетъ, что нѣкоторые говоры русскаго языка получили изъ общеслав. въ этихъ словахъ сочетаніе *квѣ*, которое въ словѣ квѣтъ было замѣнено сочетаніемъ *цвѣ* подъ вліяніемъ глагола цвисти.

[3]) Несовсѣмъ ясно *х* въ русскомъ діалектич. хвилый, хви-

Въ раꙁꙁво́лъ ꙁ непосредственно изъ ц. Форма раꙁтво́л образовалась по аналогіи съ тве́т, тво́л и пр.

Б. Ассимиляція и диссимиляція согласныхъ.

Ассимиляція согласныхъ выражается: 1) въ смягченіи согласной передъ слѣдующей мягкой и отвердѣніи ея передъ твердой согласной, 2) въ переходѣ звонкой въ глухую передъ глухой и обратно, 3) въ переходѣ полномъ или неполномъ согласной шумной въ сонорную передъ слѣдующей сонорной (*н*, *л*), 4) въ переходѣ зубной несвистящей (шипящей или взрывной) въ свистящую передъ свистящей и зубной нешипящей въ шипящую передъ шипящей, и 5) въ нѣкоторыхъ другихъ, не такихъ общихъ явленіяхъ. Первые 3 вида ассимиляціи разсмотрѣны выше. Что касается 4-го вида ассимиляціи, то онъ сводится къ появленію усиленныхъ *ш*, *ж*, *ч*, *с*, *ц* и простыхъ аффрикатовъ т͡ш (*ч* твердое), дж и *ц*. Именно, сочетаніе *ш* + *с* въ серединѣ словъ даетъ *сс:* диро́сса, смијо́сса, но то-же сочетаніе сохраняется въ видѣ *шс*, если обѣ согласныя принадлежатъ двумъ словамъ; *ж* въ концѣ одного слова + *з* въ началѣ другого сохраняется тоже въ видѣ *жз*. *т* + *ц* при всякомъ положеніи даетъ усиленное *ц* (*цц*). Сочетанія *з* + *ж* и *с* + *ш* при всякомъ положеніи даютъ *жж* и *шш*; *т* и *д* передъ *ш* и *ж* переходятъ въ слитныя аффрикаты т͡ш и д͡ж, т. е. т + ш и д + ж = т͡ш + ш и д͡ж + ж = т͡шш, д͡жж (какъ бы čš и ǧž) твердыя. *т* передъ *с* переходитъ въ *ц*, твердое передъ *с* и мягкое передъ ꙁ. Прим.: ацса́дă, ацсу́дă, ацсу́л, пъцсаꙁи́т, аꙁцсе́ливă, пъцꙁирпо́м и пр. Съ своей стороны *цс* мо-

---

ля, хвилин и (правда, очень рѣдкомъ) хвист, ср. чешск. chvístati. Нельзя ли предположить, что въ нѣкоторыхъ діалектахъ общеслав. яз. сочетанія глухая задненебн. + *в* передъ мягкой сохранялись безъ измѣненія задненебной въ свистящую? Тогда и въ польскомъ kwitnąć, kwiść зв. *k* можетъ быть старый.

жетъ переходить въ усиленное *ц*, какъ напр. ацце́дă (не ацсе́да!). Того-же происхожденія формы возвратныхъ глаголовъ: баи́ццă, с̀мијо́ццă, д̀иро́ццă, ни с̀пицца и пр., баи́ццъ, ката́ццъ, дра́ццъ и пр., гдѣ *цц* по указанному правилу—изъ *цс*. *цц* въ этихъ формахъ является и въ другихъ влкр. говорахъ, и притомъ, даже въ ю.-влкр., гдѣ форма 3 л. кончается на т, а возвр. мѣстоим. въ возвр. глаголахъ звучитъ: с̀и и ся, — *цц* часто — твердое. Въ этомъ *цц* изъ *цс* мы имѣемъ ассимиляцію прогрессивную, явленіе сравнительно рѣдкое. *д* передъ *з* переходитъ въ аффрикату д͡з, которую я для сокращенія изображаю славянской буквой ѕ (зѣло), напр. паѕза́йшнйк (грибъ), пъѕ забо́ръм и пр.

т+*ч* даютъ *чч* (т. е. само *т* переходитъ въ *ч* и затѣмъ сливается съ послѣдующимъ *ч*); *с*+*ч* само по себѣ = *щ* (т. е. *с* переходитъ въ ш...), которое въ описываемомъ говорѣ можетъ являться въ видѣ с̀с̀. Въ сочетаніи *с*+*ц* является прогрессивная ассимиляція, т. е. *ц*, ассимилируясь предшествующему *с*, переходитъ въ *с* (т. е. между двумя *с* выпадаетъ *т*), причемъ *с* такого происхожденія остается твердымъ при всякомъ положеніи. Прим.: с сыпо́м (= с цѣпо́м), ис сэ́р̀кви и пр., inf. не́ссă (= несться) и пр. Кажется, при этомъ иногда какъ будто сохраняется очень слабое *т* между двумя *с*.

т передъ *щ* переходитъ въ *ч*; *с*+*щ* = *щщ* (или ш̀щ).

Случаи ассимиляціи согласныхъ 5-го изъ перечисленныхъ мною видовъ частью указаны выше. Это — такіе случаи, когда согласная ассимилируется не съ непосредственно слѣдующей согласной, а съ предыдущей (прогрессивная ассимиляція) или отдѣленной отъ нея какой-нибудь гласной, причемъ опять таки ассимиляція можетъ быть регрессивной и прогрессивной, и нѣк. др. Кромѣ перечисленныхъ раньше примѣровъ, сюда относится н̀ вм. *м* въ сл. же́н̀чьк и нѣкоторые случаи ассимиляціи плавныхъ.

Диссимиляція согласныхъ — явленіе очень рѣдкое; кромѣ перехода взрывныхъ задненебныхъ во фрикативныя передъ слѣдующими задненебными и зубными взрыв-

ными и случаевъ диссимиляціи плавныхъ сюда можно отнесть:

н вм. *м* передъ губными:

анба́р, канпа́ний, ку́нпъл (и ку́мпъл = литерат.: куполъ), ла́нпъчкѫ и пр. Но при встрѣчѣ *м* съ *б* и *п* въ незаимствованныхъ словахъ *м* остается: на́м ба́, ты там бу́дьш?, се́м падру́к и пр. Не непосредственно передъ губной: ’Ниѳо́т (род. ’Ниѳо́дъ, т. е. Меѳодій).

Быть можетъ, диссимиляціей вызвано р̓ въ сл. свар̓ба́ (= свадьба). Что касается сл. слабо́дьн, а́слъба́нит и т. д., то здѣсь *л*, кажется, старое.

Ассимиляція и диссимиляція плавныхъ.

н ассимилируется предыдущему л̓ въ сл. а̀лля́но̀j.

Наоборотъ, *н* рядомъ съ носовымъ, диссимилируясь съ нимъ, перешелъ въ л̓ въ сл.: ’не́сьл̓ни́к, сил̓ни́к, со́тьл̓нъj, сумлява́ццъ, пъсумлява́лсѫ, рѣдко: по́мли́ш (Васильевское; чаще: по́мни́ш), но: свищё́ни́к (и: свищё́нни́к).

л̓ вм. н̓ другого, нефонетическаго происхожденія въ сл. щевь̓л̓, щё́вь̓л̓ (= щебень). Ср. Будде, Къ исторіи: присталёй (194).

Диссимиляція *р* и *л*: прълубо́к, про́лун̓, стълав̓е́р, къл̓идо́р, фл̓и́г̓ър, ф̓ивра́л. У Миши Байкова: упралушку, изъ леворвѣрта.

н̓ вм. *р*: я́рмънкѫ, н̓икрута́, н̓е́крут, — частью, б. м., по диссимиляціи съ *р* слѣдующаго слога, частью по народной этимологіи. Фонетическая диссимиляція сама по себѣ могла произойти только въ ф. рекрута́, такъ какъ въ ф. ре́крут *р*, находящійся въ ударяемомъ слогѣ передъ ударяемой гласной, долженъ былъ быть устойчивѣе второго *р*. См. А. И. Соболевскій, Изъ исторіи русск. яз., V (Ж. М. Н. Пр. 1897, май, 50—51).

В. Остальные случаи перехода согласныхъ.

ф всегда произносится чисто и не переходитъ обыкновенно въ другіе звуки, кромѣ: ˀХи́мкă, ˀХимӯ́хă, уменьш. отъ Аѳи́мјă (= Евѳимія). Также: Григо́рйjъʸхре́мъч. Но правильно: Афре́м, ˀФо́дър, Фаде́j, ˀФилип, сърафа́н.

Наконецъ, сочетанія *кв*, *хв* и т. п. никогда не переходятъ въ *ф*. Говорятъ: кваръте́рă.

Новое л изъ j послѣ губной: муравлѝ и муравjѝ (и то и другое сравн. рѣдко), но: въравjѝ, сълавjѝ и пр. всегда съ *j*, а не л.

л изъ *в* въ сл.: слабо́дьн, ăслъбаня́т и пр., б. м., еще діалектически общеслав. Ср. срб. слободан, слобода, слободити; блгар. сло́боден, слобода, слободник. Впрочемъ, *л* могло развиться изъ *в* и на русской почвѣ (по диссимиляціи со слѣдующей губной), ср. сѣв.-влкр. *л* въ въ колды, толды непосредственно изъ *в* (а послѣднее восходитъ къ *γ*). Въ описываемомъ говорѣ въ сочетаніяхъ *γд* и *вд* согласныя *γ* и *в* сохраняются безъ перехода въ *л*: Ăвдаты́м, Ивде́ньj, фсиγда́ и пр.

Наоборотъ, *в* вм. *л* — хвъстану́т рядомъ съ хлъстану́т: Ты ˀминя́ хвъстану́лă = устегнула, хлестнула.

н передъ *б* и *п* см. выше; *н* въ сл. же́нчьк, ˀзенчьк (-чӯк) — см. выше. Кромѣ этихъ случаевъ *н* вм. *л*: ˀНиѳо́т (род.: ˀНиѳо́дъ; т. е. Меѳодій). Наоборотъ, *л* вм. *н*: ˀМико́лă, ˀМйкала́j, ˀМики́фър, ˀМики́та и производн. Впрочемъ, извѣстно и произношеніе ˀНйкала́j, преимущественно о святомъ.

см изъ *скн* и *зги?* въ словахъ тусме́т, пътусме́лъ и пр., змузда́т рядомъ со: згнузда́т.

н въ иностранныхъ словахъ также въ планбо́j (изъ *γ*) и ˀинжа́к (изъ *д*). Въ послѣднемъ *н*, б. м., нефонетич. Впрочемъ, ср. бѣлор. *н* изъ *т* передъ *ц*, болгар. пендеса́т и др. (см. Соболевск. Изъ исторіи русск. яз. XV. Ж. М. Н. Пр. 1897, ноябрь, стр. 64—65).

ц вм. литер. *с:* плóцка (=плоска, техн. терм. о положеніи брошенной бабки бокомъ, т. е. когда бабка лежитъ на землѣ своей плоской стороной), ср. выше муцкój, Калýцкъj; царáj. Впрочемъ, послѣднее произношеніе я слышалъ отъ прикащика, уроженца Тамб. губ. Мѣстные уроженцы говорятъ: сарáj.

Суфф. *-ик-* = литерат. *-иц-*: чьчивúкă (= чечевица). Ср. вúкă—кормовой или мышиный горошекъ. Въ другихъ словахъ, гдѣ въ литер. яз. суфф. *-иц-*, въ описываемомъ говорѣ тоже *-иц-*.

р въ сл.: скрóс, ńйрйсáдньк или присáдньк, свáрбă рядомъ со свáдбă. Въ первомъ изъ нихъ—*р* старое, еще общеслав. Ср. срб. скроз. Быть можетъ, это слово даже и не родственно литер. сквозь, ст.-слав. сквозѣ. Въ сл. „ńирисáдник“ *р* нефонетич., а благодаря народной этимологіи; значеніе слова: небольшой садикъ при домѣ или передъ домомъ и т. п. Въ свáрбă, вѣроятно, р фонетическое, но причины его появленія неясны. дб въ другихъ случаяхъ сохраняется: судбá, клáдба и пр. Быть можетъ, здѣсь сочетаніе дб диссимилировалось со сходнымъ сочетаніемъ *св* въ началѣ слова.

г вмѣсто *б* (?) въ словѣ: чургáшкă въ пѣ: „тéла мóртвăя валя́лса, кáк чургáшка нă зимлé“ — нефонет.

Въ сл. стълавéр, отмѣч. выше, *л* могло быть и нефонетич.

Перестановка звуковъ.

Перестановка согласныхъ: видмéт, видмéдь (очень рѣдко), при обычномъ: мидвéт, мидвéдь; пръстъwакáшъ (=простокваша). Въ заимствованномъ словѣ: трухмáлньи варóты. Въ 5 верст. къ ю.-вост. отъ Парфенокъ, въ дер. Семенковѣ той же вол. говорятъ: тварýшкă = ватрушка [1])

[1]) Объ этомъ словѣ см. между прочимъ замѣтки А. И. Соболевскаго въ Русск. Фил. Вѣст. т. XIV и XV, стр. 364.

(лепешка, намазанная сверху творогомъ, тертымъ картофелемъ или творогомъ съ крупой), вѣроятно, подъ вліяніемъ слова творогъ. Въ Парфенкахъ въ этомъ смыслѣ употребляется только слово липо́шка.

Перестановка гласной: баркую́, бъркава́ть (слово заимствованное), синди́рюшка (снигирюшка; пѣ.).

Удвоеніе согласной.

Удвоенныя или вѣрнѣе усиленныя согласныя вообще рѣдки и являются по большей части отъ сліянія двухъ одинаковыхъ или ассимилировавшихся согласныхъ, между которыми выпало *ъ* или *ь*. Но есть нѣсколько случаевъ, гдѣ произошло вторичное удвоеніе.

Въ сочетаніяхъ съ предлогами *из, вз, без, роз, от, об* согласная предлога возстановлена, чѣмъ и объясняются фф.: аттвари́ть, аттво́р (ср. зътвари́ть, притво́р и т. п.), о́п пъл, ап пе́чку, аб ба́тки, бижжала́нъj, рашшы́п и пр.; также: ръззари́ть (вмѣсто: роз-орить). Ср. Соболевск. Лекціи, стр. 131. Но ишо́л, если только оно изъ: из-шьлъ, а не другого происхожденія (см. выше), рази́нуть, разинѣ, ръзява́j ро́т.

У Миши Байкова въ записяхъ являются такія начертанія, которыя какъ бы указываютъ на двойное *л* и *ц* вмѣсто простыхъ: польлилъ, наллилъ (нѣск. разъ), зальлила; постоянно пишется: литцо, девитца, дѣвитца, львитца, царитца, темнитца, улитца, водитцею, медвѣдитцу, птитца и т. д. Такое произношеніе дѣйствительно существуетъ въ другихъ говорахъ, но въ Парфенкахъ самъ Миша Байковъ въ этихъ словахъ произноситъ всегда простыя (неудвоенныя) л и *ц:* на́лйл, де́вйцă, пти́цă, и его написанія — только искусственная орѳографія.

Другого происхожденія *цц* въ окончаніи возвратныхъ глаголовъ. Здѣсь *цц* не изъ *ц*, а изъ *цс*, которое и въ другихъ случаяхъ въ положеніи между гласными можетъ переходить въ *цц* (см. выше).

Усиленіе согласной иногда бываетъ очень слабое, такъ что при записываніи нерѣдко затруднительно бываетъ рѣшить, писать ли двѣ согласныхъ или вѣрнѣе будетъ поставить одну.

Въ окончаніи возвратныхъ глаголовъ на -цца въ положеніи не непосредственно послѣ ударенія можетъ слышаться *ц* простое: -ца: катáица, дýмъиць мнé, трýдьць и пр. Говорятъ иногда: ацá, ацý рядомъ съ аццá, аццý. Согл. *ш* и *с* (*ж* и *з*) въ положеніи передъ согласной въ началѣ слова не удвояются: свайéj (= съ своей), чаще: съ свайéj, но: с сабóю. Отм. также въ одной пѣснѣ (записанной не съ голоса): „вдрук шýмъм дъвéри ръствари́лйс“ и др.

При пѣніи усиленная согласная можетъ сокращаться послѣ сильнаго ударенія, связаннаго съ удлиненіемъ гласной.

Въ написаніяхъ Анн. Акимов.: „натабой“ и Миши Байкова: „одахнуть“ слѣдуетъ видѣть простыя ошибки. Но „своей родины бѣжалъ“ (М. Б.) соотвѣтствуетъ выговору.

Въ прич. на -нъj правильно слышится одно *н* простое, но это простое *н* перешло и въ нѣкоторыя образованія, въ которыхъ получалось *н* удвоенное. Ср. платóчьк имянój, кáминаj (въ пѣ.), часто: плимя́ньк и пр. Наоборотъ, одинъ разъ я слышалъ: стикля́ннъj (гдѣ первоначальное только одно *н*). Въ сл. „свищéнньк“ можетъ слышаться усиленное *н* вмѣсто простого (и рядомъ съ нимъ,) п. ч. это слово получено съ *-нн-* изъ литературнаго говора. Ср. священникъ другихъ говоровъ.

Вставка согласныхъ.

д: ндрáф, пандрáвиццъ, при пóръф, снарóфкă. У Миши Байкова: непонравилось и пондравилса. Но Миша Байковъ пишетъ *д* въ словахъ: кузднецъ, кузднецы, вокузднецы, любездный, гроздный и пр. Этого *д* въ произноше-

нїи нѣтъ, и опо, вѣроятно, заимствовано имъ изъ орографическихъ написанїй такихъ словъ, какъ: праздникъ, поздно, наѣздникъ (у М. Б.: ноездникъ, поздно, попраздничкамъ), гдѣ *д* тоже не выговаривается.

Въ сл. пъднама́р вставка *д* нефонетич. Такъ какъ пономарь — одна изъ нижнихъ должностей, то нашли болѣе удобнымъ первый слогъ осмыслить, какъ предлогъ *под*. Быть можетъ, даже слово пъднама́р получилось непосредственно не изъ пономарь, а изъ парномарь (греч. παραμονάριος). Въ влкр. говорахъ существуетъ также произношеніе: подомарь.

т: стра́м, стража́ццъ, истру́п (=срубъ), но: сруби́т, сре́зът и пр.

плант, крант: на пла́нту, ис пат кра́нту; у Миши Байкова: изъ леворвѣрта.

Арсе́нтьj, вѣроятно, по аналогіи съ болѣе частыми именами на *-нтій:* Терентій, Иннокéнтій... Но: Јивде́ньj.

ъкале́тлъj. У Миши Байкова: акалетлую собаку. Здѣсь *т* — нефонетич. Въ говорахъ рядомъ съ: околѣлый извѣстно и околѣтый (акалетай).

зънаве́стъчкă, рънаве́стъчки или пъднаве́стъчки (у серегъ). Вставка *т* нефонет.; объясняется тѣмъ, что обычно слова на -ска имѣютъ основу на -стă (рѣже: -здă, -знă), умеиьш. -стъчка (рѣже: -здъчка и др.): нивéска — нивéстушкă, вéскă — вéстъчка, капýскă — капýста — капýстъчкă; ластъчкă, кóстъчкă... Такія слова, какъ крáскă, кúскă, пáскă (какъ бы производн. отъ пасă; = литератур. пасха) [1]), съ основой на *с* (ср. пáсъчкă) — рѣже.

ж въ сл. здарóфкъцъ (=здоровкаться=здороваться)— не вставное, а принадлежитъ суфф. -ка- производныхъ глаголовъ.

---

[1]) Произношеніе „паска“ довольно распространено. Появленіе здѣсь *ж* легче всего объясняется сближеніемъ съ многочисленными словами на *-ска*. Впрочемъ, возможно и первонач. паска. То же въ болгарск. Ср. Лавровъ, Обзоръ, стр. 94. Въ греч. яз. φάσκα, πάσχα.

г: згнуздáт (рядомъ со змуздáт).

с въ прилаг. на -тъj: крылáстъj, бърадáстъj, въласáстъj и пр. принадлежитъ суфф. -ст- (-а-ст-). Ср. также: гарлáстъj, шыгáстъj и пр.

х: стрихнýццъ, трихтáт, умарáхнут, ачхнýццъ, прачхнýццă, — вѣроятно, во всѣхъ случаяхъ не вставное. Въ ачхнýццъ и прачхнýццъ сохранилось старое коренное *х*, выпавшее въ литерат. языкѣ (см. Соболевск. Лекціи, стр. 103). Въ трихтáт и стрихнýццъ *х* могло быть вставлено по аналогіи съ тѣми глаголами, гдѣ это *х* — коренное (рихнýццă, пархнýт, скълыхнýццъ, чихáт и пр.), но, скорѣе всего, тоже коренное (ср. у Филат. Ворон., т. 38, стр. 313: стрипыхнулся. Существуетъ глг. стрепёхывать). Въ сл. умарáхнуццъ зв. *х* принадлежитъ суфф. *-ях-*.

j: кójнйчьк. Здѣсь, вѣроятно, j не вставное, а изъ н, диссимилировавшагося со слѣдующимъ н (изъ кóннйк).

Въ сл. плутáт, зъплутáццъ *л*, конечно, коренное; тотъ-же корень – въ сл. плýт (=литер. плутъ). Ср. греч. πλανάω — блуждаю, плутаю. (Отм. эти сл. потому, что Рѣзановъ — Курск. Обоян., стр. 108 — видитъ въ нихъ вставку *л*).

в возстановлено послѣ предлога *об* въ сл. ăббязáт, аббáзънъj, аббáзънъсьт, не только въ непереносномъ, но и въ переносномъ значеніи: „Мужýкй кóсют нóнчй у γаспóт наббáзъпъсьти“ (см. Соболевск. Лекціи, стр. 131).

н (изъ *м*): кýнпъл. Не было-ли это слово заимствовано откуда-нибудь съ *мп* или двойнымъ *п*? (ср. удвоенное *р* въ нѣм. Kuppel). Тогда литер. куполъ — вторичное заимствованіе.

р: щьрлушыт (орѣхи), шьрлушóнй или щьрлýшъны, ср. литер. шелушить.

Въ сл. тыркът, тырчкй и пръздравлят, праздрáвйт — *р* — не вставное. О первыхъ см. выше, стр. 23, а въ праздрáвйт имѣется предложная приставка *про*.

О выраженіяхъ: в éфтим, с éстим, на éстих пóр и

т. п. см. въ Морфологіи, равно какъ и о мѣстоим. указат. э́нтът (=ille, ἐκεῖνος).

Сл. спака́йццъ (= покаяться), спако́j, спъкида́йт, спъдыма́т — сложныя съ предлогомъ *с* (съ).

Цѣлый слогъ приставленъ въ сл.: мйлюстйн = люстринъ. Здѣсь дѣйствовала какая-нибудь народная этимологія.

Выпаденіе согласныхъ.

т послѣ *с* выпадаетъ въ концѣ словъ передъ паузой и передъ начальной согласной слѣдующаго слова, кромѣ *р*, *в* и, кажется, *л*, но передъ гласной и этими согласными сохраняется. Впрочемъ, отпаденіе *т* при указанныхъ условіяхъ въ концѣ слова, кажется, не вполнѣ обязательно. Прим.: гара́с (=гораздъ), хво́с, кре́с сире́бринъj; „он былъ гърмани́ст, и...“, „и пирити́н хре́ст. Ну прихо́дьт...», „пирити́нул на нијо́ хре́ст. Ана́...“ и пр.

т и *д* послѣ *с* и *з* въ серединѣ слова выпадаютъ передъ всѣми согласными кромѣ *р* и *в* (слѣдовательно, передъ *л*, *н*, *с* и *з* тоже выпадаютъ). Прим.: капу́скӑ, извоскă, вéскӑ, нивéскӑ, γру́снӑ, биссовйснъj, чéснӑ, ни ра́дъснӑ, „хажу̀ хо́лӑс ни жана́т“ (отм. выше); загво́скӑ, изба́ (изъ: истъба́ = istŭba), и пр. Но при пѣніи, если появляется вторичный глухой, *т* возстановляется: „капу́стъку“ (въ одной пѣснѣ: „Я къпу́стъку сажу́“). Вѣроятно, такого же происхожденія и до́стка у Рѣзанова, Кур. Обоян. (ср. 110), такъ какъ едва-ли въ Обоянскомъ говорѣ въ этомъ словѣ является *т*, но въ пѣснѣ записыватель могъ слышать до́ст̆ка.

Сюда-же слѣдуетъ отнести: по́знӑ при по́здӑ (употребляются обѣ формы). Въ первомъ случаѣ — правильное фонетическое выпаденіе *д*, а во второмъ — не выпаденіе *н*, а отсутствіе суфф. То-же отсутствіе суфф. въ ка́ждъj, рядомъ съ ка́жнъj, въ которомъ фонетически выпало *д* послѣ *ж* передъ суфф. *н* (*ждн* здѣсь не книжное

и не вторичное, а изъ общеслав. *жьд*, которое по-русски должно было сохраниться). Объясненіе Будде, будто мы имѣемъ здѣсь переходъ *д* въ *н* (Къ исторіи, стр. 145), мнѣ кажется совершенно невозможнымъ, п. ч. рѣшительно никакихъ фонетическихъ причинъ для такого перехода не было (ср., напр., вы́ждать и пр.). Это слово въ ф. ка́ждьj преобладаетъ въ Куровѣ, въ Парфенкахъ же чаще: ка́жнъj. У Миши Байкова: во каждноимъ, поздно, но онъ пишетъ *д* и въ сл. гроздный.

т̀ послѣ с̀, какъ и д̀ послѣ з̀ отпадаетъ передъ паузой и передъ всѣми согласными (въ томъ числѣ и передъ *j* и въ концѣ слова передъ *р*, *в* и *л* мягкими и твердыми), но можетъ сохраняться при тѣхъ-же условіяхъ, какъ и *т* послѣ *с*. Прим.: шéс̀ лéт, у́чьс̀ маю́, пу̀с̀ папла́чьт, ра́дъз̀ да̀рага́я, мо́ла̀да̀з̀ гу̀лбу́, гру̀с̀ вѝли́ка̀, у́чиз̀ го́р-ка̀я̀ и пр. (всѣ прим. изъ пѣсенъ); передъ паузой: ра́да̀с̀, пѝри́не́с̀, кали́нушку̀ jе́с̀, нѝт̀ти jе́с̀? и пр. Иногда даже передъ гласной: jе́с̀ и та́м. Но: jе́с̀т̀ у бра́ццъ, kto та̀ jе́с̀т̀ у акна́, пу̀с̀т̀ умру́ (всѣ прим. изъ пѣсенъ) и даже передъ согласной: ра́дъс̀т̀ мая́.

У Миши Байкова: „почесь ксвоей“ (почесь=пача́с̀—infin. въ знач. нарѣчія), „запась туда“ (запа́с̀=запасти). Но обыкновенно М. Б. въ этихъ случаяхъ пишетъ орѳографическое *т*. У Аннушки Акимов.: „прасяй жисъ радась мая“.

Въ серединѣ слова т̀ и д̀ послѣ с̀ и з̀ выпадаютъ передъ всѣми согласными, передъ которыми они могутъ являться; наприм.:

На́с̀ка̀, Ко́с̀ка̀; пра́з̀нѝк, тр̀ис̀ня́к, наjе́з̀нѝк; щис̀ли́въj, ми́лъс̀лѝвъj; ща́с̀jь, нѝна́с̀jь, хр̀ис̀jа́нка̀, хр̀ис̀jа́нскъj и др. (Отм., что приведенное у Филатова, Ворон., т. 38, стр. 300: ляслиф объясняется тоже выпаденіемъ *т* передъ л̀; причемъ послѣднее является суфф., какъ въ счаслив).

т послѣ *р* (и т̀ послѣ р̀) выпадаетъ передъ *к* (и другими согласными?): парки́, па̀нѝрка̀, чирка́ццъ (отъ сл. че́з̀ти) и пр.

Въ сл. тала́н҃ливъј *т*, вѣроятно, никогда не было. Ср. тала́н вм. талантъ.

т между двумя *с* выпадаетъ (см. выше). Выпаденіе это позднее и относится къ тому времени, когда *ц* уже отвердѣло.

д послѣ гласной выпало въ: дваю́рънъј (*ъ* здѣсь стало бѣглымъ, а затѣмъ въ ф. дваю́рднъвъ *д* выпадало фонетически).

Выпаденіе *д* (и *т*) въ приставкѣ *пред* въ такихъ словахъ, какъ пр҃ста́я҃т, пр҃ста́н и пр. — нефонетическое и объясняется другимъ пониманіемъ приставки.

д отпало передъ *м* съ послѣдующей гласной въ словахъ: ᵓМи́тр҃ј, ᵓМи́т҃кă и произв.; сямо́ј или с҃имо́ј (рѣже: с҃ид҃мо́ј съ сохраненіемъ д҃). Въ послѣднемъ выпаденіе *д* нефонетич., а подъ вліяніемъ ф. с҃е́м или же еще діалектич. обще-славянское, восходящее къ обще-индоевроп. чередованію sa°bdma°s и sa°pt̯ma°s (см. Фортунат. Лекціи по фонетикѣ ст.-слав. яз.). Ср. въ Остром. Ев. семжк.

Въ сл.: матр҃и́, матря́ј, рядомъ со: сматря́ј, ко́л҃кă рядомъ со: ско́л҃кă *с* не отпало, а, вѣроятно, никогда не было. Въ другихъ формахъ глаг. смотрѣть обыкновенно является съ приставкой *с*. Ср. срб. яз., гдѣ этотъ глаголъ употребляется и безъ приставки: смотрити и мотрити, мотритель.

в или *ф* выпадаетъ въ началѣ слова передъ *з* или *с* + согласная шумная, но необязательно. Впрочемъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ имѣется это выпаденіе, не всегда можно рѣшить, есть ли здѣсь *с* изъ *вс* (въз) или первоначальное (-съ): настр҃е́чу, спо́м҃ни, стр҃е́нут, стр҃ича́йт, „скачи́л ме́с҃ьц нă грядá“, згнуздá҃т, здýмъ҃т, згруснýццъ, спо́м҃ни́т, скълыхнýццъ, стр҃ипихнуццъ и пр. Если не во всѣхъ, то въ нѣкоторыхъ изъ этихъ случаевъ можно видѣть въ началѣ слова или предложную приставку *с*, а не въз, или отсутствіе приставки. У Миши Байкова въ этихъ случаяхъ обыкновенно орѳогр. *в:* всталъ, встрѣчаласа и пр., но иногда *в* не пишется: здумалъ, здумали, згруснулса.

Сюда же можно отнести и шпитóнък, шпитáты изъ вспитонокъ (вспитомокъ?).

Въ серединѣ слова *в* (ф) обязательно выпадаетъ въ окончаніи прилагательныхъ на „-вской“: Аликса́ндрáски, Парфóнкъскă, Кýръскăj, Савéлиски рибя́ты, Пятрóскăя загвóскă и пр. У Анны Аким.: ва иванаскимъ садочки. Кажется, *в* выпадаетъ и передъ другими группами согласныхъ, начинающимися съ *с*, наприм.: бъластвó.

Передъ однимъ *с* *в* можетъ выпадать въ словѣ: фсó, фсивó и т. д., но можетъ и оставаться (въ видѣ *ф*); напр. „Любúл миня́ мúлинкăj дă ни дóлгă, ни дóлгă, ни мáлă, сивò три гадóчка“ (пѣ.), „со бă, со бă ничавó“ (приб.), „у тибя́ мая́ Марjáнкă, со падвúтаи глазá“ (пѣ.) и проч.; всегда: сóтъки (=все-таки). У Миши Байкова: повсемъ, а все недаехали, и проч., но: „а конъ (чит.: конь) се выше“.

в (ф) передъ *ш*: кушúн. То-же — въ другихъ ю.-влкр. говорахъ (ср. Рѣзан. Курск. Обоян. 104; Филат., Ворон. т. 38, 313; Чернышевъ, Матер. 41[1] и др.). Въ сѣв.-влкр. чаще въ этомъ словѣ является *к*: кукшúн.

Въ нѣкоторыхъ глаголахъ на -нуть послѣдняя согласная корня не возстановлена передъ *н*; а именно: стрéньт, стрéнут (3 мн.); кáньт (= капнет; inf. кáнуть); зги́нуть, но заимствов.: падúбнуть (пѣ.); глануть, глану́л (= глотнулъ); тóрнуццъ („нóсъм тóрнúццă“ при тóркъть). Ср. утануть (извѣстное и въ литер.) при утóп (прош.). Въ сѣв.-влкр., частью въ ю.-влкр. такихъ глаголовъ извѣстно больше, но въ описываемомъ говорѣ они, по большей части, замѣнены новообразованіями на -ануть.

Здѣсь же отм. еще нѣкоторые глаголы, съ *н* вм. послѣдней согласной корня: зги́нáть (=сгибать), áслъбанúть (=освободить). Оба слова извѣстны во многихъ другихъ влкр. говорахъ. Къ слову зги́нáть аналогіей могло служить сагнуть.

л фонетически можетъ выпадать при какихъ то условіяхъ передъ *н*: астáнинкăj — уменьш. отъ астáлнъj. Въ

другихъ случаяхъ л̓н̓ или сохраняется или переходитъ въ л̓л̓. См. выше, стр. 97.

р выпало въ сл. патр̓е́т. У Миши Байкова: на потретѣ.

т въ концѣ сл. не произносится въ сл. шыкала́ (въ пѣснѣ), но род. шы̆кала́ду, кан̓ф̓е́ткӑ шыкала́днъјь.

н̓ въ концѣ слова послѣ *з* выпадаетъ, причемъ звонкая з̓, очутившись сама въ концѣ слова, переходитъ въ глухую, въ сл. жыс̓, бал̓е́с̓, род.: жы́з̓ни (не: жыс̓ти), бал̓е́з̓ни.

н послѣ *с* (изъ *з*) передъ согласной: бале́скӑ (= балезнка?), при прилагат. бале́знъј.

н̓ послѣ гласной передъ группой согл. отпало въ сл. Къс̓тин̓ти́н (или ʾКис̓тин̓ти́н), Ко́с̓кӑ изъ Костянти́н (ср. рязанск. Кыс̓тян̓ти́н и ʾКис̓тян̓ти́н). Но этого *н* нѣтъ и въ ю.-слав. язз., ср. срб. Коста, Костадин; болгар. Костадин, Костандина. Вѣроятно, русскимъ яз. это имя было получено безъ *н* еще отъ ю. славянъ.

Здѣсь же отм. отсутствіе *н* послѣ предлоговъ въ косв. падд. мѣстоим. 3 л.: јиво́, јаму́ и т. д. и въ сложныхъ отъ „имать“. Впрочемъ, у мѣстоименій 3 л. употребительны формы какъ съ н̓, такъ и безъ него (прим. см. въ Морфологіи). Сложн. съ имать: ăтыма́т̓, прима́т̓, выма́т̓, пъдыма́т̓, сыма́т̓, зајма́т̓, пыма́т̓, и најма́т̓ (послѣднія два — въ знач. соверш. вида), но: у̓нима́т̓, дъ̓нима́т̓ и пр. (см. выше, стр. 55). Но отъ сложныхъ съ -я̓т̓ (ати) въ inf. н̓ — во всѣхъ сложныхъ: атня́т̓, падня́т̓, с̓ня́т̓, пр̓ин̓я́т̓, зан̓я́т̓, пан̓я́т̓, ун̓я́т̓ и пр.

к отпало: „неженетская“ (Миша Байковъ). Здѣсь М. Б. или его бабушка не поняли слова и отожествили его по смыслу со словомъ холостецкая и т. п.

тӑ выпало въ выраженіи: ну к што́ ш = ну такъ что жъ. По смыслу выраженіе почти = все ровно, безразлично. Отм. интересное употребленіе этого выраженія во фразѣ: „Он јијо́ лю́бйт, ана́ јиво́ ну к што́ ш“, т. е. — а она къ нему совершенно равнодушна, ей до

его любви и дѣла нѣтъ. Ср. у Филат. Ворон.: кщо́шъ (т. 38, стр. 312), и у Чернышева, Мещов. 82 (Мат. 41[1]).

Другія сокращенія:

мо́жбъ҃т = можетъ быть (рѣже: мо́ж҃ъд бъ҃т).

хо́цца = хочется. Въ пѣсняхъ есть и: хо́чьцă. У Миши Байкова въ сказкахъ: хотьца, хотца по нѣск. разъ.

ты́щя, ты́щю, но въ пѣснѣ также и ты́҃сица и пр.

је́ли при је́҃сли, је́҃зли и је́ж҃ли = если.

Въ словѣ што́, што́бъ звукъ *т* иногда переходитъ въ *ш* или совсѣмъ выпадаетъ: ҃стириди́ дите́ј шшъ᷄бъ шо́лк ни утащи́л; шъб аре́шки що́лкъли (приб.), шо́ ш вы де́фҭти де́лъти (приб.), ну к шо́ ш и т. д.

д̣ между гласными иногда выпадаетъ (при какихъ условіяхъ?): ло́шъи, глии́т, дя́д̣. Наприм.: „а он глии́д, глии́т, мяку́д̣т, мяку́д̣т“. Слово „дя́д̣“ только въ обращеніи или при собств. именахъ (см. выше). Ср. итал. fra. Для обозначенія родства употребляется несокращенное: дя́҃дь, наприм.: „э҃тъ мој дя́҃дь“.

ма́ = мать, зв. пад., но также и ма́҃т.

бале́ — съ нѣсколько растянутымъ, но не долгимъ *е* = бале́скă, только въ обращеніи: да́ј къ бале́ пап и́҃т и т. п.

Въ такихъ случаяхъ, какъ: ну к што́ ш, мо́жбъ҃т, дя́д̣, ма́, бале́ и т. п. сокращеніе слова вызвано условіями его употребленія: это—вводныя слова или частицы. Ср. у Ляпунова, Жив. Стар. 1894 г. и у Потебни—Отзывъ о сочин. А. И. Соболевск., Изв. Отд. русск. яз. и слов., т. I (1896), кн. 4, стр. 814 слл.

УДАРЕНІЯ.

Проклитическое удареніе предлоговъ.

по́ въду, на́ стърѣну, на́ ҃спину, ку᷄чь на́ кучу, по́д руку, за́ руку, за́ вйрсту, на́ скъ᷄въ᷄ръ᷄ду, на́ въс (= на возъ), на́ лъшъ҃т, на́ нъч, говоритъ „про́ щи“, на́ пълдній, по́ пълу, по́ кругу, по́ пълю, по́ мйру, по́ льсу, по́ лбу,

по́ гри̑зи, о́т ръ̀ду, и́спѣлу, ис по́т пѣлу, и́здѣли, по́д бъ̀към; въ 5 в. отъ Парфёнокъ къ сѣв.-зап., въ дер. Чудцевѣ той же волости я слышалъ: за́ лѣшъ̑дйу̑...

из гро́бу, ис пат кра́нту, за са́дъм, за ле́съм, пад до́мъм, пад у́трă, за де́лъм, у де́лă, на мо́ри (загадк.) [1]) и друг.

Чередуются ударенія: бе́з гъ̀ду и биз го́ду̑, ме́сьц со́ дн̑ьм и са дн̑о́м и др.; отм.; по́д гъ̀ру̑, но: пад го́рку; на̀ с̑т̑йну, но: на с̑т̑е́нку и т. п.; на́ вь̑рх (=кверху) и на ве́р̑х (слово ве́р̑х здѣсь въ значеніи: верхній этажъ).

Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ ударѐніе перенесено на предлогъ съ 1-го слога слова. При этомъ ударѐніе на предлогѣ сохранилось преимущественно въ стереотипныхъ выраженіяхъ, частью уже получившихъ значѐніе нарѣчій, ср. чередованіе ударѐній въ выраженіи на́ вь̑рх и на ве́р̑х, также выраженія по́д гъ̀ру̑, на́ гъ̀ру, гдѣ понятіе горы почти утрачено. Въ формѣ испо́тпѣлу вторая часть предлога настолько тѣсно слилась со слѣдующимъ словомъ, что образовалось новое существ. по́тпѣл. Различіе въ ударѐніяхъ по́д гъ̀ру и пад го́рку, на́ с̑т̑ину и на с̑т̑е́нку, вѣроятно, восходитъ еще къ общеслав. различію въ характерѣ ударѐній этихъ словъ (общесл. го̀рж и го́рък̑ж?).

Тамъ, гдѣ ударѐніе въ словѣ не было на 1-омъ слогѣ, оно не переносится на предлогъ.

нъ палу́̑, нъ кругу́̑, нъ баку́̑, нъ ми̑ру́̑, нъ виду́̑, на лбу́̑, нъ зимле́, нъ с̑п̑ине́, нъ с̑тине́, нъ стъръне́, нъ гаре́, нъ лъ̀шъ̑дй, зъ вадо́j, пъд руко́j, нъ пала́х, нъ людя́х, пъпала́м, пъ дяло́м, пъ свам̑у́; издали́ (пѣ.), пъ палу́̑ (пѣ.), зъ садо́м (пѣ.), биз вятру́̑ (пѣ.), на̀ расу́̑ (пѣ.), и т. д.

Съ мѣстоименій ударѐніе на предлогъ не переносится: у на́с, за на́ми и т. д., но въ пѣ. ударѐніе съ мѣсто-

---

[1]) Слова: „пѣ.“, „заг.“, „ск.“ и т. п., поставленныя въ скобкахъ послѣ какого-нибудь примѣра, указываютъ, что этотъ примѣръ съ такимъ ударѐніемъ я слышалъ только въ пѣснѣ, загадкѣ, сказкѣ и т. п., но не въ разговорной рѣчи.

именія можетъ переноситься на предлогъ для́: я́ ни для́ тибя́ сади́ла, ни для́ пăлива́ла.

Предлогъ че́рьсъ имѣетъ самостоятельное удареніе: че́рьзъ го́т, че́рьзъ до́м, че́рьс са́т, ср. за́ гът, на́ дъм, за са́т. При этомъ предлогъ че́рьс можетъ отдѣляться отъ того слова, къ которому относится, другимъ словомъ и даже употребляться безъ имени, какъ нарѣчіе.

Удареніе на предложной приставкѣ: вы́нул, вы́гнул, вы́пьл, вы́шъл, и мн. др. На этой приставкѣ удареніе очень устойчиво и переносится на нее даже не съ перваго слога корня: вырвътъ, вы́кусил, вы́тъщил, вы́съдить, вы́гъню, вы́мълъчу, вы́хъдить и т. д., но въ глаголахъ несовершеннаго вида (съ сильнымъ видомъ корня) удареніе на корнѣ: вытáскъвът, выганя́т или въганя́т, въмала́чивăлă и пр. На другія предложныя приставки удареніе съ перваго слога переносится только въ немногихъ словахъ и не во всѣхъ формахъ, да и тамъ, гдѣ оно переносится на приставку, по большей части существуютъ тѣ же формы съ удареніемъ на корнѣ.

Примм. по́мьр, у́мьр, за́мьр (удареніе всегда на приставкѣ; ро́здал [1]), про́да́л, за́да́л, о́ддъл, по́дъл, ни до́да́л; ро́здънъ, про́дънъ, но придáнъјь; у́ня́л, зáня́л, ни при́ня́л, ...до́ньл, по́ньл, по́днъл и падня́лсă..., за́ньт, при́ньт...; за́пьр, о́тьр, ро́сьюртă, о́тьюртă, приюрт; на́ча́л, уча́л, пача́л, за́ча́л, на́чьт; про́кля́л, про́кльт; за́гна́ты, загна́л, прагна́л и пр.; про́рвълъ, изо́рвън, ато́рвън, но нарва́л, ътарва́л и пр.; про́жыл, за́жы́л, о́джыл и пр., но: пажы́тки; за́пи́л, про́пил, на́пи́лсă и т. п.

при́гъвър (чаще: пригаво́р), за́ръбътки и т. д.

Существительныя.

а. Удареніе на корнѣ: же́ньк, ле́дни́к, ту́чă, па́шня́, сва́дбă, кля́дбă и пр., ве́рбă, ро́динă, ко́ршун, варо́ты, и пр.

---

[1]) Т. е. ро́здъл и разда́л и т. п.

б. Удареніе на суфф. или окончаніи: ухо́, нъ плимя́, динга́, сасна́, с҃ина́, слъбада́, а҃ха́, руче́й, кабе́л҃, але́с҃ (с҃ изъ з҃н҃; слово бо́лес҃ другихъ говоровъ — изъ бо́лесть), случа́й—случа́ю, сил҃ни́к, рача́к (ср. ро́чьх въ Тул., Тамб., Ряз. и др.), т҃иро́м (пѣ.), ф т҃ириму́ (ф тиряму́) (пѣ.), суд҃би́нъ, дълина́ (=длина).

в. Слова съ двоякимъ удареніемъ: зго́вър (ср. при́гъвър)—згаво́р, ръзгаво́р; ве́чьр (ве́чьрă, ве́чьръм и пр.)—в҃ичо́р (только въ знач. нарѣчія), вичо́ръс҃, вичаро́м (пѣ.); тво́рък (тво́ръгу и пр., обыкнов.)—тваро́к (твъргу́ и пр., рѣдко); мо́лъд҃ьц (мо́лъццă и пр.) — мълад҃е́ц (мълацца́ и пр.); мо́лън҃ьь—мълан҃ја́ (пѣ.); тр҃о́плъ — тряпло́; успле́н҃ьь, успле́н҃ьь дéн҃ — усплин҃ьо́; асо́тă — ъсака́; сло́вьчкъ—славе́чкъ; о́пчьствă—апчисто́ [1]); ко́л҃исам (пѣ.)—кълисо́; по́лнъч—ф пално́ч (пѣ.); дали́нă—дълина́ (въ пѣ.: Шо́л Ва́н҃юша далино́ю) [2]); кла́д҃бищь—кла́д҃би́щь; де́въчкă—дявочкă; се́мьны (только въ выраженіи: на с҃е́мьны дъ на је́мьны)—с҃имяна́, с҃е́мьн—с҃имя́н, с҃имяно́ф (въ един. числѣ обыкнов.: нъ симя́, но: а҃лля́но́ьь се́мь); и́мь—имя́ (пѣ.).

Отмѣчу удареніе въ суфф. -ота, -овин(а): рабо́тă, забо́тă, но сирата́, бидната́, тимната́, мъгута́ и пр. (безъ переноса ударенія въ вин. ед. ч.); штуко́винă, хряно́винă, но: дъмави́нă (=гробъ), бъкави́нкă.

Подвижное удареніе въ падежныхъ формахъ.

Переносъ ударенія въ словахъ съ односложными (съ общеслав. точки зрѣнія) основами въ извѣстныхъ падежныхъ формахъ съ окончанія на основу въ разбираемомъ

---

[1]) Удареніе на концѣ, кажется, древнѣе. Ср. въ Лѣчебникѣ русской ред. XVII в. (1665 г.), б-ки Пискарева № 631, л. 79 об.: к҃ послушеству́, хорошество́ и др. (Языкъ этого лѣчебника — сѣв.-великорусскій).

[2]) Объ этомъ словѣ см. акад. Корш. О русскомъ народн. стихосл. II — Изв. Отд. русск. яз. и сл. II, 2. 498. Ср. слово дълина́ въ другомъ значеніи.

говорѣ соблюдается приблизительно съ той же послѣдовательностью, какъ и въ литературномъ языкѣ. Поэтому отмѣчу только нѣкоторыя особенности сравнительно съ литературнымъ произношеніемъ:

со́сну, во́сну, до́ску, тра́ву, о́фцу, гу́бу (и губу́?), и́збу, и др. (въ остальныхъ падд. един. удареніе на падежной флексіи); бо́дju отъ имен. ба́дjа́. Вѣроятно, болѣе старое удареніе въ этомъ словѣ было бадью́; переносъ ударенія произошелъ уже въ акающемъ говорѣ.

Родит. множ.: до́сък, чаще: дасо́к, аве́ц, и́сп (=избъ), со́сьн и т. д.

скъвъра́да, -ы́, -е́, -о́ю; вин. ед. ско́върѣду, множ. ско́върѣды и пр.

стъра́на, дат. ед. стъране́, но: къ сто́рѣни; обыкновенно удареніе съ окончанія на основу въ дат. пад. ед. не переносится; вин. сто́рѣну.

къчи̯рга́, -и́, -е́, -у́ и пр.; множ. ко́чьрги (между прочимъ въ значеніи: игра въ чехарду).

Косв. падд. множ.: со́стрѣми чаще, чѣмъ сястра́ми (послѣднее между прочимъ въ пѣ.: с сястра́ми свае́ми; иногда въ разговорѣ); з дéнгѣми, но чаще: з динга́ми; со́снѣм, о́фцѣм, но, кажется, и: афца́м и т. д.

wо́лк, род. ед. валка́; ко́л, кала́, -у́, твор. ед. ко́лъм и кало́м, множ. ко́лjа́; подъ вліяніемъ мѣстн. на -у́ (нъ палу́, на те́м святу́, ф саду́, нъ дубу́ и пр.) явилась форма мѣстн. нъ дубе́ съ удареніемъ на концѣ, между тѣмъ какъ обыкновенно въ мѣстн. на -ъ удареніе совпадаетъ съ удареніями другихъ косв. падд. един. Обычное склоненіе слова ду́п: ду́бу (род.-дат.), дубу́ (мѣстн.) и т. д.

мы́ш — муж. р., род. мыша́ и т. д.

Отъ существ. пиро́т твор. един.: пирядо́м (употребляется между прочимъ въ значеніи нарѣчія: ити́т пирядо́м = итти первымъ, впереди); пъ̀т пирядо́м = подъ образами въ переднемъ углу (ср. пътпиро́т—передній уголъ). Но всегда: за́дъм.

мазо́л, род. мазо́ли, множ.: мъзали́, мъзале́j. Отъ слова гъсуда́р имен. множ.: гъсудари́.

нъ людя́х, w людя́х, людя́м и лю́дьм, людя́ми и лю́дми. де́тьм и дитя́м, дитя́ми. у́ши, ушам́, ушми́ и пр.

жиле́j (загадка: между дву́х жиле́j виси́т Пъ̀тиле́j.—ушатъ); въла̀сте́j, рӑда̀сте́j (са вили́ких рӑда̀сте́j—пѣ.).

кро́ф, род. кро́wи, мѣ. ф крawи́.

Въ пѣсняхъ ударенія нѣсколько отличаются отъ разговорныхъ. Между прочимъ встрѣчаются слѣдующіе случаи: по́ въду вады́, нӑ чужу́ю стӑрану́, нӑ быстру́ ряку́, ру̀су касу́, нӑ расу́, биз̀ вятру́ (род. пад.), к су́ду придала́ (ср. род. су́ду въ выраженіи: су́ду не́т), пъ палу́ (дат. пад.!), зӑ садо́м, ва са́ди (удареніе для этой формы совершенно правильное, но въ разговорной рѣчи употребителенъ лишь мѣ. ф саду́), издали́. Впрочемъ, послѣднее слово, кажется, возможно и въ разговорномъ языкѣ рядомъ съ и́здъли по аналогіи съ правильнымъ вдали́ (мѣ. пад.).

Подвижное удареніе прилагательныхъ.

дубо́въj — дӑбавы́и сундуки (пѣ.); зѝло́нъj — зилянój (пѣ.); ми́лъj — милój (пѣ.); мо́днъj — мадны́х (скорогов.), ни́скъj — нискój накло́н, но́въj — нӑ навы́м (пѣ.), ро́днъj (пѣ.) — раднój, ста́ршъj — старшój; стра́шнъj — страшнój (страшна́я нидэ́ля̆); тре́ть̀j—сам трѝте́j, трѝто́въс̀; ча́стъj—частój; че́снъj — ма́ч часна́я.

шо́лкъвъj — шалко́въj (пѣ.).

гря́знъj, гу́стъj, жа́ркъj, ка́минӑj, ме́лкъj, пе́р̀въj, пухо́въj, т̀о́мнъj, то́лстъj, т̀е́снъj и т. д.

ба̀лшój, мин̀шój, мъладój, плахój и т. д.

Причастія: пракля́тъj—пръклятój (приб.).

нико́шънъj — никашо́нъj, сло́мътъj — слама́тъj, упло́чьны—уплачо́ны, щьрлу́шънъи — щьрлушо́нъи; а̀т̀по́рты—зъпярта́, то́птънъ — тъптана́, нали́тъ — нълита́, приуби́тӑ (пѣ.) — прибита́ (пѣ.), ули́та̀ (пѣ.) — улита́ (пѣ.).

нагна́тъ, ни убра́тӑ (пѣ.), зна́тъ и пр.

Иногда является различіе по ударенію между членными и безчленными формами прилагательныхъ: вили́къj—

вили́к, вилика́; вис҃о́лъj — ве́с҃ьл, висяла́; да҃ло́къj — да҃ло́к, дълка́; ло́хкъj — ло́γък, ляхка́; налйтъj — на́лйт, нълита́; пракля́тъj и пръклято́j, но только: про́кл҃ьт, пръклята́; ро́внъj — равна́, но: ро́вьн и ф҃со ро́вна҃, ре́же равно́ (литерат. всё равно́); то́птънъj — тъптана́; чижо́лъj — чижо́л, чижала́; шыро́къj — шыро́к, шырака́ и т. п.

Ударенія въ наре́чіяхъ.

ве́с҃ьла҃ — висяло́, высо́ка҃ — высако́, глубо́ка҃ — глубако́, (да҃ло́ка҃) — дъли҃ко́, зе́льна҃ — зилянó, ло́хка҃ — ляхко́, т҃о́мна҃ — тямно́, т҃о́пла҃ — тяпло́, сравн. степ. те́пли, хо́лъдна҃ — хъладно́ и т. д.

во́з҃ли, зафс҃о́γдъ и зафся́γды—зъфсяγда́ (чаще), кро́ми — ъкрамя́, апо́с҃ли — ъпасля́, про́ти, насу́пръти — (нъ)супрати́ф, с҃пе́рва и др.

Ударенія въ глаголахъ.

до́йт, по́йт, прид҃е́лйт к ме́сту; ид҃о́т, иду́т и и́дут; при́д҃ьт и прид҃о́т; прапа́д҃ьт и пръпад҃о́т; уго́с҃т҃и҃ти — уга-с҃т҃и́т҃и; с҃ло́тъj (пѣ.) — с҃лята́j; ды́шьт — дышы́т; прикати́т, катя́т и пр. Переносомъ ударенія въ формахъ глаголовъ вызывается переходъ а҃ въ *о:* пато́щьт, пако́тьт и пр.

паднялса́ — пъднялса́, у́вили (пѣ.) — увили́ (пѣ.); нача́лъ—нъчала́; патеплила҃ (стало теплѣе), зържала́ и т. д.

два́ дн҃и, три́ дн҃и и три дня́.

Дополненія и поправки къ фонетикѣ.

Дополненія и поправки дѣлаются на основаніи матеріала, собраннаго лѣтомъ 1900 г. Часть ихъ была внесена въ статью при печатаніи.

Т. 44, стр. 158—160 (отд. отт. 6—8).

бо́дjу (вин. отъ бадjа́), сида́к, а́тьрта̀.

нама́тъна̀, взва́жьна̀ и др. причастія немногократн. вида страд. зал. при формахъ многокр. вида съ а́.

разра́вньwъ̀т (при прилаг. ро́wнъj) и др., но также: ньъ̀р̥рабо́тъwy (1 л. един.).

Въ словѣ сида́к звукъ а́ принадлежитъ старому суфф. *-ак*. То же слово и нѣсколько другихъ, имѣющихъ въ литерат. суфф. *-о́к*, встрѣчаются въ говорахъ русскаго языка и въ нѣкоторыхъ славн. язз. (наприм. въ польск.) съ суфф. *ак*, какъ наприм. ходя́к, ѣда́к и др. Ср. также литер. суда́к при діалектич. и старорусскомъ суд о́к. Не знаю, почему ак. Шахматовъ видитъ здѣсь фонетическій переходъ *о* въ *а* подъ вліяніемъ переноса ударенія (Мосал., стр. 191). Вѣдь въ имен. пад. един. ударе́ніе всегда было на суфф.

Въ фф. нама́тъна̀, взва̀жьна, ака́пньта̀ при ако́пньта̀, ср. рязанск. ла́маный, зака́панъ (=закопанъ), во́жжы зама́таны (Будде, Къ діал., 21), касим. дака́ньцына (Будде, Къ истор., 47—48) и др. а́, конечно, взято изъ фф. несоверш. вида тѣхъ же глаголовъ, образованныхъ отъ сильнаго вида корня или по аналогіи съ ними. Ср. въ нашемъ говорѣ: нама́тъwъ̀т, выла́влйвъ̀т, выла́мъwъ̀т, зака́пъwъ̀т, зака́шъвъ̀т, дака́н̀чьвъ̀т и др. [1]), причемъ такія фф., какъ ньъ̀р̥рабо́тъwy, рѣдки. Вліяніе такихъ фф. глаголовъ на образованіе причастій соверш. вида особинно легко уже потому, что эти причастія по ударенію совпадаютъ съ такими фф. несовершеннаго вида, не всегда совпадая съ формами соверш. вида (ср. нама́тана при нама́тывать, но мота́ть).

Эти случаи даютъ возможность дополнить и поправить сказанное нами о причинахъ появленія *о́* вмѣсто *а* и *а́* вмѣсто *о́* въ глагольныхъ формахъ. Несомнѣнно, тѣ

---

[1]) Причемъ, конечно, *а́* въ дака́н̀чйвъ̀т, абраба́тъwъ̀т и нѣк. др. вторичное, по аналогіи съ такими глаголами, какъ нама́тъwъ̀т, выла́влйвъ̀т и пр.

глаголы, гдѣ имѣется *о́* вмѣсто *а*, имѣли первоначально, если не всѣ, то въ большинствѣ случаевъ неподвижное удареніе не на корнѣ и получили *о́* вмѣсто *а* неудар., конечно, не безъ вліянія аналогіи со стороны глаголовъ съ переноснымъ удареніемъ. Если эти глаголы имѣли переносное удареніе искони, то почему при давлю́, травлю́ не получилось до́виш, тро́виш? Странно, что на этотъ фактъ не обращаетъ вниманія ак. Шахматовъ въ Мосал. (стр. 191—192).

Извѣстныя въ говорахъ формы ла́виш, ла́миш (ср. польск. łamić) нельзя объяснять такъ же, какъ во́риш, то́щит и т. п., а слѣдуетъ предполагать вліяніе со стороны образованій отъ тѣхъ же глагольныхъ корней въ ихъ сильномъ видѣ, причемъ это явленіе могло быть очень старымъ. Такъ, лавить, ламить съ *а* могло явиться еще до появленія аканья подъ вліяніемъ аналогіи со стороны лавля́ти, ла́вливати и пр. [1]) съ одной стороны, и давити, травити и т. п. — съ другой. Ср. обратное явленіе въ нашемъ правописаніи и въ сѣв.-влкр. говорахъ, гдѣ помогать и т. п. формы съ *о* вмѣсто *а* нерѣдки [2]). Замѣна сильнаго вида корня слабымъ и обратно могла перейти даже туда, гдѣ такого чередованія не было. Такимъ путемъ можно объяснять нѣкоторые глаголы, гдѣ *о́* замѣнило не *а* безударное, а *а́*, какъ напр. плотиш.

Въ словахъ натра́ниѣ, притра́пицца̀ и пр. при тро́пъчка̀ имѣется сильный видъ корня.

Стр. 162 вверху (отд. отт. 10): зафса́ɣды (у одной старухи) рядомъ съ зафо́́ɣды при обычномъ зъфсиɣда́. Здѣсь *а́* вм. *о́* вызвано переносомъ ударенія.

Стр. 163 (о. о. 11), абзацъ 5-й, добав. аттэ́л. *э́* того же происхожденія въ аткэ́да̀, аткэ́льва̀. Это *э́*, повидимому, не изъ стараго *е* и не изъ *ѣ*.

---

[1]) Могло быть и старое лавити при ловити.

[2]) Замѣчу, что въ старорусскихъ богослужебныхъ ркп. XV—XVI в. даже съ очень невыдержаннымъ правописаніемъ различіе между сильнымъ и слабымъ видами корня въ глаголахъ обыкновенно строго соблюдается.

Стр. 164 (12), стрк. 6. Также: с̀ е́тим.

стрк. 24, добав. Јифи́м.

Стр. 165 (13), стрк. 3. Послѣ „Ма̀лка“ точка съ запятой лишнія.

стрк. 7. Добав. Въ имени Јизо́т или Изо́т слогъ *ји* или *и* приставной (=Зотикъ); чѣмъ вызвана эта приставка, неясно.

стрк. 11. Добав. муӈде́р (ср. Будде, Къ ист. 96, Колосовъ, Замѣтки 320, Обзор 118 и др.).

стрк. 14—16. Произносятъ јии́ц и я́ӈц. Вѣроятно, написаніе яец у М. Б. передаетъ второй выговоръ.

стрк. 17—18. Въ тихаме́рнъј *е́*, вѣроятно, изъ стараго *ъ*. Въ с̀ми́рнъј *и* не старое, а взято изъ словъ мир, ми́рнъј. Ср. обратное явленіе: ме́р, ме́рной въ нѣкоторыхъ сѣв.-влкр. говорахъ (Колосовъ, Обзоръ 117 и др.) и еще въ древнихъ русскихъ памятникахъ, наприм. въ Галицк. еванг. 1266—1301 г. (Соболевск., Очерки, 24 и 100). Съ этой мѣной *ъ* и *и* въ этихъ словахъ быть можетъ въ связи слово *мира* вмѣсто мѣра, встрѣчающееся иногда въ тѣхъ сѣв.-влкр. и смѣшанныхъ влкр. говорахъ, которые не знаютъ *и* вмѣсто *ъ* передъ слѣдующей твердой согласной (такое произношеніе я лично слышалъ отъ нѣкоторыхъ крестьянъ Рязанской губ. не знаю, какого уѣзда).

стрк. 18—19. Ср. форму прош. плате́л въ нѣкоторыхъ сѣв.-влкр. говорахъ (матеріалы).

Стр. 166 (14), стрк. 1-я. Добав.: Одинъ разъ въ одной сказкѣ даже: ад̀е́жу, но рядомъ въ той же сказкѣ постоянно: ад̀о́жу.

Абзацъ послѣдній. Добав.: Но въ Куровѣ я также слышалъ: нида̀ло́чкă, гдѣ *о́* такого же происхожденія, какъ въ ку̀ло́чйк, дружо́чйк при куле́чйк, друже́чйк (*нида̀ло́чй и т. п. и тамъ не скажутъ).

Стр. 167 (15), стрк. 2—3. Слово „ве́щă“ (не „ве́щ“!) употребительно и въ разговорномъ языкѣ.

стрк. 6. Въ большей части влкр. говоровъ *щ* произносится, какъ *шгш* твердое. Если допустить, что въ нѣ-

которыхъ діалектахъ отвердѣніе *щ* почти такъ же старо, какъ и отвердѣніе *ш*, то *о* въ тощă въ средневлкр. говорахъ можно считать взятымъ изъ тѣхъ говоровъ, гдѣ оно являлось фонетически въ тоша.

стрк. 5 снизу. Добав.: бисьсмортнъj, но: такáj рыжьнка шé²рс⁷ка.

Къ тому же и къ слѣдующему абзацу: wъддалéннъсти (разговорн.).

168 (16), стрк. 2. Къ слову нивóснъj добав.: (ср. род. множ.: нивóс — погов., загад.).

стрк. 15. Послѣ „одновременно“ добав.: „если не раньше“.

стрк. 17. „13 сл. Григорія Богосл. XI в.“ Ссылка невѣрна. Въ Лекціяхъ А. И. Соболевскаго приводится это выраженіе изъ Словъ Кирилла Іерусал. XI—XII в., л. 117 об. Въ послѣднихъ въ сл. беседьла между *д* и *л* стоитъ буква, наполовину стертая, которую можно прочесть за ъ, но, пожалуй, также и за ѣ (ъ въ этой ркп. пишется съ небольшой горизонтальиой черточкой вверху слѣва; та-же черточка — и въ другихъ буквахъ; въ б. ѣ эта черточка немного длиннѣе и по большей части заканчивается крючкомъ). Впрочемъ, это написаніе не имѣетъ особаго значенія, п. ч. ркп. списана съ оригинала (южнослав.), гдѣ ѣ и ъ смѣшивались, ср. на л. 118: языкъ гоугьнивыихъ.

стрк. 4 снизу. Добав.: пажéсси (=пожеще).

Стр. 169 (17), стрк. 9. Добав.: маłóньчкă, хотя всегда: маłéнкă, палнéнкă (между прочимъ, въ произношеніи той же дѣвушки, отъ которой запис. маłóньчкă). Въ iорjй звукъ *о* изъ порушкà (во многихъ сѣв.-влкр. говорахъ наоборотъ: пéрышко, неясно, по какимъ причинамъ, какъ и рéбрышко), въ łóнкă — изъ Аłóхă.

стрк. 19, добав.: но: ацсéкли (вѣроятно, говорятъ и ацсéк, но мнѣ не приходилось слышать. При муж. един. ацсóк въ ффх. жен. р. и множ. ч. удареніе было бы на концѣ). При вóк, бягла́ прилаг.: бéглъj, забéглъj.

Стр. 170 (18), стрк. 8. Въ шéст звукъ *е* неяснаго происхожденія.

стрк. 20. Странное ни в дамéк извѣстно и въ другихъ говорахъ, ср. рязан. — Будде, Къ діал. 50.

стрк. 22. Къ слову н̀о́бй добав. примѣръ изъ разговора: „Вы што́? — н̀о́бъ капти́ть, жыв̀о́тй“.

Стр. 171 (19), стрк. 7—10, добав.: с̀п̀о́хъwъ̀дтй, патн̀о́хъwъ̀т. Здѣсь *о́* не фонетическаго, а морфологическаго происхожденія, а именно, въ этомъ глаголѣ форма несоверш. вида образована отъ корня п$^{ъ}/_{д}$х въ его слабомъ видѣ. Эти формы, вѣроятно, вызваны аналогіей съ другими образованіями отъ слабаго вида того же корня. Но какія это образованія? Корень *пъх* являлся въ пыхати, пыхнжти (пьнжти), но въ обѣихъ удареніе не на корнѣ (и, слѣдовательно, *ъ* выпадалъ). Любопытно, что какъ разъ эти послѣдніе глаголы нашему говору извѣстны только съ сильнымъ видомъ корня: пиха́т̀, пихну́т̀.

Стр. 172 (20), стрк. 1. Добав. примм.: а ји́м по̀б знако́мъj, о^{ъ}н ијо́..., ии́чкъ, ирawо́̀j, двух јиле́j (примм. изъ сказокъ и загадокъ) и др.

Пъслѣ абзаца 2-го добав:: *и* вмѣсто *ъ*: xwи́лъj и xwе́лъj = квѣлый. Вѣроятно, въ первомъ случаѣ имѣется корень въ его несильномъ видѣ, а *х* вмѣсто *и* взято изъ ф: хвѣ́лой [1]). Въ другихъ говорахъ это слово мнѣ лично извѣстно въ видѣ: kwе́лъj (Тамбовск. Козловск.), кв̀о́ла̀j (Тульск. Венёв.) и кво́лыj (Калуж. Медынск.). См. также Словарь Даля. *̀о* вмѣсто *е* въ этомъ словѣ (въ сѣв.-влкр. и ю.-влкр. говорахъ) аналогично съ *̀о* въ гнёзда, вёдра и пр. Сходное *и* вмѣсто *ъ*, но не старое,—въ словѣ с̀ми́рнъj (см. выше).

Стр. 173 (21). Къ буквѣ *о* добав.: тро́̂ж̀̂и=литер. трижды. Объ этомъ словѣ см. Морфологію.

---

[1]) Впрочемъ см. выше. Намъ неизвѣстно ни одного слова, начинавшагося въ о.-слав. съ глухой задненебн. + *в* передъ старой мягкой гласной, которое бы во всѣхъ славв. язз. имѣло вмѣсто этой глухой свистящую.

Стр. 174 (22). Послѣ стрк. 6: ў = литер. ы въ сл. Кабушкă (=кубышка? Прозвище).

стрк. 12. „глъбък“. Чит.: „глъбокъ“ (Болон. псалт. и др.). Съ влкр. глы́пкă и пр., ср. млр. глибокий.

стрк. 1 снизу. Добав.: графы́н. Въ словѣ графы́ня ы другого происхожденія. Со словомъ давны́шнъj ср. давно́шньj въ одной мѣстности Венёв. у. Тульск. губ.

175 (23), 3 снизу: „србск.“, слѣдуетъ читать: „исконное србск.“

176 (24), стрк. 7—14 и примѣч. Кромѣ адн҃ъjо́ не въ самихъ Парфёнкахъ, но по сосѣдству съ ними (верстахъ въ 5 къ сѣв.-зап.) встрѣчается и ф. т҃ъjо́, см. ниже, стр. 193 (41). стрк. 4—9. Надо думать, что этотъ глухой звукъ тотъ же, что въ Ворон. адные, тые, и что онъ получился изъ того звука, который подъ удареніемъ теперь произносится въ бѣлор. и нѣкоторыхъ влкр. (сѣв. и южн.) говорахъ, какъ э, т. е. е, несмягчающее предыдущей согласной, рѣже, какъ ö или звукъ, который я, между прочимъ, слышалъ въ произношеніи одного Рославльскаго уроженца, и качество котораго я затрудняюсь опредѣлить (что-то среднее между ы и э).

Стр. 178 (26). Вмѣсто двухъ послѣднихъ строкъ (начиная съ „такъ какъ“) — „или ä“.

Стр. 180 (28), стрк. 9. Одна дѣвка (та-же, отъ которой я слышалъ и адн҃ъjо́) произносила: пъцы^{e}лу́ю, но надъ этимъ произношеніемъ, занесеннымъ изъ Москвы, другія дѣвки смѣялись.

П. 5-й, добав.: нъ шасткé.

Стр. 181 (29), стрк. 14. Предлогъ чéр҃ьс҃ почти всегда имѣетъ на себѣ удареніе и употребляется довольно самостоятельно, отдѣляясь иногда отъ управляемаго имъ слова другимъ.

Стр. 182 (30), стрк. 2. Относительно аканья слѣдуетъ добавить. Въ говорѣ самихъ Парфёнокъ въ предударномъ слогѣ — большее разнообразіе гласныхъ, чѣмъ я указалъ на стр. 176—182 (24—30). Именно, кромѣ *а* и *и* изъ *а*, *о*, *е* являются также звуки e^{i} или i^{e} между

двумя мягкими (такимъ образомъ, предударныя *е* и *'а* передъ мягкимъ звукомъ не всегда совпадаютъ въ произношеніи съ *и*) звуки e^{i} (i^{e}) и ä [1]) передъ твердымъ звукомъ изъ *'а* или *е* и, наконецъ, глухіе звуки (*ъ*, *ь* и т. п.) въ нѣкоторыхъ словахъ (преимущественно въ положеніи между двумя шипящими).

Съ такимъ характеромъ аканья является говоръ коренныхъ жителей Парфёнокъ. Но въ говорахъ сосѣднихъ деревень бываютъ иногда крупныя отличія въ характерѣ аканья; тѣ-же отличія приносятъ съ собой и молодыя бабы, взятыя оттуда, или мужики, только недавно приписавшіеся къ обществу дер. Парфёнокъ.

Въ Ку́ровѣ (1 в. отъ Парф. на востокъ) нѣсколько менѣе половины дворовъ въ общемъ говорятъ такъ-же, какъ въ Парфёнкахъ. Другая, бо́льшая половина происходитъ отъ крестьянъ, вывезенныхъ лѣтъ 40 или больше тому назадъ изъ Орловской губ. (отъ того времени осталось только 4—5 мужиковъ да столько же старухъ, остальные родились уже послѣ). Говоръ ихъ отличается болѣе умѣреннымъ аканьемъ, ближе къ Московскому, и въ остальномъ замѣтныхъ отличій отъ говора Парфёнокъ не представляетъ.

Дер. Го́рки и с. Васи́льевское (см. стр. 155, отд. отт. 3) прежде принадлежали одному помѣщику. Говорятъ тамъ приблизительно такъ-же, какъ въ Парфёнкахъ.

Въ дер. Семёнковѣ (б. помѣщич., 5 верстъ къ востоку отъ Парф., той же вол., Савельевск. прихода) аканье сильнѣе. *Примм.*: ря̆шчашу́, рябя́ты (постоянно), нябо́с̀, ляжу́, но: лижа́т, биз го́ду, ни зна́ю.

Алексѣйково, Клинск. у. Спасъ-Ну́дальской вол.: зъпряжо́ны, но: ни зна́ю и пр.

Дер. Попо́вка, Клинск. у., Спасъ-Ну́дальской вол.

---

[1]) ä — звукъ, болѣе открытый, чѣмъ e^{2}. Обыкновенныя *е* открытое и закрытое въ предударномъ слогѣ вообще не встрѣчаются.

(10 верстъ къ сѣв. отъ Парф.): пъвäжа́л, ня́ю́жьчѝки, ѝтипято́к, карто́шьчѝки, нä зна́ю, но: ѝзе́ц.

Хохла́тчина или Украи́нскія Слобо́дки, Клинск. у., Спасъ-Нудальск. вол. (около Поповки). Жители ея лѣтъ 40—50 тому назадъ переселены сюда изъ Малороссіи. Теперь по-млр. говорятъ почти только старики, но и въ говорѣ молодёжи сохранились малорусскія слова (напр.: моторный, нехай и др.) и гортанный характеръ произношенія.

Въ дер. Тили́хтинѣ, Клинск. у., Спасъ-Нудальской вол., Поджи́городскаго прихода, въ 8 в. къ сѣв.-вост. отъ Парфёнокъ ($1^1/_2$ в. отъ Ака́товскаго дѣвичья монастыря), заселенной экономическими крестьянами, жители окаютъ.

Стр. 182 (30), послѣ стрк. 2 добав.: *ѝа (я)* вмѣсто *и* въ одной пѣснѣ въ словѣ биз вяны́ и въ одной шуточной дѣтской частушкѣ: нä пяру́: „хто не́ бäл нä пяру́, съмаво́ äддяру́“. Но въ остальныхъ случаяхъ въ словѣ пир *и* сохраняется какъ подъ удареніемъ, такъ и безъ него. Для этого слова можно указать на имен. пер въ нѣкоторыхъ сѣв.-влкр. говорахъ (Колосовъ, Обзор, 117 со ссылкой на Онежскія былины Гильфердинга; Матеріалы, 30, Олон. Петрозав.).

стрк. 4. Между двумя w въ предударномъ слогѣ можетъ слышаться *o* открытое или *å*.

стрк. 11 снизу, добав.: Ива́н Бъγусло́ф.

стрк. послѣдн., добав.: бруслѐты=браслеты. Здѣсь *у*, можетъ быть, нефонетич.

183 (31), стрк. 18, добав.; сусе́т.

Въ концѣ этого отдѣла добавить:

а вм. *у*. страга́ѝт и струга́ѝт при существит. стру́к, струга́. Въ этихъ словахъ *а* и *у* изъ старыхъ *ъ* и *у*; вѣроятно, страга́ѝт — нефонетич. при inf. страга́ѝт (= старому, обще-слав. стръгати, ср. србск. стргати, старорусск. строгати) по аналогіи со струга́ѝт при струга́ѝ (=о.-сл. стругати, ср. србск. стругати).

тубаре́тка, кабушка.

ъ вмѣсто *а:* прѣмыка́ѣт (=промакаетъ; мы ошибочно пишемъ: промокаетъ, внося сюда *о* изъ слабаго вида корня). Здѣсь *ъ* нефонетич. по аналогіи со словами, имѣющими въ слабомъ видѣ корня *о* изъ стараго *ъ* и въ сильномъ — *ъ*, напр. сохнуть — засыхать и т. п.

184 (32), стрк. послѣдн. и слѣдд. Кажется, вѣрнѣе будетъ признать, что въ разбираемомъ говорѣ гласныя *а* и *е (о)* въ концѣ словъ въ положеніи послѣ мягкой согласной, кромѣ j (или i̯), фонетически переходятъ въ *и* глухое открытое. Поэтому: да́јти, идо́ти, мища́ни, бо́ли изъ о.-русск. даi̯тѣ, идеi̯тѣ и пр. Въ тѣхъ влкр. говорахъ, гдѣ изъ *е* въ концѣ словъ имѣется *а*, говорятъ: да́јтя, идо́тя, мища́ня, пабо́ля и т. д. Въ такомъ случаѣ, въ такихъ словахъ, какъ по́ля, мо́ря, въ нашемъ говорѣ *а* нефонетич., а по аналогіи съ параллельными формами именъ средн. рода съ основой на твердую согласную (и на j, i̯?), какъ наприм. се́нă, салă и т. д., а болѣе открытое произношеніе этого *а*, чѣмъ въ се́нă, вызвано уже фонетическими причинами.

184—185 (32—33) *а* вполнѣ ясное послѣ твердыхъ согласныхъ изъ старыхъ *а, о* въ концѣ словъ встрѣчается рѣдко, подъ вліяніемъ реторическихъ условій, преимущественно на концѣ фразы, рѣже въ серединѣ ея во всякихъ словахъ. Чаще всего чистое *а* на концѣ словъ слышится въ коротенькихъ вопросныхъ и отвѣтныхъ фразахъ, состоящихъ изъ двухъ-трехъ словъ.

Стр. 186 (34), стрк. 5, добав.: изъ бе́лах ру́к.

Стр. 187 (35), стрк. 8 снизу, добав: „взы́скаваит“.

Къ стр. 186—188 (34—36). Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что звуки, которые у меня изображаются буквами *ъ* и *ъ*, слабѣе другихъ неударяемыхъ звуковъ. Слабость ихъ состоитъ не только въ глухомъ (полушопотномъ) [1]) произношеніи, но и въ томъ, что они короче

---

[1]) Названіемъ „глухой гласный звукъ“ я обозначаю, впрочемъ, не только шопотное произношеніе, но и другія качества, придающія звуку характеръ неопредѣленности, неясности.

другихъ неударяемыхъ гласныхъ. Степень шопотности и количество такихъ звуковъ неодинаковы и зависятъ, между прочимъ, отъ положенія ихъ относительно ударенія и отъ качества сосѣднихъ звуковъ; такъ что въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ съ шипящими и съ плавными глухіе гласные бываютъ короче такихъ шипящихъ и плавныхъ и могутъ терять слоговой характеръ.

Стр. 190 (38), стрк. 2—1 снизу. мя́кушкă при мя́кйш позволяетъ думать, что смѣшеніе суфф. *-ушк-* и *-ышк-* началось еще до окончательнаго перехода сочетаній *кы, гы, хы* въ *ки, ги, хи*. Съ этимъ переходомъ ср. переходъ *-ыш-* въ *-уш-* въ косв. падд. от чалы́ш. Подъ ударенiемъ -ы́шк- сохраняется, ср. маклы́шкă.

Стр. 191 (39), стрк. 5—4 снизу, начиная со слова „вы́гнуˀть слѣдуетъ выдѣлить въ особый абзацъ.

стрк. 3 снизу, добав.: чи́жĕк (съ *е* глухимъ) — въ дѣтской частушкѣ.

195 (43), стрк. 18, добав.: глы́пкă при глубо́кă или глыбо́кă. Здѣсь суфф. *-ок-* замѣненъ болѣе употребительнымъ суфф. *-ък-*.

стрк. 11 снизу, добав.: ще́бьлй (род. отъ ще́бьˀ = литерат. щебень); ăтпяру́, стяру́, тяру́, напр. „тири́ Катк та́м“ (т. е. три...), при infin. тире́ˀть, ăтпире́ˀть и пр. Эти формы, между прочимъ, очень распространены какъ въ сѣв.-влкр., такъ и въ ю.-влкр., но встрѣчается и обратное явленіе. Ср. въ Рязан. infin. вы́тре'ть — Будде, Къ діал., 47.

195, стрк. 2 вн. — 196—стрк. 8 вн. (43—44). См. ниже, въ Морфол. (о глагольныхъ основахъ).

196, стрк. 6 снизу. Въ глану́ˀть отмѣт. отсутствіе *т*; вѣроятно, ф. безъ *т* древнѣе, чѣмъ литератур. глотнуть, гдѣ *т* возстановлено изъ другихъ формъ. Въ такомъ случаѣ, въ прачхну́ццъ, прачкну́ˀть звуки *х* и *ч*, быть можетъ, возстановлены, хотя и давно, а не сохранены.

198 (46), стрк. 13—22, добав.: влада́ˀть, плато́к, пре́жди (ср. древнерусское переже, нынѣшн. Венёв. пере́ш).

стрк. 9—4 снизу. Добав.: по́лъмя и др.

Стр. 200—201 (48—49). Объ словѣ ишóл. Второе изъ приведенныхъ мною объясненій принадлежитъ, кажется, Даничичу (Rad, VI, 65) и раздѣляется Р. Ѳ. Брандтомъ (см. Миклош., Сравн. Морфол., перев. Н. Шлякова, стр. 311) и др. Миклошичъ самъ думаетъ, что *и* здѣсь изъ пришьлъ, что мало вѣроятно. Быть можетъ, употребленіе формы ишьлъ въ значеніи=шьлъ восходитъ даже къ діалектамъ общеслав. языка, ср. кромѣ србск. и польск. малор. ішóў, словен. išel и išal, чешск. (словацк.?) išel (у Миклош. со ссылкой на Sušil. Moravské národní písně. Обыкнов. просто šel), верхнелужицк. zajšoł при šoł.

Мои замѣчанія по поводу гипотезы акад. А. И. Соболевскаго (ишол = из+шьлъ, раздѣляемой также акад. Ф. Ѳ. Фортунатовымъ) невѣрны. Общеслав. ишьлъ = из+шьлъ имѣло удареніе, вѣроятно, на корнѣ. Но предложная приставка *из* вносила въ глаголъ значеніе совершеннаго вида и, кромѣ, еще два свойственныхъ ей значенія (одно изъ этихъ значеній сохранилось въ южнослав. язз., а другое, между прочимъ, — въ русскомъ языкѣ).

201 (49), послѣдн. абзацъ. Отсутствіе *и* въ м̀инин̀ик и *в* въ сложныхъ съ предлогомъ в(ъ)з, вѣроятно, — въ связи съ общеслав. подвижностью *и* и *вз* въ основахъ имен-, игра- и др. и въ предлогѣ въз.

202 (50), стрк. 6 снизу. „но“, чит. „Но“.

203 (51), пунктъ 6. Прибав. примѣры: н̀и зам̀ ана стаѝт; къп тибѝ ръзарва̀лъ̀.

204 (52), стрк. 5 слл. Приведу нѣсколько примѣровъ изъ сказокъ: нахо̀тникъ, Грѝшапя̀т, толкадну́, зака̀зия̀ (=за оказія), надѝн лицо́, с̀те́рвана́, вы̀wьла̄на́.

На *ъ*+*у* прим.: я услыха̀лутибя̀ (=я услыхала у тебя).

стрк. 9 снизу, добав. Впрочемъ, также: нядда̀ш-ли (*а* послѣ н̀ долгое).

205 (53), стрк. 1, исправ.: вы̀мюфсе́х

стрк. 6: „по сваму́“, чит. „п̊ъ сваму́“.

206 (54), стрк. 15, поправ. ана̀пя̀т

207 (55), абзацъ 3. Прибав.: прѝѝт (прийт̀ѝт и

прит҃т҃и҃т҃); вы́гънѣ҃н҃тијо́ (хотя здѣсь, быть можетъ, изъ вы́гънѣ҃т҃ ијо́). Рѣдко въ такихъ случаяхъ й: Го́спъд҃и́су́сй.

208 (56), стрк. 13, добав. примм.: то́л҃къщь пашу́, wзашо́л в этӱзбу́шку.

209 (57), стрк. 6—11. Винит. тре́тю, быть можетъ, изъ тре́т҃ју, но можетъ быть также безчленной формой.

стрк. 13, добав.: пајд҃о́ш, мы пајд҃о́м. Отсюда видно, что выпаденіе ј въ пад҃о́мти и т. п. обусловливается не только мягкостью д҃, но и особымъ положеніемъ формъ повел. наклоненія въ рѣчи, хотя, конечно, мягкость согласной способствуетъ этому выпаденію.

210 (58), стрк. 4. Вмѣсто „Тамб. Шацк.“ слѣдуетъ читать „Ряз. Ряз.“

стрк. 10 снизу, добав.: Ливо́нъвъ҃.

211 (59), стрк. 20. Вмѣсто „группой зубныхъ“ слѣдуетъ читать: „группой согласныхъ, начинающейся съ зубной, преимущ. *зг*, *зд*, *зм* и т. п.

21—22, добав.: па wно́гу (=по многу).

24, добав.: згнуздá҃т или змуздá҃т.

25. Вмѣсто „де́вушк҃“ слѣдуетъ читать „де́вушки“.

Стр. 210—11 (58—59). Къ пункт. 2 и 3 добав.: Въ словѣ ве́р҃бъвъј=гербовый, звукъ *в* вмѣсто *г* не аналогиченъ съ *в* въ кърàво́т и въ род. пад. муж. р. ед. ч. мѣстоим. склоненія, а явился, вѣроятно, нефонетически по аналогіи съ „ве́р҃бъвъј“=вербовый (вѣрнѣе, вербный).

214 (62), стрк. 13—14. Отъ поросѝ род. ед., конечно, былъ поросѝте. Можно предполагать развѣ только родство пр҃у́се́н҃ съ основой поросен-, являющейся въ словѣ поросёнок. Съ другой стороны, по аналогіи съ другими словами, какими призываютъ животныхъ, здѣсь скорѣе всего слѣдуетъ видѣть звуковое подражаніе телячьему мычанью.

„пр҃у́п҃рунда“ слѣд. читать: „п҃ру, п҃рунда“.

МОРФОЛОГІЯ.

А. Склоненіе и спряженіе.

I. СКЛОНЕНІЕ.

Имена муж. рода съ основой на о.-слав. ъ/о, ъ/е и ъ/у.

Род. и мн. ед. на -у. Формы род. и мѣ. на *-у* стоятъ въ зависимости одна отъ другой, хотя встрѣчаются не въ однихъ и тѣхъ же случаяхъ. Эти формы не образуются отъ названій отдѣльныхъ лицъ и животныхъ и, слѣдовательно, образуются только отъ nom. abstracta и concreta, обозначающихъ неодушевленные предметы или собирательные. Въ этомъ, между прочимъ, отличіе средневлкр. говоровъ отъ нѣкоторыхъ ю.-влкр., гдѣ встрѣчаются такія формы, какъ: ат жыниху (Караулов. Говор палѣх Жиздрин. у. Р. Ф. В., т. 43), при отцу, на Василью Ильичу (Чернышёвъ, Мещовск. 93) и др. Но при этомъ одни слова имѣютъ род. на *-у* при мѣ. на *-ъ*, другія — мѣ. на *-ý* при род. на *-а* (хотя бóльшая часть словъ, имѣющихъ мѣ. на *-ý*, имѣетъ и род. на *-у*). Поэтому я разсматриваю обѣ формы отдѣльно.

Род. на -у: 1. Отъ словъ, обозначающихъ дѣлимое вещество, пространство, количество и т. п. и отъ словъ

собирательныхъ, независимо отъ качества (твердости или мягкости) послѣдней согласной основы и независимо отъ мѣста ударенія, особенно въ значеніи родит. раздѣлит.

Примм. са́хъру, со́лъду, тво́ръгу, во́ску, ве́су, до́лгу, ды́му, ква́су, по́ръху, тава́ру, ве́тру [1]) и мн. др.

ча́ю, ко́фию, хме́лю, у́глю, ка́мню (преимущ. въ собират. смыслѣ, рѣже въ мѣстн. знач.: у ка́мню и у камня́).

л̀ду́ [2]), ил̀ну́ или л̀ну́, щьвьлю́, пяску́, биз агню́, агню́, ъган̀ку́ и др.;

отъ собирательныхъ, обозначающихъ собраніе людей: лю́ду, наро́ду, ми́ру (с ми́ру, но у ми́ра?), и даже: палку́ (и палка́).

Но отъ ав̀о́с — афса́; отъ хле́п — хле́ба̀. Такимъ образомъ, правило проведено не вполнѣ послѣдовательно.

2. Отъ односложныхъ словъ, обозначающихъ nomina abstracta или неодушевленные предметы, имѣющихъ ударѐніе въ падежныхъ формахъ ед. ч. (кромѣ мѣ. на -у́) на основѣ, кажется, независимо отъ качества послѣдней согласной основы [3]). Отъ нѣкоторыхъ изъ этихъ словъ встрѣчается и родит. на -а̀ [4]).

Изъ словъ съ основой на мягкую примм.: кра́ю, ла́ю, ра́ю, ро́ю и т. п. Слова: ча́ю, хме́лю и пр. имѣютъ род. на -*у* уже по первому правилу.

Отъ двусложныхъ и многосложныхъ словъ род. на -*у* рѣже; между прочимъ, употребляется отъ словъ, имѣю-

---

[1]) Въ свад. велич. пѣ. даже: биз вятру́, гдѣ у́, быть можетъ, перенесено изъ мѣстн. въ зависимости отъ предлога.

[2]) Въ одной плясовой припѣвкѣ сохранилась старая форма род. пад. отъ этого слова: л̀о́ду. См. выше, т. 44, стр. 195 (отд. отт. 43).

[3]) Перечислю нѣсколько употребительныхъ род. на -*у*: с̀ ви́ду, во́зу ни бу́д̀ьт, с во́зу, ве́ку (до́ вику), биз гла́зу, бе́з гъду и биз го́ду, з ди́ву, и́з дъму, ис кру́гу, до́ льсу и да ле́су, и́з нъсу, и́спълу, о́т пълу, о́т ръду, но и: а̀т рада́, из за са́ду, до́ с̀вит̀у, со́ с̀вит̀у, сле́ду не́т и мн. др.

[4]) Наприм. у ду́ба̀, о́къл̀ дуба̀, ис-пад ду́ба̀, но и: о́къл̀ ду́бу. вра́га̀, хле́ба̀ и др.

щихъ удареніе на послѣднемъ слогѣ основы: расхóду, дахóду, ръзгавóру, Рýзъскъw уjéзду, прijéзду, савéту, привéту, длѧ фсякăвă случáю (пѣ.) и др., главнымъ образомъ въ значеніи род. раздѣл. или съ предлогами для обозначенія мѣста и времени, но также и въ другихъ значеніяхъ. Сюда же можно отнести такое выраженіе, какъ: úзъ дню в деи̯, но подъ удареніемъ — днѧ́.

3. Не подходитъ подъ эти правила „упралупку“ (Мин. Байк.). Другихъ подобныхъ случаевъ род. на -ý отъ словъ съ удареніемъ на падежныхъ окончаніяхъ, если эти слова не собирательныя и не обозначаютъ количества, пространства, протяженія времени, вещества и пр., я не встрѣчалъ. Всегда: сáтка, палка́, бúришка́ (у б—ка́), канца́, рисца́ и др.

лба́, у́ ртă, сна́...; óкъл э́тъў пня́, грыба́, жаха́, кала́, куста́, рубля́, стала́ (отъ: стóл; слово: стýлă — средн. р.), халста́, шаста́, куля́ и т. д.

Отъ двусложныхъ словъ, имѣющихъ и въ род. два слога съ удар. на основѣ, род. обыкновенно на *-a:* кóрня́.

Род. на *-y* въ указанныхъ положеніяхъ — очéнь древній. Въ русскихъ памятникахъ онъ попадается отъ основъ на ъ/о уже съ XI в. Въ другихъ славянскихъ языкахъ употребленіе его сходно. Въ словинскомъ род. на *-ú* — отъ односложныхъ словъ, притомъ кромѣ sinu и tatú въ остальныхъ случаяхъ — отъ словъ, обозначающихъ неодушевленные предметы. Въ польск. и чешск. — преимущественно отъ словъ, обозначающихъ неодушевленные предметы. Повидимому, тенденція распространить род. на *-y* на односложныя (такъ какъ ъ въ концѣ словъ еще въ о.-сл. = ъ̆) слова, обозначающія неодушевленные предметы (или, по крайней мѣрѣ, не лица), идетъ еще изъ діалектовъ общеслав. яз. Эта тенденція обусловливалась отчасти тѣмъ, что въ общеслав. слова съ основой на ъ/у всѣ были односложныя.

Мѣстный на -ý образуется только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этотъ падежъ сохраняетъ значеніе мѣстнаго въ тѣсномъ смыслѣ слова, такъ что, наприм., съ предлогомъ

об форма мѣстнаго на -ý обыкновенно не встрѣчается. Она употребляется:

1. Отъ односложныхъ словъ, имѣющихъ въ род. и дат. ед. *-у* съ удареніемъ на основѣ.

Примѣры: нъ вазý, на тéм ѯвятý, ф квасý и мн. др. чью, на тéм краю, ф хмилю...

Сюда же можно отнести и: нъ вятрý, ср. род. вéтру; хотя въ имен. ед. это слово является тоже двусложнымъ, но нѣкогда звучало: вѣтръ.

Отъ нѣкоторыхъ изъ такихъ словъ встрѣчается и мѣстн. на *-ѣ*, наприм.: в дамý и в дóми, в радý, но ф такóм рóди (съ немѣстн. значен.), ва фсякъм рáзи (тоже), ф хлéби, ва врáги (см. ниже) [1]). Нѣсколько странны по ударенію: ф кливé и нъ дубé (ск.), вмѣсто ожидаемыхъ: ф клéви, на дýби. Здѣсь, по всей вѣроятности, удареніе взято изъ другой употребительной формы мѣстн.: нъ дубý, ф кливý.

2. Отъ словъ (какъ односложныхъ, такъ и неодносложныхъ), имѣющихъ въ род. пад. ед. -ý, наприм.: на ѯдý, ва ѯнý, нъ пяскý (и: нъ пяскé), в агню (и: в агнé), нъ прълупкý, ф палкý. Такихъ словъ немного; большая часть словъ съ удареніемъ въ косвен. падд. на флексіи имѣетъ род. -á, мѣ. -é: в гаршкé, нъ пъталкé, нъ шасʳкé и проч.

3. Отъ нѣсколькихъ односложныхъ и двусложныхъ словъ при родит. не на -ý: ва лбý, в ратý (не было ли старыхъ формъ лѣбу или лóбу, рѣту?), карню (лошадь „ф карню“, хлѣбъ или лѣсъ „нъ карню“), в углý (рѣже: в углé; род. углá, быть можетъ, вмѣсто древняго: úгъл, úгъла), лактю, нахтю, нъ калý, на дню и, быть можетъ, нѣкоторыя другія, но: ва ѯнé, на пнé, кулé и пр.

4. Слова съ двусложной основой, представляющей полногласную форму, имѣютъ тѣ же чередованія ударенія въ падежныхъ формахъ, что́ и слова съ односложны-

---

[1]) Въ пѣ. также: как ва сáди сѣлавéj.

ми основами, и потому должны бы образовать формы аналогично съ ними. Поэтому бе́рьк, род. бе́рьгу, мѣ. бирягу́; тво́рък, род. тво́рьгу, мѣ. твъргу́; кажется, такъ же образуются род. и мѣ. отъ слова во́ръх. Отъ слова чиро́т (дат. чиря/иду́) мѣ. чиря/иду́. Отъ словъ ве́рьт, во́рът и жо́лъп мѣ. мнѣ не встрѣчался. Отъ остальныхъ: во́лос, го́лос, го́род, ко́роб(п), мо́лот, по́рох, со́лод; моро́з, огоро́х, поро́г, поро́м и др. мѣстный образуется только на -ѣ. Отъ слова те́рйм или тиро́м, употребляющагося только въ пѣ., мѣстн.: ф те́рими или ф тиряму́.

5. Отъ сложныхъ словъ (кромѣ тѣхъ, которыя имѣютъ и род. на -у́) мнѣ извѣстенъ мѣстн. на -у́ только въ двухъ словахъ: нъ пъваду́, отъ слова по́вът, род. по́въду и ф пълагу́, отъ по́лък, род. по́лъгу. Здѣсь, вѣроятно, дѣйствовала аналогія съ полногласными словами въ родѣ бе́рьк и тво́рък.

Отъ остальныхъ сложныхъ словъ употребляется обыкновенно только мѣстн. на -ѣ. Наприм.: с҃је́ст—на с҃је́зди; схо́т, род. схо́ду, мѣ. на схо́ди (при неслож. ходу́), также: ује́зди, прије́зди, саве́ти и пр. Слово вра́к (= оврагъ) склоняется, какъ сложное: вра́га̀, ва вра́ги.

Слово с у д является съ двоякимъ удареніемъ и сообразно съ этимъ имѣетъ двоякія формы: су́т, су́ду не́т, дат. су́ду (въ пѣ.: ты миня̀ згуби́ла̀, к су́ду придала́), мѣ. нъ суду́; кажется, есть и твор. су́дъм. Съ другой стороны: су́т, суда́ (бйс суда́ и пр.), дат. суду́, мѣ. нъ суде́, твор. судо́м, вин. съ предлогомъ: на су́т, пац су́т (ср. на́ пъл, по́т пъл)

Распространеніе формы мѣстн. ед. на -у на склоненіе основъ на ъ/о началось еще, быть можетъ, въ общеслав. яз., но въ какомъ направленіи оно шло, сказать трудно, потому что въ нынѣшнихъ славв. язз. условія, при которыхъ встрѣчаются мѣстн. на -у и мѣ. на -ѣ, неодинаковы. Въ памятникахъ русскаго языка XII—XIII в., судя по примѣрамъ, приводимымъ акад. Соболевскимъ въ Лекціяхъ, мѣстн. на -у употреблялся преимущественно отъ словъ со старой основой на ъ/у, т. е. правильно

(впрочемъ и отъ этихъ словъ уже въ памятникахъ XI—XII в. мѣстн. часто на *-ѣ*). Потомъ въ нѣкоторыхъ памятникахъ эта ф. мѣстн. встрѣчается очень часто, какъ отъ именъ неодушевленныхъ предметовъ, такъ и отъ именъ одушевленныхъ предметовъ, главнымъ образомъ послѣ гортанной, какъ и теперь въ малорусскомъ. Въ ю.-влкр. говорахъ мѣстн. на *-у* нерѣдокъ и тоже не зависитъ отъ тѣхъ условій, при какихъ онъ является въ средневлкр. (и сѣв.-влкр.?). Въ нынѣшнихъ средневеликор. говорахъ эта форма бываетъ только подъ удареніемъ и не отъ именъ одушевленныхъ предметовъ, притомъ преимущественно отъ односложныхъ словъ. Имѣя въ виду, что слова съ основой на ъ/у въ общеслав. были односложныя и въ мѣстн. пад. един., вѣроятно, имѣли ударение на концѣ, можно думать, что въ этомъ отношеніи средневлкр. говоры архаичнѣе тѣхъ ю.-влкр., въ которыхъ мѣстн. на *-у* отъ неодносложныхъ словъ нерѣдокъ и притомъ можетъ не имѣть на себѣ ударенія.

Зват. форма этого склоненія замѣтныхъ отличій отъ формы имен. не представляетъ (развѣ только по качеству ударенія). Зват. Бо́жӑ рѣдокъ и иногда понимается, какъ именительный. Въ пѣ. „Зачѣмъ ты, безумная, губишь“ вмѣсто „Богъ-же съ тобой“ поютъ: „Бо́жӑ с табо́j“. Встрѣчается также зват. го́спъди, го́спъди Ису́сй.

Двойств. Съ числит. два, три и четыре говорятъ: два рида́, два вала́ и т. д., но кромѣ этихъ двухъ словъ форма существ. при тѣхъ же числительныхъ всегда совпадаетъ по ударенію съ формой род. един. на *-а:* два во́зӑ (множ.ваза́), два го́дӑ, три до́мӑ и пр. Отъ слова ра́с (разъ) при всѣхъ числит. употребляется форма род. множ. (=имен. ед.) ра́с: два ра́с, три ра́с, какъ: пя̀т ра́с, но также и: два́ ра́зӑ, три ра́зӑ (а въ одной вьюношной пѣ.: два раза́). Вѣроятно, остатокъ стараго имен. двойств. представляетъ слово рукава́, быть можетъ, также: бирага́, бака́, глаза́, жърнава́, ъкърака́, рага́. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, именит. множ. именъ муж. рода на -а́ и въ другихъ случаяхъ восходитъ къ старому имен. двойств.

Правильнѣе здѣсь видѣть результатъ разныхъ аналогій. Слѣдуетъ замѣтить, что форма на -а́ съ числит. совпадаетъ съ формой имен. множ. только въ одномъ словѣ рукава́, потому-что отъ словъ ряд, вал имен. множ. риды́, валы́.

два рубля́, рѣже: два рубли́; два́ дни, три́ дни и: два дня́, три дня́.

Множеств. число. Имен. на -а́ образуется въ общемъ отъ тѣхъ же словъ, какъ и въ литературномъ [1]). См. у Миклош., въ перев. Н. Шлякова и Р. Брандта, 409—410, у Ягича, Критич. зам. по ист. рус. яз., 115.

Къ перечисленнымъ внизу примѣрамъ добавлю. Отъ жо́рнъф кромѣ обычнаго жърнава́ въ одной сказкѣ записано: жо́рны; род. отъ титирива́ на -о́ф; отъ словъ бо́ръф, бура́ф, ве́рьт, ве́к, ку́зъф, мо́т, стру́к, фли́гьр, кле́ф имен. множ. мнѣ неизвѣстенъ. При пъиса́ отмѣчу паяси, -иj — соломенные жгуты (свя́сла на южновеликор. нарѣчіи) для увязыванья сноповъ. Отъ сне́к имен. множ. только въ пѣ. сне́ги бе́лы или сни́ги́. Отъ тве́т имен. множ. тваты́.

Изъ всѣхъ словъ, имѣющихъ въ именит. множ. -а́, только рукава́ имѣетъ то же удареніе въ един.; остальныя въ един. (кромѣ мѣстн. на -у́) имѣютъ удареніе на основѣ. Это — одно изъ условій образованія имен. множ. на -а́. Но чѣмъ объясняется, что слова съ одинаковыми

---

[1]) бирга́, бака́, вичара́, ваза́, въласа́ и во́лъсы, въраха́, глаза́, гада́, гъласа́, гърада́, граба́, дама́, дъхтара́, жълаба́, жърнава́, жаха́ и жахи́, кливъра́, къндала́ (пѣ.), кълкала́, кунпала́, кучара́, лъга́, ляса́, мъстяра́, никрута́, ябраза́, якъракá, пъвара́, пъгряба́, пътраха́, пъиса́ (и паяси), пъязда́, приставá, пута́ и путjа́, рага́, раза́, рукава́, стъляра́, стъража́, тирима́, титирива́, търмаза́, фиршала́, хляба́ и хле́бы, хълада́, jистриба́.

края́, виксиля́, стибиля́... но: чий, слу́чьи пр.

лъгаря́ и лъгари́, писаря́ и писари́, jигаря́ (=егери), но: гъсудари́, судари́, (къпари́, сухари́...) и пр.

учителя́..., но: риндатили.

фонетическими и другими условіями образуютъ именит. множ. различно, выяснить трудно. Можно замѣтить, что этотъ имен. встрѣчается главнымъ образомъ отъ именъ съ непроизводными основами и отъ нѣкоторыхъ именъ съ суфф. ар (яр, быть можетъ, ер), ар̓, ал (ол), ел̓ и отъ иностранныхъ словъ со сходными окончаніями (т. е. по аналогіи съ учителя́, с̓тибиля́, также виксиля́; писаря́—лъгаря́, јигаря́; стъляра́ — мъс̓тяра́ и пр.) [1]). Отъ слова рукав сохранилось старое двойств.; кажется, и другія слова на -ав и -ов образуютъ имен. множ. на -а́.

Перечислю нѣкоторые имен. множ. на *-ы* и *-и:* валы́, вясы́, долги́, дубы́, духи́, круги́, насы́, палы́, ряды́, сады́, слядыи́, т̓вяты́, тарги́; ко́р̓ни, ка́мни и пр. Понятно: лъскуты́, л̓ны́, афсы́, халсты́ и пр. по общему правилу.

Множ. на -ја извѣстно въ тѣхъ же случаяхъ, какъ и въ литературномъ. Отмѣчу только пут̓ја́ при пута́ и друз̓ја́, какъ въ литерат., вмѣсто дружја́. Наоборотъ, лъ̆скуты́ въ плясовой припѣвкѣ: „...Атхади́ти лъ̆скуты́, к нам придут̓ арт̓и́сты“, при ласку́т̓ји не о людяхъ.

Множ. на *-и:* сасе́ди, че́р̓ти, паяси, родит.: сасе́д̓ий, чир̓те́ј, паясиј и т. д. — мягкость послѣдней согласной основы проведена по всѣмъ падд. множ. Въ пѣснѣ (частушечной): тъ̆рака́ни.

Существ. съ суфф. *-ин-*, обозначающимъ единичный предметъ, въ единств. числѣ, образуютъ множеств. не отъ этой основы, а отъ той основы, къ которой былъ присоединенъ суфф. *-ин*, какъ и въ литературномъ. Такъ, отъ мищини́н, хрис̓јанин, баяри́н, тата́рин множ. мища́ни (у Миши Байкова: месщане), хрис̓ја́ны, баяры (ср. у Миши Байкова: бояры), тата́ры. Отъ хазяи́н множ. хазяйва. Вмѣсто балга́рин говорятъ въ един. балга́р (между прочимъ, Балга́р—прозвище одного мальчика). Къ слову ба́-

---

[1]) Различіе въ образованіи имен. множ. между писаря́ и къпари́ вызывается тѣмъ, что въ послѣднемъ ударепіе въ ед. числѣ — на окончаніи.

рин множ. служитъ γъспада́ или гъспада́, родит. гаспо́т (един. γъспади́н рѣдко).

Слова женск. р. съ тѣмъ же суфф. (напр. я́гъдинӑ, каѧфе́тинӑ и т. п.) могутъ образовать множ. и отъ той же основы (я́гъдины, каѧфе́тины и пр. при я́гъды, каѧфе́ты).

Имена на -ѧо́нък имѣютъ во множ. -ѧа́ты: тилѧо́нък — тиля́ты и пр., гълувѧо́нък — гълубя́тки и т. п. Конечно, это — множ. къ утраченному един.: теля́, порося́, голубя́ и т. п. См. ниже.

Отъ щиѧно́нъчък, щиѧно́нък множ.: щиня́тъчки, щиня́ты. При щино́к соотвѣтств. множ. отъ основы щат- нѣтъ. При множ. чиѧртиня́ты, -я́тъчки един. только: чиѧрто́нък.

Къ слову раѧво́нък или риѧво́нък множ. можетъ служить: де́ти, ръѧвиѧто́нки и т. п., а множ. рибя́ты обозначаетъ взрослую холостёжь и по значенію является множ. къ слову па́риѧ, род. па́рня̆ (множ. па́рни не употребляется).

Отъ слова аѧпо́нък, родит. аѧпо́нкӑ, множ. апя́ты и аѧто́нки.

По аналогіи со словами на -ѧо́нък образуется множ. отъ шпито́нък (=вспитомокъ), род. муж. и имен. жен. р. шпито́нкӑ, — шпита́ты.

Встрѣчаются и образованія отъ словъ на -ѧо́нък по общему правилу: жыриѧво́нти — жыриѧво́нкъф, цыплѧо́нки, щинки́ и пр., также аѧло́нки, аѧло́нкъф. Ср. множ. риѧвиѧто́нки, въласѧо́нки, глазѧо́нки и пр.

Родит. множ. — на -о́ф, рѣже = имен. ед.: сапо́к и съпаго́ф, чуло́к и чулко́ф и пр., вало́с („для́ я њѯ вало́с нъраѧсти́ла“), гла́с (биз гла́с и пр.), зу́п нет (у грабель, у человѣка) и зубо́ф, также ра́с: пя́ѧт ра́с, но не съ числит. и т. п.: разо́ф. Отъ го́т, мпож. гада́, род. гадо́ф (=лѣтъ, ср. сказки). Тѣ же родит. сохранились и въ ю.-влкр. говорахъ, несмотря на то, что тамъ род. на -овъ пріобрѣлъ большое распространеніе.

Отъ словъ съ основой на мягкую согласную родит. множ. — на -ej, ѧоф и -joф. Постоянно род. на -joф отъ

словъ, оканчивающихся въ имен. един. на j съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ: крайóф, чьйóф, сълавьйóф, върабйóф, сарáиф и т. п. Далѣе отмѣчу сынавьйóф (Миша Байковъ пишетъ: сыновьевъ — ск. про Копченаго), путьйóф, зитьйóф, братьйóф, úгълjьф, каменjьф, каренjьф и пр.

рублéj и рублóф. М. Байковъ всегда пишетъ: рублей.

Но обычно: камнéj, карнéj, лактéj, гастéj и пр.

гăрадéj — въ новогодной (подблюдной) пѣ.: „сидúт вăрабéj нă пить гăрадéj". Это — не мѣстный, а родит. въ зависимости отъ числит. пять. Такое согласованіе разговорному языку не свойственно, да и самая форма гăрадéj въ разговорномъ языкѣ неизвѣстна.

Винит. множ. и двойств. отъ именъ животныхъ муж. и женск. рода иногда = имен.: загнáл два вырабjá, купúл трú кабúлы, двé лóшъди или двýх лъшъдéj.

Остальные падежи оканчиваются на -ам, -ами, -ах.

По этому же склоненію склоняются слова:

1. гóлуп, гостъ, зять, лéбедь, лóкоть, лóсь (муж. р.), медвéдь, мазóл, мыш (родит. мышá), нóготь и нѣкоторыя другія, имѣвшія въ общеслав. основу на ъ/и. О словахъ звéрь, путь, людú см. дальше.

2. камень, кóрень и, отчасти, день, о которомъ см. ниже.

3. уменьшит. калéчик вмѣсто и рядомъ съ калéчкă и т. п., úблък.

4. можетъ быть, статýj, извѣстное мнѣ изъ насмѣшливаго прозвища „папугáj лясновj, статýj глúнинај"- Ср. у Чернышева, Московск. у., стр. 29.

Слова средняго рода на *-о*, *-е*.

Эти слова въ большей части падежей склоняются такъ же, какъ и слова муж. р. съ тѣмъ отличіемъ, что родит. и мѣстн. един. на *-у* отъ нихъ совсѣмъ или почти не встрѣчаются, а род. множ. часто не имѣетъ окончанія (т. е. кончается на послѣднюю согласную основы), между тѣмъ какъ въ склоненіи словъ муж. р. такая фор-

ма родит. множ. рѣдка. Въ мѣстоименномъ склоненіи совпаденіе между формами муж. и средн. рода еще больше. Благодаря этому, явилось стремленіе еще больше сблизить склоненіе словъ средн. рода со склоненіемъ словъ муж. р., сходство въ остальныхъ падежахъ вызвало появленіе имен.-винит. множ. на *-ы*, *-и* и родит. множ. на *-ов*, который и въ самихъ именахъ муж. рода по большей части вторичный. Сперва имен. множ. на *-ы*, *-и* въ словахъ средн. рода явился отъ основъ съ суфф. *-к* (-ък, -ьк и т. п.), а род. множ. на *-ов* — отъ тѣхъ же основъ и, быть можетъ, также отъ нѣкоторыхъ основъ на j. Дальнѣйшее сближеніе склоненій словъ муж. и средн. рода могло привести къ переходу словъ средн. рода въ муж. Дѣйствительно, съ одной стороны мы видимъ такія формы, какъ я́блък, кале́чик, съ другой, — сохраненіе флексіи имен.-вин. пад. средн. р., но съ прилагат. и мѣстоим. въ муж- родѣ. Такъ, въ Парфёнкахъ говорятъ про яйцо (jицо́), что „он сыро́j“; другіе примѣры: „тво́j кал̀цо́ вы́скъчит“, „он нябо́с ве́с по́ль зъwали́л, и у миня́ jѐс jaʷó“ (про навозъ), на свој ме́ста̀, мо̀j све́тнъj пла̀тjь, на̀ди́н лицо́ (и: надно́ лицо́), „свой именной кольцо“ (въ сказкѣ, запис. Мишей Байковымъ), „я́ бъ у Ма́шки вѐс се́нъ а̀дби́ла̀ ба“, се́нъ ве́с ако́пнъта̀, вѐс лицо́ апцапа́ла. При этомъ сказуемое можетъ быть въ средн. родѣ: аказа́лас мо̀j кале́чик. Ср. подобныя согласованія у Чернышева, Мещовск., 103—104 и др. [3]). Такое смѣшеніе родовъ, кажется, нельзя ставить въ связь съ аканьемъ.

Наоборотъ, въ тѣсной связи съ аканьемъ стоитъ вин. един. на *-у* отъ нѣкоторыхъ словъ средн. р. съ удареніемъ въ един. числѣ на основѣ, причемъ прилагательныя и мѣстоименія ставятся въ формѣ женск. рода: сваю̀ во́jску, фсю̀ семе́jству, кал̀о́сти ф кал̀о́ску (отъ именит.

---

[1]) Совсѣмъ другого происхожденія средній родъ сказуемаго при подлежащемъ муж. рода въ такомъ выраженіи, какъ „у на́с и каза́к пахо́жъ нъ каза́к“. Здѣсь — явленіе чисто синтаксическое, восходящее еще къ общеиндоевроп. эпохѣ.

ка̀ло́скӑ=колёско). Другіе примѣры мнѣ неизвѣстны. Смѣшеніемъ родовъ вызвано такое согласованіе: в адну́ прикра́снъjь вре́мь (ск.). Въ южновеликор. такое смѣшеніе формъ средн. рода съ формами мужск. и женск. родовъ повлекло за собой зачастую совершенное уничтоженіе средн. рода [1]). Въ разбираемомъ говорѣ, какъ и въ другихъ сѣв.-влкр. и средневлкр. средній родъ въ большинствѣ случаевъ сохраняется.

Во множ. — окончаніе -а́ только подъ удареніемъ; не подъ удареніемъ -ъ, послѣ мягкихъ и гортанныхъ -и и пр.; встрѣчается собирательное множ. на -ja. Отмѣтимъ отъ плич о́ имен.-вин. множ. плича́: плича́ ни прajду́т, нъ плича́ и пр., отъ се́нъ — сяна́ (другіе падежи множ. отъ этого слова не употребляются), отъ де́рьвӑ — дирява́, дѝо́ф и дире́вjӑ; отъ пяро́ — ю́рjй, ю́рjйф.

ъ и и не подъ удареніемъ въ имен. множ. именъ средн. рода — не фонетич., а по аналогіи съ именами муж. и женск. рода.

Отъ именъ съ суфф. -к- (ък, ык и т. п.) имен. мн. — на и, даже подъ удареніемъ, какъ и въ литерат. (сюда не относятся такія слова, какъ ӓблака́, гдѣ нѣтъ суффикса -к).

Слово но́бӑ (обыкновенно средн., рѣдко женск. рода) во множ.: нибяса́, нивóс, впрочемъ, только въ поговор-

---

[1]) Ср. Чернышевъ, Мещовск., 103—104; Будде, Къ діалект., 103—104; Филатовъ, Ворон., т. 39, § 39. Насколько Будде и Филатовъ правы, трудно сказать. Дѣйствительно ли въ обслѣдованныхъ ими говорахъ слова средн. рода во всѣхъ косв. падежахъ един. сочиняются съ прилагат. и мѣстоим. въ женск. родѣ, или же только въ имен. и вин. падд. един., а въ остальныхъ падежахъ склоняются такъ же, какъ слова муж. рода и потому сочиняются съ прилаг. въ формахъ=формамъ муж. р.? Сколько я знаю изъ своихъ личныхъ наблюденій надъ ю.-влкр. говорами, въ нихъ встрѣчается какъ полный переходъ словъ средн. рода въ женск., такъ и замѣна только нѣкоторыхъ падежныхъ формъ формами склоненія словъ женск. рода. Ср. также примѣры, приводимые Чернышевымъ изъ Мещовскаго говора.

кахъ и загадкахъ: „Ма̀т талста́, до́ч краспа́, сы̀н хито́р, пъд нибясá ушóл“ (печь); „сѐ̀л во́рз дъ нибо́с, дъ фсѐ̀ ле́сьм“, и др., ср. также пѣсни. Въ разговорномъ это множественное не встрѣчается. сло́ва — имен. множ. слава́ и пр.; отъ имен. множ. кало́сы един. кълясо́ и т. д.

Родит. множ. иногда оканчивается на *-ов:* дялóф, мястóф, зóрнáф (ср. новогодн. пѣсню) и зóрьн, áблакóф, я́блъ'къф, калóскъф, сто́клушкъф, зóрнушкъф и т. д.; отъ именъ съ суффиксомъ -к-, -ышк-, -ушк- и т. п. употребляется исключительно эта форма родит. множ.; точно также отъ основъ, кончающихся во множ. на j: карéнjьф, диревjьф, плáттьф и плáтjьф и т. п. Отъ остальныхъ словъ чаще старая форма родит. множ. Въ южновлкр. родит. множ. на *-ов* распространенъ значительно больше.

Старая форма дат. на -омъ удержалась, какъ и въ литерат., только въ выраженіи пъдялóм.

Остальные падежи не представляютъ особенностей. Отмѣчу нѣкоторыя отдѣльныя слова:

jицó, множ. я́цы, род. jий́ц и я́ц, я́цъм и пр.

ухó, множ. у́ши. Объ остальныхъ падежахъ множ. отъ этого слова — ниже.

Такъ же, какъ остальныя слова средн. рода, склоняются и слова средн. р. на мя́, образуя только множ. отъ основы на -мен- (да и то не всѣ).

Слова съ основой на -ят- склоняются во множ., какъ и другія имена средн. и женск. рода.

Слова женск. рода на *-а (я).*

Къ этому склоненію принадлежатъ, между прочимъ, и нѣкоторыя слова, принадлежащія въ литерат. къ другимъ склоненіямъ: вéщя́, врядá (=вредъ), тигрá, иногда (рѣдко) плугá, кажется, халмá, ср. въ пѣ.: „и на возвышанай халме“ (Анн. Аким.), и, частью, вóша́ и рóш (въ нѣкоторыхъ падежахъ). Сюда же, быть можетъ, принадлежитъ и слово симéйствá.

Слово гъспада́ стало имен. множ. Быть можетъ, такого же происхожденія множ. стъража́; въ такомъ случаѣ въ этомъ словѣ удареніе на концѣ или же удареніе въ словѣ старо́жа́ женск. рода вторичное.

Въ звательной формѣ послѣдняя неударяемая гласная отпадаетъ: де́дъшк, Ва́нюшк, Ма́ш, Ка́тк, ба́ушк, Ната́ш, Дуня́х, дя́дь и т. д. Миша Байковъ обыкновенно пишетъ въ имен. пад. един. такихъ словъ *-а*, а въ зват. формѣ *-ъ*, рѣдко *-а*. Примѣры: батюшкъ (нѣсколько разъ; сказка про Капчён.), баткъ (тамъ же), машкъ, мамкъ, ванюшкъ (нѣсколько разъ), но въ имен. ванюшка и др. Въ сказкахъ, записанныхъ мною, иногда гласная въ концѣ словъ въ зват. формѣ слышалась, но рѣдко; изрѣдка встрѣчается именит. пад. безъ гласной на концѣ. Встрѣчается и другая звательная форма (при другихъ условіяхъ и гораздо рѣже) — на *а* чистое растянутое.

Родит. пад. единств. на -ъ очень употребителенъ, какъ отъ твердыхъ, такъ и отъ мягкихъ основъ, но почти исключительно съ предлогами *у*, о́кълъ и т. п.: у графе́ни Пawлъвнъj или Па́wлъвнѝ, у Пятро́вни, у вдаве́, у чиртé, у Пó̀три, у твajéj жыне́ и т. п. Въ другихъ случаяхъ, а частью и послѣ этихъ предлоговъ, употребляется родит. на *-ы*, *-и*, такъ что, можетъ быть, форма род. пад. на *-ъ* послѣ предлоговъ (означающихъ мѣсто и время) частью сохранилась, частью образовалась вновь по аналогіи съ употребленіемъ формъ на *-ъ* послѣ другихъ предлоговъ, наприм. послѣ предлоговъ *в*, *к*, *на* (ср. смѣшеніе падежей послѣ предлоговъ въ мѣстоименномъ склоненіи).

Дат. пад. единств. отъ словъ этого склоненія, какъ съ твердыми, такъ и съ мягкими основами, всегда на *ъ*, т. е. *е́* подъ удареніемъ и *и* безъ ударенія.

Въ сѣв.-влкр. и ю.-влкр. говорахъ смѣшеніе родит. и дат. падежей един. ч. словъ женск. рода пошло еще дальше. Сохраненіе стараго родит. на *-ъ* и дат. на *-и* въ словахъ съ основой на мягкую согласную вызывало въ словахъ съ основой на твердую новообразованія —

род. на *-ъ* и дат. на *-ы*, и наоборотъ, въ словахъ съ основой на мягкую по аналогіи со словами съ основой на твердую согласную являлись родит. на *-и* и дат. на *-ъ*. Поэтому, съ одной стороны, встрѣчаются говоры, гдѣ род. един. отъ словъ на *-а (я)* — всегда на *-ъ*, а дат. — на *-ы*, *-и*. Таковы нѣкоторые сѣв.-влкр. говоры, а изъ ю.-влкр., можетъ быть, Мещовскій (изъ сообщенія Чернышева несомнѣнно только, что въ Мещовскомъ есть родит. на *-ъ* и дат. на *-ы*). Въ другихъ говорахъ употребляются формы на *-ъ* и *-ы*, *-и* безразлично для обоихъ падежей (хотя, можетъ быть, и существуетъ различіе въ употребленіи той или другой формы въ зависимости отъ предлоговъ или другихъ условій). Наконецъ, въ большей части говоровъ дат. на *-ы* совсѣмъ неизвѣстенъ, а родит. на *-ъ* употребляется только при извѣстныхъ условіяхъ.

Въ винит. пад. большая часть словъ съ удареніемъ на падежныхъ окончаніяхъ и съ односложной основой переносятъ ударе́ніе на основу: изба́, и́збу, на́ избу или нъ избу́. Нѣкоторыя слова, какъ слиза́ и др. сохраняютъ и въ винит. ударе́ніе на концѣ. Это различіе между такими словами, какъ изба́, душа́, нога́, рука́... съ одной стороны и слеза́ (игла́, игра́?)... — съ другой — еще общеславянское. Въ великорусскихъ говорахъ это различіе зачастую утрачено, и подвижное ударе́ніе замѣнено неподвижнымъ, ср. сѣв.-влкр. имен. со́сна, южновлкр. винит. сосну́, рякý. Средневлкр. говоры въ этомъ отношеніи консервативнѣе другихъ (впрочемъ, и здѣсь ср. па́шня вмѣсто пашня́ и др.).

Творит. пад. оканчивается на *-ој* и *-ою* съ ихъ фонетическими измѣненіями не подъ удареніемъ. Форма на *-ою*, кажется, — только при ударе́ніи на о́: з гълавój и з гълавóю, с рукój и с рукóю, с кабылъj, зъ диревньj. Также: рóжъj (=рожью).

Двойств. число. Сохранилась архаическая форма творит. пад.: абéмă рукáмă, но обыкновенно говорят обéими рукáми.

Въ зависимости отъ числительныхъ 2—4 въ им.-вин.

пад. ставится форма слова = формѣ родит. единств. При числит. абе́и или або́и употребляется множ. число.

Множеств. число. Имен.—на *-ы*, *-и* съ переносомъ ударенія съ конца слова (если оно въ единств. на концѣ) на основу. Въ остальныхъ падежахъ множ. ударе́ніе такихъ словъ частью — на основѣ, частью — на флексіи: рука́м, жана́м, слиза́м, диривня́ми, нъ ваззя́х и пр., но: ко́пнъм и др.

Въ одной святочной дѣтской пѣсенкѣ—винит. множ. женск. р. на *-а́*: „Каляда́, каляда́, Скачи́л ме́сьц на́ гряда́“. Этотъ винит., извѣстный, кажется, нѣкоторымъ сѣв.-влкр. говорамъ, у насъ встрѣчается только въ этой пѣснѣ.

Родит. множ. обыкновенно не имѣетъ окончанія (т. е. оканчивается на послѣднюю согласную основы): капо́н, капо́шък, кле́тък, па́лък, сло́с и пр. Отъ словъ на *-ня* въ родит. множ. — *-нь*, если ударе́ніе въ этой формѣ на послѣднемъ слогѣ, и *н*, иногда очень слабое, въ другихъ случаяхъ: дириве́нь, но ба́сьⁿ, пе́сьⁿ и пр. Встрѣчается родит. на *-ej*, наприм. ваззе́j (отъ важжя́) и др. Родит. на *-ов*, *-ев* встрѣчается отъ слѣдующихъ словъ: зво́здъф (пѣ.: Wно́гъ зво́здъф, wно́гъ ча́стых) и зво́ст, са́мъх кля́чьф (ск.), „затехъ дядѣвъ“ и „задядѣвъ“ — у Миши Байкова (ск.) и нѣк. др. Въ послѣднемъ случаѣ форма род. на *-ев*, вѣроятно, вызвана тѣмъ, что дядя — муж. р.

Творит. множ. на *-ми́* вмѣсто *-а́ми* — свичми́, слизми́ — пѣсни (не разговорн.!). Остальныя слова, имѣющія творит. на *-ми́*, не принадлежатъ къ этому склоненію.

Кромѣ перечисленныхъ выше, къ этому склоненію принадлежатъ также 1) такія слова, какъ малчи́шкъ, ба́тюшкъ и пр. (род.-дат.-мѣ. *-и* твор. *-ъj*), 2) уменьшит. на *-я* и *-а*: Ва́ся, Ми́шъ и пр., принадлежавшія прежде къ склоненію именъ на *-ъ*.

Имена съ общеславянской основой на ъ/и.

Слова муж. рода этого склоненія по большей части перешли въ склоненіе основъ на ъ/е муж. рода, въ томъ

числѣ и слова мыш и лéбьт̀ (ср. пѣсню: Либидúн мој, либидúн, л é б и д̀ бéлај маладój... Вабирáј ка либидúха сибѐ л é б и д я). Отъ мыш родит. един. мышá и пр., множ. мы́шы, мышéј и пр.; отъ лéбьт̀ — лéбьдя́, множ. лéбиди, либидéј и пр.; твор. множ. мышáми, (либидáми). Наоборотъ, слово гóлът̀, гóльди — женск. рода.

Отъ слова п у т̀ уцѣлѣли только нѣкоторыя формы этого склоненія: нъ путú, пъ путú, с путú, обыкновенно это слово склоняется, какъ и остальныя слова муж. рода на *-ъ:* путя́, путю́, пу̀тóм; только мѣстн. всегда на -и́ (не на -ѣ или -ю!). Иногда слово пут̀ переходитъ въ женскій родъ. Миша Байковъ пишетъ въ пѣ.: „широкая путь дороженка“ и „вдальній путь дороженку“. Любопытенъ творит. пу̀тóј дарóгъј, какъ бы отъ имен. путя́ (творит. пут̀јý не встрѣчается).

Во множ. числѣ отъ этого склоненія сохранился только творит. на -ми́ и то отъ очень немногихъ словъ: з̀вирми́, лю̀дми́ (един. не сохранилось; лю́т, лю́ду — другого склоненія) рядомъ со з̀вирями́, людя́ми. Слово „звѣрьми“ — у Миши Байкова (ск.). Отъ слова пут̀ множ. число не встрѣчалось. Родит. множ. отъ словъ этого склоненія всегда на -ej.

Слова женскаго рода этого склоненія имѣютъ, какъ и въ литературномъ, родит.-дат.-мѣстн. *-и*, причемъ въ мѣстн. обыкновенно удареніе переходитъ на окончаніе, твор. *-jю*. Мѣстный на *-ѣ* (é) я слышалъ только отъ уроженцевъ другихъ губерній, живущихъ въ Парфёнкахъ. Твор. на *-ей* вмѣсто *-ью* очень рѣдокъ; я могу привести только одинъ примѣръ: рóжъј = рожью. Другіе падежи этого слова: рóжы и ржы́, всегда: ва ржы́. Слово вош можетъ склоняться, какъ слова на *-а:* вóшă, вóшы, вóшў, вóшъј. Слово вещь: имен. вéщя́, вин. вéщю (наприм. „я апя́т̀ тибé зъгадáю вéщю з̀дéлът̀» — сказка). Слово къпапéл встрѣчается только въ пѣсняхъ и загадкахъ: пýк пучня́, къпапéл ручня́, лучúнъ палéнъ, салóмы бирéмя́, а въ разговорп. — къпапля́.

Старинное окончаніе дат. и мѣстн. множ. на -ом,

-ъ́ох сохранилось только въ формахъ: лъшыдо́х, лъшыдо́м и сано́х, сано́м, но чаще: лъшыдя́х, саня́х [1]) и пр., которыя мало по малу вытѣсняютъ старыя формы; молодежь такъ уже почти не говоритъ.

Въ твор. множ. окончаніе -ми́ почти вездѣ замѣнено окончаніемъ -а́ми: дитьми́, дъвирми́, лъшъдми́, людми́ и: дъвря́ми, лъшыдя́ми, людя́ми; всегда: кастя́ми, саня́ми и т. д. Творит. слизми́ встрѣчается въ записи Аннушки Акимовой: „заливалася панемъ слизми“ (пѣ.) и въ передѣлкѣ Пушкинскаго Узника: „слизми́ х аблита́“; въ разговорной рѣчи не употребляется. Эта форма отмѣчена во многихъ влкр. говорахъ и потому вызываетъ вопросъ, не было ли когда нибудь существ. слезь, отъ котораго и произведенъ этотъ твор. Ср. у Филатова Ворон. слезью — твор. един. (т. 39, стр. 183) [2]). Къ этому же склоненію принадлежитъ слово у́шы, родит. ушéj, дат. ушáм, твор. ушмú. Можно думать, что ушми́ — старая форма творит. множ. отъ слова уши, если только въ общеслав. существовали формы множ. числа отъ этого слова. Если эта форма не общеславянская, то во всякомъ случаѣ очень старинная. Въ малорусск. ушми́, очми́, ср. словинск. očmí. Изъ древнерусскаго языка форма ушми́ мнѣ извѣстна по рукописямъ съ XVI в., но, вѣроятно, существовала гораздо раньше этого времени. Быть можетъ, первоначально въ русскомъ языкѣ рядомъ съ очи́ма, уши́ма существовали формы очьма́, ушьма́ (въ памятникахъ незасвидѣтельствованныя), здѣсь -ь- по аналогіи съ другими сло-

---

[1]) Что са́ни принадлежатъ къ этому склоненію, а не къ склоненію основъ муж. рода на ъ/е, видно изъ влкр. твор. множ. санми́, ср. у Филатова, Ворон., Чернышева, Мещовск.; мнѣ извѣстно такое произношеніе въ Тульск. Венёвск. и др. По мнѣнію Р. Ѳ. Брандта, са́ни — множ. отъ сань, употребл. въ Паремейникѣ 1271 года въ значеніи δρακών, змій; ср. чешск. saň — драконъ.

[2]) Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ говорахъ встрѣчаются твор. на *-ми* и отъ другихъ словъ съ основой на *-а*, ср. душми́ — Будде, Къ діалект.; свѣчьми—Чернышевъ, Мещовск. и др.

вами родственныхъ склоненій, а эти творит. двойств. повліяли на образованіе твор. множ.

Отъ слова про́луп уменьш. — пръслубо́к, упралупку (Миша Байковъ), какъ бы отъ слова муж. рода.

Слово де́нь склоняется подобно другимъ существит. муж. рода на *-ъ:* дня, дню, днóм; мѣстн.: дне́ и дню́ (на дню́). Ме́сьц со́ дньм и са днóм. Но: два́ дни, три́ дни, впрочемъ и: два дня́, три дня́ (и два́ дня́). *Родит. множ.* дóн, дат. дня́м и пр. Слово по́лдьнь, род. по́лдня́ и проч., употребляется обыкновенно во множ.: по́лдни, палдóн, палдня́ми и пр. Отъ слова бу́дни родит. множ. будне́j, мѣстн.: нъ будня́х и т. д.

Слова съ общеслав. основой на *-ъв.*

Въ имен. един. только -оф или -оѣ: кроф, свякро́ф, марко́ф, любо́ф, це́рквѣ и пр. Отъ кроф род.-дат. кро́ви, мѣстн. — ф кравѝ, творит. кро́вjу; въ словахъ свякро́ф и марко́ф *о́* сохраняется во всѣхъ падежахъ. Въ словѣ любо́ф гласная правильно выпадаетъ въ род.-дат.-мѣстн. ед. (любвѝ), но въ пѣсняхъ также: к любо́ви я ијо́ склонял, биз любо́ви жыт ја ни бу́ду; рядомъ: балят но́ги ад даро́ги, бе́лы ру́ти ат любвѝ. Впрочемъ, и въ разговорномъ языкѣ — колебаніе.

Слово це́ркъѣ обыкновенно переходитъ въ склоненіе основъ на *-а:* це́рква̀, це́ркву, за це́ркvj; це́ркvы, цыркvа́м и пр. Но родит. един. почти всегда це́ркви. Миша Байковъ пишетъ: въ церковь, вцерковъ, вцеркву (2 раза).

Склоненіе словъ *мат* и *доч.*

Имен. един. мат, до́ч. Въ *зват.* формѣ кромѣ мат также ма (см. сказки). *Родит.-дат.-мѣстн.:* ма́тьри, до́чьри; *творит.:* с ма́тирию (сказк.), но также: ма́тирjу, до́чирjу. Во *множ.:* ма́тири, до́чири; въ остальныхъ падежахъ удареніе на окончаніи.

Слова съ общеслав. основой на *-ен-*.

Мужескій родъ. Слова ка́мьнь и ко́рьнь склоняются, какъ и другія слова муж. рода (см. выше). Слово по́лъмя — средн. рода, склоняется, какъ вы́мя, бире́мя и т. п.

Средній родъ и́мя, се́мя, те́мя, пле́мя, вре́мя, бире́мя, вы́мя, по́лъмя и је́мьны (множ. число). Послѣднее извѣстно въ выраженіи: на се́мьны, дъ на је́мьны. Слово бире́мя извѣстно мнѣ только изъ загадки (см. выше, подъ словомъ кънапе́л). Слово племя—почти исключительно въ выраженіи: пустить, оставить, взять и т. д. „нъ плима́“. Остальныя въ единств. обыкновенно склоняются, какъ слова средн. рода на *-е:* имен.-вин.-родит. се́мя, дат. се́мю (мѣстн. се́ми), творит. се́мьм. Ср. у Миши Байкова: много время (ск.), восколько время (ск. про Копчён.), черезь годъ время (тамъ-же). Во множ. числѣ они принимаютъ наставку *-ён-* и склоняются, какъ слова средн. р. на *-о:* имяна́, симяна́, вримяна́ и т. д. съ удареніемъ во всѣхъ падежахъ на окончаніи. Также: се́мьны, је́мьны. Родит. множ.: и́мо́н (имяно́ф), ври́мо́н, а отъ се́мьны и симяна́ — симяно́ф, се́мьн, сима́н и рѣдко си́мо́н. Множ. отъ остальныхъ словъ этого склоненія мнѣ неизвѣстно.

Въ един. ч. старыя формы этого склоненія почти не сохранились. Я могу привести только: не́скълкъ пъгуля́ли вре́мьни — въ сказкѣ, и: па и́мьни (разговорн.; рѣдко).

Въ выраженіяхъ: нъ плима́ и нъ сима́ являются формы съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ. Это—или множ., образованное по аналогіи съ такими словами, какъ по́ля́ — паля́ и т. п., ср. сѣмя́ въ значеніи множ. у Будде, Къ діалект., 105, или же — формы единств., ср. малорусск. імя́. Въ пѣснѣ: „Как на го́рки, на гаре́“ встрѣчается слово имя́ въ един. ч.: „как твајо имя́ заву́т“ и дат. па име́ню, но эти ударенія, вѣроятно, перенесены изъ малорусск. оригинала пѣсни (ср. Чубинск., т. 5, стр. 201, № 407 и стр. 917, № 485 и 486).

Слова съ основой на -ат.

Слово дитя́ обыкновенно является въ имен. падежѣ въ видѣ дѝто́, род. дитя́, вин. дѝто́ и дитю́, твор., кажется, дѝто́j, мѣстнаго не слыхалъ. Въ моихъ записяхъ это слово встрѣчается только въ пѣсняхъ: дитя́ і̀ мајо̀ ди́тятка, дѝто́ чàда ми́лая. Миша Байковъ пишетъ: „дѣтель мое дитетка“, „дитю родила“. *Множ.*: де́ти, дѝте́j, дитя́м, дѝми́ и дитя́ми и пр.

Остальныя уменьш. на *-я* (только собственныя имена) склоняются, какъ слова женск. рода на *-а (я)*: Ва́ся̆, Ва́ря̆, Ната́шӑ, Пара́ня̆, Гри́шӑ и т. п. Уменьшительныя имена нарицательныя этого склоненія въ единств. ч. не употребляются. Мнѣ извѣстны только у́тя̆ въ пѣсняхъ и пърася́ въ одной поговоркѣ. Въ поговоркѣ „Ласкавое теля...“ и пр. вмѣсто теля́ говорятъ: тиля́ткӑ. При этомъ у́тя̆ въ пѣ.—женск. р., наприм.: „Хади́лӑ у́тя̆ па бало́ту, Иска́лӑ у́тя̆ паклява̀ї“ (приб.) и „Мая́ у́ть-т во́ду мути́т“ (Жилъ я у пана); пърася́ — средн. рода. Во *множ. ч.* жрибя́ты, пърася́ты, рибя́ты, утя́ты и проч. склоняются, какъ и другія слова средн. рода (наприм. варо́ты и т. п.). Можетъ быть, отъ уменьш. на л образованы вторичныя уменьш. на -ятка, наприм. Васятка (въ говорѣ Парфенокъ очень рѣдко), но скорѣе всего послѣднія восходятъ не къ нимъ, а къ именамъ на -ата, ср. старорусскія Путята, Вышата и т. п.

МѢСТОИМЕННОЕ СКЛОНЕНІЕ.

Родит.-винит. личныхъ мѣстоименій кончается на -я́: миня́, тибя́, сибя́; дат. — мне́, тибе́, сибе́; въ творит. ед. *-ю* въ концѣ сохраняется, хотя можетъ и отпадать. Въ одной пѣснѣ встрѣчается винит. мня́: „Што́п ана́ мня́ ни ждала́“. Дат. т и рѣдокъ: Сла́въ ти Христу́; што́ ти до́мъ гъваря́т (приб.), о́н ти задас̀т, я́ ти да́м и пр. Изъ этихъ формъ род.-вин. личныхъ мѣстоимсній на -я́ составляетъ

принадлежность только сѣв.-влкрус. и средне-влкрус. говоровъ.

Въ мѣстоименіи 3-го л. (его и пр.) *н* послѣ предлоговъ необязательно: при јóм, за јóм, у и́х, у јавó, с јим, нъ јијó, въ ијó; с ни́м, за ни́м, у ни́х, у нивó и проч. Въ записяхъ крестьянъ: у Аннушки Акимовой: панемъ, из них, панемъ; у Миши Байкова: снихъ (ск. про Копч.), къ нему (тамъ-же), отнихъ, унихъ, наней, снимъ, ноего, (нѣсколько разъ), у ихъ, уихъ, къ ему, заей, по ей, къ ей, за ее, къ имъ (сказки) и др.

ј можетъ отпадать въ формѣ ијó, затѣмъ въ формахъ на *и*: их, им, и́ми рядомъ съ јих, јим, ји́ми, рѣже: ивó, имý при јавó, јамý и ји^{e}вó, ји^{e}мý.

Род.-вин. един. муж. рода въ склоненіи мѣстоименій всегда — на *-во́*: јавó, тавó, мавó, съмавó, ѣднавó, чавó, кавó и пр.

Творит. един. женск. рода — на *-ју*, кажется, чаще, чѣмъ на *-ј*: с нéю, свајéю, тóю, сéю или сию́, аднóю и пр. и за нéј, свајéј, аднóј, éтъј и пр. У Миши Байкова: „за ей“.

Родит.-винит. един. женск. рода отъ мѣстоим. 3 л.: ијó или јијó. Послѣ предлога *у* можетъ стоять общая для остальныхъ косвенныхъ падежей форма јеј: у нијó или у ијó и у нéј, у јéј.

Въ зависимости отъ предлоговъ вмѣсто формы твор. един. муж. рода нерѣдко ставится форма мѣстн. единств. муж. рода, наприм.: Бóх с ѣнóм, за ѣнóм, над ѣнóм, ньрид ѣнóм и пр., хотя говорятъ также и: с ним, за ни́м и пр. Въ записяхъ крестьянъ, къ сожалѣнію, примѣровъ на смѣшеніе падежей послѣ предлоговъ почти нѣтъ. Только у Дарьи Арсеньевой: съ немъ; у Миши Байкова всегда правильно: снимъ, наднимъ; у Анн. Акимовой только панемъ (2 раза) — правильно.

Вин. пад. женск. рода един. ч. на -јо: тајó, фсијó, ѣднајó, съмајó, но рядомъ съ ними: тý, фсю́, аднý. Всегда э́ту, э́нту и т. д. Интересны формы: аднъјó и тъјó. Послѣдней изъ нихъ я въ Парфёнкахъ не слыхалъ, а толь-

ко въ с. Пречистомъ въ 5 в. къ сѣв.-зап. отъ Парфёнокъ. Характерно, что всѣ эти формы на -jó, по происхожденію род. пад. женск. рода, употребляются только въ значеніи винит., между тѣмъ какъ родит. совпадаетъ съ дат. Примѣры: у Миши Байкова: однае (ск.), натае (ск.) и друг., в адну́ прекра́снъjь вре́мь (ск.), толкадну́ и проч.

Въ формахъ род.-дат.-мѣстн. и твор. един. ч. женск. рода мѣстоименій, какъ и въ литерат., послѣ твердыхъ согласныхъ всегда ó. При винит. т̔jó, адн̔jó, отмѣченномъ выше, слѣдовало бы въ остальныхъ падежахъ ед. ч. женск. рода отъ этихъ мѣстоименій ждать ŏ или ŏ́, ср. Мосальск., Мещовск., Ворон. и др., но, какъ сказано выше, эти два винит. собственно говору дер. Парфёнокъ не свойственны, а говоръ с. Пречистаго я не изучалъ.

Въ тѣхъ же формахъ другихъ мѣстоименій, послѣ мягкой согласной — всегда é: ф̔сéj, свajéj, чjéj и пр.

Отъ мѣстоименія хто (кто, khто) въ зависимости отъ предлоговъ можетъ употребляться мѣстный вмѣсто творит.: с ко́м, за ко́м и с ке́м (также: с те́м), но всегда: на ко́м, ап ко́м и пр.

Въ мѣстоименіи тот, наоборотъ, въ зависимости отъ предлоговъ форма мѣстн. над. един. замѣняется формой творит.: на те́м с̀вяту́, на те́м бирягу́, на е́тим са́мъм ме́с̀ти, па е́тим пă кале́чйки (пѣ.), в ŏ̀ftим и пр.

Въ мѣстоименіяхъ тот и вес̀, какъ и въ литерат., въ твор. един. муж. рода и во всѣхъ формахъ множ. ч. является звукъ é; это é можетъ быть въ тѣхъ же формахъ притяжательныхъ мѣстоименій и числительнаго ади́н, въ имен. множ. ане́, причемъ во всѣхъ этихъ случаяхъ кромѣ формъ мѣстоим. тот и вес̀ можетъ быть и *и*. Такого же происхожденія é въ творит. вопросит. мѣстоим. кем и чем и въ выраженіяхъ: с кех по́р, па кех по́р, па сех по́р, чаще: па jе́стих по́р. *Примѣры.* У Миши Байкова: онѣ (2 брата) прослужили (сказка про Копчён.) и затѣмъ тамъ же: опѣ не менѣе 7 разъ (про старика со старухой, солдата и чорта, лошадей и пр.), свое деньги

(3 раза), однемъ (ск.), весели моехъ при радости гостей (пѣ.) и: все свои деньги (ск.), подруженьки мои (пѣ.), они (3 кобылы) и др. У меня записано въ пѣсняхъ: нъд мајéм, вы сасéди, сасéди мајé, маје сóстры, маје кóстăчти и друг.

Отъ мѣстоименія ш т о родит. чawó или чивó, чимý, чем, чóм; въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ является *шо:* ну к шó ш, шшъ'бъ. Мнѣ кажется, что это *шо* и *шшо* нельзя сближать со *що* другихъ говоровъ; послѣднее, вѣроятно, родит. чьсо, между тѣмъ какъ *шо* могло явиться фонетически изъ *што*.

Въ родит. и дат. един. ч. муж. рода притяжательныхъ мѣстоименій являются слитныя формы: мавó, твавó, свавó, мамý, твамý, свамý; отмѣчу выраженіе: пъ мамý, пъ свамý и т. д. = по мóему, по свóему, срв. въ приб.: „дóчкă дéлът пъ свамý“. Неслитныя формы притяжательныхъ мѣстоименій въ разговорной рѣчи почти не употребляются.

Мѣстоименія э́тът и э́нтът склоняются, какъ тот. О произношеніи начальнаго э́ см. выше, въ фонетикѣ, т. 44, стр. 164 (отд. отт. 12). Въ соединеніи съ предлогами *в, с, из* и *из-за* конечная согласная предлога можетъ повторяться послѣ частицы *э* въ мѣстоименіи этотъ: с э́̂стим, из за э́стъвъ, из э́стъвъ, из э́̂стих, в éфтим, в éфту и пр. Чаще, впрочемъ, тѣ же предлоги не повторяются: с éтим, в éтим, из éтъwъ и пр. Миша Байковъ, хотя при разговорѣ часто повторяетъ указанные предлоги, но пишетъ: въ этотъ и т. п. Въ письмѣ одного солдата изъ Парфёнокъ: „съ эстой маркой“. Приведу нѣсколько примѣровъ изъ пѣсенъ: са jéстъj дабы́чьj, но: ва jéтъj ва клéтки (Узникъ); „од жы́с ни мила́, ф трахти́ри ни была́, была́ дъ ни в éфтим, гуля́ла́ дъ ни с э́̂стим“ и др. Смѣшенія предлоговъ, какъ это отмѣчено во многихъ другихъ говорахъ (ср. Филат., Ворон. и др.), не бываетъ. Только по аналогіи съ выраженіемъ: с э́̂стих пóр говорятъ также: п а э́̂стих пóр, но это исключеніе вполнѣ понятное, такъ какъ э́̂стих пóр здѣсь превратилось въ та-

кое неразрывное цѣлое, что даже не измѣняетъ падежа послѣ предлога *по*. Предлогъ *к* въ нашемъ говорѣ при мѣстоименіи э́тот не повторяется, что является нѣкоторой непослѣдовательностью. Впрочемъ, въ селѣ Солнечномъ Клинск. у. Московск. губ. у станціи Подсолнечной Николаевской жел. дор. я слышалъ и к е́хтъму. Что касается остальныхъ предлоговъ, то они находятся нѣсколько въ другомъ положеніи, чѣмъ предлоги *с*, *в*, *к*, *из*, составляя полный слогъ, между тѣмъ какъ *с*, *в*, *к* вовсе не составляютъ слога, а въ предлогѣ *из* начальная гласная часто бываетъ неслоговой. Послѣдовательность употребленія вставныхъ *ф* и *с* въ этихъ мѣстоименіяхъ тщательно провѣрена мною путемъ постоянныхъ наблюденій. Что касается тѣхъ говоровъ, гдѣ вставныя *ф (в)* и *с* являются и въ положеніи не послѣ предлога, то тамъ такія формы объясняются или вліяніемъ однихъ случаевъ на другіе или совсѣмъ другимъ происхожденіемъ ихъ. Что касается мѣстоименія э́нтът, то оно, несомнѣнно, другого происхожденія и состоитъ изъ частицы э́н(а)+тотъ. Значеніе его опредѣляется значеніемъ начальной частицы, указывающей не на ближайшій предметъ, какъ частицы *э*, а на дальнѣйшій. Поэтому э́нтът не = ὅδε, hiссе и т. п., а = illе, ἐκεῖνος и т. п.; в е́нтъм = э́нъ ф то́м [1]).

Мѣстоименіе *тъ* употребляется въ роли постпозитивнаго члена, причемъ отъ него сохранились только формы: *-т*, *та*, *ту*, *ты:* де́ грабли́ диситины ты, на у́лицу-ту. Форма муж. рода члена сохранилась только въ плясовой пѣснѣ: „Мој-*ат* му́*шат* горкъј пја́ницӑ“, да и *ту* я слышалъ отъ молодыхъ бабъ, взятыхъ не изъ нашей деревни. Въ нѣкоторыхъ изъ сосѣднихъ деревень (Савельевскаго прихода, можетъ быть, и другихъ) употребленіе члена довольно послѣдовательно: *та* имен. женск. и ср.

---

[1]) См. Лекціи Соболевскаго, стр. 128 (приводимое имъ объясненіе принадлежитъ А. Х. Востокову) и Миклошича Сравн. Морфол. 438, Фортунатова Лекціи 260. И тѣ и другіе, повидимому, правы только наполовину.

рода и послѣ падежнаго окончанія -ă; *тыг* — имен.-вин. множ. и косвенные падежи един. ч. женск. р., *ту* — вин. един. ч. женск. р., но въ Парфёнкахъ такіе примѣры, какъ: дисити́ны ты, на у́лицу ту, — почти исключеніе; обыкновенно во всѣхъ случаяхъ *тъ* или *та:* на́с и то́ мно́гă мъладо́жы-та; и̇с̇с̇о́ каку́-тъ, и т. д.

Мѣстоименіе *съ* очень рѣдко. Отмѣчу выраженія: ни то́ ни с̇о́, ни с таво́ ни с̇ сиво́ и т. д., па сех по́р (чаще: па је́стих по́р), сию́ мину́тью и въ нарѣчіи сича́с (чича́с, щча́с и т. д.). Въ послѣднемъ си = сей, а не съ. То же мѣстоименіе, какъ энклитика, послѣ слова сохранилась только въ нарѣчіяхъ: з̇де́с̇, фчара́с̇, вичо́ръс̇, ле́тъс̇, ано́дъс̇, авос̇. Въ нарѣчіяхъ времени оно указываетъ на ближайшее прошедшее.

Мѣстоименіе *чь* въ формѣ чă употребляется, какъ энклитика, въ выраженіи: „што́ і̇тъ тако́і̇чă, кѣто́ тако́і̇чă и т. п. и въ образованіи сравнительной степени: у́трь rwp̥т мудрине́і̇чь (сказка) и т. п.

Отъ числит. ади́н всѣ остальныя формы образуются отъ основы адн- (одьн-). Но въ Савельевѣ я записалъ также: тро́я на̄ди́нъва (= на одного).

Числительныя два, три, читы́ри въ твор. над. — двуми́, трюми́, чи́тырми́ и двумя́, тримя́ (трюмя́).

Отъ мѣстоименія *ко́j* имен. женск. р. един. ч. ко́я̆, имен.-вин. средн. ко́я̆, винит. женск. ко́ю. Очень употребительно выраженіе: ко́jь (или ко́і̇) ме́ста=гдѣ, куда. Во множ.: с ке́х по́р, па кех по́р и с ко́их по́р, па ке́их пор. У Миши Байкова: докехъ поръ (ск.) и др.

Отъ мѣстоименія *оба* единств. число не встрѣчается. Во множ.: о́би (и о́бă) для всѣхъ родовъ, чаще або́и, або́я и абе́и. *Примѣры:* у Миши Байкова: въ обѣ сараи, онѣ сѣли застолъ обои (сказки); у Дарьи Арсеньевой: „Неабѣимъ (т. е. молодцамъ) явамъ достануся“ (пѣ.). У меня записано: (ана) або́и сара́й закашъwът палне́нкъ.

Такъ же, какъ або́я, склоняются дво́я, тро́я, но съ удареніемъ въ остальныхъ падежахъ на окончаніи.

По значенію относятся къ мѣстоименіямъ, но склоняются, какъ прилагательныя: како́j, като́ръj, са́мъj, и́хнъj, фся́къj и др.

како́j-та — aliquis, τις не вполнѣ совпадаетъ по значенію съ литературнымъ какой-то, а иногда = по значенію литерат. одинъ, нѣкій, см. сказки.

како́j часто соединяется съ безчленной формой прилагательнаго, наприм.: како́j харо́ш и т. п.

като́ръj, кромѣ тѣхъ значеній, съ какими это слово извѣстно въ литерат. языкѣ, употребляется также въ значеніи соотносительнаго мѣстоименія: като́ръj — като́ръj = ἄλλος μέν — ἄλλος δέ, русск. литерат. одинъ — другой.

тоi̯ употребляется въ значеніи раздѣлительнаго союза: тоi̯ бу́i̯ьт, тоi̯ не́т и т. п.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЯ.

Безчленныя формы прилагательныхъ употребляются только въ имен. пад. всѣхъ родовъ обоихъ чиселъ и въ винит. един. женск. рода. Условія употребленія въ этихъ падежахъ членныхъ и безчленныхъ формъ опредѣлить трудно. Въ качествѣ сказуемаго употребляются не только безчленныя, но и членныя формы. Можно отмѣтить употребленіе безчленныхъ формъ при какой: како́j харо́ш, така́i̯ ры́жьнка ше́рстка (ср. въ нѣ.: Како̀j ду́шъчка̀ харо́ш); въ другихъ случаяхъ: а друга́ rwa̯ṛ̥, купи́ мне сире́бри̯ну карзи́нку и т. д. Чаще всего употребляются безчленныя формы имен. и вин. женск. рода. Можетъ быть, это — не безчленныя, а стяженныя формы. Въ пѣсняхъ безчленныя формы очень часты, причемъ употребляются и другіе падежи, а именно тѣ, формы которыхъ короче формъ членныхъ прилагательныхъ. У Миши Байкова: така разъ красутка, красна дѣвка, бѣлы руки, молода вдова, за серебрену решоточку, люту змѣю, чужу далнею и др.

Отъ названій городовъ употребляются часто членныя формы вмѣсто принятыхъ въ литературномъ языкѣ безчленныхъ въ творит. и мѣстн. падежахъ. Въскрисе́нск (рѣже: Въскрисе́нскă), творит. и мѣстн. Въскрисе́нским, также: Вълкала́мским и проч. (объ употребленіи формы твор. въ значеніи мѣстн. см. ниже).

Имен. множ. безчленной формы прилагат. на *-и* отъ словъ съ основой на твердую согласную: ра́ди; вѣроятно, есть и нѣсколько другихъ такихъ словъ, но немного.

Въ одной пѣсенкѣ встрѣчается форма во́йских: „Вы каро́ны, вы каро́ны мајѐ, Вы каро́ны, мы за ва́ми ишлѝ, Вы каро́ны, мы и с ва́ми ишлѝ; Мы и с ва́ми ваива́ли, вно̀га во́йских раста́ряли“. Въ разговорномъ языкѣ этой формы не слыхалъ. Слово войско по происхожденію—прилагательное и потому въ древнемъ русскомъ языкѣ склонялось иногда по сложному склоненію. См. у Срезневскаго, Матеріалы для словаря древнерусскаго яз., столб. 288. Срв. въ спискѣ повѣсти объ Акирѣ Синод. библіотеки № 557 конца XVII в., л. 7: „акирь.... недоѣхавъ града со всѣ̑ своимъ во́ски̑ ста...“. Въ спискѣ Истор. Музея № 1174 (25604) начала XVIII в,, л. 61 (59), то же мѣсто: „недоѣхавъ града алевита ста с войски̑“, также и въ другихъ спискахъ.

Именит. пад. един. ч. муж. рода прилагательныхъ оканчивается на *-ъj*, при проясненіи *-ъ* — на *-ăj* (въ разговорѣ и въ пѣ.), подъ удареніемъ — *-о́j*. Прилагательн. съ основой на мягкую согласную — *-йj* или *-ьj*; подъ удареніемъ только: сам тритéj. Примѣры изъ записи крестьянъ:

Миша Байковъ пишетъ обыкновенно *-ый*, *-ій*: счастливый, несчастный, любездный, добрый, глупый, небесный, любимый, постылый, на четвертый, гроздный, разудалый, саратовый, перьвый и т. д.; вдальній и др. Но также: милай, добрай, за рижоной и друг. Послѣ *к:* миленькій, купеческій, но также: десятскый, круглоликый, гдѣ *ы* указываетъ на твердость *к*, и: миленькой дружокъ, миленькай и др.

Это -ъj, -ăj и -йj (ĕj) не подъ удареніемъ — непосредственно изъ -ой; въ прилагательныхъ на -кій и -гій твердыя *к* и *г* сохранились потому, что въ эпоху перехода кы, гы, хы въ ки, ги, хи въ тѣхъ говорахъ, къ которымъ восходятъ эти формы въ разбираемомъ говорѣ, послѣ *к* и *г* звучали *о* (ясное или глухое) или какой-нибудь переходный звукъ отъ *о* къ *а*. Окончаніе -ой (изъ -ыи или -ъи) или его фонетическіе замѣстители существуютъ въ большей части великорусскихъ говоровъ, кромѣ нѣкоторыхъ, преимущественно западныхъ сѣв.-влкр. и южновлкр., гдѣ извѣстны, большею частью не подъ удареніемъ, окончанія, восходящія непосредственно къ окончанію -ый (или -ъи) съ ы (ъ) особаго качества. См. Шахмат. Мосальск. и др.

Въ род. пад. ед. муж. рода подъ удареніемъ -о́в᷑ (вмѣсто -ого́); отъ слова тритéj — трито́въс᷑; не подъ удареніемъ — -ъвă, -ьвă съ ихъ фонетическими измѣненіями (въ -ъў, -ьў при ослабленіи окончанія; въ -ywă изъ -въвă, наприм.: цалко́ywă, здаро́ўwa и т. п. См. выше, т. 43, стр. 210—213, отд. отт. 58—61).

Форма мѣстн. пад. един. ч. муж. рода можетъ замѣняться формой творит. пад., но не наоборотъ. Ср. то же въ мѣстоим. тот и обратное явленіе у мѣстоименій им и кѣм. Примѣры: в jиравы́м, Васи́лиским (= въ Васильевскомъ) и пр. Примѣры изъ записей крестьян: У Миши Байкова: въ зиленомъ, во-сыромъ бору, въ темномъ, въ чистомъ, по: вомоемъ сырымъ бару. У Аннушки Акимовой: ва иванаскимъ, взилянымъ, вчистымъ. Въ моихъ записяхъ въ пѣсняхъ между прочимъ: в зиляны́м саду́, нă златы́м пясо́чки и др.

Впрочемъ, не подъ удареніемъ, наоборотъ, можетъ даже и въ твор. пад. (но не послѣ *к* и *г*) слышаться глухой звукъ, склонный къ *а*, при пѣніи и нѣкоторыхъ другихъ условіяхъ проясняющійся въ *а*. Ср. у Аннушки Акимовой: падракитавамъ кустомъ.

Въ един. числѣ женск. рода формы род., дат. и мѣст. падежей всегда совпадаютъ; даже въ пѣсняхъ полныя фор-

мы на -оѣ не встрѣчаются, но твор. на -ю употребителенъ не менѣе, чѣмъ укороченный творит. на -oj (=формѣ род.-дат.-мѣстн. пад.) не только въ пѣсняхъ, но и въ разговорѣ.

Винит. един. ч. женск. р. подъ удареніемъ всегда -у́ю (-ю́ю), не подъ удареніемъ — -ью, -а́ю, -йю. Примѣры: у Миши Байкова: въ теплую, солдатскую (ск. про Копчён.), нашерокую, любезную (пѣ.) и др. орѳографическія написанія, но также: всамою полночь (нѣсколько разъ), невлалою (чит.: не въ малую, пѣ.), незнакомою (пѣ.), шелковою то травушку (пѣ.), котораю (ск.), маленькою (ск.), на родимою (пѣ.), перво(я)ю (пѣ.); чужу далнею (пѣ.), нехорошею (пѣ.), прихожію (ск.). У Аннушки Акимовой: горькаю, шелковаю. Въ моихъ записяхъ въ пѣсняхъ не подъ удареніемъ вездѣ *-аю* и т. п. Объ этомъ винит. я говорилъ уже въ фонетикѣ (т. 44, стр. 189—190, отд. отт. 37—38).

Множ. число. Во множ. числѣ формы прилаг. однѣ и тѣ же для всѣхъ родовъ.

Имен. множ. -а́и, -ыи, -ии, иногда -ы́й, -ий; подъ удареніемъ -ы́и, -и́и; рѣдко въ пѣсняхъ -ы́й. При пѣніи: -аи, -ыя, -ия и рѣдко -ая не подъ удареніемъ, а подъ удареніемъ -ы́и, -и́и, рѣдко -ы́я, -и́я. У Аннушки Акимовой: все пуховаи маи падушки, сизаи. См. также выше, т. 44, стр. 185—186 (отд. отт. 33—34).

Остальные падежи множ. числа не подъ удареніемъ послѣ твердыхъ согласныхъ (кромѣ г, к, х) имѣютъ гласную пе ъ, а ъ, проясняющееся въ *а* (ср. творит.-мѣстн. единств.). Поэтому при пѣніи: вис̀о́лами гла́ска́ми, из̀ бе́ла́х ру́к и т. п. Но: саве́ли́скиγ дифчо́на́к, васи́лиских стару́х, сла́тким мо́лъццу рича́м, ма́лин̀ких и т. д., а подъ удареніемъ во всѣхъ падежахъ—гласныя ы, и: злы́х, люцки́м, мълады́ми и т. д. Изъ этого видно, что окончаніе -а́х, -а́ми, -а́м не есть остатокъ стараго безчленнаго склоненія прилагательныхъ, а позднее приспособленіе скло-

ненія прилагательныхъ къ склоненію существительныхъ причемъ уподобленіе произошло только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ падежныя окончанія прилагательныхъ представляли уже сами по себѣ наибольшее сходство съ падежными окончаніями существительныхъ, т. е. подъ удареніемъ, такъ какъ звуки ѣ и ы близки другъ къ другу.

Прилагательныя, склоняющіяся по образцу мѣстоименія чей (лисій, заячій, коровій, телячій, поросячій и т. п.) въ общемъ придерживаются этого склоненія. Срв. дéвичjÿ (вин. един. жен. р.), дéвичjи (имен. множ.). Числительное трéтьj склоняется не по этому склоненію: женск. р. трéтьяй, род. трéтьвă, трéтьj и т. д., вин. един. женск. р. трéтю, трéтйю (и третйю). Ср. нарѣчіе трióвъсѣ. Возможно, что переходъ этого слова въ другое склоненіе совершился сравнительно поздно и вызванъ уподобленіемъ *j* предшествующему *m*, т. е. трéтьвă и т. д.— изъ трéттеγо и т. п. Ср. плáтъть, плáтицă. Тогда трéтю, быть можетъ,— не безчленная форма, а = трeтю = трéтjу (изъ третью). Отъ слова Бóжъj женск. р. Бóжьяй, но род. муж. Бóжjъвă; вин. женск. р. Бóжjу и Бóжью. Въ одной новогодней пѣснѣ есть дат. един. ж. р.: ка Бажój цĕрĕкви паткáтыwуцца (саночки).

Въ одной пѣснѣ: „понивой рекѣ“ (у Миши Байкова) = по Невѣ рѣкѣ.

О согласованіи прилагательныхъ см. выше и ниже въ синтаксисѣ.

Образованіе сравнительной степени.

бóли, дáли, падáли, тóни, мéни, зарáни, вы́шы, ни́жы, бли́жы, пусси, пажéсси (= пожеще, а не пожестче) и др. Примѣры: „прошло болѣ полчаса“ (Миша Байковъ), ф тúхъм мóри чиртèj бóли“ (послов.), „ступáj ат нáс падáли, штŏп лю́ди ни видáли“, „клубŏг дáли, дáли, дáли, нйткъ тóни, тони, тóни“ (вьюношная пѣсня) и т. д. Эти

сравнительныя степени восходятъ, вѣроятно, къ общеслав. формамъ средн. рода сравн. степ.: болѣе, далѣе, мьнѣе, тънѣе, раньше, пуще, жеще [1]) (щ = štj) и т. п. Звукъ *и* вмѣсто ă на концѣ этихъ формъ — или подъ вліяніемъ сравнит. на -ѣе или фонетически (см. выше, дополненія и поправки къ фонетикѣ).

Отъ багáт сравнит. степень — багáти. Звукомъ т̀ въ этой формѣ замѣненъ звукъ *и* подъ вліяніемъ съ одной стороны формы сравн. богатѣје, съ другой — положит. степ. богатъ.

длиньшы, дóльшы, крéпшы, чижéльшы (рѣдко: чижéли) могутъ восходить къ общеслав. формамъ женск. р. сравн. степ.: дълиньши, крѣпльши, тажельши.

лýччи, мя́кчи, лéхшы, лéкшы и лéхчи, шы́пчи (у Миши Байкова: шибче) и др. При лýччи существуетъ и болѣе старое лýчшы.

Отъ нарѣчія хърашéнкъ сравнит. степ.—хърашéнчй, очень часто употребляется въ томъ же значеніи, какъ и положительная.

Отъ большей части прилагательныхъ сравнит. степ. образуется при помощи суфф. -ѣе (и -ѣй) съ его фонетическими измѣненіями. Изъ новообразованій съ этимъ суффикс. можно отмѣтить: жылчéј (приб.), гарчéј и т. д. (подъ удареніемъ въ этой сравн. всегда — -éй или -éј, никогда — -яј и т. п.).

Иногда сравнит. степ. принимаетъ въ концѣ наставку -чă: мудринéичă, скарéдчă и т. п.

Членныя формы прилагат. въ сравн. степ. употребляются слѣдующія: бальшóј, миньшóј, стáршъј или старшóј, мла́тшъј, лýччьј, причемъ слово бальщóј часто не имѣетъ значенія сравнит. степ.: бальшòј брáт = старшій братъ въ семьѣ, но бальшòј дóм — полож. степ.

---

[1]) Образованное, какъ и прочія сравнит. на *е*, непосредственно отъ корня жест-, а не отъ основы жестък-.

Объ представкахъ и суффиксахъ съ увеличительнымъ значеніемъ я буду говорить въ отдѣлѣ о словообразованіи, потому что такія слова, какъ ръзудáлъj, балшýщьj и т. п. не могутъ быть названы формами превосходной степени.

II. СПРЯЖЕНІЕ

3-е л. един. и множ. ч. наст. (и буд.) врем. всегда оканчивается на *т* твердое, и это *т* никогда не отпадаетъ (кромѣ, конечно, фонетическаго положенія послѣ *с* и т. п.). т̀ (мягкое) сохранилось только въ jесь̀ = есть, въ выраженіи Бóзнъть̀ и въ словѣ нáдъть̀ (ср. у М. Б.: надать; въ ск., запис. мною: стáл ътаманý калцò давáть̀ нáдъть̀ и др.); очень рѣдко: Бóх вись̀, но: Бóγ знáть̀. Въ нáдъть̀ окончаніе т̀ явилось тогда, когда окончаніе 3-го л. глаголовъ было еще мягко; почему эта мягкость сохранилась, трудно сказать. Въ бóзнъть̀, быть можетъ, мягкость *т* даже вторичная, благодаря выпаденію ь̀. У Чернышева въ его описаніи средневеликор. говоровъ Моск. у. — „бóзнать“ (стр. 21) съ *т* твердымъ, зато отмѣчено еще „мóжить“ (стр. 27 и др.) въ значеніи „можетъ быть“, но надо думать, что эта форма получилась изъ „можетъ быть“ черезъ стяженіе. Въ Парфёнкахъ: мóжът. мóжѣдбъть̀, можбъть̀ и, иногда, мóжъть̀.

т твердое въ окончаніи 3-го л. представляетъ характерный признакъ всѣхъ сѣв.-влкр. и ср.-влкр. говоровъ. Среди окающихъ говоровъ т̀ отмѣчено только въ одной мѣстности. Олонецк. у. (Мâтер. 29), но этотъ говоръ вообще выдѣляется изъ сѣв.-влкр. и другими чертами: въ немъ послѣдовательно γ вмѣсто *г* (что, впрочемъ, кажется, нельзя считать совсѣмъ несвойственнымъ сѣв.-влкр.), въ нѣкоторыхъ словахъ странно *а* вмѣсто *о*, въ глаголахъ никогда не бываетъ стяженія... Изъ тѣхъ акающихъ говоровъ, которые имѣютъ *г* взрывное и дру-

гія сѣв.-влкр. черты, т̀ въ окончаніи 3-го л. отмѣчено въ разныхъ мѣстахъ Псковск. губ., въ Тамб. Шацк. и нѣк. др. Формы 3-го л. безъ *т* въ ср.-влкр. говорахъ совсѣмъ не встрѣчаются, въ сѣв.-влкр. — преимущественно въ западныхъ (Новгор., Олон., Псков., Арханг.), а въ ю.-влкр. — почти повсемѣстно, кромѣ мѣщанскихъ говоровъ, но только въ един. ч.

Къ окончанію возвратныхъ глаголовъ въ 3-мъ л. *т* никогда не приставляется: б а и́ ц̀ а, с̀ п и́ ц̑ ъ, у́ ч у ц ъ и проч. [1]).

2-е л. множ. оканчивается всегда на *-ти* (безъ ударенія). Формы на *-тя* въ говорѣ самихъ Парфёнокъ, дер. Курова, с. Васильевскаго не встрѣчаются, но въ сосѣдней Спасъ-Нудальской волости Клинскаго у. (дер. Салькова—въ 5½ в. отъ Парф. и др.), а также къ югу отъ Парфёнокъ въ дер. Ивакинѣ (верстъ 10 отъ Парф.) составляютъ обычное явленіе. Ср. у Чернышева въ Моск. у. Въ ю.-влкр. почти вездѣ -тя (но возвр. -тися).

Такъ назыв. 1-ое и 2-ое спряженія, какъ и въ литературномъ и почти во всѣхъ ю.-влкр. говорахъ, различаются только подъ удареніемъ. Въ глаголахъ 1-го спр. изъ е́ всегда—о̀: и д̀ о́ ш, н и с̀ о́ ш, в и д̀ о́ т и, ж ы в̀ о́ м и пр. е́ въ этихъ формахъ (а въ 1-мъ множ. частью о̀) извѣстно какъ въ южныхъ, такъ и въ сѣв.-влкр. говорахъ, но въ ю.-влкр. это е́ — какъ то чересполосно: въ говорахъ смоленск. и мосальскаго типа и въ говорахъ преимущественно вольныхъ селъ Тульской, Рязан. и др. губ., Донской Обл. и пр.; въ сѣв.-влкр. такое произношеніе сосредоточено преимущественно въ западной части (именно въ Олон.), хотя, кажется, существуетъ и въ Волог. Кадник. Такимъ образомъ, и въ этомъ случаѣ ср.-влкр. нарѣчіе ближе къ восточнымъ сѣв.-влкр. говорамъ, чѣмъ къ западнымъ.

---

[1]) Кажется, это приставное *т* въ окончаніи 3-го л. возвр. глаголовъ рѣдко. Между прочимъ ср. въ Тихон. вол. Калужск. у.: у́ч ю ц ю т̀ с̀ я, з ы б а́ в л я́ ю ц ю т̀ с̀ я и т. п.

Въ 3-мъ л. множ. ч. не подъ удареніемъ всегда *-ут* (или: -ўт послѣ мягкой), въ остальныхъ лицахъ, кромѣ 1-го един., гласная окончанія та, какая должна получиться фонетически изъ *е*, т. е. послѣ шипящихъ — *ъ* или *ъ*, проясняющійся при пѣніи въ *а*, послѣ мягкой согласной — *и* или *ь*, а при положеніи послѣ (ударяемой) гласной + j изъ j + гласная личнаго суффикса получается i̯, составляющее съ предшествующей гласной долгій дифтонгъ (ср. т. 44, стр. 207). Такимъ образомъ глаголы съ удареніемъ на основѣ въ нашемъ говорѣ, какъ и въ другихъ ср.-влкр., ю.-влкр. и бѣлор., всѣ принадлежатъ фактически къ 1-му спряженію.

Примѣры на окончаніе 3-го л. множ. ч. Миша Байковъ пишетъ: ходютъ, ѣздютъ, приходютъ, гонютъ, видютъ, понадобются и гонятъ (4 раза); послѣднее написаніе — орѳографическое.

Въ моихъ записяхъ: ка́тюца, пъхаро́нют, саску́чўцъ, заста́вют, wо́дют, стано́ўцца, хо́дют, щюрют, лю́бют, падло́мют, бе́гъi̯ўт, игра́ют, ду́муi̯ўт и пр.

Объ формахъ глаголовъ хочу, дышу́, бѣгу, могу́, лягу см. ниже. По ударенію можно отмѣтить: тащю́, та́щит или то́щит (пато́щит) и тащи́т, та́щют и тащя́т; и́дут и иду́т (но всегда: идо́т); прикати́т, катя́т и ка́тюцца, ко́тют; упа́дьт и упадо́т и т. п.

Стяжёныя личныя формы глаголовъ попадаются только не подъ удареніемъ, чаще всего въ глаголахъ съ суф. -ыва- или -ива- (-ова, -ева). Къ приведеннымъ выше (т. 44, стр. 205) примѣрамъ прибавлю еще: я ка́шлю, ана̀ ка́шльт, фсю́ ты зъваля́къш руба́ху, зграба́стът, зафся́ўды страмни́чъ[a]т, я ду́му, што́ ты ду́мъш и пр.; въ приб.: што́ ты де́лаш, я́ ти да́м и т. п., выгля́дыwӑт. Формы 1-го л. множ. со стяженіемъ мнѣ не встрѣчались. Въ глаголахъ на -ыва- при стяженіи самый суфф. -ыв- претерпѣваетъ нѣкоторыя фонетическія измѣненія, напр.: я бра́ту пажа́луwус, Ал̓о́нъ имъ пака́зуwъ[a]т и пр. (если только пажа́луwус—изъ пожало(ы)ваюсь, а не сдѣлка между этой формой и ф. пожа́луюсь. Ср. также млр. ў вмѣсто i̯ въ та-

кихъ глаголахъ). Подобное стяженіе наблюдается и въ другихъ влкр., преимущественно сѣверныхъ и среднихъ, причемъ въ первыхъ, а также въ нѣкоторыхъ смѣшанныхъ—даже подъ удареніемъ. Ср. у Чернышева въ Свѣд. о нѣк. говв. Моск. у. стр. 11, 27, 35, 42, 31 и у Будде въ говорахъ средневлкр. типа Тульской губ. Въ ю.-влкр.—рѣдко, ср. впрочемъ у Филатова въ Вор. даже знаш.

Глаголы ѣсть и дать со сложными спрягаются, какъ и въ Московск.: јем, јеш, јесᵗ, јидúм, јидúти, јидя́т; да́м, да́ш, дасᵗ, дадúм, дадúти, дадýт, причемъ формы отъ дам, какъ и въ Моск.,—въ значеніи буд. соверш. вида. Формы 2-го л. един. даш, јеш, вѣроятно,—не изъ повелит. дажь, ѣжь, а по аналогіи съ другими глаголами [1]). Какими причинами вызвано общерусское дадут вм. дадят, для меня неясно. Ср. мосал. и бѣлор. ядýть (Колосов. Обзор, 244). Отъ глаг. быть въ изъяв. наст. сохранилась только форма јеᵗ̑ для всѣхъ лицъ обоихъ чиселъ. Отъ глагола вѣмь извѣстна, да и то почти не встрѣчается форма 3 л. ед. вéсᵗ̑ въ выраженіяхъ: Бóх виᵗ̑ (веᵗ̑) и нéвиш штó, нéвиᵗ̑ хтó. Энклитическое виᵗ̑ или иᵗ̑ (= вѣдь = вѣдѣ) употребляется исключительно, какъ частица. Можетъ быть, остатокъ нетематическаго спряженія имѣется и въ выраженіи Бóзнъᵗ̑ (гдѣ знъᵗ̑ тогда= знать или знаать), но скорѣе надо думать, что это знъᵗ̑ изъ знáᵗ̑ или знáᵗ.

Слово „говоритъ“, какъ вводное, для передачи чужой рѣчи, получаетъ форму гъвäъ̑ьт или гwäр̑т (г̊ýäр̑т, причемъ слоговымъ является здѣсь скорѣе р̑, чѣмъ *а*), также гъýт, гыт и гът. Въ томъ же значеніи, но съ оттѣнкомъ несогласія говорящаго съ передаваемыми словами — дьскъᵗ̑.

---

[1]) Архаичныя формы дасú, ѣсú теперь сохранились только въ малор., бѣлор. и части сѣв.-влкр. Надо думать, что исчезновеніе ихъ въ другихъ говорахъ сравнительно позднее.

Повелительное наклоненіе.

Конечное *и* неударяемое отпало вездѣ съ сохраненіемъ (по большей части) мягкости предшествующей согласной, а *и́* — только въ трехсложныхъ и многосложныхъ формахъ, причемъ удареніе перенесено на основу. Къ примѣрамъ, приведеннымъ въ 44 т., стр. 202, добавлю: ни тро́ш, ни варо́ш; ты напо́j, нъкарми́; вы́нис̀ (= вынеси) и пр. Чаще, впрочемъ, это *и́* не отпадаетъ: нъкарми́, принеси́, пъкажы́, ăстънави́с̀ паслу́шъj и т. п. Въ двусложныхъ повелит. съ *и́* на концѣ это *и́* сохраняется: неси́, види́, лажы́с, скажы́, сади́с, глии́-глии́ и пр. Повел. по̀т̀ (= подь), вѣроятно, изъ по́йди (ср. по́хороны, по́гребъ, по́нялъ и пр.), а въ нади́ или найди удареніе на концѣ вторичное. гля́̀-къ-с̀ не изъ гляди́-ко-сь, а изъ глянь-ко-сь. Впрочемъ, ср. у Чернышева въ Свѣд. о нѣк. говв. Моск. у. пой, дой (стр. 54). Я слышалъ только сложныя: напо́j, ни до́j и пр. (односложныя формы могли быть извлечены уже изъ этихъ сложныхъ). Отпаденіе гласной въ формахъ повел. накл. вызывается тѣмъ, что значеніе повел. требуетъ болѣе быстраго темпа рѣчи вмѣстѣ съ усиленіемъ ударенія. Кажется, такія сокращенныя формы повел. въ сѣв.-влкр. (гдѣ вообще гласныя выбрасываются не такъ охотно) рѣже, чѣмъ въ ю.-влкр. (ср. у Чернышева въ Свѣд. о Моск. у., стр. 54 и 61 и др.), но все-таки встрѣчаются, ср. Симб. (Мотовиловъ, Симб. молвь, 12): подь, положь, покажь, затворь и др.

jѐт̀, падjе́т̀ (и падjе́т̀), jе́т̀т̀и и т. п. — повел. отъ глаг. ѣхать, отъ основы наст. врем. То-же — и въ разныхъ другихъ говорахъ, какъ сѣв., такъ и южныхъ.

ăбабри́, пъдабри́с — повел. отъ ъбабри́т̀, пъдабри́ццă.

ляк, ля́кти и (при)ля́ш, (при)ля́шти; ни тро́ш и ни тро́к — повел. отъ ля́гу и тро́ну (трогаю) [1]). Ср.

---

[1]) При ни тро́к и ни тро́ш (только съ отрицаніемъ!),

въ Мещов. ляжь, не трожь; Буйск. не трожь (Мат. 18) и др. Безъ ударенія только: тро́гай и трой.

Союзы хош (хяш, хуш) и хоть (хять, хуть) и частица иш по происхожденію — формы повел. наклоненія = старымъ хочь (отъ глаг. хо́чешь, inf. хочи), хоть (отъ глаг. хоти́шь и пр., inf. хотѣть) и вижь (отъ глаг. вижу).

ни за́м употребляется только, какъ союзъ; впрочемъ, чаще: ни замай отъ глаг. займа́ть. Ср. выше, т. 44, с. 209.

Отъ глаголовъ ѣсть и дать повел., какъ въ литерат.— јеш (=ѣжь) и дај (вмѣсто дажь).

Повелит. нерѣдко соединяется съ частицами -ка и -ка-съ: тро́н-кя, пака́ш-кя или пъкажы́-кя, дај-кя или да́-къ, да́-къ-съ (наприм.: „да́-къ мне́ писмо́-тъ“ ск.), гля́къ-съ, „пялюби́ къ съ миня́ ми́линькай“ (пѣ.). Въ записи Анны Аким.: паглядика (пѣ.). Ср. дакось у Колос. Зам., новг.; у Черныш. Моск. у., стр. 15) [1]. Такимъ употребленіемъ частицы ка вызвано повелительное (правда, рѣдкое): хърашёнь при хърашёнкъ. Эта форма получилась изъ такихъ выраженій, какъ: хърашёнкъ дивó и т. п. (чаще въ сравн. степ.: хърашёнчь).

1-е л. буд. врем. безъ мѣстоименія 1-го лица употребляется въ значеніи adhortat., наприм.: пајдý къ я схажý к нямý. 1-е л. множ. такого futuri adhortativi употребляется въ обращеніи къ одному второму лицу и обозначаетъ предложеніе совершить извѣстное дѣйствіе (обозначенное основой глагола) совмѣстно съ предлагающимъ: пајдóм, кýпим; схóдим; пасмóтрим и пр., наприм. въ пѣ.: „Станимъ пити и гуля́ть“ (Как на го́р-

---

мнѣ кажется, слѣдуетъ предполагать несохранившуюся форму настоящ. трогу́, тро́жешь при inf. трочи́ или тро́чь, какъ ля́гу при infin. лечь, могу́—мочь. Тогда ни тро́к — изъ не трогй, а послѣднее — вмѣсто не трозй.

[1]) Объ этихъ частицахъ см. акад. А. И. Соболевскаго: Изъ исторіи русскаго языка. Журн. Мин. Нар. Просв. 1901, октябрь, замѣтки VII и VIII.

ки) или: „Пайдо́м, Ду́ня, ва лясо́к..., сарво́м, Д., лапушо́к.... сашјо́м, Д., сарафа́н...“ (здѣсь лицъ, отъ которыхъ исходитъ предложеніе, нѣсколько: „Во кузницѣ... молодые кузнецы; они... къ себѣ Дуню приговариваютъ“). Для обозначенія множественности вторыхъ лицъ, къ которымъ обращено предложеніе, употребляется та же форма съ присоединеніемъ окончанія 2-го л. множ. — *ти:* падо́мти, ста́нимти, ку́пимти, пъзавво́мти, сашјо́мти, спајо́мти и пр. Ср. въ величал. пѣ.: „Пайдо́мти мы де́ушки да фсѐ па дали́нушки, збиро́мтис мы де́ушки да фсѐ па палти́нушки“, и пр. [1]). Такимъ образомъ соотношеніе по значенію между пайдо́м и падо́мти=пойди : пойдите и т. п.; пайдёмъ со мною = иди со мною; пойдёмте со мной = идите со мной. Ср. ю.-вр. (Орлов. и др.) пашо́лтя : пашо́л = иди́тя : иди́ = пойдёмте : пойдёмъ.

Такъ же образуется множ. ч. и отъ частицъ, получившихъ значеніе повел.: ну́ — пу́ти, на́ (= бери) — на́ти (берите), напр. въ приб.: „пати ма́чика́ маво́, карми́ти с па́лчика́ яво́“.

Другіе способы выраженія повелит.: 1. формой прош. врем.; только: пашо́л, пашла́, пашли́ и, рѣдко, пае́хъл, -ли; 2. формой infin.: малча́т, позва́т иво́ суды́ и пр.

Описательная форма adhortativi или 1-го л. повел.: дава́j и дава́jти съ формой 1-го л. будущ.: дава́j скажу́, дава́j пъсаве́таим и пр. Рѣдко — дава́j съ формой 2-го л. един. повел., ср. у М. Б.: довай суши сухарей (ск.).

Форма повелит. можетъ сохраняться и въ придаточныхъ предложеніяхъ: зна́jш што зде́лаj и пр. У Анны Аким.: паслушай што скажи (пѣ.).

---

[1]) Въ пѣсняхъ иногда „ти“ не прибавляется, наприм. въ только что приведенной пѣснѣ дальше поется: „Накупим мы де́ушки духо́в да пама́душки“ и пр. См. мою замѣтку: „О нѣкоторыхъ новообразованіяхъ въ русскомъ яз.“ (Мелкія замѣтки... III, Ж. М. Н. Пр. 1902, іюнь).

Основы наст. врем. и повел.

О смягченіи согласныхъ передъ личными окончаніями глаголовъ см. выше, фонет., т. 45, стр. 234 и 251—252.

Въ глаголахъ съ основой 1-го л. един. ч. на старую смягченную согласную эта согласная сохраняется вездѣ въ 1-мъ л. един. ч., кромѣ немногихъ глаголовъ, перечисленныхъ ниже, наприм.: ста́влю, сы́плю, гра́блю, становлю́, куплю́, кормлю́, люблю́ и пр.; ношу́, кошу́, хожу́, грожу́, вожу́ (2-е л.: во́дит и во́зит), кра́шу, ви́жу, плачу́, пущю́, грущю́, пригвожжю́ и пр. Въ остальныхъ лицахъ въ глаголахъ 1-го спряженія съ основой на губную + л это л по большей части не сохраняется по аналогіи съ глаголами 2-го спряженія, наприм.: сы́плю, сы́пиш, сы́пют; триплю́с, тре́пьссѧ, тре́пющцѧ, но си́пльт (ср. т. 45, стр. 234). Но у глаголовъ ѣздить, лазить, елозить, ползить, пона́добиться (и др.?) и въ 1-мъ л. ед. ч. въ окончаніи основы является не старая смягченная согласная, а та же, что и въ остальныхъ лицахъ; при этомъ между этой согласной и окончаніемъ 1-го л. един. вставляется *ŭj*: је́здию, ла́зию, јило́зию, пана́дъбиюс. Вѣроятно, здѣсь дѣйствовала аналогія съ глаголами на *-ѣтъ*. (См. ниже). Отъ крихте́т (кряхтѣть) 1-е л. един.: хрихчю́ и крихтю́.

Въ глаголахъ 1-го спряженія съ основой 1-го л. ед. на твердую задненебную въ тѣхъ формахъ, гдѣ общеславянскій и общерусскій языки имѣли свистящую согласную, являются исключительно средненебныя согласныя: бириги́, стириги́, ни маги́, биги́ (о ф. бижы́ см. ниже), тики́, пики́, тки́, ляк (вмѣсто лягь изъ ля́ги, ср. црк.-слав. лаѯн) и пр., а въ тѣхъ формахъ, гдѣ въ общерусск. имѣлась шипящая, послѣдняя обыкновенно сохраняется, не поддаваясь аналогіи формъ съ основой на задненебную: мо́жъм, бирижо́м, стирижо́м, ля́жъм и пр. (ср. то-же явленіе въ именномъ склоненіи). Но въ глаголѣ жгу и нѣкоторыхъ глаголахъ съ основой на *ж* звукъ *г* и *ж* можетъ

быть во всѣхъ формахъ настоящ.: ж̂ж̂от, ж̂ж̂оццӑ и, чаще, жг̂о́т, заж г̂о́т; пичо́т и пик̂от и т. д., причемъ эти г̂ и к̂ въ свою очередь могутъ переходить въ д̂ и т̂, откуда жд̂от = жжетъ и ждетъ, пит̂о́т и пр. Въ глаг. т к у —т̂кош, т̂кот и пр. и тачо́м (не тчош!). См. также выше, фонет., т. 45, стр. 251—252.

Съ другой стороны, личныя формы съ основой на шипящую повліяли на другія личныя формы, откуда — л я́ ж у, л я́ ж у т, рядомъ съ л я́ г у, л я́ г у т, повел. л я ш; изрѣдка—3-е множ. м о́ ж у т (но чаще: м о́ г у т). Что касается повел. биги́ и бижы́, то они — отъ разныхъ глаголовъ.

Какъ отмѣчено выше, 1-е л. един. ч. глаголовъ лазить, ѣздить, елозить, полозить, понадобиться образуются отъ распространенной основы (— на -ию); въ остальныхъ формахъ распространенная основа рѣже; обыкновенно: је́з̂дит, ялоз̂ит, палоз̂ит, анѐ панадъбюццӑ. Въ загадкѣ: „Ма́льн̂къј Ъфана́сьј по́ пълу јилоз̂ит, жо́пу ни заноз̂ит“. У М. Б. въ нѣ.: „много ходютъ ѣздютъ“. Отъ сложныхъ съ лазить повел.: слас̀, выла́с̀. Но встрѣчаются отъ этихъ глаголовъ и образованія съ распространенной основой: ла́зиш или ла́зӣш, је́з̂диит, је́з̂диют, ла́зиют, палоз̂иют и пр., повел. је́з̂ди, с̀је́з̂ди (изъ: је́з̂диј), ср. у М. Б.: съѣзди, сьѣзди. Иногда встрѣчается повел. сла́зиј въ значеніи, нѣсколько отличномъ отъ слас̀ (1-е — въ значеніи соверш. вида, обозначаетъ направленіе, куда, = полѣзай куда-ниб. и слѣзь обратно; рѣдко въ значеніи = слас̀, а это послѣднее — несоверш. вида, = слѣзай) [1]). Аналогично съ этими глаголами образуютъ формы отъ распространенной основы на *ij* глаголы мучить, полегчить, саднить: му́чию, му́чиш, мучїю̈т, повел. му́чиј или муч; пале́хчиит; ра́ну са́дниит. Впрочемъ, можетъ быть, здѣсь и старыя основы на *ъ*. Ср. литерат. му́чаю и му́чу (у Пуш-

[1]) Отъ лазить употребляются только сложныя слазить и вылазить = слѣзать, вылѣзать. Съ другими предлогами употребляются только сложныя съ -лѣзать: влеза́ј, пълеза́ј и пр.

кина въ „Черни“ — второе: „Зачѣмъ сердца волнуетъ, мучитъ“).

Глаголы тереть со сложн. и сложн. съ переть (отпереть, запереть и пр.) образуютъ формы настоящ. и повелит. отъ инфинитивной основы. См. выше, т. 46, с. 149. Эти формы — новообразованія, вызванныя стремленіемъ къ уравненію основъ.

Глагольныя основы на *ова* и *ыва*, *ева* и *ива*, если ударе́ніе не на этихъ суффиксахъ, не всегда различаются. Ср. завúдъwу, пажáлўwус, анé пóччьwут, прóбъwут, (А҃лонъ јим) пакáзуwът и пр. (ср. выше, т. 44, стр. 189); отъ глаголовъ съ суфф. *ова* и *ева* (не ыва и ива) употребляются и формы на *ую*, *юю* и пр., напр. прóбуют, прáзнўют, с҃лéдуит (и: с҃лéдуwът) и пр.; *у* въ окончаніи основы можетъ переходить въ болѣе открытый гласный звукъ, можетъ быть, благодаря сближенію съ глаголами на *ать*. Ср.: давај пасавéтаим (приб.). Подъ ударе́ніемъ отъ глагол. на *овать*, *евать* всегда *ýю*, *юю* (не ываю и т. п.): барнýю, цалýю, таргýю, дивýюс, дивýица, днюит и начуит, грустýитаскýит и т. п.

сава́т҃ (не: сут҃), сую́, сýјти, ср. кава́т҃, кую́, кýјти.

Глаголы на *-ава́ть* (съ общерусскимъ *а*): дава́ть, -става́ть, -знава́ть, скидава́ть (и др.) образуютъ настоящ. только на -аю́ (не: ава́ю!): даю́, фстаю́, дъстаю́, признаю́, скидаю́, дајóт, фстајóт, скидајóт и пр., повел.: дава́ј, -става́ј, скидава́ј.

Точно также образуютъ формы настоящ. врем. безъ суфф. *-ва* глаголъ пъчива́т҃ (быть можетъ: подсѣва́ть въ шепелявомъ произношеніи? обо ржи: просѣивать черезъ рѣшето) и нѣкоторые изъ глаголовъ на *-ъва́ть*: дява́т҃ со сложными, ръзява́т҃, ăдълява́т҃, пъс҃пява́т҃. *Примѣры:* я ни зна́ю, куда́ wон пу́т҃ъ дијóт; нъдию́, ăдию́с, ръзијóт, зъдијóш, миня̀ с҃мéх ăдълијóт, я́гъды пъс҃пию́т, ана̀ рóш пъчијóт (пъц҃ијот?) нъ гувнé. М. Б. пишетъ: одиюсъ (ск.). Но повел. дява́ј, ръзява́ј, ъдива́јсъ и пр. Отъ другихъ гла-

головъ на *-ѣва́ть*, какъ -сѣва́ть, -цѣва́ть, -грѣва́ть и т. п. формы настоящ. — на *ва́ю:* высява́ѝти, зъпява́ѝт.

Отъ глаголовъ на *-ѣва́ть* и *ива́ть* (выпивать, выливать, вымывать, покрывать и пр.) настоящее всегда — на *-ва́ю*.

Отъ глагола одолѣ́ть въ Васильевскомъ я слышалъ форму 3 множ.: клапы́ а̀дала́ѝт. Эта форма образована по аналогіи съ другими глаголами съ основой infin. и прош. на *-ль*, наприм.: сидѣ́ть, висѣ́ть, хотѣ́ть, глядѣ́ть и проч.

Объ глаголахъ трепать, стонать, щипать, махать и пр. см. ниже въ главѣ объ образованіи видовыхъ основъ.

Инфинитивъ.

Infin. почти всегда кончается на мягкую согласную (т̀, с̀ и ч), что вызывается отпаденіемъ конечнаго *и* (хотя бы и ударяемаго), а въ двухъ глаголахъ — вторичной наставкой т̀. Къ формамъ infin. возвратн. на -цӑ окончаніе т̀ не присоединяется (ср. подобныя окончанія въ Касим. и Калуж.). Отъ сложныхъ съ ити́ть встрѣчается иногда и infin. на -ти́. См. выше, т. 44, с. 202. Прибавлю нѣкоторые примѣры. Въ записяхъ Миши Байкова: запась (ск.), почесь (ск.), пройдти, идтить, уйтить (всѣ три примѣра изъ пѣсенъ). Отмѣчу infin. возвратн. најти́цӑ.

Въ окончаніи ти послѣ гласной неударяемое *и* только въ пѣсняхъ, наприм.: „Мне па тра́wушки ни ха́жывати, мнѐ мила́ друшкà за ру́чиньку ни ва́жывати“ и т. п. Изъ другихъ великорусскихъ говоровъ это *и* сохранилось только въ части сѣв.-влкр., а именно, въ арханг., вятской, новгор. (ср. матер. 20) и тоболь. (ср. матер. 21) губ., см. у Колосова, Замѣтки, стр. 229 (Вят.).

Кромѣ ити́т̀ и итти́т̀ отъ того же глагола встрѣчается и infin. иди́т̀, наjди́т̀ и пр., но рѣдко. Здѣсь *д* — изъ формъ наст. врем. (изъяв. и повел.). Ср. то-же въ Курск. (Колос. Обзор, 240), Мещовск. (Чернышевъ, Ме-

щовск. и Дополн. къ Мещовск.), Калужск., Медынск. и Перемышл. (по моимъ записямъ; въ этихъ 3-хъ уѣздахъ я слышалъ только такое произношеніе). Въ ср.-влкр., повидимому, infin. идить рѣдокъ, а въ сѣв. пока, кажется, совсѣмъ не отмѣченъ.

Отъ жму infin. — жа̀т, прош. — жал.

Прошедшее время.

Прошедшее время выражается, какъ въ литер. и другихъ влкр. говорахъ, причастіемъ на *-л* безъ вспомогательнаго глагола. Тѣ-же причастія, но только совершеннаго вида, съ формой средн. рода прошедш. вспомогат. глагола: былъ (или был, гдѣ конечная гласная отпала) употребляются для обозначенія предпринятаго, но не совершеннаго дѣйствія: он был убѝлсѧ, он был пајéхѧл. Средн. родъ прич. прош. вспомогат. глагола быва́лъ съ причастіями на *-л* несовершеннаго вида обозначаетъ дѣйствіе, обычно повторявшееся въ прошедшемъ: он быва́л ка́жын де́н̀ тудꙑ̀ хади́л и т. п. (то же и въ литерат. яз.), а съ личными формами изъявительнаго наклоненія — одно изъ обычныхъ повтореній въ прошедшемъ извѣстнаго дѣйствія, разсматриваемое или въ его длительности (съ личными формами наст. врем.) или, какъ совершившееся (съ личными формами будущ. врем. соверш. вида). То же и въ литературномъ языкѣ.

Для обозначенія начатого въ прошедшемъ дѣйствія употребляются формы прошедш. стал или на́ча́л (согласов. въ родѣ и числѣ съ подлежащ.) съ infin. несоверш. вида безъ указанія на продолженіе начатого дѣйствія или частица ну́ съ infin. несоверш. вида, заключающая въ себѣ указаніе на послѣдующую продолжительность или интенсивность начатого дѣйствія: ну́ гъвари́т̀ = началъ усиленно или много говорить, говорилъ. Въ томъ же значеніи: *дава́ј* съ infin. Ср. у Миши Байкова: „и давай попа ругать“ (ск.), и иногда: *пашо́л*, согласов. въ родѣ и числѣ съ подлежащимъ.

О прошедш. ишóл см. въ 46 т. стр. 150. ишóл распространено въ малор., бѣлор. и ю.-влкр. говорахъ, встрѣчается, но, повидимому, рѣдко и въ сѣв.-влкр., наприм. Симбир. (Мотовиловъ, 10), новгор. (Колосов, Обзор, 126). ишьлъ со значеніемъ близкимъ къ простому шьлъ попадается уже въ Успенскомъ Сборникѣ XII в.

Глаголы выть, крыть, мыть, ныть, рыть спрягаются, какъ въ литер., т. е. наст. вóю, крóю и пр., прош. выл, кры́л и пр., infin. вы́ть и т. д., но сложныя: вы́мгл, вы́рл (см. т. 44, стр. 187). Одна старуха говорила также: „Гру́шкъ пришла́ тут, вóилъ, вóила́...“, но молодежь надъ этимъ словомъ смѣется. Отъ бить, вить, лить, пить, шыть — бjу́, вjу́ и пр., прош. би́л, вил и пр. Отъ глаг. бри́ть (ъбабри́ть, ньдабри́ццъ) — -брю, бре́иш; брил.

Отъ глагола кладу́ употребляются сложные: укладу́, нькладу́ и пр., ср. сущ. укла́тка = небольшой сундукъ.

Отъ глагола „бѣчь“ употребляются формы: бягу́, бягу́т, повел. биги́, прош. вок, бягла́ (ср. въ ск.: мать убягла́ дамój, а те́ убе'гли́ и пр.), infin. бе́ч. Чаще — формы отъ глагола „бѣжать“: бижы́ш и пр. (1-е л. един. бѣжу́ и 3-е множ. бѣжат неупотреб.), повел. бижы́ (чаще, чѣмъ биги́), прош. бижа́л и пр. (ср. у М. Б.: побежали—ск., и др.), infin. бижа́ть.

Отъ глагола дышать правильно: дышу́, дышы́ш... дыша́т, повел. дышы́, infin. дыша́ть, прош. дыша́л; рядомъ употребляется и глаголъ дыхать: ды́шъш, ды́шът,... ды́шут, рѣдко infin. дыха́ть (ср. Ягичъ, Критич. сам. 146).

Отъ глагола хотѣть употребляются только infin. хате́ть и прош. хате́л; повел. мнѣ не приходилось слышать; формы изъявительнаго: хати́ш и т. п. почти не употребляются и замѣняются формами глагола *хочи́: хóчьш, хóчьм, хóчут. Въ другихъ говорахъ формы изъявительнаго наклоненія образуются отъ обоихъ глаголовъ, причемъ иногда въ един. ч. употребляется одинъ изъ нихъ, а во множ. — другой. Такъ въ литерат. формы един. ч. — по-

1-му спряж., множ. — по второму. Въ говорахъ Калужск. и Малоярослав. у. наоборотъ: хати́ш, хати́т, но хо́чьм, хо́чут. 3-е л. возвр.: хо́ца или хо́цца (см. т. 46, стр. 133), ср. южновеликор. хо́ца и хо́ца. Форма, по значенію — 2 л. изъявит. хош, наприм.: ты дѣ хо́ш и пр., по происхожденію — быть можетъ, изъ хо́чеш или же изъ повел. хочь, ср. частицу хош (изъ хочь) и хот (изъ хоти́).

Изъ глаголевъ съ суфф. н°/₀ — *ну* (въ различныхъ значеніяхъ этого суфф.) одни имѣютъ этотъ суфф., какъ въ основѣ настоящ., такъ и въ основахъ infin. и прош., другіе же — не во всѣхъ формахъ. Наприм.

1. сту́кну, сту́кнут, сту́кнул; по́кну, по́кнут, по́кнул, ру́хну, ру́хнут, ру́хнул; дви́ну, дви́нут, дви́нул; глану́, глану́т, глану́л; то́рну, то́рнут, то́рнул и т. д., между прочимъ у всѣхъ глаголовъ на *-ану* суфф. этотъ сохраняется во всѣхъ формахъ.

2. стре́ну (=встрѣчу), стре́нут; увя́ну, увя́нут; утану́т; со́хну, со́хнут; мо́кну, мо́кнут; гло́хну, гло́хнут и т. п. со сложными, прош.: стре́л и стре́нул (см. ск.; между прочимъ въ возвр. всегда: стре́лса, стре́лас и пр.), увя́л, уто́п и утану́л (чаще: утапи́лсă), сох, мок, -глох (загло́х, агло́х и пр.) и т. д.

3. ста́ну, ста́ньш, повел. — стань, infin. стать, прош. стал; де́ну, деть, де́л; ръсвино́т, рассве́с, рассво́л.

Виды.

Остановлюсь на нѣкоторыхъ суффиксахъ; имѣющихъ видовое значеніе, т. е. употребляющихся для обозначенія видовыхъ различій въ глаголахъ.

ова и *ева* со значеніемъ несоверш. вида. Во многихъ случаяхъ въ положеніи послѣ ударенія онъ совпалъ съ суфф. *ыва* и *ива* или замѣненъ имъ (примѣры см. выше), не смотря на то, что по происхожденію и по первоначальному значенію эти суффиксы отличаются другъ отъ друга. Суфф. *ова* и *ева* по преимуществу — суфф. оты-

менныхъ глаголовъ, а суфф. *ыва* и *ива* — отглагольныхъ. Суфф. *ова* и *ева* вносятъ въ основу значеніе несовершеннаго вида, а суфф. *ыва* и *ива* въ глагольныхъ образованіяхъ отъ глагольныхъ основъ несовершеннаго вида вносятъ кромѣ того понятіе кратности.

Замѣна суфф. *ова* и *ева* суффиксами *ыва* и *ива* происходитъ въ формахъ изъяв. настоящ. врем., между тѣмъ какъ въ формахъ infin. и прош. они совпадаютъ фонетически. Тамъ, гдѣ этой замѣны нѣтъ, окончанія личныхъ формъ глаголовъ на *-ую* и пр. смѣшались съ подобными окончаніями глаголовъ на *-аю*, причемъ передъ личными окончаніями и въ тѣхъ и въ другихъ глаголахъ могутъ являться звуки переходные отъ *а(ъ)* и *у*.

Въ глагольныхъ основахъ, образованныхъ отъ существ. на *-ство:* бѣдствовать, рабствовать (глаголъ заимств.) и т. п. суфф. *ов* въ infin. и прош. обыкновенно выпадаетъ, такъ что эти глаголы совпадаютъ съ глаголами на -ать, -аю; наприм.: „ка́к ане бе́цтвъли!“ „он Тра́wїону ра́пствъл“. Отъ глаг. саве́тую̆с и саве́тъю̆с infin. саве́тъццӑ, прош. саве́тywӑл и саве́тъл, напр. „уш ане́ з бра́тъм пъгъwари́ли, пъсаве́тъли“. Также: абра́дую̆с, infin. абра́дъццӑ, прош. абра́дуўлсӑ и „ўот он абра́дълсъ, ана́ абра́дълъс“.

Въ положеніи подъ удареніемъ суфф. *-ова* и *-ева* сохраняются, не смѣшиваясь съ другими суффиксами.

Приведу нѣсколько глаголовъ съ суфф. *-ова*, неупотребительныхъ или мало употребительныхъ въ литературномъ языкѣ. „ма́т о́чи̯н грустýитаскýит, пла́чит“, „пущáj пўгўладýют“ (глаг. голодовать, ср. существ. голодовка); „так картýзик и ни ѫъдарýити мне?“; „а он глии́т, глии́т, мякýит, мякýит“ (=смекаетъ; глаг. мековáть); „што́, къл̀ пръвинýиссӑ“ (провиноваться=провиниться).

ава. Этотъ суфф. былъ очень распространенъ въ ст.-славян. языкѣ. Въ русскомъ яз. вмѣсто него употребляются суфф. *ыва* и *ива*. Въ разбираемомъ говорѣ съ суфф. *ава* мнѣ извѣстенъ только глаголъ скидавáть (см. выше),

вмѣсто котораго чаще употребляется глаголъ скида́ть. Въ глаголахъ дава́ть, -знава́ть и вставать суфф. *ва*, такъ какъ *а* передъ нимъ принадлежитъ корню. Образованіе формъ настоящ. врем. отъ этихъ глаголовъ отличается отъ старославянскихъ.

ва, приставляющійся къ основамъ на гласную, по большей части къ сложнымъ съ предлогами, потому что несложные глаголы съ основой на гласную по большей части сами — несоверш. вида: встать—вставать, дать—давать, знать — знава́ть, сѣять — высѣвать, пѣть — пѣвать, дѣть—дѣвать, одолѣть—одолѣвать, поспѣть—поспѣвать, покрыть—покрывать, налить —наливать и пр., какъ въ литературномъ. Отмѣчу отъ этихъ глаголовъ двоякое образованіе основъ настоящ. — на *ва́* и безъ него съ ударе́ніемъ на окончаніи (такіе глаголы отличаются отъ своихъ непроизводныхъ въ формахъ настоящ. врем. только ударе́ніемъ). Любопытенъ глаголъ нагнува́т -цщă, гдѣ суф. *ва* приставленъ къ производной основѣ на *жу* (гну, гнёт— отъ гъѣ-нж). Отъ того же гну употребляется и другое образованіе несовершеннаго вида: нагина́т и пр.

ыва и *ива* присоединяются къ глагольнымъ основамъ несовершеннаго вида, внося въ нихъ понятіе кратности. Въ соединеніи съ глагольными основами, заключающими и безъ того это понятіе, эти суффиксы подчеркиваютъ раздѣльность отдѣльныхъ моментовъ повторяющагося дѣйствія. Можно думать, что такія формы, какъ хаживать, важи́вать и пр., употребляющіяся преимущественно въ пѣсняхъ и не во всѣхъ формахъ, извлечены изъ глаголовъ сложныхъ съ приставками, вносящими понятіе некратности, наприм. похаживать и пр.

Примѣры: Гуля́j до́чка да бяла́, Я сама́ така́ была́, Сама́ гу́ливала, Ф полно́ч ха́жавала, Друшко́в ва́жавала и пр. Обыкновенно съ отрицаніемъ: Я на у́лицу ни ха́жавала, Я с рибя́тыми пи и́грăвала. Infin. съ отриц.: Уш и мне́ ли та па тра́вушки ни ха́жывати, мне́ мила́ друшка́ за ру́чиньку ни ва́жывати. Въ духовн. стихѣ про Ла-

заря: кро́шички падби́рывуют, гнаючи́и ра́нички зали́зывуют и пр.

Въ глаголахъ на *-ывать* вмѣсто *ы* обыкновенно —*ъ*, проясняющееся при пѣніи въ *а*, или же *у* (yw изъ ъw). Это измѣненіе, быть можетъ, и нефонетическое, а вызвано смѣшеніемъ съ глаголами на -овать. Надо думать, что оно явилось еще до измѣненія кы, гы, хы въ ки, ги, хи, потому что въ глаголахъ на кывать, гывать, хывать остались твердыя задненебныя. Въ старославянск., частью въ чешск. и др. русскимъ глаголамъ на -ывать соотвѣтствуютъ глаголы на -авати безъ ударенія на суфф. Формы на -ывати, быть можетъ, еще общеслав., судя по польскимъ глаголамъ на -ywać (наприм. widywać и др.). Въ русскихъ памятникахъ они встрѣчаются еще въ XIV в., наприм. въ Лаврент. лѣтоп. (см. Некрасовъ. О яз. Лавр. лѣтоп. въ Изв. Отд. русск. яз. и слов.).

а́ (infin. -а́ѣ, наст. -а́ю, непремѣнно съ удареніемъ на *а*) употребляется съ тѣмъ же значеніемъ, какъ и *-ыва*. *Примѣры:* нъкладаѣ на́ въс, де́ѣки ба́ню вакладали (приб.), зъкладаѣ (напр. лошадей), испъвядаѣ, вътрясаѣ, ръстрясаѣ (сѣно), скидаѣ, атризаѣ, згинаѣ, нъгинаѣ [1]), выпаѣ [2]); наст. нъкладаю, вакладаю, зъкладаю, „ищь ба́рину ни дъкладаю́т“ (ск.), испъвядаи̯а, вътрясаю..., скидаю (ср. скидаю́ отъ скидаваѣ), атризаю, нъгинаю, выпаю = накладываю, исповѣдываю, нагибаю, вынимаю и пр. Рядомъ съ выпаѣ употребляется и глаголъ выня́ѣ, -я́ю, -я́л (наприм.: „Къстипти́н Я́къвлиич плато́к выня́ит“ и т. п.), свойственный сѣв.-влкрус. говорамъ, и вынимаѣ. Тотъ же суфф. у глаголовъ несложныхъ съ предлогами: капнаѣ, вартаѣ, наст. капнаю, вартаю = окапнываю, поворачиваю. Въ пѣ., записанной Мишей Байковымъ: „все про все спрашала“ =

---

[1]) Т. е. нагибать; образов. прямо отъ глагола -гнуть съ усиленіемъ корня по общему правилу, какъ жну—жина́ю, мну—мина́ю, пну—пина́ю, хотя infin. отъ этихъ глаголовъ долженъ былъ препятствовать этой аналогіи. Ср. т. 46, стр. 131.

[2]) Образов. прямо отъ вы́нуть, какъ -гинаѣ — отъ гнуть.

выспрашивала. Этотъ суфф. — тотъ же, что въ глаголахъ слѣзаю, выбѣгаю, подгрѣбаю, сгибаю, стираю, ражáю и т. п. Въ старослав. этотъ суфф. съ такимъ значеніемъ былъ, повидимому, чаще, чѣмъ въ соврем. русскомъ языкѣ. Въ влкр. говорахъ не только въ приведенныхъ глаголахъ, но даже и въ тѣхъ, которые въ литерат. яз. извѣстны только съ суфф. á, этотъ суфф. нерѣдко замѣняется суфф. *ыва* и *ива*, какъ наприм. ю.-влкр. ограживаить и т. п. Ср. у Будде, Къ діалект. и Къ ист., у Филат. Ворон. и др. Съ другой стороны, въ другихъ говорахъ извѣстны нѣкоторые глаголы съ суфф. á, вмѣсто которыхъ въ разбираемомъ говорѣ употребляются только глаголы съ суфф. *-ыва*, наприм. Калужское (Калуж., Медын., Перемышл., Малоярослав., Мещов., Боров. и др.) зăкусáт, повел. закусáйтя (у насъ: закýсъвъ̀т, закýсъвъйти или кýшъйти); Углич. замахáёсса [1]) = замáхиваешься (наст. время, слѣдовательно, значеніе суфф. á не совсѣмъ то, что въ нашемъ замахáешь — буд.). Для полноты приведу еще нѣсколько примѣровъ изъ другихъ говоровъ: прикладáютца — Тул. Крапив. (Будде, Тул.), прикладáть, укладáть, исповѣдаться, складáть, починя́ть — Мещов. (Чернышевъ), упрашáють, спрашáють — Ворон. (Филатовъ) и др.

Къ приведеннымъ глаголамъ съ суфф. -á, обозначающимъ кратность, можно указать параллели изъ древнихъ памятниковъ русскаго языка (нѣкоторыя изъ параллелей, быть можетъ, только старослав., а не русскія): въпрашати — Остр. ев. и др., испрашаи — Минеи 1096 г. и др. богослуж. намм.; прашати со сложными нерѣдко въ Лавр. лѣт. Сложныя съ кладати: прикладаѥть — Неет. Жит. Θеод. 32 об^{б} и др., закладаше — Слово о полку Игор. и Псков. судн. грам. XIV—XV в., докладати — Новг. грам. 1325—26 г., зарѣзáти, зарѣзаема — поуч. Иліи архіеп. Новгор. по сп. XV в., закусати въ фактитивномъ значеніи, = кор-

---

[1]) Словарь русск. яз., издав. Вторымъ Отдѣл. Имп. Акад. Наукъ, т. II вып. 5. Слово сообщено Н. В. Шляковымъ.

мить — Жит. Іоанна Злат. по сп. XV в. Почти всѣ примѣры взяты изъ Матер. для Словаря Срезневскаго.

Тотъ же суфф., но безъ значенія кратности — въ глаг. влада́ѣ, -аю, хълада́ѣ, -а́ит (безлично), приблизительно = литерат. владѣть и холодѣть. Глаголъ влада́ть въ томъ же неполногласномъ видѣ извѣстенъ и въ другихъ говорахъ, ср. Филатовъ, Ворон., т. 37, стр. 201, и, между прочимъ, въ литерат. яз. въ сложеніи съ предлогомъ *об-* (обладать). Встрѣчается и полногласная форма, ср. валадать въ Рязан. (Будде, Къ діалект.) и дер. Ивакинѣ Рузск. у. Литературное „владѣть", какъ неполногласное, вѣроятно, книжное слово; въ древнерусскомъ ему соотвѣтствовало володѣти. Отношеніе между владать : владѣть = холодать : холодѣть = питать : питѣти (древнерусск.). Повидимому, форма владати въ древнерусскомъ яз. была мало употребительна. У Срезневскаго на этотъ глаголъ только одинъ примѣръ изъ Слова Ипполита объ Антихристѣ. Наоборотъ, на владѣти и володѣти (володати у Срезн. вовсе нѣтъ) примѣры взяты изъ чисто русскихъ памятниковъ XIV в.—изъ лѣтоп., грамотъ, Данилы Заточника.

Нѣкоторые глаголы съ основой infin. и прош. на *а* имѣютъ ту же основу и въ формахъ настоящ. (изъявит. и повелит.) вмѣсто основы на старую смягченную согласную по аналогіи съ другими глаголами, имѣющими основу на *а* во всѣхъ формахъ. Наприм.: тряпа́ѣ, триплю́, тре́пьш и пр., но также: тряпа́ю и пр., „а то́ я тибя́ ръстрипа́ю"; щипа́ѣ — щипа́ю и щиплю́, щипа́ит и щи́пльт; отъ стана́ѣ всегда: стана́ю, стана́ит. Ср. Филатовъ, Ворон. 197; Будде, Къ діалект. 124 (не было ли еще общерусск. стана́ти, стана́ю при стонати, стоню?); маха́ѣ — маха́ю и машу́, маха́ит и ма́шът (наприм.: „де́вицъ и́щьт у тр҃о́γлавнуѹ зме́јь и ма́шът јиму") [1]). Отъ глагола мяу́-

[1]) Значенія обѣихъ формъ нѣсколько различаются: ма́шът — съ цѣлью обратить на себя вниманіе; маха́ит — безъ отношенія къ цѣли махапья.

къ̀т настоящ. обыкнов. — „ко́никъ мя́учьт“, отъ паха́̀т всегда — пашу́, па́шът (ср. сѣв.-влкр. паха́ёт).

Суфф. *ја́* (т. е. *ъ* съ общеслав. смягченіемъ предшествующей согласной) глаголовъ несовершеннаго вида (со значеніемъ близкимъ къ значенію суфф. *а́*), между прочимъ, — въ слѣд. глаголахъ: сматря́̀т, сматря́ю или матря́ю, повел. матря́j, сматря́j; зътапля́̀т, зътапля́ю и пр. (наприм. печку); купля́̀т, купля́ю; пъццабля́̀т, пъццабля́ю и пр. Отношеніе этихъ глаголовъ къ сматре́̀т (т. е. смотрѣть вмѣсто болѣе стараго съмотрити [1]), тапи́̀т, купи́̀т, пъццаби́̀т = затварять : затворить = (у)лавлять : ловить = (прѣ)ламлять : ломить = укрѣплять : укрѣпить = сажать : садить = наряжать : нарядить и пр. Глаголъ *съматрѧти* — общеслав., нерѣдокъ въ церковныхъ и древнерусскихъ памятникахъ (ср. съмотрѧхоу — Нест. Жит. Ѳеод. по сп. XII в. л. 31 об.[а] и др.), извѣстенъ и въ нынѣшнихъ славянскихъ языкахъ, наприм. въ сербск., польск.; изъ русскихъ говоровъ между прочимъ отмѣчено въ Мещов. (Чернышевъ, Дополн. 26), Онеж. (матер. 41), Вятск. (матер. 2), Покров. (матер. 10), Буйск. (матер. 18) в друг.

Глаголъ *куплять* тоже старый. Ср. коупѩхоу (описка вмѣсто коуплѩхоу или вліяніе какого-нибудь южнослав. произношенія) — Нест. Жит. Ѳеод. 11[а] (Сборн. 36[а]), коуплѧхоу и коуплѧхомъ — Новгор. 1-я лѣтоп. Въ говорахъ: купля́ць — бѣлор. (Носовичъ, Бѣлор. послов.), коуплеють — Касим. (Будде, Къ діал. 124), купля́̀ть — Мещов. (Чернышевъ, Дополн. 27) и др. Ср. другіе подобные глаголы въ другихъ говорахъ, напр. рубля́̀ть (перерублялъ — Колос. Обзор, 241, нарубля́̀ть — Черныш. Дополн. къ Мещов.; оу̀рублаїѣмъ — Троицк. Мѣр. Прав. XIV в., л. 35, 18, въ изданіи: Древности, Труды Слав. ком. т. III, стр. 54), отступлять, поступлять (ср. у Черныш. въ Дополн. къ Мещ. 27). Отношеніе между этими глаголами и гла-

[1] Ср. смотрить еще до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ сѣв.-влкр. говорахъ (Матер. 25, 30, 35 38, 40 и др.).

голами: (по)купать, (от)рубать, отступать приблизительно = ламлять : ламать и т. п. Пермское (см. Колос. Обзор, 240), Орловское и пр.: звонять, звоняеть, вѣроятно, — новообразованіе.

Въ глаголѣ скушня́ю, скушня́ть (соверш. видъ отъ того же глагола скушни́ць, ср. ску́чниться — Чернышевъ, Моск. у.) — суфф. тотъ же, но присоединенъ не къ корню, а къ именной основѣ (ср. обычное скучаю изъ skukjają).

Рядомъ со скуча́ть, скуча́ю употребляется глаголъ скучи́ть, скучу́, скучи́т, но исключительно о собакѣ = воетъ, визжитъ. скучать : скучить = сажать : садить = куплять : купить и пр.

Отъ глагола бодать — бада́ю, каро́въ бада́ицъ, infin. бада́ть, бада́ццъ и пр.; кромѣ того есть нѣкоторыя формы отъ глагола *бости (infin. неупотреб.) : забуд̀о́т; „два быка̀ буду́ццъ, ўро́с̀ ни ръзајду́ццъ“ (загад.).

Къ сказанному объ образованіи основъ такъ назыв. многократнаго и несовершеннаго вида слѣдуетъ прибавить, что если въ образованіяхъ видовыхъ основъ одного и того же глагола чередуются усиленный и нормальный виды корня, то обыкновенно основы съ усиленнымъ видомъ корня или основы, образованныя по аналогіи съ ними, бываютъ въ образованіяхъ того вида извѣстнаго глагола, который является кратнымъ по отношенію къ другому некратному или несовершеннымъ по отношенію къ другому совершенному, причемъ глаголы несложные съ приставками съ такой усиленной основой обыкновенно бываютъ кратными. Но тѣ же сильныя основы, которыя являются въ этихъ образованіяхъ, могутъ быть и въ причастіяхъ страдат. прошедш. времени соотвѣтствующихъ некратныхъ глаголовъ или глаголовъ совершеннаго вида. Это бываетъ въ томъ случаѣ, если въ личныхъ формахъ и въ infin. этихъ глаголовъ (т. е. имѣющихъ слабую основу) удареніе—не на корнѣ и, слѣдовательно, гласная корня для всякаго акающаго говора неизвѣстна. См. выше т. 44, стр. 160 и т. 46, стр. 140.

Такъ какъ различіе между усиленнымъ и нормальнымъ видомъ въ корняхъ, имѣющихъ въ неусиленномъ видѣ *о*, заключается въ томъ, что вмѣсто этого *о* (если оно=общеслав. *о*) въ усиленномъ видѣ корня является *а*, то по аналогіи съ глаголами съ кореннымъ *о*, представляющими дѣйствительное чередованіе двухъ видовъ корня, и въ другихъ глаголахъ съ *о* въ основѣ некратнаго вида, непредставляющихъ такого чередованія, въ кратныхъ основахъ это *о* подъ удареніемъ часто замѣняется звукомъ *а*. См. выше, стр. 8 и 116. Примѣровъ такого измѣненія другихъ гласныхъ корня (не *а*) по аналогіи въ образованіяхъ кратныхъ основъ очень мало. Могу отмѣтить только търыка́ѣ̀т (торыкать) по аналогіи съ засыхать и т. п. Точно также и въ словѣ пъмире́скаваит (померескываетъ) въ одной пѣснѣ е́ вмѣсто ѣ́ могло явиться не только изъ мере́щится и т. п., но и по аналогіи съ какими-нибудь другими глаголами, имѣющими *ъ* въ сильномъ видѣ корня въ кратныхъ основахъ. Въ глаголѣ пръмыка́ѣ̀т (вмѣсто промакать, отъ соверш. промокнуть), смыка́ццъ̆ (наприм.: веревка „ни ссо́хницъ̆, ни смо́кницъ̆... Заче́м смыка́ццъ̆?“) *ъг* явилось неправильно по по аналогіи съ глаголами представляющими чередованіе *ъ* и *ъг* въ несильномъ и сильномъ видѣ корня, какъ напр. засыхать и т. п. (ср. у Черныш. Моск. у., стр. 39: ни прамыка́имыи). Неясно *ъг* въ одной сказкѣ: „рѣзмыта́л јаѳ̀ за́ нъги и бро́сил јаѳ̀ туды́“. Впрочемъ, остается рядъ глаголовъ, гдѣ не только нѣтъ вторичной замѣны гласныхъ въ кратныхъ основахъ, но даже старый сильный видъ корня замѣненъ несильнымъ. Къ такимъ глаголамъ, наприм., относятся сложные съ ѣ́хъвѣѣ̀т вмѣсто — ни́хывать (см. выше, стр. 120).

Глаголы совершеннаго вида изъ глаголовъ несовершеннаго вида образуются при помощи предложныхъ приставокъ или суффикса *ну*, но при этомъ не всякая предложная приставка и не во всѣ глаголы вноситъ значеніе вида совершеннаго и, кромѣ того, всякая приставка, какъ

и суфф. *ну*, вносятъ и свои невидовыя значенія, какъ и въ литературномъ.

Суффиксъ *ну* (т. е. н$^{e}/_{o}$—ну) придаетъ глагольнымъ основамъ два значенія: 1) начинательное; въ этомъ случаѣ суффиксъ *ну* самъ по себѣ не вноситъ въ основу значенія основы совершеннаго вида; поэтому могутъ быть основы на *ну* съ начинательнымъ значеніемъ какъ совершеннаго, такъ и несовершеннаго вида. 2) моментальное. Суффиксъ н$^{e}/_{o}$—ну придаетъ глагольной основѣ значеніе однократности. Глаголы съ этимъ суффиксомъ обозначаютъ одно изъ ряда послѣдовательныхъ короткихъ повтореній одного и того же дѣйствія, причемъ такое повтореніе такими основами обозначается, какъ законченное во времени. Примѣры: гланýт (=литер. глотнуть), зынýт (= зыкнуть), ср. двúнýт какъ и въ литерат. (при ю.-влкр. двúгнýт — Орлов. и др.); но: кы́ркнýт: увúдит кы́ркнит (т. е. коршунъ), мътюгнýт: а я иwò мътюгнý (выругаю одинъ разъ по-матерному), он и зъбайца, прачхнýца, прачкнýт (о нарывѣ и т. п.), стрипихнýца (ср. встренехнушесь — Никоновск. лѣтоп. VIII, 94. Срезн.), дътранýццă (= дотронуться) и др.

Глаголы на анý (съ удареніемъ во всѣхъ формахъ на окончаніи). См. выше, стр. 43—44. Добавлю еще примѣры: чáшъчку хвътанú, кáк ja трипанýлсъ аттóдă, шыпанýт (шеппуть) и т. п. Такіе глаголы распространены въ ю.-влкр., бѣлор. и ю.-малор. (см. Ogonowski. Studien, § 14, 2 и § 34, 2) [1]), причемъ въ послѣднемъ гласная передъ *ну*—не *а*, а, по большей части, *о*: гуконýти. крикунýти, рубонýти, скубонýти, стьобонýти, посипонýти, швиргонýти. Въ сѣв.-влкр. они, по-

[1]) Замѣчу, что у Миклошича во II т. сравнит. грамм. и въ словарѣ Желеховського тоже есть подобные примѣры изъ малор., но Миклошичъ всѣ примѣры взялъ у Носовича, а Желеховський въ свою очередь—у Миклошича. Поэтому ихъ примѣры не свидѣтельствуютъ объ извѣстности такихъ глаголовъ въ малорусскомъ.

видимому, рѣдки. Могу отмѣтить только: литер. дава́ну́ть (акад. словарь), ливану́лъ—Покровск. у. Володимир. губ. (по указанію Чернышева—Моск. у. 35), стегонулъ и бачконулъ [1]) — Олон. Петрозав. (Матер. 30, стр. 260 и 265), колонётъ — Олон. Каргоп. (Колосовъ, Замѣтки, 195), сголзону́л — Олон. (Колосов, Обзор, 173), емконуть, кочконуть, но рѣзануть — Олон. (Куликовскій, Словарь); что касается „двигану́л“ въ Псков. (Колосов, Обзор, 240) и „мигануть“ тамъ же (Даль), то эти слова могли быть услышаны въ акающемъ говорѣ. Въ виду присутствія *о* въ основахъ такихъ глаголовъ въ Олон. и малор. приходится измѣнить высказанное мною выше (стр. 43—44) мнѣніе, что здѣсь имѣются новообразованія на *-ну* отъ производныхъ основъ на *а*, и думать, что здѣсь гласная *о* — изъ *ъ*, развившагося въ такихъ глаголахъ при стеченіи нѣсколькихъ согласныхъ (появленіе этого *ъ*, быть можетъ, еще въ общеслав. тогда можно относить къ тому времени, когда рядомъ съ двинути появилась форма двигнути съ возстановленной согласной; чтобы удержать это *г*, вставлялся паразитный гласный). Позднѣе въ бѣлор. и ю.-влкр. (а частью и сѣв.-влкр., ср. олонецкое рѣзануть, покровское ливану́лъ?) могло явиться сознаніе связи между такими глаголами и глаголами на *аю*, чѣмъ вызваны различія въ оттѣнкахъ значенія, напр. между махну́ и ма́хану́ (1-е — повидимому, — болѣе мгновенное дѣйствіе, чѣмъ 2-е; по крайней мѣрѣ при зама́хнус нельзя сказать: зама́хану́с). Есть и глаголъ на -ану́, несомнѣнно образованный отъ производной основы на *а*, именно: ка́шляну (ка́шлину), что̀ дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе объ образованіи и другихъ такихъ же глаголовъ. Характерно, что въ этомъ послѣднемъ глаголѣ въ великорусскомъ удареніе не на суфф., какъ въ другихъ глаголахъ на *ану* (ср. дьргану́ при дёрну), но въ ю.-малорус. этотъ глаголъ не составляетъ исключенія, изъ общаго правила и произносится съ удареніемъ на суфф.: кашля-

[1]) У Куликовскаго „ба́цкнуть“ — сильно ударить.

ну́ти (Ogonowski, § 34, 2). Въ старинныхъ памятникахъ русскаго языка въ такихъ глаголахъ пишется и *о* и *а*: въскопанувъ—Георг. Амарт. XIV—XV в. (Срезн.), копонꙋвъ — Жит. Саввы XIII в. (Срезн.). Къ сожалѣнію, я не могъ провѣрить, насколько можно довѣрять показанію этихъ рукописей (можетъ быть, говоръ писца одной изъ нихъ или обѣихъ — акающій?).

Глаголы на *ну* отъ производныхъ основъ: умаря́хнулас (въ пѣ.: „Умарилас 2, умаряхнулас“ — припѣвъ; *ну* здѣсь не въ моментальномъ значеніи), въжжала́хнуцӑ (= сжалиться).

Въ глаголѣ зъману́т̀ (=литер. заманить) *ну* — старое. Ср. поманоути — Супр. ркпсь, възманоу — Георг. Амарт. XIV—XV в. (Срезн.), възманоувъ — Прохор. житіе Іоанна Богосл. Въ соврем. говорахъ ср. между прочимъ Мещовскія: мануть, замануть, перманут̀ (Черныш., Дополн., стр. 26), а также академическій Словарь русск. языка, т. II, вып. 5.

Аналогіей съ глаголами на *ну*, вѣроятно, вызвано *у* въ глаголахъ: нъкланулъс и, быть можетъ, вы́гнут̀, вы́гнул, вы́гнули (= выгнать и пр. См. выше, стр. 21 и 39).

Въ глаголѣ спътыкну́цӑ — сильный видъ корня (тык) вмѣсто слабаго (тък), ср. литерат. споткнуться при спотыкаться. Конечно, *ъг* занесено сюда изъ формы несоверш. вида спотыкаться (спътыка́цӑ, ср. также глаголъ пътыка́т̀ въ пѣ.).

При глаголѣ хвата́т̀ въ сложеніи съ предлогомъ *с* въ значеніи соверш. вида употребляется схвати́т̀, какъ въ литерат., но также: схвата́т̀ — въ пѣснѣ о бродягѣ: „јивò схвата́ли пъвили́“ (Курово).

Залоги.

Формы возвратнаго залога образуются посредствомъ прибавленія *-с* или *-ся* къ окончанію. Формы съ мягкимъ *с*

почти не употребляются и, если изрѣдка попадаются въ пѣснях̀ъ, должны быть объясняемы заимствованіемъ этихъ пѣсенъ у лицъ съ другимъ произношеніемъ или фонетическимъ положеніемъ слова. Впрочемъ мягко произносится *с* въ окончаніи возвратныхъ глаголовъ въ говорѣ нѣкоторыхъ сосѣднихъ деревень, наприм. Савельева ($3^1/_2$ в. къ ю.-в.), Мазилова (4 в. къ с.-в.), Салькова (5 в. къ с.), Попо́вки, Ивакина (около 10 в. къ ю.) и др. (см. также выше, стр. 72—73). Въ ю.-влкр. говорахъ, сколько мнѣ извѣстно, окончаніе сă довольно рѣдко, чаще с̀, ся, си (причемъ въ нѣкоторыхъ говорахъ *си* и *сы* — послѣ согласной, *ся* и изрѣдка *сы* послѣ гласной, ср. Донск. Матер. 42[2] и нѣкоторые калужскіе говоры). Въ сѣв.-влкр. рядомъ съ *ся* и рѣдкимъ *си* часто — се, сэ, сё, со и са. Въ говорѣ Парфёнокъ *са* — не только послѣ согласныхъ, но и послѣ гласныхъ: баю́са и пр., ниприм.: „я ни пайду́, я баю́са, я до́мъ бу́ду сиде́т̀“; „ани сабра́лиса фсѐ тро́я“ и т. п.; окончаніе *с* — только послѣ гласныхъ, а также: ни бо́с̀ при ни бо́йсă. На с̀ примѣры: сабра́лися и́дут (мальчикъ; мягкость с̀, вѣроятно, вызвана слѣдующимъ *и*); ăстънави́с̀ паслу́шăй (старуха; мягкость с̀, быть можетъ, вызвана предыдущимъ *и*? во всякомъ случаѣ — примѣръ исключительный), но ки́нулсъ, акри́книс сто́й (она же).

Отъ глаголовъ сложныхъ съ ити съ переходнымъ значеніемъ форма infin. возвратнаго залога образуется прибавленіемъ сă или къ infin. ити́ или къ новому inf. на -т̀, наприм. найти́ццă, прайти́ццă и пр.

Укажу нѣкоторые глаголы, интересные по значенію формы возвратнаго залога.

хва́стать (неперех. — про кого) — лгать, говорить неправду, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ похвальбы, хвастовства и безъ этого оттѣнка (въ этомъ значеніи „хвастать“ есть и у Даля): оп фсо хва́стъіт (ему нельзя вѣрить); ну этъ ты сахва́стъл (совралъ, выдумалъ). Въ связи съ этимъ въ глаголѣ хва́статься возвратная форма обозначаетъ, что предметомъ хвастовства является самъ субъектъ, —

хвастать про себя, говорить про себя неправду (конечно, чтобы похвалиться). Такимъ образомъ отношеніе по значенію между „хвастать“ и „хвастаться“ въ разбираемомъ говорѣ близко къ отношенію между „смотрѣть“ и „смотрѣться“ (въ значеніи: смотрѣть на себя) и т. п., т. е. глаголы „хвастать“, „смотрѣть“ и т. п., будучи непереходными грамматически, являются такими по значенію и образуютъ возвратную форму, какъ переходные. Впрочемъ, глаголъ „смотрѣть“ можетъ быть переходнымъ и грамматически, ср. „смотрѣть невѣсту“ и т. п.

Глаголъ утопи́ться, имѣющій въ литературномъ только возвратное значеніе (= утопить себя, т. е. утонуть по собственной иниціативѣ), въ Парфёнкахъ употребляется въ страдательномъ значеніи безъ отношенія къ намѣренности дѣйствія, т. е. по значенію = утонуть (утапи́лсѧ = утоп, утану́л).

Глаголъ искать употребляется иногда въ техническомъ значеніи — искать вшей (гнидъ и пр.) въ головѣ съ винит. лица, у котораго ищутъ: „дај я тибя́ пъищю́“ = дай, я поищу у тебя (въ головѣ), или: „пъищи миня́“. Въ связи съ этимъ значеніемъ невозвратной формы стоитъ употребленіе возвратной формы со взаимнымъ значеніемъ: искаѫ, и́щюѫ = ищутъ другъ у друга въ головѣ.

Возвр. ругаться — не только въ значеніи дѣйствія, разсматриваемаго въ отвлеченіи отъ объекта дѣйствія, но и со взаимнымъ значеніемъ, наприм.: „стали жить хорошо и неругались“ (Миша Байковъ).

Часты образованія возвратной формы отъ переходныхъ глаголовъ со значеніемъ дѣйствія, разсматриваемаго безъ отношенія къ объекту дѣйствія, наприм.: „ане́ ищь ни пасе́илис“, ср. также: „ацсе́илис“, „атпахалис“ и др.

Изъ возвратныхъ формъ отъ непереходныхъ глаголовъ отмѣтимъ: „а мы зглупи́лис“ (=сглупили); „wод ба́бъ ищьт, шагну́лъс: А҃лонъ, што мне де́лъ҃т?“ (старуха). Впрочемъ, послѣдняя форма не можетъ быть разсматриваема, какъ возвратная къ „шагнула“, потому что значеніе

ея (шагнулась съ цѣлью просить другое лицо) не вносится формой возвратнаго залога (слѣдоват. „шагнуться“ — глаголъ общій).

Съ другой стороны можно указать нѣсколько глаголовъ съ отсутствіемъ формы возвратн.: „мы (вы) фсю дарóгу гнáли“ (sc.? лошадей?); поворáчивать, вертáть и т. п., „ут анѐ з брáтъм пъгъварúли, пъсавéтъли“ (=посовѣтовались); „умнóжълъ нарóду“ (т. е. стало больше народу, умножилось), „дъ мы дóмъ тъ пытáли (= пробовали, пытались) пить (ср. у Черныш. Моск. у. 147) и др. Форма „умнóжълъ“, вѣроятно, не отъ „умнóжить“, а отъ „умнóжать“ съ „а“ изъ стараго „ѣ“; это: умнóжать : умножить = веселѣть : веселить = чернѣть : чернить и т. п.

Глаголы попадáться и попадáть кому навстрѣчу употребляются безразлично.

Причастія страдат. могутъ образовываться и отъ нѣкоторыхъ глаголовъ непереходныхъ, наприм.: „он (возъ) у вáс уш упáдьн бы̀л“. Ср. прилагат. ăкалéтлъj, нóтъj и др.

Причастія.

Причастія настоящ. врем. дѣйств. залога употребляются только, какъ прилагательныя: зрячьj, хадячьj, пътхадячьj, сидячьj и др.; въ одной пѣснѣ: „дражáчью рукою звапóчик пăдалá“. Прилагат. на -учій вмѣсто -ячій: литýчьj агóн̀ (=кропивная лихорадка), мыш, змéj; гарючьj (=способный воспламениться) при гарячьj (=литер. горячій). Ср. у Срезнев. въ Словарѣ: горячій (Сл. о п. Игор., Кир. Тур.), горящь (Iак. жит. Бор. и Гл., Влад. Мон.), горюща (Жит. Ниф., Козм. Инд. и др.), горѫще и т. п. (Остр. ев., Нест. жит. Θеод.). Слѣдовательно, ф. горючій тоже старая.

щ вмѣсто *ч* — въ причастіяхъ: пьющій, непьющій, нестóющій (безъ дополн. = негодный). Вѣроятно,

здѣсь дѣйствовало съ одной стороны литературное и церковное произношеніе, съ другой — такія слова, какъ злющій, большущій, пущій, работящій, гуля́щій, лядащій, зрящій (тотъ, кто дѣлаетъ зря, см. выше, стр. 83; впрочемъ, въ этомъ значеніи говорятъ и: зря́чьj). См. Соболевск. Изъ исторіи русск. яз. въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1897, май, замѣтку II, стр. 47.

Причастія прош. врем. дѣйств. залога совсѣмъ или почти совсѣмъ не употребляются. Вмѣсто нихъ употребляются относительныя предложенія съ мѣстоименіями: хто, каторъj, кој и пр.

Причастія наст. врем. страдат. сами по себѣ встрѣчаются рѣдко со значеніемъ отглагольныхъ прилагательныхъ, наприм.: люби́мъj, зна́мъj, де́лă, краса́вицъ такаj нипъвиди́мъй (=неповѣдимая) и пр. Слѣдъ ихъ, быть можетъ, остался въ дѣепричастіяхъ на *ши*.

Причастія прош. врем. страдат. оканчиваются на -нъj (непосредственно послѣ ударенія также, но не постоянно: -ннъj) и -тъj (безчленныя формы: *-н*, *-т*). При этомъ, причастія на *т* — не только отъ тѣхъ основъ, отъ какихъ въ литерат. (на плавныя согласныя и старыя ѧ, ѫ, и, ы, ѣ), но и отъ другихъ основъ на гласную, причемъ отъ послѣднихъ есть и причастія на *н*. Примѣры: а҃т҃юртă, вы҃тьртă, на́ча́т, взят, заня́тъj, измя́т, наду́тъj, надви́нутă, бит, уби́тъj, вы́мът, шы́ты, наде́тъj, гре́тъj и т. п.; сло́ма́тъj, каро́wы загна́ты, пална́ ха́тъ гълубе́j нагна́тă (заг.), се́нъ убра́тъj, пас҃те́л ни убра́та (пѣ.), зна́тъj, ɣо́спъди, кѣбъ зна́тъ та, се́нъ вес҃ ако́пнътă, дата́, ко́лътъj (и ко́лънъj) са́хър, прико́лътă. Отмѣчу здѣсь же прилаг. но́тъj: „ане́ уш татѝи но́тъи“ (т. е. любятъ ныть, жаловаться), по происхожденію, быть можетъ, причастіе страд.; *о* вмѣсто *ы* — изъ формъ настоящ. врем.: но́ю и пр. Причастіе страдат. отъ непереходнаго глагола не должно казаться очень страннымъ. Ср. выше упа́дьн и рязан. околѣтый (Будде, Къ діал.). Ср. у Миши Байкова: „околетлую собаку“. Причастія страд. на *т* распространены во многихъ

русскихъ говорахъ, кажется, больше въ южныхъ, какъ въ великорусскихъ, такъ и въ малор и бѣлор. Ср. угрорусск. загната корова, выбраты, выдаты, оддата и т. п.

Причастія на *н:* дан, у́бра̀н, събрана́, ко́лъна̀, ко́лънъj са́хър (отъ остальныхъ глаголовъ, образующихъ причастія на *т*, причастія на *н* отъ нераспространенной основы мнѣ не попадались); нама́тъна̀, взва́жжьна̀, ку́плина̀ и мн. др. (причастія на *т* отъ этихъ глаголовъ не образуются). Примѣры см. также выше, стр. 19. Оригинально упомянутое выше причастіе упа́дьн. Въ сѣв.-влкр. говорахъ нерѣдки причастія на *н* отъ тѣхъ глаголовъ, отъ которыхъ въ разбираемомъ говорѣ и въ южновеликор. попадаются только причастія на *т* или же на *н* отъ распространенной основы. Ср. взяно—Колосов, Замѣтки 27 и мн. др.

Нѣсколько причастій на *н* образуются отъ распространенной основы: да́дьны, о́ддъдьны, взя́дьны, э́т ищь ни бра́дьна̀. Отъ глагола „взять“ образуется также причастіе на *т*, а отъ „дать“ и „брать“ — на *т* и на *н* отъ нераспространенной основы. Въ причастіи „дадьнъj“ распространенная основа могла быть взята изъ формъ множ. наст. врем., а въ остальныхъ образована по аналогіи съ ней и съ основами такихъ причастій, какъ пряденый, краденый, найденый, упаденъ и т. п.

Дѣепричастія.

Наст. врем. только на *я:* люб я́, хо́д я́, по́хъд я́, и пр., „пад о́мти тапѐр ɣо́спъду м а л я́ з в зе́млю ру́скъю“ (ск.) и пр. Только въ одной пѣ.: „адин ка́шничик ф пичи́ надарва́лса к и п у ч и́“ (причастіе: кипу́чьj). Тамъ же: к р и к у ч а́, вѣроятно, вмѣсто крикучи́ по аналогіи съ крича́ и другими дѣепричастіями на *а*, а крикучи́ само представляло, быть можетъ, новообразованіе вмѣсто кричачи. Въ дер. Надеждинѣ, въ 7 верстахъ отъ Парфёнокъ, гдѣ

говоръ приблизительно тотъ же, одинъ старикъ говорилъ: „ф с т а в а́ ю ч и, л я г а́ ю ч и [1]), за ва́з Бо́гу мо́лим“.

Дѣепричастія на *я* отъ глаголовъ совершеннаго вида употребляются въ значеніи дѣепричастій прошедшаго времени, наприм.: н и нъпа́, ни нъка̀рмля́, ни да̀йдя́, пръижжя́, маленькъ пъгадя́, ни с̀тирпя́, быть можетъ, и падня́ въ загадкѣ: „Литя́д грачи́, падня́ насти́, крича́т чикаты́, чикаты́“ и т. п.

Дѣепричастія прошедш. врем. (т. е. такія, которыя уже по самой формѣ, независимо отъ вида глагола, заключаютъ понятіе прошед. врем.) всегда оканчиваются на *шы*, а дѣепричастій на „въ“, что должно бы звучать—„ф“, нѣтъ. При этомъ слѣдуетъ различать слѣдующіе виды дѣепричастій на *ши:* 1. на *ши* послѣ согласной отъ основъ на согласную; 2. на *фшы* (вши) съ предыдущей гласной — отъ гласныхъ основъ и, по аналогіи съ ними, отъ нѣкоторыхъ согласныхъ основъ; 3. на *мшы* съ предыдущей гласной — отъ тѣхъ и другихъ. Первые два вида дѣеприч. образуются отъ тѣхъ же основъ, отъ которыхъ и причастія прошедш. врем. на *л* (т. е. отъ инфинитивныхъ основъ), а третій, повидимому, — отъ основъ причастій страд. залога. Примѣры:

1. прашо́ч уш три го́дъ, ни дашо́ччи во́рсту, вле́шшы (= влѣзши) и т. п.

2. да́фшы, купи́фшы, заду́мъфшыс, ни је́фшы (или: јемшы вмѣсто ѣдши), с̀е́фшы и др.

3. „ни пајма́мшы, ни во́р, ни падня́мшы, ни бля́т̀“ (погов.); ни пимшы, ни јемшы; пришол разу́мшы, разде́мшы; спилянамшы ни узна́лă (молитва); савра́мшы; дажа́мшы; ката́мшы; „ни дагна́мшы к ручијо́чку... слы́шу, вижу...“; лита́мшы; въсплакну́мшы (пѣ.); с̀пишы́мшы, и др.

жын̀о́мшы; наjд̀о́мшы (пѣ.); пъмало́мшы; пăкуро́мшы (приб.); падајо́мшы (пѣ.); нăцыжо́мшы (пѣ.); нăпајо́мшы

---

[1]) ляга́ючи, вѣроятно, — отъ глагола лѣга́ю, ср. старосл. възлѣгаѫ, прилѣгаѫ, русское: налѣга́ю и проч. У Даля „легать“ — „юж“, примѣровъ не приведено.

(пѣ.); идомшы, жывóмшы, хадомшы, ни прасóмшы, и др. асидлóмшы (пѣ.).

У Миши Байкова: ни догнамши (пѣ.), незарывамши (ск.), вышемши (пѣ.), ниужинамши (ск.). У Анны Акимовой: слимши, растамши смилинкимъ дружечкамъ (2 раза). У Дарьи Арсеневой (Горки): не дапѣмше, не дажимши. У нихъ же попадаются и дѣепричастія на *вши:* простоявши, живши, покончивши — Миша Байковъ; дажившии Анн. Аким.

О дѣепричастіяхъ на *мши* см. Сравнит. Морфол. славянскихъ языковъ Фр. Миклошича, перев. Н. Шлякова подъ ред. Р. Брандта, стр. 372, 455—456 и 825; также у Буслаева, Истор. Грамм. II, 114; у Шахматова въ статьѣ „Русскій языкъ“ въ Энциклоп. Слов. Брокгауза, полут. 55; у Соболевскаго, Лекціи[2], стр. 234 и др. Попробно разсматривается вопросъ о происхожденіи и распространенности этихъ дѣепричастій въ моей статьѣ: „(Южно)великорусскія дѣепричастія на *мчи* и *мши*“ [1]). Тамъ приведены примѣры и изъ другихъ великорусскихъ говоровъ.

Дѣепричастія на *мши* въ говорѣ Парфёнокъ употребляются не только въ дѣйствительномъ, но и страдательномъ значеніи; дѣеприч. на *мши* отъ возвратныхъ глаголовъ никогда не принимаютъ окончаніе *с* или *ся*.

Б. Словообразованіе.

Имена существительныя.

Глагольный видъ корня съ „е“ вмѣсто именного съ „о“ — въ словѣ „вы́быр“, „на вы́быру“ = выборъ, по выбору. Это—новообразованіе подъ вліяніемъ глагола „беру“. Ср. Мещовское, Боровское, Владимирское и Московское „тёкъ“ и „стёкъ“ вмѣсто токъ, стокъ (Черныш. Моск. у. 46), Мещовское и Московское „зарёкъ“ вмѣсто зарокъ (Черныш. Мещовск. 66, Моск. у. 10) и т. п. при

---

[1]) Р. Ф. В. т. 48 (Сборникъ статей, поднесенныхъ Ф. Ѳ. Фортунатову).

„теку“, „зарекусь“. Въ другихъ словахъ обыкновенно коренное „о“ сохраняется: вы́ходъ, вы́носъ, зано́съ, вы́водъ, бродъ, гробъ, по́логъ, про́воды, обро́къ, поно́съ, вы́гонъ, заго́нъ, прого́нъ и пр. Въ нѣкоторыхъ словахъ еще въ общеславянскомъ могло быть „е“, наприм. въ словахъ „по́гребъ“ при „гробъ“, „омётъ“ или „обмётъ“ при „мото́къ“. Ср. еще старослав. „текъ“.

Суффиксы именъ существительныхъ.

ъ — суфф. непроизводныхъ именъ; примѣры: воз, сон, памо́л, спако́j и пр. Нѣкоторыя слова, имѣвшія первоначально суфф. „ь“, склоняются, какъ слова съ суфф. „ъ“, наприм.: мыш — мыша́ и пр.; зве́р — дат. зве́рю, „у го́лубa, у сизо́ва залата́я галава́„ (пѣ.) и: „у го́лубй“ и пр.

ь—суфф. частью непроизводныхъ именъ, частью имёнъ образованныхъ отъ прилагательныхъ и причастій; производныя имена съ суфф. „ь“ обозначаютъ отвлеченныя понятія и, иногда, неодушевленные предметы. Второе значеніе, вѣроятно, позднѣйшее. *Примѣры:* бля̀т (=meretrix; значеніе, вѣроятно, непервоначальное, но извѣстное изъ очень старыхъ памятниковъ русскаго яз.; въ старослав. блядь— отвлеч. понятіе. См. у Срезневск. словарь), га̀р, го́рьч, гру̀т, гря̀с, да̀л, ду̀, яла́̀н (открытое мѣсто около лѣса или въ лѣсу, ср. Потебня, К исторіи звуковъ, IV, 63), жу̀т (жу́ти нагна́л=испугалъ), за́льш (залежь), за́ръ̀с (заросль), зна̀т (собир.=знакомые), и́змъръ̀с, каст̀е́р̀ (—трава), мо́ч, не́къ̀с (некошенное мѣсто), не́мъч, о́бръ̀т (оброть), о́буф, о́зѝм, о́дур̀, пе́рьгул̀ (трава, не скошенная во время и т. п.), по́мѝс, ф про́гълъ̀т, про́сы̀р̀ (что-нибудь „с про́сы̀ju“ = не совсѣмъ спѣлое или не совсѣмъ сухое; слѣдовательно „просы̀р“ — недоспѣлость, отъ прилагат. сырой), ру̀с (свобода, открытое мѣсто), сту́дь̀н, тал̀ (почти = оттепель, отъ прилаг. талый), тва̀р̀, те́м̀, у́жа̀с (множ. у́жъ̀сти — страхъ), у́дъ̀л (удаль) и мн. др. Но: гры́жа̀ (ср. ю.-влкр. грызь); также обыкновенно: „абу́жа̀“ или „абу́ва̀“ вмѣсто обувь, „за́нъвис“ муж. р. при „зънаве́ска“.

а: пандра́вă („ямý ни ф пандра́ву“), гры́жа, абýжă, вряда́ и пр.

ея́: вържыя́ (=ворожея), кълия́, тълчия́, вирия́ (только въ пѣ.). Уменьш.: въражéйкă... Суфф. „ея́“ очень рѣдокъ. Миклошичъ неправильно относитъ большую часть словъ съ этимъ суфф. къ словамъ съ суфф. ija (стр. 69—72), хотя ниже въ сербскихъ (только?) названіяхъ лихорадокъ видитъ все-таки суфф. eja (стр. 84).

ия: башйа́, мълашнйа́, свишнйа́, сва́штйă, пъпашйа́, спърышнйа́ и др. Между прочимъ, этотъ суфф. употребляется для образованія именъ лицъ женскаго пола, отъ существительныхъ, обозначающихъ лица мужеск. пола, напр. отъ существ. на -ун: балтýшнйă, хвастýшнйа и пр. Уменьш. на -ejка: бадéйкă и др.; вѣроятно, тотъ же суфф. въ шубéйкă („плису на шубéйку, атласу на шупку“. пѣ.), куцавéйка. По Беличу, суфф. ейка — только въ русск. языкѣ.

ајка: лазајкă.

ие (jo): сышйó, кашйó (= ивнякъ и корьё), тришйó, врашнйó (собир.: вóроны)... Сложныя съ предлогами съ этимъ суффиксомъ обыкновенно обозначаютъ мѣсто, опредѣляемое сочетаніемъ предлога съ именемъ: залéшсйь, загýвишнйь, зарéчйь, пъдбирéшзйь; но съ тѣмъ же значеніемъ употребляются и образованія безъ этого суфф.: пътнишрóт (-дă; мѣсто на лавкѣ подъ образами), пóтпъл (мѣсто подъ поломъ, куда складываютъ провизію) и патпóлйь въ загадкѣ: „(ф) пóтпъли патпóлйи лижáт пирагú с маркóвjу“; задвърки (мѣсто за дворами), пъччишрóвък (= подчеревокъ — matrix) и пр.

ак и *як;* суфф. первоначально, кажется, отыменный: сидáк (и: сядóк), хадáк, риндáк (или: риндáтиш), рыбáк, дурáк, гусáк, русáк, судáк...; вирстáк, кулáк, пятáк, чурáк...; бидняк, земляк, сваяк, паляк, чужáк, пустяк, чишвяк и др. Ср. у Шахмат. Мосаль. 191 и Отч. о Ломон. прем. 38 и у меня выше, стр. 116. Всѣ слова съ этимъ суфф. въ косвенныхъ падежахъ имѣютъ ударéніе на концѣ. Нѣкоторыя изъ словъ съ этимъ суфф. встрѣчаются

въ русскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ также съ суфф. о́к (род.: -ока́), наприм. литерат. (и сѣв.-влкр.?) „сѣдо́къ“ (ср. у Колосова, Замѣтки: сѣдока — новгор.), „ходо́къ“ (ср. жиздрин. „ходя́къ“); казан. и сѣв.-влкр. „судо́къ“ (то-же въ грамотахъ XV в.; см. Шахмат. Отч. о Ломон. пр. стр. 38). Ср. у Черныш. Моск. у. „прайда́къ“ (= пройдоха, стр. 6). Въ хада́к и „сѣдак“ (кромѣ Парф. также Мещов. и др.). вѣроятно- суфф. „ак“ явился вмѣсто болѣе стараго „ок“ по аналогіи съ другими словами.

о́к; въ остальныхъ падежахъ удареніе на окончаніи; примѣры: с я д о́ к, и г р о́ к, я з д о́ к. Въ литерат. яз. кромѣ этихъ словъ употребляются съ тѣмъ же суфф. слова: ѣдо́къ, ходо́къ; въ сѣв.-влкр.: судо́къ (= литер. суда́къ); ср. также поль. widok. Кажется, всѣ эти имена — отглагольныя.

а́ка и *я́ка*. По Миклошичу это — „Suffix, der die durch das Thema bezeichnete Handlung energisch oder oft oder in vorzüglichen Grade ausführt“. Примѣры: гуля́кă, зъбия́кă, писа́кă, ръскаря́кă и т. п. не вполнѣ соотвѣтствуютъ Миклошичеву опредѣленію. Скорѣе этотъ суфф. вноситъ ухужшительное значеніе (deteriorativbezeichnung нѣмецкихъ или „уничижительное значеніе“ русскихъ грамматикъ). То-же значеніе этотъ суфф. имѣетъ и въ малорусскомъ.

ня́к: трисня́к или трасня́к, -ника́ или -няка́; ивня́к, дубня́к и пр. Обыкновенно вмѣсто этого суфф. является суфф. ня́г, наприм. алшня́к, -га́ и др. См. ниже.

ик — ласк.-уменьш. суфф. Примѣры: гла́зик, гро́бик, дво́рик, до́мик, кане́чик, карма́шык, ло́мтик и ламо́тик, мо́стик, мы́шык, но́сик, пёсик, пру́тик, ро́тик, са́дик, ако́лик, сухарик, цвѣтик, хлю́пик, чи́жык; агуре́чик и мн. друг. Въ такихъ словахъ, какъ карма́шык суфф. -ик замѣнилъ болѣе старый -ек (изъ -ьк). Что теперь въ этихъ словахъ именно суфф. -ик, а не -ьк, видно изъ такихъ примѣровъ: „у них ниднаwо́ там мы́шыкă не́ту“, „пъ кане́чйку“, „ис карма́шыкă аре́шки“... Отъ многихъ изъ

словъ, имѣющихъ уменьшит. съ суфф. „-ик“, употребляются также уменьш. съ суфф. „-ъкъ“ и „ькъ“, наприм. глазо́къ, дамо́къ, ис карма́шкă, масто́къ, мышкă (жен. р.), насо́къ, съкало́къ, тво́ро́къ. Суфф. „-ик“ съ уменьшит. значеніемъ сохранился преимущественно въ западно-славян. языкахъ, а въ южныхъ въ этомъ значеніи почти неизвѣстенъ.

ник — отыменный суфф.; по происхожденію онъ разлагается на „-ьн“ — суфф. отыменныхъ прилагательныхъ + „-ик“ — суфф. существительныхъ, но безъ уменьшит. значенія. Суфф. „-ник“ употребляется въ различныхъ значеніяхъ: а) для образованія именъ лицъ, имѣющихъ отношеніе къ предмету: дво́рник, ма́итник (ма́ятникъ — тотъ, кто мается, наприм. очень хвораетъ или принужденъ много работать и т. п.: „набо́з ду́мът: wot ма́итник“), пло́тник, рабо́тник, я́бидник, у́мник и пр.; б) для образованія названій предметовъ, находящихся въ извѣстномъ отношеніи къ предметамъ, обозначеннымъ основой, къ которой присоединяется суффиксъ, наприм. названій вмѣстилищъ извѣстныхъ предметовъ, названій ягодныхъ растепій и пр. Примѣры: га́чишник, ка́сни́к (ленточка, которой перевязываютъ косу), приса́дник, рушни́к (полотенце), чи́слини́к (=календарь), афша́нник, павојник, по́лдник (ѣда около 5 час. вечера), баля́́сник, си́лник; каро́вник, свиня́тник; куста́́ник, бру́снишник, зимлини́шник, чирни́шник, мидуни́шник, бабо́вник; аре́шник, бире́зник, аси́ннник, три́сни́к (= тростникъ) и пр. в) для образованія отвлеченныхъ понятій: дъмавни́к (вечеринка, которую дѣвка устраиваетъ у себя въ отсутствіе родителей), пра́зник и пр.

ико: ли́чикă, кале́чикă; пле́чики...

ика: чичиви́кă, чимири́кă, но пъи́сни́цă. Названія ягодъ, имѣющія въ литер. и южно-великор. суфф. „ика“, въ говорѣ Парфёнокъ имѣютъ сѣв.-великор. суфф. -ига, см. ниже. Слово „чечевика“ съ тѣмъ же суфф. извѣстно и въ ю.-влкр., ср. медын. чучуви́кă. Вмѣсто суфф. „ика“ употребляется съ тѣмъ же значеніемъ и суфф. „ица“ (см. ниже), ср. литерат. чечевица, поясница. Обо всѣхъ

этихъ суфф. см. у Будде, Къ исторіи, стр. 185 и Тул.-Кал. 881 и у Шахмат. Отч. о прис. Ломон. прем., стр. 34—35.

ук и *юк* — уменьшит.; очень рѣдко; только б а р ч у́ к и б а р с у́ к (послѣднее неуменьшит.). Въ Калужской губ. „барчу́к“ — обычно и, кромѣ того, употребляется слово „прасу́к“ = поросёнокъ“. Очень употребительны суфф. „ук“ и „юк“ въ малор., часто, какъ суфф. nomінит patronym. Изъ другихъ славянскихъ языковъ у Белича указаны примѣры съ этими суфф. только въ польскомъ и чешскомъ (§ 41, 42).

ука и *юка:* ꙗ̀злю́кă. Змѣя гадюка подъ Волоколамскомъ называется „ме́дницă. Суфф. -ука и -юка часты въ малорусскомъ.

ъкъ; суфф. уменьшит.; примѣры: гърадо́к, гадо́к, дамо́к, глазо́к (между проч. — ласкат. обращеніе къ человѣкр), витяро́к (вмѣсто: вѣтро́къ), къзило́к (въ свадебной пѣснѣ: „маiwо́ казилка́ думаро́ꙗссинава“), рато́к (колыб. пѣ.), цылаwо́к (поцѣлуй), кусо́к, пало́к, пято́к, хлябо́к и мн. др.

ѣкъ; уменьшит.: бычо́к, дружо́к, ку꙳то́к, пъриꙗно́к, ца꙳бо́к, аре́шык и мн. др.

ъка; уменьш.: кры́нкă, кашо́лкă, го́ркă, де́фкă и мн. др.; собств. имена: Ве́ркă, Мико́лкă, Фяко́лкă и др.

ѣка; уменьшит.: зиме́ꙗлкă, нидеꙗлкă, по́ꙗлкă (стричься подъ польку); Ва́ꙗскă, Ва́ꙗнкă, Пе́꙳ткă, Мико́ꙗлкă, Гри́ꙗнкă и мн. др.; тотъ же суфф. въ ш е й к ă, т р о́ й к ă, но есть и т р о́ д ц ă, напр. группа въ три бабки при игрѣ въ бабки.

ъчъкъ и *ѣчъкъ* — уменьшит. Въ этомъ суфф. первое *ъ* и *ѣ* всегда является въ видѣ „*о*“ и „*е*“, причемъ въ имен. пад. эти гласныя явились по аналогіи съ другими падежами. Суфф. „ъчъкъ“ и „ѣчъкъ“ — сложные = ъкъ + ъкъ и ьк + ъкъ и приставляются только къ тѣмъ словамъ, отъ которыхъ есть уменьшит. съ простыми суфф. „ъкъ“ и „ѣкъ“ (не „ѣцъ“!). Уменьшительныя съ суфф. „ѣчъкъ“ образуются только отъ именъ съ основою на заднепебную или плавную. О произношеніи суфф. -ѣчъкъ см. выше, стр. 17.

Примѣры. 1. бантóчик, гвоздóчик, гадóчик, гърадóчик, листóчик, твятóчик, насóчик, кусóчик, въратóчик, хлябóчик и пр.; 2. гаршéчик, дружéчик, калéчик, кулéчик, мишéчик, пучéчки, кѣришóчик, цар̀óчик и пр.

ъчько и *ьчько* — уменьш.; эти суфф. тоже сложные = ък + ько и ьк + ько, и при нихъ по большей части есть уменьшит. съ простымъ суфф. „ъко“, „ько“ или „ьце“. Примѣры: 1. вид̀óръчкă...; 2. врéмьчкă, лéтичкă, лукóжьчка, мис̀тéчкă, слóвичкă и славéчкă, калéчкă и калéчик и пр.

ъчька и *ьчька* — уменьшит., = ък + ка и ьк + ька; при нихъ есть уменьшит. съ простымъ суфф. „ъка“ или „ька“: 1. вóдъчкă, гóръчкă, дéвъчкă и дявóчкă, пóлъчкă, игóлъчкă, дóстъчкă (только въ пѣ.; въ ю.-влкр. обычно разговорное: дастóчка) и пр. 2. дащéчкă, дýшьчкă, милáшьчкă, трóичкă.

ъчик — уменьш. = ък + ик. При словахъ съ этимъ суфф. есть уменьш. съ простымъ суфф. „ьц“. Уменьшительныя съ суфф. „ьчик“ образуются отъ тѣхъ словъ, отъ которыхъ не образуются уменьш. съ суфф. „ьчьк“ (см. выше). При этомъ „ь“ въ суфф. „ьчик“ фонетически выпадалъ еще въ общерусскомъ, но можетъ возстановляться въ видѣ „е“ по аналогіи съ формой именит. над. един. соотвѣтствующихъ уменьш. съ простымъ суфф. „-ьц“. Примѣры: галýпчик, купчик, малóччик, мал̀чик, кóпчик, пал̀чик; канéчик (наприм. въ канéчьку), агурéчик (род.: агурéчикă). Быть можетъ, въ послѣднихъ двухъ „е“ явилось не только подъ вліяніемъ имен. над. канéц, агурéц, но и по аналогіи съ уменьш. на „ьчьк“.

Уменьшит. съ суфф. „-ьк“ могутъ образовываться ся и отъ словъ съ другими суффиксами.

ичька, уменьш.: вадúчкă (уменьш. отъ вадица) и пр.

ица. Этотъ суфф. по происхожденію тотъ же, что „ика“ (см. выше). Значенія его различны: а) уменьшит.: вадúцă, падлáвицă, ýлицă; въ послѣднемъ словѣ уменьш. значеніе утратилось; б) этотъ суфф. употребляется для образованія именъ лицъ женскаго пола отъ именъ суще-

ствительныхъ и, частью, прилагательныхъ: дѐвицѫ, мидвѐдицѫ, мъладúцѫ, царúца; в) слова съ этимъ суфф., образованныя отъ прилагательныхъ, обозначаютъ людей обоихъ половъ, но преимущественно женскаго, обладающихъ признакомъ, обозначеннымъ основой прилагательнаго: красáвицѫ (отъ прилаг. красавый; въ русскомъ яз. это прилагательное не употребляется, ср. сербск. красави, красава), любúмицѫ, пjáницѫ, прикрасáвицѫ, ýмницѫ и др., ср. въ приб.: „У Вáси фáбрика свáя; фáбрика да кузьница, — какój Васóнка ýмница“ и: „Я за пjáнава папала; напляваѣ што пjáница, на лицо красáвица“; въ сказкѣ: „был прúниц, прикрасáвицѫ“. Въ большинствѣ случаевъ слова съ этимъ суфф. обозначаютъ только лицъ женскаго пола, а для лицъ муж. пола употребляются отъ тѣхъ же основъ прилагат. имена съ суфф. „ьц“ и „ик“: красáвиц, мирзáвиц, мóлъдиц и мъладéц; учúник, ýмник и пр.; мъладúцѫ, учúницѫ и пр. — названія лицъ только женскаго пола. г) этимъ суфф. можетъ обозначаться единичный предметъ или одна изъ составныхъ частей цѣлаго: пълавúцѫ (доска въ полу), пълазьнúцѫ (одинъ изъ полозьевъ у саней), тиснúцѫ; суфф. „ица здѣсь присоединенъ къ основѣ отыменныхъ прилагательныхъ. д) съ суфф. „ица“ образуются въ нѣкоторыхъ сѣв.-влкр. говорахъ названія ягодныхъ и нѣкоторыхъ другихъ растеній (см. выше о суфф. „ика“); въ парфёнковскомъ говорѣ въ этихъ случаяхъ — суфф. „ига“ (тоже сѣверный) или „ика“ (южный), а „ица“ — только въ „пjáницѫ“ (= пьяника, голубика, гонобобель).

ница; по происхожденію и значенію — въ близкомъ родствѣ съ суфф. „ник“; разлагается на „ьн“ — суфф. отыменныхъ прилагательныхъ + „ица“ съ неуменьш. значеніемъ; образуетъ: а) названія лицъ преимущественно женскаго пола, имѣющихъ отношеніе къ предмету, обозначенному основой, къ которой присоединенъ суфф.: пjáницѫ, умницѫ (см. выше), учúницѫ (=ученица, но въ Мазиловѣ и: учительница), учúтьницѫ, рабóтницѫ и пр.; между прочимъ, на „-ница“ образуется женскій родъ

отъ всѣхъ именъ на „тель“: ради́тиѣ́ницѫ̆, ръ̀ззари́тиѣ́ницѫ̆, пъ̀губи́тиѣ́лницѫ̆ и др.; б) названія предметовъ, находящихся въ извѣстномъ отношеніи къ предметамъ, обозначеннымъ основой: брусѣни́цѫ̆ (ящикъ для бруска, которымъ точатъ косы), жы́тницѫ̆ (амбаръ; помѣщеніе для хлѣба), мити́йницѫ̆ (помѣщеніе для мякины), су́дницѫ̆ (лавка, на которую ставятъ посуду, въ чуланѣ, около печки), и др.; в) отвлеченныя понятія: навóзницѫ̆ (время, когда возятъ навозъ), тимни́цѫ̆ — не только въ значеніи темнаго помѣщенія для преступниковъ, но и въ значеніи „темнота“ въ одной сказкѣ, записанной мною отъ старухи: „Jéхъли туд два бра́тѫ̆..., jéхъли дно́м и здéлълъс тóмнъ, ни видаѣ́ слéду. Ане крича́д другъ дру́шку: бра́тьц ро́днъj, што́ дъ̀ тако́j случи́лъс?... што тако́j: тóмнъj тимни́цъ, ни вида́ѣ́ слéду?“

ищe — уменьш.: ма́слицѫ̆, здорóвjицѫ̆, пла́тицѫ̆ и др.

ыц: аристáниц (род. -áнцѫ̆; арестантъ), красáвиц, мирзáвиц, мóлъдиц и мъладéц (род. мóлъ̄ца и мълаца́), канéц, купéц, агурéц и мн. др. Тотъ же суфф. — въ словахъ: зáиц, род. зájцѫ̆, и калóдиц, род. калóццѫ̆. Въ этихъ двухъ словахъ суфф. „ьц“ явился сравнительно поздно вмѣсто старыхъ „яц“ и „язь“ по аналогіи съ другими словами на „ец“. Отъ слова „калóдиц“ прилагат. — „калóдьшнъj“. Старое „колодязь“ сохранилось въ различныхъ русскихъ говорахъ, между прочимъ въ Туль. (см. Будде, Туль., стр. 1292, 1300 и 1325), Калуж. (по моимъ наблюденіямъ въ Калуж. и Медын. уу.), гдѣ оно звучитъ, какъ „калóдиѣ́“ (и -дяѣ́), род. „калóдйзя“. Ср. ст.-слав. кладязь. У Срезневск. въ Матер. для словаря — только: кладязь и колодязь.

ыце — уменьшит.: вирити́нцъ, зéрѣ́тиѣ́лцѫ̆, винцó, кары́ццѫ̆, мисцó (мясцо), пифцó, писѣ́мицó, мы́ѣ́лцѫ̆, силцó и мн. др. Беличъ сюда же относитъ слова: здоровьеце и платьеце (парф.: здаровjицѫ̆, пла́тицѫ̆), въ которыхъ, можетъ быть, суфф. — не „ьце“, а „ице“ (см. выше).

ыца. Этотъ суфф. — въ словѣ „троjцѫ̆ (о бабкахъ: группа въ три бабки). См. выше, суфф. „ька“.

г (?): чурга́шкъ̀ (чурка, короткій обрубокъ толстой палки), наприм. „телѧ̀ мо́ртвая валя́лса, как чурга́шка на земле́“ (пѣ. про Ходынку) или: „иш ты, чурга́шъчкъмѝ гра́ит“, ср. чу́ркъ̀, чура́к и пр.

яг: бучя́к, род. бучага́ (глубокое мѣсто въ рѣчкѣ; небольшое вмѣстилище воды въ оврагѣ, низинѣ и т. п.).

няг: дубня́к, ивня́к, а̀лшня́к, род. дубнягу́, а̀лшняг у́; мѣ.: в ъ̀лшниге́ и пр. Этотъ суфф. — въ близкомъ родствѣ съ суфф. „няк“, ср. трисня́к, -ку и др. Повидимому, суфф. „няг“, какъ и суфф. „ига“ вмѣсто „ика“— сѣверновлкр., ср. „ельнягомъ“ — Вологод. Кадник. См. также выше, стр. 75.

ага и *яга:* диля́гъ̀ (кажется: мѣлочной человѣкъ. У Даля и Булича въ Изв. II Отд. кн. 1 наоборотъ: дѣловой человѣкъ), сѝмя́гъ̀, вата́гъ̀, кула́гъ̀ (кушанье), бидня́гъ̀, брада́гъ̀, хъласта́гъ̀ (холостой человѣкъ, съ унизительнымъ оттѣнкомъ) и др. Суфф. „яга“ вноситъ унизительный оттѣнокъ значенія и стоитъ въ родствѣ по значенію съ суфф. „ака“ и „яка“. См. также уменьш. на „ашка“ и „яшка“.

яг-ус: лѝнтягу́с = лѣнтяй.

ига и *нига.* Съ этимъ суфф. образуются названія ягодъ: брусни́гъ̀, зимлини́га, жижеви́гъ̀, клубни́гъ̀, къстини́гъ̀, чирни́гъ̀, но: пя́ницъ̀ (см. выше, суфф. ика и ица). Суфф. „ига“, кажется, болѣе свойственъ сѣв.-влкр. и, частью, средне-влкр. говорамъ. Ср. сѣв.-влкр. Муром. (Колосов, Зам. 299 и Обзор 173), Том. (Колосов, Обзор, 173), Владим. (Покров. и Киржач. у.—Черныш., Моск. у. 9, 13), Моск. у. (ibid.) и др. Въ другихъ сѣв.-влкр. въ этихъ словахъ—суфф. „ица“ (наприм. Яросл. Пошехон.), иногда въ чередованіи съ „ика“ (напр. Новгор., Устюж., матер. 28). Въ ю.-влкр. въ этихъ словахъ обыкновенно „ика“ (см. выше этотъ суфф.). Ср. чередованіе по говорамъ суфф. „няк“ и „няг“ въ названіяхъ кустарниковъ или группъ деревьевъ.

Тотъ же суфф. „ига“ — въ кули́га, уменьш.: кули́шка — небольшой уголъ земли подъ покосомъ, лужайка

(ср. у Черныш., Моск. у., въ словарѣ, гдѣ „кули́га“ показано съ другимъ значеніемъ — „бочагъ“).

ыга. См. ѣшка.

уга и *юга:* вjу́гъ, дирю́гъ. См. также „ушка“ и „юшка“.

ыга: маты́гъ, зъбулды́гъ. См также „ышка“.

аха и *яха*“ — суфф. собств. именъ: Ната́хъ, Пара́хъ; Дуня́хъ, Груша́хъ; Дамахъ (= Домна).

уха и *юха:* а) суфф. собств. именъ: Васю́хъ, Ваню́хъ, Гришу́хъ, Матю́хъ (Матвѣй), Пашу́хъ (муж. имя), Машу́хъ, Марфу́хъ, Настюхъ, Пятру́хъ, Палю́хъ (= Пелагея), Сашу́хъ, Сяму́хъ (Семёнъ), Филю́хъ, Химу́хъ и др.; б) нариц. именъ женскаго пола: мъладу́хъ, стару́ха, талсту́хъ; в) неличныхъ именъ: гуду́хъ, гъладу́хъ, сяму́хъ, асму́хъ, свину́хъ (грибъ), слипу́хъ (сырыя ягоды, пустоцвѣтъ, мужскія особи растеній), чиро́муха (вмѣсто: черемъха), „гарю́хи на́шъму Андрю́хи“ (поговорка) и пр. См. также суфф. „ушка“. Значеніе суфф. „уха“ не уменьшит., какъ думаетъ Беличъ, а скорѣе увеличительное, хотя послѣднее могло развиться потому, что при словахъ на „уха“ часты уменьшит. на „ушка“, въ которыхъ уменьшительное значеніе очень ослабло. Суффиксъ „уха“—изъ общеслав. „ūcha“, ср. поль. „usia“.

иха. Этотъ суфф. образуетъ а) имена лицъ и животныхъ женскаго пола: бъгачи́хъ, къралихъ, либиди́хъ, валчи́хъ, jистриби́хъ, зajчи́хъ, партни́хъ, купчи́хъ и пр.; въ одной свадебной фаллической пѣснѣ припѣвъ: „чумачи́ха, чумачи́ха, чумада́ниха мая́“ и т. д.; очень часто этотъ суфф. — при фамиліяхъ: Бу́рчихъ (Бурцева), Вракулихъ, Димидихъ, Каря́жыхъ (Карягина), Чучилихъ, Силичи́хъ (Селичова), Фи́шырихъ (m-me Фишеръ) и проч.; б) бали́ха или ъбали́хъ (ржаной кисель).

еха — суфф. собств. именъ, а также названій лицъ и предметовъ; значеніе, приблизительно, то-же, что суфф. „уха“: а) Матро́хъ, Надо́ха; б) но́хъ, нискладо́хъ, тито́хъ, дуро́хъ, ма́чьхъ; в) липо́ха. См. также суфф. ешка.

ша (ьша и ъша); этотъ суфф. образуетъ имена лицъ женскаго пола отъ именъ лицъ мужескаго пола, причемъ по большей части имена на „ша“ обозначаютъ женъ соотвѣтствующихъ лицъ мужескаго пола; впрочемъ, это значеніе не такъ послѣдовательно, какъ въ литературномъ: до́хтърша̀ (жена доктора или женщина-врачъ), дя́кънша̀ (жена дьякона), игу́минша̀ (— игуменья), учи́тъля̀ша̀ (жена учителя или учительница) и др.

яш: кудря́ш (кудрявый), кругля́ш (мѣлкія круглыя дрова).

аш: тарга́ш.

Въ косв. падд. имена съ суфф. „аш“ и „яш“ имѣютъ ударе́ніе на концѣ.

ош: пу́стъш, множ.: пуста́ша; ве́тъш — женск. рода; ю́нъш или вя́ю́нъш (юноша) муж. р.: „он ф сад гуля́т ушо́л са вя́ю́нъшъм“; „wот и вя́ю́нъш тъ нъради́лсъ“ (ск., запис. отъ старухи).

ыш (всѣ слова на ыш — муж. рода): глупы́ш, крипы́ш, дитѐ́нуш, ку́киш, къраты́ш (короткій предметъ; бревно, не достигающее надлежащей длины), мя́киш, галы́ш (голый), наядо́нуш, wы́ягра̀ш, камы́ш, патки́душ, прийо́муш, пу́плыш, пупы́руш, сяро́дыш (середняя часть), малы́ш, чалы́ш, чи́руш; „прийе́хъли нашы ку́пчики сафсе́м и нагишо́м“ (пѣ.) и пр. Въ большинствѣ случаевъ суфф. „ыш“ вноситъ понятіе объ очень небольшомъ размѣрѣ лица или предмета, обозначеннаго именемъ съ этимъ суффиксомъ. Кромѣ русскаго языка, суфф. „ыш“ извѣстенъ, кажется, только въ поль., наприм. gołysz и др. О произношеніи именъ съ суф. „ыш“ см. выше, стр. 38—39 и 125. См. также суфф. „ышък“, „ушък“, „ышка“ и „ушка“.

ишък — уменьшит. отъ словъ на „н“: бара́шык, род. -шка̀, грибишо́к (род. -шка́), ка́мушык, къришо́к (уменьш. отъ „ко́рень“), къчишо́к (отъ „кочанъ“), куришо́к (отъ „куре́нь“ — группа деревьевъ среди полянки или въ сторонѣ отъ остального лѣса), карма́шык (род. пе только: „карма́шка̀“, но и „карма́шыка̀“, ср. аре́шки и аре́шыки

и проч.). О произношеніи слова „камушык“ см. выше, стр. 38—39. По мнѣнію Белича, въ камышькъ суфф. -шькъ замѣнилъ болѣе старый -чькъ, но мнѣ кажется, что могъ быть и старый суфф. -шькъ, приставлявшійся прямо къ основѣ: камы-шькъ.

шъко и *шъка:* търаки́шкă и пр.; другія уменьш. на „шка“, быть можетъ, произведены отъ именъ съ суфф. „-х-“, наприм. капо́шка (изъ копна или копёха?), рибито́шки (ср. рибито́нки), чурга́шкă (изъ чурга́ха?) и пр.

ашъка, яшъка и *ажъка, яжъка*— уменьш. Эти суфф. не всегда можно различить, потому что при словахъ съ этими суфф. не всегда сохранились ихъ основныя формы на -аш, аха, ага. То-же слѣдуетъ сказать и ниже о суфф. ишка, ёшка, ушка, ышка, ѣшка. Примѣры: Ната́шка, Пара́шка, Микала́шка (уменьш. отъ Натахă, Парахă, *Микала́хă, а не отъ ласкат. на -ша), Дуня́шка, зъмара́шка, къла6а́шкă, чурга́шкă, дваня́шкă, траня́шкă, дура́шкă; мила́шкă (ж. р. отъ мила́ш?); бидня́шка (уменьш. отъ бѣдняга), кула́шкă (отъ кулагă), сатня́шкă (отъ сатня́га), пуня́шкă (чуланчикъ; отъ „пуняга“?) и пр.

ишъко, ишъка и *ижъка:* дами́шкă, бъради́шкă, брати́шкă, малчишкă, труси́шкă, кули́шкă (отъ кулига), рибити́шки и пр.

ешъка и *ешъко:* капо́шкă, рибито́шки; Матро́шкă, но Надѣ́шкă или Надю́шкă.

ушък: сало́вушык или сало́вјушык; слово варо́бушык, вѣроятно, — изъ воробышекъ, а послѣднее — уменьш. отъ воро́бышъ — воробьиный дѣтёнышъ.

ушъка, юшъка: Пятру́шкă, Палю́шкă, Ваню́шкă, Со́мушкă (уменьш. отъ именъ на „уха“, а не отъ ласкат. на -уша), Кабу́шка (жен. прозвище), мало́душка (ср. мъладу́хă), ма́тушка (ср. млр. матухна), жо́нушкă, вдо́вушкă, зя́тюшкă (собств.: зятюшко), де́душкă, га́лубушкă, хле́бушкă, кладу́шкă, избу́шкă, ватру́шкă, балту́шкă, васму́шкă (ср. асму́хă), ратушкă (то, что можно положить въ ротъ за одинъ пріемъ), касу́шкă, свину́шкă, валну́шкă (ср. свину́хă, валну́хă), лягу́шкă (ср. южное „люга́шка“),

сирдéчушкă, сирóтушкă (только въ пѣ.: „мижду вдовушык сирóтушык“), сиратúнушка, рибúнушкă и мн. друг. О произношеніи см. выше, стр. 38—93. Въ большинствѣ случаевъ формы на -ухă и т. п., отъ которыхъ производились первоначально уменьш. на -ушька, утрачены. Позднѣе уменьш. на -ушька стали образовываться прямо безъ посредствующихъ формъ на -уха и т. п.

южька: пjинчýшкă, дирюшкă. Благодаря употребительности уменьш. на ушка явилось „у“ въ „дéнюшки“ при дéньшки. См. выше, стр. 40.

ъшьк: чúрушык, пупырушлк, къртышóк, пýплушык, нóнушык, варóбушык. О произношеніи „у“ вмѣсто „ы“ см. выше, стр. 38—39. Слова съ суфф. -ышык всѣ — уменьшит. отъ именъ на „-ыш“.

ъшько, ъшька и *ъжька:* рóбрушкă, нóрушкă, дóнушкă (если только здѣсь не старое ушько); мя́кушка (уменьшит. отъ „мякишъ“ съ измѣненіемъ рода), малúшкă (ж. р. отъ малúш); нъ шърамúшку (отъ „шарамыга“), зъмухрúшкă (отъ „замухрыга“?), ладúшкă (отъ „ладыга“, ср. фамилію Ладыженскій), маклúшкă (отъ „маклыга“?).

жька: суравéшкă (отъ суровѣга? ср. малор. суровика).

ежь — суфф. собират. именъ женск. рода, обозначающихъ лицъ, обладающихъ свойствомъ, выраженнымъ основой прилагательныхъ, къ которой присоединяется этотъ суфф.: мъладóш, хълáстош.

ежь — суфф. отвлеченныхъ именъ муж. рода, образованныхъ отъ глаголовъ: гравóш, падóш, мне ни фтинóш, дилóш и пр., ср. валóжник отъ *валёжь.

ище — отыменный суфф., образуетъ: а) имена увеличительныя: дамúщă, чаще: дамúнă; ручúщă, чýдищă, къбылúщă и пр.; слово дéтищă (ск.), можетъ быть, заимствовано (старослав. дѣтищь); б) имена предметовъ, связанныхъ по мѣсту съ предметами или дѣйствіями, обозначенными основой, къ которой присоединяется суфф., а именно: 1) названія мѣста, на которомъ происходитъ извѣстное дѣйствіе или находятся извѣстные предметы: пáзбищă (отъ *„пасьба“; мѣсто, гдѣ пасутъ скотъ), гýлбищă

(мѣсто, гдѣ происходитъ гулянье — „гульба“), пълдниви́щѫ (мѣсто, гдѣ отдыхаетъ скотъ въ полдень, въ лѣсу), ѫржыни́щѫ (мѣсто, гдѣ росла рожь), жниви́щѫ (мѣсто, на которомъ жнутъ или съ котораго сжали хлѣбъ; отъ „жниво́“), пажа́рищѫ (погорѣлое мѣсто) и пр. 2) названіе части предмета, за которую держатъ предметъ, обозначенный основой, къ которой присоединяется суфф.: граби́лищѫ (длинная палка у грабель), тъпари́щѫ (ручка топора = калуж. руканя́ть), кнутави́щѫ (суфф. -ов-ище; палка у кнута), уди́лищѫ (прутъ, къ которому привязываютъ удочку), но: каѥ́ю́ (деревяная палка у косы).

ищь — суфф. именъ муж. рода; только: тава́рищ или тава́риш.

щик — суфф. именъ муж. рода. О произношеніи см. выше, стр. 85. Примѣры: мълате́ѧшык, плате́ѧшык, луди́ѧщик, краси́ѧщик, пи́ѧшык, ните́ѧшык (= метельщикъ), къните́ѧшык, паѯо́ѧщик, ѯимшы́к, изме́ѧшык (= измѣнникъ), ру́пщик или ру́пшык (=рубщикъ) и др. Съ ними нельзя смѣшивать именъ, гдѣ „щик“—изъ „счик“ и т. п.: прика́щик, во́щик и т. п.

ич — суфф. исключительно nominum patronymic. и притомъ почти только отъ собствен. именъ; несобствен. только: царе́вич, кърале́вич и каро́ливич (пѣ.) и, рѣдко, папо́вич. Въ старорусскомъ и, частью, въ нынѣшнихъ говорахъ кое гдѣ, этотъ суфф. употребительнѣе. Такъ, въ старорусскомъ суфф. „ич“ носили названія родни: дядичъ, отчичъ, братаничъ, сестричъ и сестричичъ, прилаг. дѣдичъ, и названія народовъ: русичи, вятичи, дреговичи, радимичи и пр.

т — вставное, по аналогіи: плант, крант, „изъ леворвѣрта“ (М. Б.); Аѯсе́ѧтьѯ; зънаве́стъчкѫ, ръзнаве́стъчки, пъднаве́стъчки; до́стъчкѫ (только въ пѣ.), но: даѯо́к или до́сък и, обыкновенно: даще́чкѫ. См. выше, стр. 102.

от — гро́хът (рѣшето, черезъ которое просѣваютъ землю).

ота — первоначально суфф. именъ, обозначавшихъ отвлеченныя понятія; теперь въ Парфёнкахъ значеніе это-

го суфф. то же, что въ литерат., бидната́, высата́, лъмата́, мъгута́ („у“ изъ „о“?), па́хътъ, кръсната́, забо́тъ, рабо́та, тимната́, сухата́ и мн. друг. О словѣ мъгута́ см. выше, стр. 30. Можетъ быть, въ этомъ словѣ — суфф. „ута“. Объ удареніяхъ въ словахъ съ суфф. „ота“ см. выше, стр. 112 и у акад. Корша „О русск. нар. стихослож.“, 112—114.

отъ: хабо́т — ж. р. (количество сѣна, соломы, мякины и пр., какое укладывается въ крошню. Отъ этого слого слова — производный глаголъ: охаба́чивать. Корень — тотъ же, что въ хоботъ и охабка), щипо́ткă (отъ щепоть).

этъ: но́гът, ко́гът, ло́кът, ла́пти, ко́път, ламо́т и пр.; лахмо́тји.

ута? мъгута́; ни в мъгуту́ и пр., ср. сѣв.-великор. прилаг. могутной. Отъ именъ лицъ съ суфф. „-ута“ сохранились только уменьшит.:

утка и *ютка:* Васю́ткă (только женск. имя), Мишу́ткă, Гришу́ткă, Машу́ткă, Марфу́ткă; малю́ткă и, можетъ быть, красутка, „разъ красутка“ (у Миши Байкова). См. выше, стр. 22. Въ бѣлорусск. суфф. „ут“ употребляется въ образованіи прилагательныхъ, какъ и въ западнославян. язз. По Беличу, въ общеслав. „ūt“ былъ суффиксомъ прилагательныхъ.

тух: пяту́х, пасту́х.

тель — отглагольный суфф. nominis agentis: ради́тил, ринда́тил (= арендаторъ, ср. Волог. Кадник., матер. 31), пъкупа́тил, пъгуби́тил; имена лицъ женскаго пола отъ именъ на „-тель“ образуются съ помощью суфф. „ниц“, ср. въ свадьбишной прибауткѣ дружка: „кра́снъи диви́цы (удареніе на „и́цы“ вызвано желаніемъ рифмовать слово съ „маст ири́цы“), пиро́жнъи мъст ири́цы, кала́шнъи з ъ д и б а́ т и л н и ц ы, риб я́т п р и ж ы м а́ т и л н и ц ы, к ст е́нки п р и т ы к а́ т и л н и ц ы“ и т. д.

остъ; суфф. именъ, обозначающихъ отвлеченныя понятія, произведенныхъ отъ именъ прилагательныхъ: бе́днъсъ, ду́рăсъ (дурость, дурачество), глу́пăсъ, го́рдъсъ, мо́лъдъсъ, ста́ръсъ, ъддале́ннъсъ (см. выше, стр. 119), п р и т в о́ р-

нъ҃с (притворство: „адне́ притво́рнъ҃сти“ = одно притворство), ско́ръ҃с (наприм.: па ско́ръ҃сти, ф ско́ръ҃сти) и др.; во́лъ҃с [1) волость; 2) волостная контора; первичное значеніе — „власть“ — не сохранилось].

есть: бо́ли҃с (= болесть).

л; суфф. причастій и отглагольныхъ прилагательныхъ, а также и отглагольныхъ существительныхъ, произведенныхъ отъ причастій:

л: нача́л: адда́҃т пъд нача́л и пр., и нача́лъ̆ (=начало), сто́л.

(ла), *лъка:* пало́лкъ̆, шывили́лъ̆чкъ̆, с я в а́ л к ъ̆ (ж. р.; лукошко, изъ котораго сѣютъ).

ло: вясло́, рукъмясло́, тр҃о́плъ или тряпло́ (ругат.), нача́лъ̆, зъчища́лъ̆ (тотъ, кто зачищаетъ доски) и мн. др.

ъл: масо́л, род. масла́.

ълъ: каз҃о́л, а҃рол, ка҃то́л.

ъла: па́клъ̆ (= пакля).

елъ (?): ве́ртьл.

л҃ — суфф. именъ женск. рода, обозначающихъ, по большей части, отвлеченныя понятія и произведенныхъ отъ причастій и прилагательн. на „л“. Собственно суффиксомъ существ. здѣсь является только „ь“ (см. выше). Примѣры: за́ръ҃с(л҃), п р и́ с т а҃ л҃ (=литер. пристань), па́дъ҃л, тал҃, у́бы҃л, у́дал҃ и пр.

оль: то́пъ҃л, со́бъ҃л, мазо́л҃, род. мазо́ли, множ. музали́. (Въ нѣкоторыхъ говорахъ въ этомъ послѣднемъ словѣ суфф. „оль“ замѣненъ суффиксомъ „ъль).

ель: каше́л҃ (род. къшыля́; уменьш. къшыло́къ, с҃т е́ б ь л҃, щ е́ б ь л҃ (литер. щебень). Что въ словѣ „с҃тебьл҃“ — суфф. „ель“, видно изъ примѣровъ: „мали́нъ фся ф с҃т и б и л я́ х҃“; „мн҃от ијо с҃тибиля́ми“ и пр.; въ литературномъ языкѣ въ этомъ словѣ — суфф. „ьль“. Отъ слова „щ е́ б ь л҃“ родит.: „щ е́ б ь҃л ю“ и т. п. Въ другихъ говорахъ отмѣчены у Даля: щабли́на, щебло́, щебли́ть безъ гласной между „б“ и „л“.

ълъ — муж. рода: ка́шы҃л҃ и др.

ъль — отглагольный суфф. именъ женск. рода: мъладе́ль (молодой лѣсъ), капе́ль (дождевая вода), ги́бьль (=много), куде́ль, пича́ль, пасте́ль, чаще: пасте́ля, каче́ли (вмѣсто кача́ли, или здѣсь е?), клубе́ль (уменьш. клубе́лка; только въ пѣ.; обыкнов. лю́лька), мите́ль (отсюда: мите́лица), щиве́ль, жыде́ль (что-ниб. жидкое); также: жыве́ль или жживе́ль — ж. р. (т. е. eau de javelle — составъ для стирки бѣлья; въ Петербургѣ: о́дживель. См. Буличъ, Матеріалы для русск. словаря. Изв. Отд. русск. яз. и слов. I, 312).

ыль; суфф. именъ муж. рода: гарбы́ль, род. -я́ (горбушка, остающаяся при распилкѣ кряжа на доски), касты́ль, -я́.

уля: бару́ля, ръзрагу́ля, ходу́ли. Ср. свисту́лка. Этотъ суфф. нерѣдокъ въ малор., гдѣ употребляется, какъ ласкательный, напр. мамуля и пр.

ельник: брате́льникъ или брате́йник (двоюродный братъ).

ар и *яр* — отыменный суфф. именъ существ.: сталя́р..., кама́р (род. къмара́); тотъ же суфф. сознается и въ заимствованномъ: маѣтир, ср. множ. мъѣтыра́. Слова съ суфф. ар и яр въ великор. мало употребительны, но распространены въ малор.

ър (?): ви́хър (вмѣсто: вихрь).

арь — суфф. по большей части личныхъ именъ: зълата́рь, зна́хърь, капа́рь (землекопъ), гъсуда́рь, пе́кърь, пи́съръ, ле́кърь, пачта́рь (почтмейстеръ и почтальёнъ), сле́съръ, сталя́рь, су́дарь; глуха́рь, писка́ръ; каса́рь (только ножъ), суха́рь. Тотъ же суфф. сознается и въ заимствованныхъ словахъ: йе́гӓрь, ла́гърь (множ. йигаря́, лъгари́). Отъ слова кама́р есть формы другихъ падежей съ „р“: къмаря́, къмари́. Отмѣтимъ удареніе въ „гъсудари́“, а также формы имен. множ. отъ словъ съ суфф. „арь“.

ыръ: пусты́рь, валды́рь и друг., ср. также пупы́рушык (отъ: *пупырь), прилаг. къласты́рнъй.

ара — отыменный суфф.: чищара́ (отъ „чаща“: мѣсто, заросшее очень густымъ лѣсомъ; „забра́цӓ ф чищару́ ф са́мъю“), бухмара́, мушкара́ (собират.: мошки).

ура — отыменный суфф.: кънура́, къжура́, нимчура́, дачу́ркъ (ср. поль. có'rka), пичу́ркъ (небольшое углубленіе въ печи, куда кладутъ спички и т. п.), Шу́ркъ и пр., ср. глаголъ „чипури́ццъ“.

ора: дитвара́.

ин — отыменный суфф., для обозначенія единичнаго предмета или лица: ба́рин, гъспади́н, двърини́н, либиди́н (пѣ.), мищини́н, тата́рин, хрисјани́н и пр., но: балга́р, цыга́н. Во множ. числѣ суфф. „ин“ откидывается.

ина — отыменный суфф. 1) увеличит.: дами́нъ (большой домъ: „экъю дами́ну вы́стръил“); тотъ-же оттѣнокъ слышится и въ „детина“ (М. Б.) и „мълаччи́на“, обозначающихъ единичныя лица; 2) отвлеченныхъ именъ: зау́тринъ, ми́лъстинъ (см. выше, стр. 43; можетъ быть, здѣсь суфф. „ина“ — въ 3-мъ значеніи), но́винъ (впервые поднятое поле, отъ „новь“, ср. „сѣять на нови́“; какая ниб. новость; и здѣсь суфф. „ина“, быть можетъ, въ 3-мъ значеніи), тънина́, глубжына́, дълина́ (= длина), пасту́шынъ, дися́ччинъ (исполненіе обязанностей десятскаго); сюда же можно отнести pluralia tantum на „ины“: имини́ны, христины, ради́ны; 3) суфф. вноситъ понятіе единичности: виршы́нъ, зано́зинъ, канфе́тинъ, ре́пинъ, сало́минъ, скати́нинъ, тиси́нъ, трави́нкъ, штани́нъ, ще́пинъ, чиря́пинъ, я́гъдинъ и т. п.; въ пѣсняхъ: ваззи́нка, гужы́нка, детина (М. Б.), кравиначка (ласкат.: пайдо́м мая кравиначка па ле́тниј па трапи́начти), малчи́на, сирати́на, слезина (М. Б.), судби́на, хмилина (М. Б.), частинушка и пр. Множествен. число отъ такихъ словъ (3-ей категоріи) съ сохраненіемъ суфф. „ина“ можетъ употребляться для обозначенія раздѣльной множественности, наприм. му́хины, сто скати́нин, ко́лкъ канфе́тин, две ре́пины, кати́ кру́пнъи я́гъдины и пр. При этомъ основныя существительныя безъ суфф. „ина“ употребляются 1) или какъ собирательныя только въ един. ч.: ре́пъ, скати́нъ [1]), сало́мъ, тос, трава́, щапа́ (или щипа́; но ще́пкъ—

[1]) Впрочемъ, изрѣдка и не въ собират. смыслѣ; между прочимъ, въ бранномъ значеніи.

не собират.), кроф, хмел; 2) или только во множ.: сло́зы, во́ззи, штаны́; 3) или какъ собирательныя въ обоихъ числахъ: я́гъдъ (ср. въ пѣ.: уради́лас си́лна я́гада в бару́) и, чаще, — я́гъды: па я́гъды и пр. Наконецъ, нѣкоторыя слова употребляются въ единств. не въ качествѣ собират., наприм. канфе́тка (не: канфе́та), му́ха, сирата́ (послѣднее слово нѣкогда въ един. ч. имѣло собират. значеніе, ср. теперь бидната́, нищата́ въ такомъ значеніи), суда́. Въ этихъ случаяхъ суфф. „ина“ усиливаетъ понятіе единичности.

от-ина: блива́тина (отъ блевота), жыва́тина (отъ животъ).

ов-ина для обозначенія единичныхъ предметовъ: бъкави́нка, лугави́нка (пѣ.), штуко́вина, хряно́вина, дъмави́на (= гробъ). См. выше, стр. 112.

щина: ба́ршына, пад'о́ншына, дириве́нщина, дърафщи́нка (даровщинка), дися́ччина (изъ: десятщина?).

ан: стриган (двухлѣтній жеребенокъ).

ун; суфф. nominum agentium: виртун, варчун, быг дристун, капун, сапун, свистун, фарсун, хъхатун, хвастун (тотъ, кто хвастаетъ, т. е. лжетъ), шалун и пр.

унья — суфф. именъ женск. рода, отъ именъ на ун: варчу́нйа, фарсу́нйа, хвастунйа и пр.

ын: пали́н (полынь).

ынья: спърынйа́.

н': руган и пр., но щебьл, прис'тал.

ынъ, суфф. именъ женск. рода: тяпли́нъ, про́стынъ (и: пръстыня́), пу́стынъ.

ен-ън-икъ: щибре́ник: „у нас нави́ни (на овинѣ) три сибре́никъ“; „щибре́нити — эт у нас называ́юцъ мало́тют, с кем мало́тити“ (сябре́нниками другъ другу приходятся хозяева одного овина; обыкновенно, на одномъ овинѣ молотятъ отъ 2 до 4 сябренниковъ, т. е. одинъ овинъ приходится на 2—4 двора. См. Потебню, К исторіи звуковъ IV, 28—29) и др.

ена; суфф. съ унизит. (?) значеніемъ: гуло́на, сласто́на. Отсюда — уменьш. на енъка съ унизит. значеніемъ.

енъкъ. Объ этомъ суфф. см. у Карскаго въ Русск. Филолог. Вѣстн. XXII, стр. 179. Карскій неправильно предполагаетъ, что е (ё) въ этомъ суфф. изъ „ь“. Беличъ, не соглашаясь съ нимъ, связываетъ суфф. „ёнок“ съ суфф. „еньць“ другихъ славянскихъ языковъ. Суфф. „енък“ существуетъ только въ русскомъ языкѣ и образуетъ уменьшительныя, иногда съ унизительнымъ оттѣнкомъ, между тѣмъ какъ въ общеслав. имена на „еньць“, повидимому, обозначали только дѣтенышей. По мнѣнію Белича, суфф. „енък“ возникъ подъ вліяніемъ суфф. женск. р. „енька“, когда послѣдній утратилъ мягкость „н“ въ ударяемомъ слогѣ (ср. ручо́нка при ру́ченька). Какъ бы то ни было, но суфф. „енъка“ и „енька“ въ русскомъ языкѣ имѣютъ различное значеніе; кромѣ того, есть основанія возводить уменьшительно-унизительныя на „ёнъка“ къ неуменьшительнымъ унизительнымъ на „ёна“, если только послѣднія не извлечены позднѣе изъ именъ на ёнъка. Если уменьш.-унизит. „ёнка“ не всегда изъ „енька“, то вопросъ о происхожденіи суфф. „енъкъ“ остается открытымъ. Примѣры: жырив'о́нък, тил'о́нък, ай̯дил'о́нък, мил'о́нък, гълув'о́нък, рив'о́нък, бачо́нък и пр.; тотъ же суфф. присоединяется даже къ основамъ, уже имѣющимъ этотъ или родственный суфф.: щин'о́нък, бъжын'о́нък и бъжын'о́нъчик, рибит'о́нки. Множ. число отъ словъ съ этимъ суфф. обыкновенно, но не постоянно, замѣняется множественнымъ отъ именъ съ суфф. „ат“. См. выше, стр. 136.

Къ именамъ, уже имѣющимъ суфф. енък, охотно приставляется суфф. „ък“ для образованія ласкательныхъ: гълув'о́нъчик, бъжын'о́нъчик, мил'о́нъчик, щин'о́нъчик, ср. ай̯н'о́нъчик.

енъка. По мнѣнію Белича—фонетически изъ „енька“. См. выше. Суфф. „ёнка“ вноситъ уменьшит.-унизительное значеніе: гув'о́нки, изв'о́нкă, лъшыд'о́нкă, лафчо́нкă, кърав'о́нкă, лыс'о́нкă, ручо́нки, шув'о́нкă и мн. др. Ср. выше суфф. „ена“.

ня — суфф. ласкат.-уменьшит. собств. именъ: Гри́ня́, Грунѣ́, Ма́ня́, Ната́ня́, Пара́ня́, Про́ня́, Саня́, Со́ня́, Се́ня́.

нька — уменьш.: Гри́нкă, Ната́нкă, Пара́нкă, Про́нкă (только отъ Прокофій, а отъ Прохоръ — только Про́шкă) и проч.

ъня — суфф. именъ неодушевл. или отвлеч.: гълавня́, квашня́, пучня́ (заг.), ручня́ (заг.; бѣлор. руцня́ — горсть вытрепанной и очищенной пеньки), заимств. у калужск. брихня́ (лганьё), Съкулня́ (прозв.) и пр.; ба́сня́, вы́шня́, на́шня́, пе́сня́ и пр. Объ ударенiи см. у Корша.

от-ъня: бигатня́, пискатня́, ругатня́, тълкатня́ и др.

ън-ъка; уменьшит. отъ именъ на „-ъня“. Въ этомъ суфф. „н“ не непосредственно послѣ ударенiя отвердѣло: ба́сънкă, ба́шънкă, ви́шънкă, пе́сънкă и пр,; непосредственно послѣ ударенiя: дириве́нкă, но квашо́нкă. Если думать вмѣстѣ съ Беличемъ, что нѣкогда „н“ передъ „к“ отвердѣвалъ непосредственно послѣ ударенiя, сохраняя мягкость въ другихъ положенiяхъ, то придется допустить, что въ „деревенька“ удареніе перенесено.

еня. Только множ.: чиртиня́ты, щиня́ты.

ен-ька — ласк.-уменьш.: но́жёнка (пѣ.), ру́чинки, Ва́синкă, Ка́тинкă и проч. „н“ въ этомъ суфф. сохранило мягкость, въ противоположность „н“ въ суфф. „ънька“. См. также выше, стр. 66.

оня: тихо́ня́.

анька: кы́сънкă и пр.

ыня вмѣсто „ыни“, образуетъ: а) имена, обозначающiя лицъ и животныхъ женскаго пола: ба́рыня́, баяры́ня́, графы́ня́, гусы́ня́, книги́ня́ и пр.; б) имена неодушевл. или отвлеч.: пръстыня́, ср. касы́нкă, но: ми́лъстинă.

еньць: мъладе́ньц, род. мъладе́нцă. Это слово, вѣроятно, заимствовано русскимъ языкомъ изъ южнослав.

л — суфф. уменьшительныхъ именъ и названiй дѣтенышей. Имена нарицательныя съ этимъ суфф. сохранились только во множ. ч.: жырибя́ты, тиля́ты, гълубя́ты, рибя́ты, утя́ты и пр. См. также выше, стр. 136 и 148. Имена собств. съ этимъ суфф. склоняются, какъ имена на -а: Ваня́, Варя́, Ва́ся́, Мико́ля́, Поля́, Сиро́жă (уменьш. отъ Сирогă), Гриша, Сашă, Мишă и т. п., и имѣютъ зна-

ченіе ласкат.-уменьшит. Тотъ-же суфф., вѣроятно, въ именахъ на -ша, представляющихъ ласкат.-уменьшит. къ именамъ на -хă: Дуняшă, Натáшă, Парáшă, Матрóшă, Микалáшă, Мáшă и пр. Уменьшит. на „шька“ образованы не отъ этихъ ласкательныхъ, а прямо отъ именъ на „ха“. Уменьшит. на -атка: Васáткă (почти исключительно въ пѣ.), Грушáткă (ср. ю.-влкр. Варятка, Ванятка и проч.), вѣроятно, образованы тоже не отъ этихъ именъ, а отъ именъ на -ата, ср. съ одной стороны старорусскія Вышата, Жидята и пр., съ другой—имена на -утка=общеслав. „ūtъka“.

ятъка: Васáтку, Грушáткă; гълубáтки, чиртинáтъчки и пр.

ово и *ево* — отглагольн.: вáрьвă, хлóбъвă.

овъ: дъраго́ѳ (=дороговизна), бирягóѳ (сбереженье): „дéник ат этуў и нéт, штъ бирягów и им нéт; прéжди их мáлъ бы́лъ, а бирягów была балшáй“ (т. е. ихъ берегли; Васильевское), и пр.

ов-ик и *ов-ник* — отъ прилагательныхъ съ суфф. „ов“: лисавúк (=лѣшій), пъравúк (паровозъ); дъмавнúк, бълавнúк и пр.

ивъ-чька: вирвúвъчкă (= веревочка) — пѣ. и разговорн. (отъ „вервь“ — уменьш).

во: жнивó, малóзивă и пр.

тва: жáтвă, дрáтвă, но клáдбă и пр.

ъство: бъжы́ствó (религіозность; „въ божество удариться“ — сдѣлаться богомольнымъ), бъластвó, въраствó, купéчьствă (званіе, занятіе), *апчиствó*, ăзърнаствó (ср. Черныш. Моск. у. 136), удалствó, христьáнствă (напр. заниматься крестьянствомъ, приписаться къ крестьянству), щигалствó, кавáлствă (коварство) и мн. др., но притвóрнъсти. Объ удареніи см. выше, стр. 112.

ъба — отглагольный суфф.; образуетъ б. ч. названія дѣйствій: бъранбá, гърадбá (огораживанье), гулбá, казбá, малбá, мъладбá, ризбá, судбá, хадбá, въражбá, учбá (вмѣсто „ч“ слѣдуетъ читать соотвѣтствующую звонкую аффрикату; учба — ученье); вéрбă, дружбă, свáрбă (род. мн.

сваръбе́j), слу́жбъ, уса́дбъ. Суфф. -ьба присоединяется къ глагольной основѣ, но въ двухъ именахъ — къ формѣ infinit.: кля́дбъ (=клятва) и жыни́дбъ. Послѣднее слово, повидимому, еще общеславянское, такъ какъ попадается въ старослав. и, кромѣ того, существуетъ въ южнославянскихъ языкахъ (сербск. жѐнидба, болг. жени́тба). Въ послѣднихъ извѣстны и другія образованія съ суфф. „ьба“ отъ infin., ср. сербск., болгар. и словен. коситба, сербск. резитба, словен. млатидба при млачба; у Миклошича (стр. 217—218) указаны старославянск. гоститьба, оратьба. Слово клятьба есть въ чешск. и малор. Объ удареніяхъ въ словахъ на „-ба“ см. у Корша, О русск. нар. стихосл. 90—92.

ешъкъ — ласкат.-уменьш. суфф. именъ прилагательныхъ и мѣстоименій; но съ помощью этого суфф. можетъ образовываться также и ласкат.-уменьш. къ слову „день“: „вез̀ дин̀о́шъкъ“. По звуковой сторонѣ можно предполагать вліяніе аналогіи со стороны ѣдин̀о́шъкъ (одинёшенекъ).

Суффиксы именъ прилагательныхъ.

j — суфф. именъ прилагат., образованныхъ отъ существит. и обозначающихъ принадлежность чего-нибудь предмету (лицу), обозначенному основой существит. (adjectiva possessiva). Сюда принадлежатъ прилагат. отъ именъ на ъ, икъ, ица, ецъ и нѣк. др.: а) куря́чь, с̀виня́чь, питуша́чь (отъ *„пѣтуша́“: „избу́шкъ въ питуша́чїѹ гало́фкѣх“), лигуша́чь, пърася́чь, рибя́чь и проч.; пти́чь, за́ичь, де́вичь, ку́пчь и пр.; сюда же можно относить и „прибли́жничь сасе́т“ въ одной пѣснѣ (отъ ближникъ? впрочемъ, значеніе здѣсь не притяжательное); в) питу́шъj, ры́бьj и пр. Въ томъ же значеніи употребляются производныя съ суфф. „ин“ (см. ниже); г) дале́чь j: „ф пу̀д але́чиj ми́лаj мо́j“ (пѣ.); это прилагат. образовано отъ прилагательнаго же, вѣроятно, по аналогіи съ нарѣчіемъ але́че.

ак и *як;* этотъ суфф. образуетъ прилагательныя отъ мѣстоименій: ѣдина́къj (= одинаковый), наприм.: „фсе в ѣдина́кйх плаѣjьх“ и т. п.; двая́къj, трая́къj, фся́къj. Суфф. „ак“ или просто „к“, быть можетъ, является въ ф. „рыдако́“ въ приб.: „маjо́ го́ря рыдако́, уjе́хал милаj далико́“. Это прилагательное — отглагольное.

ок и *ек* — суфф. отыменныхъ прилагательныхъ: высо́к, глубо́к, даѣло́к и пр.

еч (изъ ек): дале́чьj. См. выше.

ик: суфф. прилагательныхъ отыменныхъ (образов. отъ прилагат.): вили́к, чаще съ отрицаніемъ: нивили́к.

ж: суфф. отыменныхъ прилагательныхъ: нискоj и ни́скъj, ло́хкъj, мя́хкъj, ме́лкъj и пр.; также: глы́пкѣ (см. т. 46, стр. 149).

ъж: го́ркъj,

нич (изъ ник): „прибли́жничьj сасе́т“ (пѣ.). См. выше.

ьск: суфф. прилаг., образованныхъ отъ именъ и мѣстоименій; прилагат. съ этимъ суфф., образованныя отъ существит., означаютъ принадлежность предмету, обозначенному основой существ.: ба́рскъj, гаспо́цкъj, ца́рскъj, хриѣjа́нскъj, люцко́j, мирско́j, дириве́нскъj, купе́чьскъj; же́нскъj, муско́j или муцко́j, м у с ѣ́ и н с к ъ j (наприм. „мусѣ́нскъю аджу́“) и пр.; фся́чьскъj, нитако́скъj и проч. Часты образованія съ этимъ суфф. отъ прилагат. притяжательныхъ на „ов“:

ов-ьск; обыкновенно „в“ въ этомъ суфф. выпадаетъ: апдо́скъj, питро́скъj и пр. (см. выше, стр. 43); на „овскій“ оканчиваются прилагат. отъ названій городовъ и деревень на „ово“ и „овское“. Интересно „Рузовскаго уѣзда“ (письмо), разговорное: „Ру́зъскъj“ и пр. Интересно отсутствіе суфф. „ьск“ въ пѣ.: Саратовый: „былъ саратовый женатъ“ (Миша Байковъ). Ср. съ этимъ: „ф Пятро́вы́м до́ми“ = въ домѣ Петрова.

ющ — суфф. увеличительныхъ именъ прилаг.: зло́щьj, баѣшу́щьj“. См. выше, выше, стр. 160.

ящ — унизит. (?) суфф. отглагольныхъ прилагательн.: гуля́щьj, зря́щьj (и зря́чьj).

ащ: лада́щьj (суфф. унизит.?).

ьющ — увелич. суфф.: бъγате́ющьj. Ср. въ другихъ великорусскихъ говорахъ: малѣющій, первѣющій и др.

ячъ (ѧtj): — отыменный суфф. притяжательныхъ прилагательныхъ. См. выше, стр. 214.

ачъ (ѧtj), *учъ* и *ючъ* (ѫtj и jѫtj) — суфф. отглагольныхъ прилагательныхъ и причастій: гаря́чьj, зря́чьj, сида́чьj; гарю́чьj, лату́чьj, кипу́чьj, магу́чьj, пиву́чьj и пр. См. выше — о причастіяхъ.

т — суфф. отглагольныхъ прилагательныхъ и причастій: нѣжыто́j, пръклято́j, улито́j и пр. См. выше, о причастіяхъ.

ат; этотъ суфф. образуетъ отыменныя прилагательныя, означающія обладаніе предметомъ или качествомъ, обозначеннымъ основой существительнаго: баγа́т, брюха́тъ, рага́тъj и пр. Сходное, но не тожественное съ этимъ суфф. значеніе имѣютъ суфф. „аст“ и „ист“.

ит: сирди́тъj, знъмини́тъj; первоначальное значеніе этого суффикса, должно быть, то же, что и суфф. „ат“.

ов-ат и *ев-ат* — уменьшит. суфф. именъ прилагательныхъ образованныхъ отъ именъ существительныхъ или прилагательныхъ: рибава́тъ, късава́тъj (т. е. нѣсколько рябой, косой; погов.), шы̀мава́тъj, кудрива́тъj (не отъ „кудрявый“, а отъ „кудри“?) и пр.

ов-ит: кръсави́тъj (довольно красивый, видный), дъмави́тъj. Ср. литерат. и церк.-слав. даровитый (въ литерат.— „богато одаренный отъ природы“, „получившій много даровъ“ отъ Бога, отъ природы и пр.; въ церк.-сл.— „подающій много даровъ“, наприм. „даровитыи Богъ“).

аст — суфф. отыменныхъ прилагательныхъ, означающихъ обладаніе предметомъ или качествомъ, обозначеннымъ основой существительнаго, и притомъ — въ значительной степени: бърада́стъj (съ большой бородой), вихра́стъj (съ большими вихрами), въласа́стъj (обросшій длинными волосами), крыла́стъj (съ большими крыльями), рага́стъj (съ большими рогами, ср. Черныш., Моск. у. 100; между тѣмъ, какъ „рогатый“ — всякій имѣющій рога),

хајла́стъј (кто много хаетъ), шага́стъј (кто ходитъ большими шагами).

ист — приблизительно съ тѣмъ же значеніемъ, какъ и „аст“: ками́ст (напр.: „э́кај по́люшка ками́с, ни̯ізя́ иwo барнава̯т“, т. е. на полѣ много большихъ комьевъ), кас̯ти́стъј, разбо́ристъј, пригаво́ристъј (пѣ.) и пр.

л — суфф. а) отлагольныхъ прилаг. и причастій: быва́лъј, лижа́лъј, пасты́лъј, уме́лъј и пр.; б) отыменныхъ прилаг. (ъл, ьл и пр.): по́длъј, с̯ве́тлъј и пр.

т(ъ)л: акалетлую собаку (Миша Байковъ).

н, ен и пр. — а) суфф. причастій: рва́нъј, кашо́нъј, привиз̯о́нъј, с̯вичо́нъј, мачо́нъј, са̯ло́пъј, жала́ннъј, бижжала́ннъј и пр.; б) суфф. отыменныхъ прилаг.: со́лънъј, сълана́ (общеслав. solnъ).

гн: и́хнъј. Ср. твердое „n“ въ чешскомъ všechen, -chna; „н“ твердое въ этомъ словѣ, между прочимъ, отмѣчено въ Олон. (Колос. Зам. 188, 329).

ьн: суфф. прилагательныхъ, образованныхъ отъ именъ и, частью, отъ мѣстоименій и нарѣчій: бли́жнъј, дре́внъј („жы́ли были стари́г дъ стару́хъ, дре́внъи, ста́ръи“ — ск., запис. мною отъ старухи), гружо́виннъј, кажнъј (также: ка́жын ча́с), кало́дьшнъј (отъ „колодецъ“; „ш“ изъ „ч“ передъ „н“; кало́дьшнъй вада́), ӑзимно́ј, пре́жнъј и пре́жньј, аста̯лнъј и ӑста̯лно́ј и мн. др. См. выше, стр. 70. У Колосова въ Обзорѣ примѣры съ твердымъ „н“ въ тѣхъ прилаг., которыя въ литер. яз. имѣютъ „н̯“, приводятся почти исключительно изъ сѣв.-влкр. (Ирбит, Тотем,, Кадник,, Арханг., Новгор., Владим., Ярослав., Олон.), но одинъ примѣръ: „ближному“ — Мосаль. Въ Олон. есть и наоборотъ, формы на „нё“ отъ прилагат., имѣющихъ въ литер. „н“ твердое (Колосов, Обзор, 161—162). „н“ твердое въ такихъ прилаг. — и у Черныш. въ Моск. у. (стр. 15, 46).

См. также прилаг. на „чьн“, „шьн“ и т. п.

ьн: ве́шньј, пре́жньј, да̯льј и да̯лнъј, вичэ́р̯ньј и пр. См. выше, стр. 233.

ин; суфф. отыменныхъ прилагат. притяжательныхъ, образованныхъ отъ именъ (личныхъ) на „-а“: дя́дин, же́нин, се́стрин, Ро̀ткин, Ми́шкин, „я ни тя̀ткин, ни ма́мкин сын“ (пѣ.) и пр.

ян; суфф. прилагат., произведенныхъ отъ именъ существительныхъ, представляющихъ названія неодушевленныхъ предметовъ; этимъ суфф. предметъ, означенный основой существ., обозначается, какъ матеріалъ, изъ котораго сдѣланъ предметъ, опредѣляемый прилагательнымъ: бир̀стяно́j (изъ бересты), вълсяно́j (изъ волосъ), дрьвяно́j, жыс̀тяно́j, къс̀тяно́j, крьвяно́j, липяно́j (липовый), лубяно́j, ӑфсяно́j и афся́нъj, ӑлляно́j, ӑржано́j, пръсяно́j (изъ проса), скъбяноj, търфяноj, шыр̀стяно́j и пр.; ко́жънӑj, сире́бринӑj и пр.; непосредственно послѣ ударенія „н“ можетъ удваиваться, не ясно, при какихъ условіяхъ: каля́нъj, афся́нъj, с̀тикля́нъj и с̀тикля́ннъj, дириви́ннъj и даже: шыр̀стяннаи̯.

мян: слухмя́нъj (съ хорошимъ слухомъ). Ср. у Чернышева, Доп. къ Мещов.: я слухмёна (25), у него же, Москов. у.: сухмяннаи (стр. 41), Орловское: сухме́ннай (сухой).

ошьн: ле́тъшнъj (бывшій въ прошлое лѣто, прошлогодній; ср. сербское летошњи = нынѣшняго лѣта). Ср. ю.-влкр. давно́шнiй съ „н̀“ мягкимъ.

ъшьн: вичо́ръшнъj (вчерашній). Ср. сербск. вечерашњи (этого вечера) съ „н“ мягкимъ.

ъшьн: за́фтрьшнъj, тапе́ришнъj, сиво́днишпъj и пр., ср. старослав. дьнышьнии, сербск. данашњи. Въ другихъ русскихъ говорахъ тѣ же слова чаще съ „н̀“ мягкимъ. См. выше, стр. 70 и 72.

ъшьн: давны́шнъj. Ср. литер. давнишній, ю.-влкрус. давно́шній, сербск. давнашњи (съ „а“ изъ „ъ“ или „ь“?).

ашьн: фчира́шнъj, тада́шнъj (тогдашній), фсиɣда́шнъj; тѣ же прилаг. — и съ „н̀“ мягкимъ. Суфф. „ашьн“ образуетъ прилагат. отъ нарѣчій мѣста на -а.

ачьн: дама́шнъj. Что здѣсь суфф. „ачьн“ а не „ашьн“, можно думать на основаніи сербск. домаћи, домаћност.

Ср. домачнлѧ въ русскомъ Мѣрилѣ Праведн. XIV вѣка, л. 32, стрк. 13 (Древности. Труды Слав. Комм. и пр., т. III, стр. 49), но то же слово въ сербск. спискѣ Шестоднева Іоанна Ексарха — „домашнѣи“.

ичьн; суфф. родственъ съ суфф. „ачьн“: сва́дьбишнъј или сва́рбишнъј (или здѣсь суфф. ишьн?).

На -шнъј оканчиваются также прилагательныя, образованныя отъ существительныхъ съ основой на задненебныя и свистящія.

а-л-ьн, и-л-ьн и т. п. отглаг. суфф. прилаг. распадаются на а-л, и-л и т. п. — суфф. отглагольныхъ именъ существ. + ьн — суфф. отыменныхъ прилагат.: аста́лнъј и а̀ста́лно́ј, аха́лнъј, кава́лнъј, мълати́лнъј и мн. др.

ельн — отыменн. суфф.: ни́тьлнъј (ни́тьлнъи пе́тьлки), клю́квилнъј; здѣсь „ельн“ является вмѣсто „лн“ или „еньн“, причемъ „л“ могло явиться фонетически изъ „н“, ср. „сильни́к“ и распространенное во многихъ говорахъ „священьникъ“. Впрочемъ, фонетическій переходъ „н“ въ „ь“ передъ „н“ твердымъ допустить трудно, ср. ниже прилагат. на „е́пьн“.

еньн; увеличит. суфф.: балше́ннъј, высаче́ннъј, глубаче́ннъј, здъраве́ннъј, страше́ннъј, шырач̀е́ннъј, наприм. въ сказкѣ: „нашо́л сибе́ бирло́гу, я́му балше́ннъю“. Ср. у Черныш. въ Доп. къ Мещ. стр. 26; въ Новгор. (скупенный, зле́нный) и др. влкр. говорахъ, также въ бѣлор. (Матер. I, 4, Могил.). Это — не суфф. превосходной степ., потому что не показываетъ, что извѣстное качество принадлежитъ извѣстному предмету въ большей степени, чѣмъ всякому другому предмету, и не суфф. сравн. степени. По большей части суфф. этотъ присоединяется къ основамъ прилагат., обозначающихъ величину или силу.

оньк; суфф. (уменьшит. и) ласкат.: ма́хънькъј, мя́кьнкъј, пло́хънькъј, множ. пло́хъньтиј; ср. нарѣчія: ляго́нкă, тихо́нкă и пр.

еньк; суфф. (уменьшит. и) ласкат.: ма́льнькъј, аччáјпинькъј, мало́дьнькъј (ж. р.: мъладе́нкă), каро́тьнькъј (безчл. ф. ж. р.: къратéнкă), харо́шънькъј, дли́ннинькъј, ми́линькъј,

сла́тинкă (напр. вади́чкă) и пр. Эти суфф. присоединяются даже къ основамъ такихъ прилагат., которыя не заключаютъ понятія качества, способнаго уменьшаться или увеличиваться, наприм.: аста́нинкаj дино́чик (пѣ.).

охонькъ — ласкат. суфф., только въ двухъ подблюдныхъ пѣсняхъ: „Взашла́ пало́ска у́зо́ханка, сно́пикаф мнаго́ханка“ и: „Пало́ска шырако́хънка“...

ехонькъ—ласкат. суфф.: пали́но́ханка (пѣ.), радо́хънкă, у́зо́ханка (пѣ.); ср. въ нарѣчіяхъ: мало́ханка, пази́но́хънкă, равно́хънкъ, и пр. Въ разговорной рѣчи образованія съ суфф. охонькъ и ехонькъ почти не встрѣчаются.

ошенькъ — ласкат. суфф.; только нарѣчія въ пѣ.: высако́шънкă, дъликóшънкă.

ёшенькъ—ласкат. суфф.: мало́шънкă, мило́шънкă (пѣ.), низошънкă, равно́шънкă, радо́шънькъ, чижыло́шънкă (пѣ.); адино́шънькъ (пѣ. и разгов.). Этотъ суфф. встрѣчается преимущественно въ пѣсняхъ, но употребляется и въ разговорной рѣчи, чаще при нарѣчіяхъ, чѣмъ прилагательныхъ. Отмѣчу также выраженіе „вéс тъ дино́шъньк“, гдѣ суфф. „ешеньк“ является въ образованіи уменьш.-ласкат. существительнаго (см. выше).

О суфф. охонькъ—ешеньк см. также у Потебни, К исторіи звуковъ, III, 107—108. Онъ сопоставляетъ эти суфф. съ сербск. „-ахан“, влкр. (?) „яхный“, поль. „achny“ и литов. суфф. сравн. степ. „ésni-s“, откуда выводитъ, что „о“ и „е“ послѣ „х“ („ш“) — вставка уже на русской почвѣ (или изъ общеслав. „ъ“, „ь“). Значеніе этого суфф. безъ „-ькъ“, по мнѣнію Потебни — увеличительное.

в — суфф. отглагольн. прилагат.: жывój и пр.

ов и *ев* — суфф. прилагат., образованныхъ отъ существ.: бирóзъвăj (сдѣланный изъ березы, состоящій изъ березъ или имѣющій какое-нибудь отношеніе къ б., напр. б., чаще „пъдбирóзъвъj“ грибъ), вирхавój (тотъ, кто сидитъ верхомъ на лошади, также: вѣтеръ верховой, низовóй), гърдавój, двъравój (относящійся ко двору), дъмавój (=домашній), биздамóвъj (бездомный), „дăбавы́и сандуки“ (пѣ.), но дубóвъj (разгов. и пѣ.), ялóвъj (еловый), зима-

во́j (=зимній), клянóвъj, ключавój, кърмавój, „къ҃нява́я“ лошадь (запряженная въ корню), лисавój (=лѣсной, напр. „лисавы́и я́блъки“, чаще, чѣмъ „лясны́и“), аси́нъвъj, пъдаси́нъвъj (напр. грибъ), съдавój (наприм. „мали́нъ съдава́ѧ), с҃нигавój, тисóвъj (пѣ. и разг., а въ пѣ. также и тисавój), лугавój (наприм. лугавóя сенă), пълявój, гърявój (гърявóя жы҃т҃óили го́р҃къѧ ж.) и мн. др.

ав и *яв;* отыменн. суфф.: крава́въj (рѣдко; обычно: кръвяно́j), лука́въj (почти исключительно = дьяволъ), ла́скъвъj (ср. малор. ласкавий, поль. łaskawy); гуня́въj, дыря́въj, кудря́въj, кур҃чавъj, мълажавъj; ср. краса́вьц или краса́вицă (при малор. и частью ю.-влкр. краса́ва). Рядомъ съ ласкавый, можетъ быть, въ русскомъ было и образованіе на „овый“ — ласковый, ср. сѣв.-влкр. „ласковой“, если только здѣсь „о“ не возникло фонетически изъ „а“ вслѣдствіе положенія послѣ твердой гортанной, передъ „в“ и послѣ слога съ „а“.

ляв: вир҃тлявъj, кас҃(т҃)ля́въj, писклявъj (=пискливый), трухля́въj и др.

ив; отыменный суфф.: красивъj, лини́въj, плакси́въj. плишы́въj, фшы́въj.

лив; отыменный суфф.; значеніе — то же, что суфф. „ив“: блудли́въj, гъвар҃ли́въj, жа́лъс҃ливъj, жылли́въj (жалостливый), ми́лъс҃ливъj, малчли́въj (молчаливый), пригля́дливая (пѣ.), приве́тливъj, нитир҃пли́въj (ср. сербское трпљив), тала́нливъj, трус҃ли́въj, щис҃ли́въj, нищис҃ли́въj и др. Въ славянскихъ языкахъ этотъ суфф. чередуется съ суфф. „ив“. Въ *сербскомъ:* бодљив, говорљив, крадљив, трпљив, но: жалостив, милостив, ластив. Въ нарѣчіяхъ русскаго языка „лив“ преобладаетъ, ср. *бѣлор.* благоче̂сливый (Носовичъ, Дополн.) и мн. др., *малор.* бодлив, забитлив и пр., *ю.-влкр.* рязан. жа́ласливай, миласливай (Будде, Къ діал., 72); ворон. ляслифъ, миласливай и миластивай (послѣднее — книжн.? Филат. § 32) и др.; *сѣв.-влкр.* олон. жалослив, охваслив (Колос., Обзор, 198) и др. Въ старослав. памятникахъ — чаще суфф. „-ив“, чѣмъ „лив“: блѫдивъıи и бладивъıи, милостивъıи, крадивъ

и пр.; отсюда происходитъ колебаніе между „ив“ и „лив“ въ старорусскихъ памятникахъ: гладивъıи (Слова Григор. Богосл. XI в. и др.), забытълива (ib.), блудливи (Мѣр. Прав. конца XIV в., л. 32; то-же слово въ сербск. спискѣ Шестоднева Іоанна Экс. 1263 г.—блоудиви), дативъı (Богосл. Іоанна Экс. 318), жалостивыи (Никон. Пап. сл. 32), немилостивіи и нежалостивіи (Грам. Алексія митроп. 1356 г.) рабоу крадивоу (Акиръ, XV в.), говорливъ (Георг. Амарт. 347) и проч. (большая часть примѣровъ взята изъ Матер. для словаря Срезневскаго).

(и)лъ — суфф. отглагольныхъ прилагат. и причастій: вистúмъj, любúмъj, нипъвидúмъj, радúмъj.

Отъ именъ существ. иногда образуются ласкательныя въ формѣ прилагат., произведенныхъ отъ основы существит., обозначающихъ ласкаемый предметъ: „У ты мој пътапéшъчкин“, сабáчкин ты мој, „Дияньчкин“ (собакѣ, которую зовутъ Діянкой), „звањчúшкин“ („Звонокъ“—имя собаки). Ср. происхожденіе нашихъ уменьш. на „ьк“ = общеиндоевроп. суфф. отыменныхъ прилагат. „-ik-“, ср. греч. прилаг. на „ικός“. Греческія уменьшит. на „ιον“ тоже, вѣроятно, по происхожденію — средній родъ отыменныхъ прилагательныхъ.

Уменьшительныя и ласкательныя въ парфёнковскомъ говорѣ очень употребительны.

Суффиксы глагольныхъ основъ.

Суффиксы, имѣющіе видовое значеніе, приведены выше. Здѣсь остановлюсь только на очень немногихъ глагольныхъ образованіяхъ.

n—nj (Микл. III, 1); суфф. непроизводныхъ и отыменныхъ глаголовъ. Между прочимъ: гладéт (становиться гладкимъ, т. е. полнымъ), танéт (худѣть, т. е. становиться тоньше), мадéт (быть вялымъ, чувствовать недомоганіе, ср. у Будде, Тул.-Кал., у Даля и въ бѣлор.), отсюда прилаг. мадéлъj (вялый), зъкълинéт (о землѣ: стать каляной, т. е. твердой, промёрзнуть), зъкълубинéт, пъвъ-

дапе́ѣ̀ (разбухнуть отъ воды), владе́ѣ̀, но чаще: влада́ѣ̀. Глаголы съ этимъ суфф., производные отъ прилагат., по большей части имѣютъ начинательное значеніе.

ъ—j (Миклош. III, 2): дыша́ѣ̀, — 2-е един. дышы́ш, 3-е множ. дыша́т, ср. также ниже.

а—aj (Микл. V, 1): влада́ѣ̀, жада́ѣ̀ (быть жаднымъ, ср. древнерусское „жядати“ — жаждать у Срезн.), ѣбрата́ѣ̀ (надѣть оброть на лошадь), вирта́ѣ̀ (поворачивать), (в)здыха́ѣ̀; сюда же относятся: стана́ѣ̀, щипа́ѣ̀ и нѣк. др. См. выше.

а (Микл. V, 3): дыха́ѣ̀ (дышу́, ды́шъш) и пр.

и (Микл. IV): здаро́вицца̀ (2-е единств.: здаровиссѣ̀, прош. пъздаро́вилсѣ̀ и пр.), притра́пицца̀.

н-и (по второй части суфф.—Микл. IV): ѣслъбани́ѣ̀. Въ глаголѣ скушни́цца̀ звукъ „н“, вѣроятно, изъ прилаг. ску́шнъj.

Нѣсколько глаголовъ съ именными суффиксами, но безъ соотвѣтствующихъ имъ именъ съ тѣми же суффиксами:

к: здаро́фкъцца̀, здаро́фкъюс, пъздаро́фкълсѣ̀ и пр.

ак и *як:* дума́къѣ̀ (=думать), пъдума́къѡъш; фсю́ ты руба́ху зъвала́къш.

юг: мътюга́ѣ̀, -а́ю; мътюгну́ѣ̀ (ср. діал. матю́га).

ух: плитуха́ѣ̀, -а́ю (отъ плету́ха, откуда плету́шка = корзинка?) = сплетничать; отсюда существ. плитуха́н и плитуха́ла̀.

як: умаря́хнула (пѣ.).

ах: жжала́хнуцца̀ (сжалиться). Съ этими глаголами ср. стрепехнуться и пр.

Отмѣчу глаголъ: стънави́ѣ̀ (= ставить), пъстнави́ѣ̀.

Нарѣчія.

1. *Нарѣчія, произведенныя отъ именъ прилагательныхъ.*

Форма этихъ нарѣчій совпадаетъ съ безчленной формой средн. рода прилаг., но иногда отличается отъ нея

по ударенію: бо́ꙗнѫ (=очень, ср. Вытегор., Олон. и др.), бе́ткѫ (жалко, обидно), висяло́, за́биткѫ (обидно), за́виткѫ (завидно), давно́, давно́ давны́м, ꙗло́хкѫ и ляхко́, ро́внѫ (также и въ значеніи союза: ро́внъ как), фсо ро́внѫ, хи́трѫ, нихи́тра и хитро́, чижало́ и пр.

Отъ этихъ нарѣчій могутъ образоваться производныя: сравнительныя, уменьшит., ласкат. и увеличит. Суффиксы производныхъ нарѣчій частью — тѣ же, что у прилагательныхъ, частью другіе.

Суфф. сравн. степ.: зара́ни, те́пли, бо́ли, ме́ни и пр.; иногда эти суфф. не вносятъ значенія сравн. степ.: дале́чи (ср. форму „далеко“, прилаг. „дале́чьj“, вѣролтно, вторичное, изъ „далече“), нивдале́чи, и́нъчи (ср. инакій, одинакій и пр.) и ина́чи, пъи́нъчи, хърашеꙗ́нчи (=хорошепько).

ък; уменьш. суфф.: хърашеꙗ́нкъ (ср. прилаг. харо́шъꙗ́нкъj), малеꙗ́нкъ (прилаг. ма́лъꙗ́нкъj, но въ загад. и малеꙗ́нкѫ — ж. р.), давнеꙗ́нкъ, равнеꙗ́нкъ и пр.

ъч-ък; уменьшит. суфф. именъ существ.; уменьш. отъ прилагат. съ этимъ суфф. не образуются: нимно́шьчкѫ, мно́шьчкѫ и пр., ср. то́льчкѫ, сто́льчкѫ и пр.

оньчък; уменьшит.-ласкат. суфф. только нарѣчій: пъляγо́нёчку, пътихо́нёчку въ ск.

еньчък; уменьш.-ласкат. суфф. только нарѣчій: мало́ньчкѫ, хърашеньчкѫ и пр.

ехонък; суфф. прилагат.: пазꙗно́хъꙗнкѫ и т. п.

ешенък; суфф. прилагат.; примѣръ: „уш мы со́jдимса близо́шыꙗнка, мы сравня́имса равꙗно́шыꙗнка, мы паклоно́имса низо́шыꙗнка, пацалу́имса милóшыꙗнка (вьюн. пѣ.); чижыло́шыꙗнкѫ и пр.

2. *Отъ именъ существительныхъ.*

Твор. пад.: вичаро́м и ве́чьрѫм, вяснój, го́рми („серди го́рми гаря́т“ — вьюн. пѣ.), грамко́м („и свиснул я грамко́м“—пѣ.), пирядо́м (напр. ити́т пирядо́м, т. е. впереди), ле́тъм, наси́лкъм (=силкъмъ, насильно), нипуто́м (непра-

вильно, черезчуръ, не такъ, какъ слѣдуетъ), пъражно́м (наприм. ѣхать порожнём), силком и пр.

Мѣстн. пад.: у́три, вичéри, также: домá и пр.

Дат. пад. (?): дамój, далój.

Родит. пад.: прáвды, сяwóдни (ся́нни) и пр.

Винит. пяд.: вичóр, вóсну (= весной); также съ мѣстоим. „сь“ въ началѣ или въ концѣ: сичáс, вичóръсь и пр., см. ниже.

Съ предлогами: взат-назáт (= взадъ и впередъ, ср. Томск. „взадь-назадь“ — Ж. Ст. 1895, стр. 416 и др.), ф канéц (окончательно: ръззарю тибя́ ф канéц и т. п.), пъпирóт (сперва, впереди, впередъ), зза́ди, назáт (позадь = сзади), паутру, зáфтри и пр.

3. *Отъ мѣстоименій.*

Числительныя нарѣчія: аднáжди и аднáжды, двóжжи, трóжжи и двóжди, трóжди = одинъ, два, три раза. Ср. двожды у Будде, Къ діал. и Къ ист., ср. Шахмат., Отч. о прис. Ломон. прем. въ 1897 г., стр. 38.

Сложныя съ мѣстоим. „сь“. Въ началѣ слова: сичáс (чичáс, шичя́с и т. п.), сию́ минýтью, здéсь, сяwóдни или ся́дни. Въ концѣ слова: а) въ нарѣчіяхъ времени: у́тръсь и у́трьсь (сегодня утромъ), вичóръсь (вчера вечеромъ), фчарáсь (вчера), тритóвъсь (третьяго дни; чаще: недавно, на дняхъ), анóдъсь (недавно, на дняхъ), лéтъсь (прошлымъ лѣтомъ), ср. въ другихъ влкр. говорахъ: осенесь, зимусь и т. п.; частица „сь“ указываетъ на ближайшій прошедшій срокъ времени; б) въ нарѣчіяхъ мѣста: здесь; въ указат. э́усь (эвось). То-же „сь“ — въ авось.

Нарѣчія на „чá“: тапéричá или типéричá, дáичá, нóнчи и нóничá.

Вообще, всѣ нарѣчія, образованныя съ собственно нарѣчными суффиксами, нарѣчія вопросительныя и рядъ другихъ образованы отъ мѣстоименныхъ основъ. Приведу примѣры нарѣчій, образованныхъ отъ мѣстоименій безъ помощи нарѣчныхъ суффиксовъ (да, ды, де, лѣ): ф тé пър (=въ тѣ поры, тогда), па éстих пор, па сéх пóр, тапе-

рѧ, типе́рѧ и проч., зате́м, пато́м и пътаму (= потомъ; только старуха: „атправля́ит с̀пе́рва ба̀лшо́у бра́тъ ниве́сту, пътаму́ фтару́ю, другу́ бра́тъ, пътаму́ тре́т̀ју, сваю́ ниве́сту“. „Потому“ съ тѣмъ же значеніемъ извѣстно мнѣ и изъ говора Козловск. у. Тамб. и др.), ко́і̀ ме́стѧ (гдѣ: „ане ко́і̀ ме́стъ жыу́т?“) и пр.

Нарѣчія времени.

тапе́р̀(ѧ) и типе́р̀(ѧ), тапе́ричѧ и типе́ричѧ, да́ичѧ (давеча), ужо́ткѧ и ужо́; пре́жди, пре́жъ, дапре́ш, нъпиро́т („ты нъпиро́т скажы́, а пато́м де́лăj), спе́рвѧ (с̀пе́рвѧ и пр.), пато́м и пътаму́ (см. выше), зате́м, по́с̀ли, апо́с̀ли и ăпас̀ля́ (ср. у Миши Байкова: „опосля“, „апосля“); ф те́ пър, ны́н̀чи, ся́wо́дни и ся́дни, фчара́с̀, вичо́р (вчера вечеромъ), вичо́ръс̀, фчара́, пъзафчара́ (третьяго дни), трито́въс̀ (недавно), ано́дъс̀ (см. ниже), утръс̀ (нынче утромъ); виче́ри (ужо вечеромъ и вчера вечеромъ), у́три (завтра утромъ), пау́тру, за́фтри, пас̀ля́ за́фтри; ле́тъс̀; сича́с, чича́с, шьча́с, щча́с, сию́ мину́тью, пака́, пака́мис̀ (покамѣстъ) и пр. О нарѣчіяхъ на „да“ и пр. см. ниже. О произношеніи „типер̀“ и пр. см. выше, стр. 72.

Нарѣчія мѣста

ко́і̀ ме́стѧ, з̀де́сѧ и з̀де́с̀, ту́тѧ и тут, та́мѧ и там, блис̀, дале́чѧ, нивдале́чи, пада́ли (сравн. ст.), во́з̀ли (но „о́къл̀“—всегда предлогъ), взат-наза́т, пъзади́, наза́т̀, ря́дъм, ря́душкъм, с̀пириди́, пирядо́м и пр.

Указательныя нарѣчія: эwѧ или э́у, энѧ, wо́, вот, э́ут (=эвотъ). Нарѣчіе „вот“ фонетически переходитъ въ „ут“ и „ут̀“ (см. выше, стр. 61). Интересно, что это „ут̀“ или „ут“ можетъ настолько тѣсно примыкать къ мѣстоименію „этотъ“, что образуетъ съ нимъ какъ бы одно слово, такъ что при немъ можетъ опять являться нарѣчіе „вот“: вот утéтът или утэ́тът, наприм.: „вот утéту бири́“ и пр. Нарѣчіе „эwѧ“ казалось очень страннымъ одному

живущему въ имѣньѣ при Парфенкахъ крестьянину Кирсан. у. Тамб. губ., привыкшему, чтобы указывающіе на какое нибудь мѣсто говорили: „wонанá“.

Суффиксы нарѣчій мѣста и времени.

гда и *гды;* суфф. только временныхъ нарѣчій: кадá, тадá и кады́, тады́, фсяγдá (или фсиγдá), зъфсяγдá, нъфсяγдá и зафся́γды, нафся́γды, зафсо́γды, инаγдá, кой-кадá, ано́дъсь. Въ произношеніи нарѣчій кадá, тадá и ано́дъсь (см. выше, стр. 22) средне-великорусскіе говоры примыкаютъ къ южновеликор. (кадá, тадá, нады́сь), тогда какъ въ сѣв.-влкр. „γ“ (общерусское „γ“, а не „г“) не выпало, а частью сохранилось (Олон., Арханг.), по большей же части перешло въ „в“ или „л“ (колды́, толды, нолды и пр.). Нарѣчіе „ано́дъсь“=„оноγдысь“. 1-я часть его, вѣроятно, — мѣстоименіе „онъ“ со значеніемъ „тотъ, другой“, какъ и въ нарѣчіи „наме́дни“ (изъ ономь-дьни, откуда въ нѣкоторыхъ сѣв.-влкр. говорахъ ономня́сь); вторая часть — „γды“, конечно, то-же, что въ коγды, тоγды, иноγды, вьсеγды (въ Парф. во всѣхъ этихъ нарѣчіяхъ въ концѣ -а); наконецъ, „сь“ — окончаніе, обозначающее близость времени, указываемаго нарѣчіемъ, ко времени рѣчи (первоначально, — мѣстоим. „сь“ *или* ср. р. „се“). Въ сѣв.-влкрус. то-же нарѣчіе употребляется въ формѣ: нолды́, онолды, оногды́сь (напр. Арханг.), онегдась (Арханг.); въ ю.-влкр.: нады́сь (Туль., Калуж., Рязан., Тамб., Орлов. и др.). Въ сѣв.-влкр. „онегдась“, звукъ „е“, вѣроятно, родственъ съ „э“ въ нарѣчіяхъ мѣста, гдѣ это „э“ чередуется съ „ы“ и „у“. Польск. onegdaj. См. также выше, стр. 61.

да и *ды;* суфф. мѣстныхъ нарѣчій, но нѣкоторыя изъ такихъ нарѣчій имѣютъ и временное значеніе: куда́, туда́, суда́ и куды́, туды́, суды́, кой-куда́; паку́дă (врем.), пака́дă (врем.). атку́дă, даку́дă (врем. и мѣ.), атту́дă, аццу́дă (или: ацсу́дă) и пр.; тѣ-же нарѣчія съ звукомъ „е“: аткéдă, накéдă, аттэ́дă, ацце́дă (и: ацсэ́дă) и пр. Въ на-

рѣчіи „пака́дӑ“ (ср. ниже: пака́л̆) „а“ — нефонетическій, по аналогіи съ пака́, пака́мис̆. Объ „е“ несмягчающемъ. предшествующей зубной вмѣсто „у“ (общеслав. ж) см. ниже, подъ суфф. „ль“. Нарѣчіе „куды“, кромѣ мѣстнаго значенія, иногда употребляется въ значеніи нарѣчія причины, = зачѣмъ, наприм., „а е́йти крича́ли: куды́ нам жда́т? мы са́ми спуга́лиса“.

На „ду“ нарѣчій нѣтъ (ср. литер. всю́ду, повсюду).

де; суфф. мѣстныхъ нарѣчій: γде́, де́, рѣдко иде́ (= гдѣ; въ ю.-влкр. „иде́“ — повсемѣстно), виз̆де́, ниγде́.

ль; суфф. мѣстныхъ нарѣчій, но нѣкоторыя изъ нарѣчій имѣютъ и временное значеніе: аткуўл̆, аткоо̆л̆, аттуўл̆, ацсуўл̆, пакуўл̆, пака́л̆ (врем.) и: аткеэ̆л̆(й̆), аттэ̆л̆(й̆), ацсэ̆л̆ и ацпэ̆л̆. Въ нарѣчіи „пака́л̆“ „а́“ такого же происхожденія. какъ и въ „пака́дӑ“.

„э́“ несмягчающее предшествующей согласной (въ Парфенк. говорѣ—только зубной) вмѣсто „у“ (изъ ж) является только подъ удареніемъ, поэтому въ нарѣчіяхъ на „да“, „ды“ только сложныхъ. Это „э“ въ нарѣчіяхъ мѣста распространено въ большей части великорусскихъ говоровъ, причемъ обыкновенно „к“ въ такихъ нарѣчіяхъ въ другихъ говорахъ не смягчается (ср. Калуж.; у Черныш. Моск. у. 14 и 43. а также, по моимъ наблюденіямъ, и въ Рузск. у.: аткэ́дӑ, аткэ́л̆). Иногда вмѣсто „у“ или „э“ въ тѣхъ же нарѣчіяхъ въ нѣкоторыхъ говорахъ бываетъ „ы“, ср. Мосал. и Мещов.: аттыда. Это „э“ или „ы“ по происхожденію, вѣроятно, родственно съ „э“ и „ы“ въ склоненіи мѣстоим. тэй, однэй и т. п. (также: тый, одный), гдѣ оно получалось, кажется, изъ „ы“ передъ „j“. Что здѣсь во всякомъ случаѣ не старое „е“, видно изъ такихъ формъ, какъ аткеда, которыя иначе звучали бы: аччеда и т. п. Вопросъ объ измѣненіи „ы“ передъ „i̯“ обстоятельно разсмотрѣнъ ак. Шахматовымъ въ Изслѣд. (стр. 33 слл.), въ Мосал. (стр. 195 сл.), въ Отч. о прис. Ломон. прем. въ 1897 г. (стр. 59—64) и друг., а также Ляпуновымъ въ Ж. Ст. 1894 и въ Изсл., стр. 119—153, по нарѣчій аттэда и т. п. они не касались.

ова и *ева*; эти суфф. присоединяются къ нарѣчіямъ на да и лѣ; въ нихъ можно видѣть сравнительно позднее стремленіе склонять нарѣчія, по образцу мѣстоименій, съ которыми эти нарѣчія въ родствѣ (ср. сѣв.-влкр. тудою, сюдою): пакýдъвă или пакудуў, аткýдъвă, пакéдъвă. аткéдъвă, аттýдъвă, аттэ́дъвă, аццýдъвă, аццэ́дъвă и т. п.; пакéльвă, аткéльвă, ацсéльвă и пр. Отмѣчу, что нарѣчія на -ельвă имѣютъ подъ удареніемъ „е“ смягчающее предшествующую согласную.

Нарѣчія образа дѣйствія и др.

эк, как, так, уттáк (=вотъ такъ), э́дък, так и э́дък; кóл̀къ и скóл̀къ, тóл̀къ, тóкъ (только), тóкмъ и тóм(ъ) (послѣднее часто съ отрицаніемъ въ значеніи союза: „там, мáтушк маѝ, н и тóм ѝон, á ищ ищó чаó нибýт̀...“; „он ни тóм што, а...“), стóл̀къ и тóл̀к (=столько: „вúдил ли ты тóл̀къ зóл̀ътъ“ — старуха, ср. Черныш. Моск. у. 53 и Мещов.), э́стъл̀къ, сэ́стъл̀къ; óчин, óчиѝ и óчиннă (очень или много: „я́ п тия́ пустúлă, д у миня́ дитéj óчиннъ“), бóл̀нъ (=очень, ср. Вытегор., Олон. и др.: больнё; также и въ ю.-влкр., наприм. Медын., Калуж. и др.), здóръвъ (очень, хорошо), гóжă (хорошо); нукш(т)óш (см. т. 46, стр. 132—133); чéрьс̀ (наприм.: вода чересь пошла, зерно стало чересь сыпаться и т. п., ср. Черныш., Моск. у. 68), наскрóс̀, ўрóс̀ (врозь) и мн. др.

Нарѣчія причины и цѣли.

х чамý (=зачѣмъ), зачéм, паштó (=зачѣмъ, почему), пачóм (почему; наприм.: почóмъ мнѣ знать и пр.), на штó (=зачѣмъ), пъчамý; с э́стим (=поэтому, для этого), затéм, пътамý; куды́ (наприм.: куды́ нам ждать?) и пр.

Нѣкоторыя нарѣчія употребляются чаще въ значеніи предлоговъ, но сохраняютъ и значеніе нарѣчій: пóдли, вóзли, блúс̀, пазáт̀, насýпрът̀, фпиридú, чéрис̀, наскрóс̀, апóс̀ли, ăкрамя́ и друг. Всѣ эти нарѣчія, употребляясь

въ значеніи предлоговъ, соединяются съ родит. пад., кромѣ „черисъ“, который требуетъ также и винит. пад.

Предлоги.

Предлоги, состоящіе изъ одной твердой согласной или оканчивающіеся на твердую согласную, передъ нѣкоторыми группами согласныхъ являются съ гласной на концѣ:

в: в до́ми, в го́ръди, в ъгаро́ди, в афсе́ (или: в афсэ́), в друго́й ме́ста, ф сталé, ф стипи́, в грабу́, ф кругу́, ф кливу́, ф кле́ф, в бро́т, ф про́луп и т. д., но: ва ста́ди, ва дво́р и даже: въ дваре́, въ дваре́ц; ва ржы́, ва ржа́ви бало́ти, ва фсю́ даро́гу и пр.

к: ни х чаму́, х Ка́рцъву, к ме́сту, к стънаво́му, х кра́ю, ɣ до́му, ɣ дру́гу, но: къ двару́ къ свам у́, ка Спа́су и пр.

под: пад дра́нку, пъд дваро́м, път тваю́ howy талjа́нку и пр., но: пъда фсе́м и пр.

от: ад до́му, ад двара́, ацтънаво́wă, ат кра́ю, ацта́дă и ăта ста́дă, ацку́ки ради, ăта ржы́, ăта вра́гă и пр.

с: з гары́, с ле́съм, с пра́вă, с кра́ю, с тру́пкъj и пр.; са ста́дъм, съ стала́, сафто́рникă, са дву́х и з дву́х, съ двара́ и т. д.

Въ нѣкоторыхъ сложныхъ съ предлогами гласная въ концѣ этихъ предлоговъ бываетъ и не передъ группой согласныхъ: вашо́л, сашо́л, пъдашо́л, ъташо́л, взашол и т. п. по аналогіи съ вошла́, сошла и пр. По употребительности такихъ формъ парфенковскій говоръ приближается къ сѣверно-великорусскимъ, тогда какъ въ южновеликор. чаще гласная въ концѣ предлога не возстановляется, когда въ ней нѣтъ фонетической потребности, ср. южновлкр. (калуж., туль., рязан. и др.): атшо́л, патшо́л, вшо́л (ўшо́л, фшо́л) и пр.

сз. Существованіе рядомъ формъ съ гласной и безъ нея позволяетъ вносить извѣстныя различія въ сложныя съ этимъ предлогомъ, такъ: согрѣть кого, но — сгрѣть

съ кого (наприм.: большія деньги при продажѣ чего и пр.). Кромѣ того, слѣдуетъ отмѣтить удвоеніе предлога—въ выраженіи: сас па́р (= са дву́х) и сас тро́х (при игрѣ въ бабки), но: ѝчитыро́х, с̀ пити́ и пр. Ср. болгарск. със или сжс.

(о), об, обо. Предлогъ этотъ очень рѣдко встрѣчается въ формѣ „о“, наприм. а чо́м; обыкновенно согласная предлога сохраняется (съ ея фонетическими измѣненіями) при всякомъ положеніи, какъ передъ гласной, такъ и передъ согласной. Передъ группой согласныхъ, между которыми выпала старая глухая гласная (ъ, ь или „и“ въ такихъ словахъ, какъ ӑбашју́), а иногда и въ другихъ случаяхъ — „обо“: ап чо́м, о́п пъл, ап то́м, аб де́ли, о́б зимлю и аб зе́млю, ап пусты́м де́ли, аб ду́шу, аб дву́х, ап ста́ди, о́п стъл, ап стро́јки, ъба ржы́, „ап сибе́, аба мне́, ап тре́тим бара́шки“ (пѣ.). Ср. у Миши Байкова: обгоркой сирате (пѣ.), обросу (ск.). То-же и въ сложеніи съ глаголами: хуш апка́чивајса (пѣ.), абде́лът̀, ъбраба́тъwy, апчикры́жыт̀, ӑбазна́ц̑а, ӑбаснуц̑а, а̀в̀вя́зънъс̀, ӑбјигни́ц̑а а̀вмишу́ницъ̆, а̀в̀би́т̀ (что обо что), ъбаре́зълъс, ъбабри́т̀, ъбабира́т̀. См. выше, стр. 41. Ср. напр. у Будде, Къ ист. и у другихъ: абдавѣть, вѣроятно, вполнѣ правильное образованіе изъ об-вдовѣть, какъ облакъ (парф.: о́блък) изъ обьвлакъ, а не замѣна „в“ черезъ „б“. Рядомъ съ словами, сохраняющими (или возстановившими) „б“ предлога употребляются и глаголы съ предлогомъ „о“ безъ „б“, иногда въ другомъ значеніи: асирди́ц̑ъ, аби́т̀ (или: ӑаби́т̀ — мебель, экипажъ, ср. выше а̀в̀би́т̀), ъкати́ц̑а (о кошкѣ: родить котятъ), атили́ц̑а, аду́мъц̑а и абду́мът̀, ӑступи́ц̑а и апступи́т̀ (значенія разныя), аси́лит̀, агра́дӑ (заимств.), акру́к, акру́гӑ, ӑграма́тнъј, ӑгаро́х и пр. Въ распространенномъ видѣ этого предлога „обо“ „о“ — вторичное, по аналогіи съ предлогами в, к, с, над, под, перед и нѣк. др. Въ общеслав. этотъ предлогъ являлся въ двухъ видахъ — сильномъ: „обй“ и слабомъ — „обь“, причемъ въ послѣднемъ „ь“ могъ отпадать еще въ общеслав., такъ же, какъ „ъ“ въ изъ, безъ, орзъ. Поэтому

фонетически „обо“ въ русскомъ не должно было явиться, а развѣ только „оби“ или „обе“ („е“ изъ „ь“). Сильный видъ предлога въ словѣ „абисúкъцă“ (=обмочиться), а въ литературн. только въ заимствованномъ „обиходъ“. Въ старинныхъ памятникахъ русскаго языка „оби“ въ сложныхъ словахъ—часто, хотя могло и не быть въ живомъ русскомъ языкѣ. Въ богослужеб. рукописяхъ XI—XVI в. часто: обистоúти и обистоúніе; у Срезневскаго указаны между прочимъ такіе примѣры: обистоупаеми—Мин. 1097, 37; обистоупивъшемъ, Патер. Син. XI в., 203; обисѣсти, обитѣкати, обишьдъ, обишлі, обиходити Нест. Жит. Ѳеод. 11, Пов. врем. лѣтъ, Кир. Тур., Ефр. Сир. XIII в.; ѡбисиѥть сл҃нце Жит. Ѳеод. Ст. 101, обистоупиша Лаврент. лѣтоп.; ѡбизрелъ. Риж. грам. около 1300 г.; обизаряеть Панд. Ант. XIV в.; обизряся Грам. Рост. архіеп. 1448 г. и др.

Отсутствуетъ приставка „о“ въ словахъ: врáк, род. врáгă и жырéӀjь (см. выше, въ фонет.).

у. Передъ гласными (только „у“ и гласной изъ стараго „о“?) также—*yw*, хотя нечасто, а иногда предлогъ „у“ получаетъ форму *ywa* (передъ „в“ и „ф“?), напр.: yw афсá, yw аццá и у аццá; yw аднój, чаще: у аднój, yw акнá или у акнá и проч.; ywa фсéх и у фсéх, ywa врáгă.

мúмъ и *нúмъ:* „jéдит Màр баγáтъj пúмъ jётъj мéӀницы“, „он иӀдóт нúм акнá“ и пр. — оба примѣра изъ сказки, разсказанной старухой. Обычно: мúмъ. Ср. Медын.: „нима jётава тéрема“ (пѣ.), въ рязан. „нима“ (Будде, Къ діал.) и сѣв.-влкр. „вы́ма“ (вымо). „н“ вмѣсто „м“ вызванъ, вѣроятно, звуковой диссимиляціей, ср. „Нифóт“ вмѣсто „Мефѣд“.

скрос҃. См. выше, стр. 99.

чéрис҃. Употребляется, какъ нарѣчіе, и какъ предлогъ. Послѣдняя согласная передъ гласной или сонорной согласной произносится, какъ „з҃“: „чéриз҃ этъ дéлă“ и какъ „с҃“. Въ послѣднемъ случаѣ могло быть сохраненіе стараго „с“ или же подчиненіе общему правилу о кон-

цѣ словъ, потому что предлогъ „че́рисѣ“ имѣетъ самостоятельное ударе́ніе и, слѣдовательно, не примыкаетъ такъ тѣсно къ имени (см. выше, стр. 68—69 и стр. 111 и др.), ср. „ѣ“ въ „блисѣ“ и т. п. Предлогъ „че́рисѣ“ можетъ отдѣляться отъ имени, которымъ управляетъ, напр.: „че́рйсѣ ја тибѣ́ плато́к изарвала“, „че́рисѣ он э́тъ...“.

о́кълѣ. По происхожденію, вѣроятно, = о-колѣ, т. е. предлогъ „о(б)“ не съ винит., а съ мѣстн. пад. Рядомъ съ „окъ̀лѣ“ — также: „окъл“ съ „л“ твердымъ.

заме́с и *наме́с* (= вмѣсто): „ни приве́тит удало́ва намес ма́тири ацца́“ (пѣ.), „наме́с свајеј ве́рнъј супру́ги“ (ск.), „жы́л намез де́тищă (ск.), „заме́с миня́“ и пр.

про́тиф, *прати́(ф)*, *прот*̀, *супрати́(ф)*, *насу́прът*̀.

крук и *акру́к* (округъ): „крук качѐ̀л, крук качѐ̀л, крук качѐ̀лнава сталба́ раскало́л Вася таљја́нку“ (прип.); „нас и по́п та ни винчя́ит, крук нало́ю ни вид̀о́т“ (прип.), „акру́к ја свawò до́му паста́влю карабо́т“ (пѣ.) и проч. и разгов.

апри́ч (кромѣ): „ни пръпуска́т никаó апри́ч толкъ Бо́гъ“ (ск.), и т. п.

фстреч: ѣхать, гресть и пр. „фстреч ве́тру“ и т. п. Употребляется и какъ нарѣчіе: „вади́цы бу́дити че́рпът̀ в рике́, фстре́ч че́рпăј“ (т. е. противъ теченія; ск.).

сире́т̀: „пълажы́лă сире́д̀ дваря́“, „сире́т̀ ле́су“ и пр.

О согласованіи предлоговъ — ниже, въ синтаксисѣ.

Слова сложныя съ предлогами.

роз при прилагательныхъ и иногда при существительныхъ — для обозначенія усиленія качества: ръскраса́вицă и проч., наприм. въ пѣсняхъ: „разудалый“ (Миша Байк.), „разъ красутка“ (онъ же), разуда́лăј, расхаро́шăй, разуха́лаю дитю̀ ма́лаю, ръсприя́тил̀ и проч. Въ другихъ значеніяхъ употребленіе то же, что въ литерат.: ръзрагу́лй, ръскаря́кă, ръссужда́т̀ (въ короводѣ — жестикулировать), ро́звъ̀ни и проч. О произношеніи см. выше, стр. 21.

вз: вазро́днъj — ласкат.: вазро́днъj ты мој, вазро́днъй мая ма́тушкă, вазро́днъjь мајо̀ ди́титкă и т. п.; вазви́дить: „све́ту мне бе́лъу ни вазви́дить, дите́j сваих ни вазви́дить“ (клятва); возрадоваться: „ни вазра́дуиссъ ма́тушкъ“; въжжала́хнуцъ или зжала́хнуццъ; взайти́т не только въ смыслѣ „подняться и войти“, но и въ значеніи просто „войти“: взайти́ вы́збу, взашла́ ф сара́j (куда уже вовсе не надо подыматься), взашо́л в э́ту дире́вню и пр.

въз: да вы́зрăсту, вѣроятно, = вы-из-ростъ или вы-вз-ростъ (т. е. до того времени, какъ выростетъ). См. выше, стр. 22.

с: спи́съwъ: он спи́сьут (записываетъ); ска́зъwъ; он взя́л, jим або́им го́лъу и сс е́к; сти́шнъj (тихій): пъстишне́й жыви́; сро́ц̀твиник (родственникъ); ску́снъj (то-же — вездѣ въ сѣв.-влкр.); спо́лницца (= исполнится и т. п.); я згаро́тку гъражу́; згаро́дъчкă и изгаро́дъчкă; ска́скă и ка́зъчкă, ско́лкă и ко́лкă сматри́, сматря́ю и матри́, матря́ю. Въ послѣднемъ случаѣ, вѣроятно, старое отсутствіе приставки. Всѣ перечисленныя слова извѣстны и въ другихъ говорахъ. Объ словахъ, сложныхъ съ приставкою „с“ см. также выше, стр. 49—50 и стр. 106.

с-по: спъгаро́жънъй (пѣ.), спъкида́т (разгов. и пѣ., ср. „миня спакида́ит“; „фсе́ миня́ спаки́нули“ и пр.), спако́j (наприм.: ни даду́т тибѣ спако́ю) и спако́иствă; спака́ицă („спакаилаз дифчо́начка духо́вному ацду́“—приб. Ср. выше, стр. 104).

с-под: спъдыма́т и пр.

су. См. у меня выше, стр. 31 и 39. Приведу еще примѣры: сугла́снаи (приб.), сугли́нък, суго́рбинăj (пѣ.), сужале́лъ (старуха), су́кръицă (сукровица), су́мирки, сумле́ньjь, сумлява́ццă, су́пъръснъj (о свиньѣ, но, наприм., о коровѣ: сте́лнъj съ приставкой „с“), насу́прът, супру́к, супру́гă, су́писък (супѣсокъ), зăсусо́бит (присвоить), суссе́т и сасе́т, су́тълъкă, сутя́гă. Нѣкоторыя изъ сложныхъ съ сж замѣнили сж черезъ са- (со-): сасе́т, сагла́сjă, ср.

литерат.: сожалѣть, сомнѣнье. Нельзя ли думать, что гласная приставки (а, о) въ такихъ словахъ сохранилась именно потому, что она замѣнила старую гласную полнаго образованія; иначе старое „ъ“ въ такомъ положеніи не должно было бы сохраниться въ видѣ гласной, и мы бы имѣли: ссѣдъ, згласья, жжалѣть (ср. сжалиться) и т. п. Такого же происхожденія о (а) въ совѣтъ, такъ какъ съвѣтъ дало бы „свѣтъ“, ср. старорусскія съвѣтъ, свѣтъ, свѣтьникъ = совѣтъ, совѣтникъ.

по: по́мир, по́жыл и пр. Отмѣчу глаголы безъ приставки „по“: каза́т: ты ни кажы́ (не показывай), бу́ду я тибѣ́ каза́т! въраті́т: въраті́ ло́шът та (поворачивай).

подъ; между прочимъ отмѣчу слова: пъдъфтари́т (повторить), пъднама́р (см. выше, стр. 102), пъдjалды́хнут (сдѣлать отъ себя дополненіе къ чьей ниб. рѣчи) и др.

пере: пирса́дник (ср. у Булича Матер. для русск. словаря въ Изв. II Отд., I изъ Калуж.), пирка́ле́т, пиэмини́т, пирпусти́т (чересчуръ много пустить), пиртаме́т (совсѣмъ утомиться) и пр.

при: прися́дник, придили́т (к ме́сту и пр., „име́нијь ни зна́ю куды придили́т“, „я ни знаю, куды вjун придили́т“ и пр.), прида́т (к су́ду и т. п.), приста́вит (к ме́сту, к суду, ү де́лу и пр.), притыка́т, приписа́т, приру́п (пристройка къ избѣ) и пр.

про: пръздравля́т и пр.

Союзы и другія частицы.

Утвердительныя частицы: да, пра́вды, пра́ў, ну, пра́ў ну́ (пра̀въ ну́), jѐј Бо́үў ну́. Эти частицы употребляются въ отвѣтѣ въ смыслѣ утвержденія, а кромѣ того — въ вопросѣ со значеніемъ: вѣрно ли?

Отрицательныя: не́т, не́ту, на́дъд бъ тибе́.

Вопросительныя: нушта́ (напр.: „нушта́ пра́вды?“ — а то нушта́ не́т? — „нушта́ оп этъ здѣлъіт?“ — пра́у ну.), нюжли́, ниу́шта̀, нйужѐли, ну ужѐли (въ пѣ.: „ну ужѐли

пъзавя́пит въ Паѣфо́нкъγ зе́лин са́т, ну ужѐли мы даѣдо́мса свајѐх рибят ис салда́т?“), ну ужли́ жӑ; не́ш [„нѣ ж (то)“? по смыслу = развѣ: неж гре́ѣ ѝми бу́ду? неш таг де́лъют? неш он Маско́скӑј? и пр.], раѣи и раѣ (передъ гласными и сонорными согласными и раѣ и раѣ) = развѣ (употребляется кромѣ вопросительнаго значенія еще въ значеніи условнаго союза = развѣ только, если не: „пајдо́т х тибѐ Бо́х нъчава́ѣ! раѣ гawна́ тъ ню́хъѣ рабя́чјьу?!“), ли.

Раздѣлительно-вопросит.: а́ли, аѣ, ај (= али), или, ли-ли; послѣдній союзъ особенно частъ, когда въ 1-ой половинѣ фразы — глаголъ съ этимъ союзомъ, а во второй — отрицательное слово „нѣтъ“ и т. п., причемъ такое предложеніе чаще имѣетъ значеніе условнаго, чѣмъ вопросительнаго: „ве́риш ли, не́т ли“, (посмотри:) „што он там, ѣје́л ли, не́т ли, и пр.

Раздѣлит. тоѣ-тоѣ (тоѣ бу́дьт, тоѣ не́т; тоѣ уви́жу, тоѣ не́т), нито́-нито́ и др.

Сравнит. сло́wнъ, бы́ттъ (бы́ттъ кӑрти́нъчкъ харо́шъѣнка и т. п.), бы̆т (бы̆т ѣпи́т и пр.), как сло́wнъ (ястрябъ „ужѣжи́т как сло́wнъ ве́тир“), сло́wнъ как („сло́wнъ кък я тибя́ ви́дил“ и пр.), вро́ди как, то́чнӑ, си́лич (ср. у Черныш., Моск. 49, 151; Будде, Богородиц. Туль. и др.), ни пло́ш, ни пло́ш то́жъ и др.

Условные: када́, къли, је́жъли, је́жли, је́ѣли, је́ѣли, је́ли, јеѣ или јеѣ, кабы, къп, къли јеѣ: је́ѣли гwарьт ни пајѣо́ти...; јеѣ гwарит шуми́т, то он лити́т; јеѣ гwарит кля́ѣбу ни дади́ти, јеѣ ска́жыти..., јеѣ мы тибя́ прапу́ѣстим; а јеѣ ты камў пака́жыш, то он и ӑбвинчня́ицӑ; пъплывот к нам бо́чкъ, палу́чим ијо̀, къѣи је́ѣ з зо́лътъм, — ва́м, а ж жывјо́м,—мне́; адну ска́зъчку скажу́ вам, къли уго́дна. См. также т. 46, стр. 150; заче́м по́д гъру мани́лӑ, када̀ я́ тибѐ ни ми́л и пр.

Уступит. ко̆ѣ (= греч. περ): я́ къѣ пајду́ (я, пожалуй, пойду); я́ къѣ, ты́ къѣ (ну хоть ты, а то, пожалуй, и я); ты́ къѣ во́т што̆ ѣде́лӑј и пр.; хо̆т, хатя́, хош, хаша́: пръвиди́ хъш ади́н ра́с; ну хаша́ он бўт каг друди́и (пускай бы онъ былъ...), хаша́ я иwо̀ и ни зна́ю,

ну а фсо жъ...; ну с, пущáj, пускáj, ни трóк, ни зáм, ни замáj: ни трóк такъ астáницъ, ни трóг в дирéвни пъжывóт, ни зáм анá стаит и пр. см. выше, стр. 126; дивú бъ: дивú бъ ни пáс, а то...

Противоположж.: но; аднáкъ; фпрóчьм; а фсо жъ, а тó; а тó ут; ни тóм — а и, и пр.

Заключительные: ну дък wот пришол разýмшы, раздéмшы; тък; дък; то; таудá, тадú и пр.

Союзы цьли: шшубă, штобă, штоп, штуп, шшуп. См. выше, стр. 109.

Причинные: пътамý (безъ „что“; = потому что: онъ такъ сдѣлаетъ, потому онъ тебя любитъ и т. п.), кáк (= такъ какъ), пътамý как (= такъ какъ).

Союзы времени и мѣста — тѣ-же, что и нарѣчія.

Перечислю еще нѣкоторыя частицы: ниш (=лишь): ăднавó я ниж баюс (пѣ.); набóс, нибóс, (нябóс): он набóс весь пóль зъвалúл; *чаj:* вы чаj слышъли, ты чаj замýчилсă [1]); знаt: wод знаt этъ Бóх тъ падáл нам; *ит* (вѣдь) и дыt (да вѣдь): тятиn, дыд Бóх у миня нъчawáл (ск.) и т. д.

Удвоéніе корня.

Такое удвоеніе является въ словахъ бабáскă и предлогѣ сас, наприм.: „wóт тибѣ скáск, а мнé бабáска, тибé къришóк, а мне дéнйк мишóк“ (оконч. сказки; старуха); при игрѣ въ бабки употребляются выраженія: бить „сас пáр“, „сас трóх“, но „n читырóх“, „с питú“ и пр. „Бабаска“ врядъ ли — изъ „побаска“, потому что *п* фонетически не могло уподобиться слѣдующему *б*. Вѣроятно, это слово аналогично по способу образованія съ русскими: колоколъ, тараторить, балаболка, хорохориться, старославянскимъ глаголати; удвоеніе во всѣхъ этихъ сло-

---

[1]) Кажется, это слово — только сѣверное. См. ниже, главу о словоупотребленіи.

вахъ еще дославянское. Ср. неполное удвоеніе корня въ калуж. приγаγу́тка рядомъ съ приγу́тка (*V*(гуд)). Съ предлогомъ сас ср. смолен. сосъ (Буслаевъ, Историч. грамм. § 76, 5) и болгар. със, а также русское и болгар. във (см. Соболевск. Изъ исторіи русск. яз. XVII. Ж. М. Н. Пр. 1897, ноябрь, стр. 67; добавлю примѣръ изъ русскаго списка повѣсти объ Акирѣ XV в. Общ. Ист. и Др. Росс. № 189: „въвоборзѣ“). См. мою замѣтку въ Ж. М. Н. Пр. 1902, іюнь.

Созвучныя пары словъ.

1. ни тро́ш, ни варо́ш (оставь въ покоѣ); лиф-про́лиф (проливной дождь); хо́дит-бро́дит; ни шасто́м, ни пясто́м (слово „пѣстъ“ извѣстно только въ этомъ выраженіи); жыл-был [1]); шалава́т̀ и балава́т̀ (пѣ.); цалуит-милуит (велич. пѣ.); то-с̀о́, пя́тъй-деся́тъй; тако́j-сяко́j; можетъ быть: пандра́вилъс, пъмура́вилъс, ср. „че́м ът ана̀ ямȕ пъмура́вилъс“ и пр., ср. въ калуж. пѣ. „чижик-пыжик“ (Медын.).

2. шурда́ бурда́; шурды́-бурды́ събрали́с (т. е. всякій народъ; все больше мало годные люди); там шарóх-варóх найд̀о́т (т. е. тамъ сѣно разворошено и такъ и сякъ; такъ что не разберешься); шы́шьл-вы́шьл, вон пашо́л (считалка), шытави́лă-битавилă пă нимéцку гъвари́лă и проч. загадка про сороку); шурки́-юрки́, апя́т̀ ф парки́ (загадка про точильный брусокъ).

3. с̀ю́ха-муха, ты гавню́ха (считалка); квапня́-машня́ (считалка).

4. сало́минă-ялóминă (считалка); второе слово — изъ „еловина“, т. е. еловая игла?

Объ этихъ парахъ см. замѣтку Мурзы-Джафара: Объ искусственномъ образованіи парныхъ словъ въ Юбилей-

---

[1]) Жыл-был, по происхожденію, быть можетъ—plusquamperf., но теперь по значенію совпало съ остальными созвучными парами и только потому уцѣлѣло.

номъ Сборникѣ въ честь Вс. Ѳ. Миллера, стр. 311—313, а также мою замѣтку: „Еще о парныхъ словахъ“ (Мелкія замѣтки по русскому яз., 4, въ Журн. Мин. Н. Пр.).

СЛОВОУПОТРЕБЛЕНІЕ.

Современемъ я постараюсь издать сравнительный словарь Парфёнковскаго говора. Теперь только отмѣчу нѣкоторыя слова, употребляющіяся въ этомъ говорѣ и характеризующія его, какъ одинъ изъ средневеликорусскихъ говоровъ. Параллелей изъ другихъ говоровъ не привожу, потому что вопросу о словарномъ составѣ великорусскихъ говоровъ будетъ посвящена отдѣльная замѣтка. Слова располагаю по алфавиту; о словахъ, неупотребительныхъ въ говорѣ (какъ наприм.: дежа, скородить, конь, орать и пр.). см. подъ ихъ синонимами (квашня, бороновать и пр.).

а н б а́ р и ж и т н и ц а одинаково употребительны; амбаромъ обычно зовутъ барскія житницы.

б а я т ь (сѣв.-влкр.) въ смыслѣ „говорить“ — почти исключительно въ пѣснях.

коровы рогами только б о д а ю т с я, но не брухаются и не торкаютъ; торкаютъ только вилы.

б о р о н а́, б о р о н о в а́ т ь (сѣв.-влкр.; при этомъ только этотъ глаголъ; не „боронить“), бороньба́ и пр.; южновеликорусское „скородить“ вовсе неизвѣстно.

б р е х а́ т ь, б р е х н я́ (=лгать, лганье) стали извѣстны только съ 1901 г., когда пріѣхалъ на побывку одинъ Куровскій парень, поступившій учителемъ въ школу близъ Малаго Ярославца Калужской губ.

б р ы к а т ь с я и л я г а т ь с я — оба слова употребительны.

б р ю к в а.

б ѣ л к а, значительно рѣже, чѣмъ в е к ш а.

в е к ш а.

водонос̀ъ — палка, на которой носятъ ушатъ или бадью съ водой; слово „хлудъ“ вовсе неизвѣстно.

выть или воить по покойникѣ, а не „голосить“.

говорить. Слова „гутарить“ или „гуторить“ (южно-влкр.) нѣтъ.

до́ить коровъ; „она до́итъ корову“ и „корова до́итъ молоко“; слово „тѣшить“ въ этомъ значеніи не употребляется; слово „торыка́ть“—объ отдѣльныхъ моментахъ доенья.

доро́жка; также тропка, тропинка; слово „стежка“ въ этомъ значеніи не употребляется.

дощечка (сѣв.), а не „досто́чка“ (ю.-влкр.). Слово „до́стачка“ — только въ одной пѣснѣ.

жи́тница — зданіе для помѣщенія зернового хлѣба; см. также сл. „амбаръ“.

жито 1) ячмень, 2) яровой хлѣбъ. Въ обоихъ значеніяхъ это слово — сѣв.-влкр. Въ южно-влкр. и, частью, въ сѣверн. въ 1-мъ значеніи употребляется слово „ячмень“.

жи́чка — глазная болѣзнь „ячмень“.

зау́локъ. Одинъ парфёнковскій крестьянинъ, сравнивая свой говоръ съ говоромъ дер. Тилихтина Спасъ-Нудыльской волости, говорилъ: „У нас каро́ў ушла́ в зау́лък, а у них коро́вă в закоу́лок ушла́. У на́с щи́, а у них шшы́“.

замо́читься. Живущій въ нашемъ имѣніи работникъ изъ Орловской губ., разговорившись со мной объ томъ, какъ говорятъ у нихъ и у насъ, привелъ рядъ выраженій, которыя онъ „покрылъ“ и теперь здѣсь болѣе не употребляетъ. Напримѣръ, онъ какъ-то вздумалъ какой-то дѣвкѣ въ Куровѣ или въ Парфёнкахъ сказать по своему: „Ка́к ты нябо́с̀ умари́лас̀“. Дѣвки подняли его на смѣхъ и потомъ объяснили, что по ихнему надо сказать: „ты́ ча̀j замо́чилъс“, что вызвало сначала его протестъ: какъ это „ча́j замо́чилси: ча́j ни маји́т̀ замо́чиц̀ци“, но съ тѣхъ поръ онъ свое „умари́лси“ покрылъ, и никто болѣе отъ него этого слова не слыхалъ.

зола́. Словъ „пепелъ“ и „попелъ“ я никогда не слыхалъ.

изба. Слово „хата“ (ю.-влкр.) въ разговорѣ неупотребительно.

каса́тка (птица) — чаще, чѣмъ „ласточка“.

качели и „рели“.

квашня́ (сѣв.-влкр.; впрочемъ, на сѣверѣ — другое удареніе); южновеликорусскаго „дежа“ въ Парфёнкахъ не знаютъ.

клѣвъ = хлѣвъ (кажется, сѣверное; въ южн.: „закут“).

кляп — только въ неприличномъ значеніи.

ковшъ (сѣв.?). Слово „корецъ“ (южн.?) ни въ какомъ значеніи не употребляется.

конь — только деревянная лошадь на карусели или игрушка; въ послѣднемъ случаѣ обычно „каня́шка“, но также и „лаша́тка“.

колыбель (выговар. „ка̀лубе́л̀“, „кълубе́лка“) — только въ пѣсняхъ и сказкахъ.

кочеты́гъ — чѣмъ плетутъ лапти и бахилки, а не „свайка“.

крынка — сосудъ для молока.

кушы́н — по-южному, а не „кукшын“ по-сѣверному.

лады́ — брачный сговоръ.

ло́шадь — обычно.

ляда́ — множ. — низкія луговины подъ покосомъ.

люлька = колыбель.

махо́тка — небольшая кринка.

мутовка.

мычка — горсть пеньки или трепанаго льна, надѣваемой на гребень; „мыкать мычку“ — расчесывать ленъ.

мякина.

шестокъ или наше́стокъ у печки — то, что въ южновеликор. зовется загнѣткой.

о́цѣпъ или оцѣпъ — жердь, къ которой привязывается люлька.

пали́ца — широкій ножъ у сохи.

паýкъ. Слово „мизгирь“ неизвѣстно.

пахáть землю (южновеликор. и сѣв.-восточн.), сѣв. и малор. „орать“ въ этомъ значеніи неизвѣстно; слово „пахать“ въ другихъ значеніяхъ (мести полъ и рѣзать хлѣбъ) не употребляется.

пелёва: мякúна пелёва — овсяная мякина. Слово „полова“ совсѣмъ неизвѣстно.

посконь.

поúси — соломенные жгуты, которыми перевязываютъ снопы (то, что въ южновеликор. — „свясла“ или „перевясла“).

пѣтýхъ. Слово „кочетъ“ неизвѣстно.

пѣть пѣсни (сѣв.), а не „играть“ (южн.).

рига — большой овинъ, закрытый со всѣхъ сторонъ.

рѣзéцъ. Рѣзцомъ называютъ скобель въ дер. Поповкѣ Спасъ-Нудыльской вол., въ Савельевѣ и друг. Въ Парфёнкахъ — „стругъ“.

санки — маленькія, ручныя сани, на которыхъ зимой возятъ воду и бѣлье, а не „салазки“.

сковорóдень — чѣмъ таскаютъ сковородки. Въ Куровѣ извѣстно также и словб „чупéльникъ“.

сѣльникъ, а не „клѣть“.

стругъ — скобель. Слово „скобель“ неупотребительно.

толкачъ — пѣстъ.

торкать, почти то-же, что „тыкать“. Вилы торкаютъ и пр.

тропка и тропúнка (сѣв.) — пѣшеходная дорожка. Слово „стежка“ (южн.) въ этомъ значеніи неизвѣстно.

ухватъ (сѣв.), а не рогачъ (южн.).

ушатъ, а не „извара“.

хвастать — говорить неправду (южн.).

хлѣвъ, см. „клѣвъ“.

чапельникъ (произнос. „чупéльникъ“ Курово), — „чѣмъ блины таскаютъ“, т. е. вынимаютъ сковородки изъ печи. Въ Парфёнкахъ — только „сковорóдень“.

цѣпъ, а не „пріузъ“.

„чай“ — частица — небось, пожалуй, я думаю и пр. (сѣверн.).

ш и́ б к о — скоро, быстро. Сѣверное (владим.) „пры́тко“ кажется страннымъ.

Этихъ словъ достаточно, чтобы показать, что словарь парфёнковскаго — средневеликорусскій и, какъ такой, ближе къ сѣверно-великорусскому и именно къ восточнымъ говорамъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія, чѣмъ къ южно-великорусскому. Подробнѣе постараюсь разсмотрѣть вопросъ объ отношеніи средневеликорусскаго словаря къ другимъ великорусскимъ въ особой замѣткѣ. Укажу на то, что есть небольшія различія въ словарѣ между Парфёнками и другими сосѣдними деревнями, наприм.: „шило“ — Парфёнки, „наколю́шка“ — Курово; „стругъ“ — Парфёнки, „рѣзецъ“ — Савельево и т. д.

Здѣсь же приведу нѣкоторые образцы метонимій: „А мы и не знали, что у насъ *ангелъ* (= именинница) сидитъ“; „и ате́ц ту́тъ ијо́, и бра́т ту́т... и ијо́ и *зако́н* (= мужъ) тут“ (сказка). Остальныя подробности относительно словоупотребленія впослѣдствіи будутъ указаны въ словарѣ.

СИНТАКСИСЪ.

Родъ именъ существительныхъ.

Муж. рода имена: кърамы́сьл, я́блък, стату́j, мы́ш, ле́бьѣ̀, гу̀с (род. гу́ся̀ или гуся́). Всѣ эти слова склоняются по мужскому склоненію; род. пад: стату́я̀, мыша́, ле́бьдя̀ и пр.; ска́тьр̀т̀ — женск. рода, хотя въ имен. ед. можно сказать: бе́лъj, чи́стъj ска́тьр̀т̀.

Женск. рода уже по формѣ: ба́нкъ̀ (наприм. положи́ть деньги „в ба́нку“), вряда́ (ср. Колосов Зам. 66, Черныш. Моск. у. 107 и друг.), ти́гра, пу̀т̀ (ср. творит. пу̀т̀о́j, пу̀т̀ју́j; въ сѣв.-влкр. „путь“ тоже женск. рода).

Вмѣсто „вряда́“ говорятъ и „вре́т“: „вряды́ не́т“ и „вряда́ не́т“.

Грамматическій родъ слова можетъ не совпадать съ родомъ лица, обозначаемаго словомъ: городская голова, вѣрная слуга, горькая сирота, онъ — горькая пьяница, ея женихъ — красавица писаная и пр.; въ сказкѣ: „го́лъу сно́с и слуге́ свае́й и мана́ху“ (слуга — мужчина), но также: „душа́ мая, душа̀ мо́й, душа̀ ми́лай, дарагóй“ (пѣ.), „мой ат муш ад горкай пя́ница“ (и: „горка пяница“ — пѣ.), „бе́дпъй сирата́“, и пр.

Женск. родъ вмѣсто средняго: фсю̀ симе́йству, сама́ сабóй и само̀ сабóй, к адну́ прикра́снъйъ вре́мь (ск.).

Очень часто употребленіе мѣстоименій и иногда прилагательныхъ въ формѣ муж. рода при существительныхъ средняго рода: аказалас мой кале́чик (пѣ.); йицо—он сырóй; де́ вядро́ тă? — wóн он; он нябóс̀ вес̀ пóль зъвали́л, я́ бъ у Ма́шки вес̀ се́н адби́лъ бă; се́нъ вес̀ акóпнътă; вес̀ лицó ъпцапа́лă; на свóй ме́стă; твóй калцó вы́скъчит; падѝн лицó и надно́ лицó; „свой именной кольцо“ (Миша Байк.); мой све́тпъй плат̀ъ, ф тве́тпай (вмѣсто „твѣтно“ въ пѣ.?) пла́т̀ъа нарижа́ица (пѣ.) и мн. др. Подобное согласованіе отмѣчено во многихъ южновеликорус. говорахъ, между прочимъ, мною въ Калуж. губ.

Средній родъ сказуемаго при подлежащемъ муж. рода: „у на́с и каза́к пахóжъ нъ каза́к“; „прошло годъ“ (Миша Байковъ). „Прошло годъ“ — по аналогіи съ „прошло два года“, „— два мѣсяца“ и т. п.

Употребленіе чиселъ.

Множеств. дѣлимаго вещества. Названія растеній и т. п.: „овёсъ какой хорошъ“ и „овсы хороши“, „сѣна́ хороши“ и „сѣно хорошъ (хорошо)“; конопля́, въ коноплѣ и въ конопляхъ; ягоды поспѣли, ходить по ягоды и: ягода попче сильпая, „уродилась сильна ягода въ бору“ (пѣ.); грибы пошли; наоборотъ, *един. число:* сосна (ель, осина и т. п.) попче дорога́ и т. п. О различіи меж-

ду овесъ и овсы, сѣно и сѣна́ и т. п. см. у Потебни, Знач. множ. числа, стр. 27.

Множеств. число сложныхъ вещей: задки́, передки́ у телѣги и пр.

Множ. число мѣста: носить на кошла́хъ, постановить что-н. въ ногахъ к.-н., положить въ голова́ или въ го́ловы; что-н. лежитъ „въ голова́хъ“ у к.-н. Ср. у Потебни, Знач. мн. ч., стр. 43.

Множ. число времени (ср. у Потебни, о. с. V, стр. 44—59): по́лдни, на́ полдни, на полдня́хъ; справлять помоло́тки, проздравлять съ помоло́тками и пр.; за́говѣны, но также и „за́говѣнъ“ муж. р., наприм.: „мы в за́гъwьн праси́ли“, „да за́гъwьну ко́лк аста́лъс“ и „jамý да за́гъwьн аста́лъс служы́т“.

Множ. число состоянія (ср. у Потебни, о. с. VI, 60—76). Служить въ рабо́тникахъ, въ повара́хъ, въ кучера́хъ и пр., но также: сто́рожемъ, управля́ющимъ. Вообще, такой оборотъ („въ“ съ множ.) избѣгается, если обозначается должность, которую занимаетъ или можетъ занимать только одинъ человѣкъ.

„гарю́хи на́шъму Андрю́хи“, жа́лости (наприм.: жа́лости даже и подумать, и глядѣть то жа́лости и пр., ср. у Черныш. Моск. у. 29), у́жасти; „онъ не въ убы́ткахъ“, лады́ (plur. tant., = брачный сговоръ); „фсо на ра́дасътях, на висе́лjушках“ (пѣ.) и пр.

Множ. вѣжливости. 1-е л. множ. вмѣсто единственаго употребляется при выраженіи благодарности: блъгадари́м вам фсе́м вапче́, пако́рнъ блъгадари́м, о́чин ва́ми блъгада́рны и пр.

2-е л. множ. вмѣсто единств.—въ разговорѣ съ „господами“, священниками, учителями, кабаччиками и т. п., затѣмъ, когда „ребята“ говорятъ съ дѣвками изъ другой деревни и притомъ еще мало знакомыми, съ совершенно незнакомыми людьми, если они мало-мальски прилично одѣты. Въ тѣхъ же случаяхъ употребляется и единственное число. Очень немногіе, желая казаться болѣе благовоспитанными, говорятъ на „вы“ со всѣми. Принято упо-

треблять 2 е л. множ. ч. въ письмахъ, хотя бы къ родному сыну, наприм.: „Дорогому моему сыну Ивану Алексѣичу. Пишетъ вамъ ваша матушка Катерина Давыдовна. Посылаемъ вамъ свое родительское благословеніе и съ любовію низко́й поклонъ“, и т. д.; наконецъ, въ торжественныхъ, обрядовыхъ случаяхъ: на свадьбѣ, когда невѣста разсаживаетъ своихъ подругъ или угощаетъ ихъ, она говоритъ съ ними на „вы“. То-же я наблюдалъ и въ Медынскомъ у. Калужской губ.

3-е множ. для вѣжливости вмѣсто единств. употребляется, когда говорятъ объ лицахъ, съ которыми стали бы говорить при встрѣчѣ на „вы“: „ане́ (т. е. баринъ) ушли́ в ле́с“, „ане́ пашли́ нъ дире́вню“ и т. п.

Употребленіе чиселъ при числительныхъ.

При числительныхъ два, три и четыре отъ слова „раз“ вмѣсто старой формы двойств. можетъ стоять и родит. множ.: два ра́с, три ра́с и два ра́за́ и пр. Любопытно согласованіе при числит. въ одной пѣснѣ, записанной у старухи: „у мawо́ ли у мило́ва три са́дика силяно́ва“; обыкновенно прилагательное при числительныхъ: два, три, четыре ставится въ формѣ родит. множ.

Кстати замѣчу, что при числительныхъ большое значеніе имѣетъ расположеніе словъ, какъ и въ литературномъ: „тридцать рублей“ — именно 30, не больше и не меньше; „рублей тридцать“—около 30 рублей. Такое различіе существуетъ не во всѣхъ русскихъ говорахъ. Такъ, напримѣръ, изъ словъ В. И. Чернышова въ Доп. къ Мещ. стр. 33 можно думать, что въ Мещовскомъ говорѣ выраженія „восемь человѣкъ“ и „человѣкъ восемь“ имѣютъ одинаковое значеніе. Въ бѣлорусскомъ расположеніе словъ въ сочетаніяхъ съ числительными не вліяетъ на значеніе такихъ сочетаній. Лѣтомъ 1900 года въ дер. Куровѣ работало нѣсколько крестьянъ изъ Могилевской губ. Одинъ Куровскій парень, разсказывая мнѣ, какъ эти работники

говорятъ, удивлялся, что по ихнему „рублей тридцать прислали“ все равно, что „прислали 30 рублей“.

Множ. число при собирательныхъ: „весь народъ дивовались“ (Миша Байковъ), „сбиралисъ наротъ“ (онъ же) и т. п.; чаще въ такомъ положеніи единств. число сказуемаго.

Отмѣчу множ. ч. мѣстоименій въ такихъ выраженіяхъ, какъ: мы съ сестрой (= я да сестра), онѣ съ братомъ (онъ да братъ); наприм.: „спе́рвă мы с Ната́шкъj прajéхълис, а пото́м ане́ с Ми́шкъj“ (въ обоихъ случаяхъ было только по два человѣка).

Единств. повелительнаго при множеств. подлежащаго: „де́фти поj, де́фти поj, де́фтӣ висили́тиса“ (пѣ.) и т. п.

Употребленіе падежей.

Именит. Отмѣчу употребленіе личнаго оборота вмѣсто безличнаго: „ста́л он у ни̓ дивити́ ле́т“ (ск., старуха), „темна ночинька мне не спица“ (Миша Байк.; пѣ.); при отрицаніи: „пасмо́трим што́ на свѐти не́ былă“ (ск., запис. мною отъ Миши Байкова) и др., ср. винит. при отрицаніи.

Винит. Нѣкоторые переходные глаголы употребляются безъ дополненія (съ подразумѣвающимся дополненіемъ) въ особомъ значеніи: давать: „скатини давать“ (Миша Байковъ; то-же и въ разгов.), т. е. кормъ; о дѣвушкѣ или женщинѣ: давать кому.....; гонять и водить въ играхъ, гдѣ обыкновенно выигравшая партія „водитъ“, а проигравшая „ганяетъ“; искать у кого, т. е. вшей, гнидъ: „дай, я у тебя поищу“ и т. п., гнать, вертать, поворачивать — въ значеніи непереходныхъ глаголовъ.

Нарѣчіе вмѣсто прямого дополненія — въ пѣснѣ: „Я въ го́рку шла, чижало́ нясла́“.

Винит. внутренняго содержанія при непереходномъ глаголѣ: „го́рь гърява́т“ — пѣ.

Описательныя выраженія съ винит. объекта: зада́л зада́чу, ахо́ту гана́ть (=охотиться), гаря́чку тача́ть (спѣшить, суетиться) и пр.

отпереть съ винительн. лица: „отперъ ее“ (Миша Байк.; ск.), ср. запереть кого.

глядѣть на кого и кого: „пашли́ пъглиде́т э̀ту до́чта, што он (медвѣдь) там с̀је́л ли, не́т ли (ск.); смотрѣть невѣсту, домъ, свадьбу, платье и пр. и смотрѣть на кого, на что; при этомъ значенія глагола „смотрѣть“ въ томъ и въ другомъ случаѣ нѣсколько различаются.

искать съ винит. и съ родит.: „што́ ш там иска́т̀“. Кромѣ обычнаго значенія „искать“ употребляется съ вин. или родит. лица въ значеніи „искать въ головѣ“ (вшей, гнидъ) у кого: „дај я тибя̀ пъищу́“ и т. п.; въ послѣднемъ значеніи употребляется и род. съ предлогомъ „у“.

измѣнить съ винит. = литературному „измѣнить“ съ дат.: „измѣнить любовь“ = перестать любить, ср. „и хо́чиш любо́ф изми́нѝт“ (пѣ.); „измѣнить кого“ = перестать любить кого, обмануть, перемѣнить на другого, наприм. „изменила тебя“ (Миша Байк.), „онъ её измѣнилъ“ и т. п. Въ значеніи литературнаго „измѣнить“ употребляется глаголъ „перемѣнить“, ср. „в лице́ пирмини́ласа“ (пѣ.).

говорить съ винит. употребляется иногда въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ литературн. — предлогъ „об“ съ мѣстн.: „што́ ш он с табо́ј пъгъвари́л?“ (ск. и разгов.); также: „ап чом.....“.

Винит. можетъ стоять вмѣсто родит. partit.: жалко чего и что: „ему стало эти денги жалко“ (Миша Байковъ); дава̀т и зо́лътъ и сирябро́ (вин.!) и наряду́ (род.!)“ (ск.; запис. отъ Миши Байкова); што́ и тапѐр де́лът̀ та; можът мнѐ там пъдаду́т што́-нибу̀т̀.

При отрицаніи — какъ родит., такъ и винит. Примѣры: „ты ни мо́жыш пѝсм̀о́ присла́т̀“ (впрочемъ, въ этомъ примѣрѣ винит. зависитъ отъ infin. безъ отрицанія), „јѐз rwа̀рт кля́дбу ни дади́ти“ (ск.), „отвѣтъ нидашъ“ (Миша Байковъ; пѣ.), „дарам деньди ни даю́т“

(пѣ.). Ср. выше именит. при отрицаніи и винит. вмѣсто родит. partit.

Формы винит. = имен. отъ именъ животныхъ, напр.: „три кабы́лы“ и т. п., см. выше, въ Морфологіи.

Родит. При отрицаніи — какъ вмѣсто винит., такъ и вмѣсто именит. при глаголѣ быть, стать отъ мѣстоименій и именъ: тамъ никого нѣтъ, его дома нѣтъ, нашихъ коровъ что то нѣту, сладу нѣтъ, ей у́держу нѣтъ, и счёту нѣтъ, у ихъ согласья не стало и пр.; ничего не стоитъ, „нюви́дим ли де́ гаи́ка́ (огонька) како́вă“ (ск.) и пр. Рѣже въ такихъ случаяхъ — винит. (см. выше).

Мѣстоименіе „што“ въ качествѣ дополненія при глаголахъ, а иногда и въ качествѣ подлежащаго можетъ стоять въ формѣ родит. падежа, преимущественно въ вопросахъ: „он чаwо́ йтъ де́лъит“, „чаwо́ ты там ви́диш?“, „а чаво́ вы зъписа́ли?“, „чаво́ он гъвари́т?“, „чаво́ йт он гаро́дит?“, „чаwо́ ты ищь вы́думъл?“ и т. д.; „чйwо́ ты пла́чиш?“ (объ чемъ ты плачешь), „чьwо́ ты расхны́кълса?“, „чаwо́ вы тут паста́влины?“ (=зачѣмъ вы..) и пр.; „чаwо́ ш у вàс jéĉ? (=что жъ у васъ есть?).

Иногда та-же форма употребляется даже при предлогахъ, требующихъ винит. над., наприм. „ф чаwо́“ (положить, поставить и т. п.), нъ чаwо́, зъ чаwо́ и пр. Ср. подобные обороты въ Рязан. (Будде, Къ діалект., 127), Донск. (Матер. 42[2]), отчасти Мещовск. (Косогоровъ, 167) и друг.

Родит. раздѣлител.: „худой славушки пренять“ (Миша Байк.; пѣ.); „сичàс вы́нул бума́ди и чи᷑рни́л, ы нъписа́л писмо́“ (ск., запис. отъ старухи), „как уви́дид гры́ба́“ (одна дѣвка, жившая года три въ Москвѣ). Въ послѣднемъ случаѣ „грибъ“, какъ будто принимается за названіе одушевленнаго предмета; форма родит. со значеніемъ винит. отъ слова „грибъ“ и названій грибовъ употребительна во многихъ русскихъ говорахъ.

нуждаться съ родит.: „са́м ja де́ньк ни нужда́юс“ (пѣ.).

внимать съ род.: „ричеj я якò так внима́ла“ (пѣ.).

При глаголѣ спросить родит.: „пойду дѣдушки спрошуся“ („пойду“ изъ „пойду᷈у“? Миша Байк.), „спрашиваетъ этой девочки“ (онъ же). Быть можетъ, слѣдуетъ понимать какъ родит., а не винит.: „я ва́с хачу́ спраси́ть“.

Родит. качества: „я́, гът, ни прасто́у лица́“ и т. п.

Родит. при числит.: „тро́и су́тъ̆к“ и пр. Въ сѣв.-влкр. въ этомъ случаѣ нерѣдко — именит.: „трои сутки“ (ср. Олон. Колос. Зам. 197 и академ. матер. изъ сѣв.-влкр.).

Дат. Молить, какъ и молиться, — съ дател., напр.: „мали́ть Бо́гу зъ Тимо́ху“ (приб. и разгов.) и пр.; также: просить: „ста́л ја го́спъду праси́ть“ (пѣ.), но обыкновенно глаголъ „просить“ — съ родит. или винит.

благодарить всегда съ дател. (примѣры см. выше въ § о числѣ), но „благодарный“ — съ твор. Ср. матер. изъ Новгор., Олон., Вологод. губ.

„мнѣ подруженьки смѣются, не женихъ ли твой“ (Миша Байк.; пѣ.; = надо мной... смѣются...?).

„я крича́ла, ни дакли́калас јаму́“ и пр. (пѣ.).

мнѣ пришло на умъ; „мне ахо́тъ прилягла́ яо̀ зажа́ридь дъ ску́шъ̆ть“ и т. д.

Двойной дател.: „я повѣрила... сладкимъ молодцу рѣчамъ“ (Миша Байк.; пѣ.).

Творит. о́чин вами блъгада́рны, „ни ацта́ну ад зана́тнава ни ху́дъм, ни добро́м“ (приб.), „надругой день всемъ миромъ его искали“ (Миша Байковъ), „та́к риw᷈о́т каро́уј (= какъ корова, плачетъ), „пашол вадо́ю (по водѣ), „јехъли пу᷈тјо́ј“, „се᷈рди го᷈рми гаря́т“ (пѣ.), „и ᷈свисну́л ја грамко́м“ (пѣ.), ѣхать порожнёмъ и пр.

Согласованіе предлоговъ.

об: а́ба што́, ап чаwо́; а́б э́ту по́ру („приблизительно въ это время“); „таг жыу́т, ду́шъ аб ду́шу“ (старуха) и: душа́ въ ду́шу; „ап чо́м ты стаи́ш? ап пусты́м де́ли“ (изъза чего ты упорствуешь, изъ-за чего ты споришь? — изъза пустяковъ; охота тебѣ изъ за пустяковъ такъ упря-

миться); „кърамы́сьл тъ он то́ж аб дву́х канца́х“; „ло́шът ӑп читы́ро́х пага́х“ и т. п.; „ап то́м ја ни грусна́“ (пѣ., здѣсь отглаг. прилаг. сохраняетъ управленіе глагола).

на: пріѣхать на лодкахъ, на кораблѣ и пр., но сидѣть въ лодкѣ, въ кораблѣ; „садится въ корабль“ (Миша Байковъ) и на корабль; ходить на деревню, быть на деревнѣ (т. е. не въ полѣ, не на барской усадьбѣ), но жить въ деревнѣ (т. е. не въ городѣ); на улицѣ, но въ проу́лкѣ; на барской усадьбѣ; на дворѣ и во дворѣ, выйти на дворъ (между прочимъ всегда съ этимъ предлогомъ въ значеніи = до вѣтру) и во дворъ (въѣхать, войти), на́ поле („на́ пъля“) и на́ полѣ („на́ пъли“), но и (рѣже) въ поле, въ полѣ; лошади пасутся на клеверѣ, но — забрались въ клеверъ, въ овесъ, въ рожь, ходятъ въ овсѣ, во ржи, но на ржани́щи и т. д. при названіяхъ деревень употребляются различные предлоги (и „въ“, и „на“); кажется, предлогъ „на“ ставится въ тѣхъ случаяхъ, когда деревня — на горѣ: на Ве́рьхней Деревнѣ, на Го́ркахъ, на Медве́дкахъ, на Со́лнешной станціи, на Румя́нцевской станціи; кажется, иногда — на Бодро́вѣ, на Ми́нинѣ (также и въ винит. над.), но: въ Васи́льевскимъ, въ Парфёнкахъ (и: „на П.“), въ Коренька́хъ, въ Шиша́ихѣ, въ Поко́евѣ, въ Петро́скимъ, въ Со́лнешнымъ, въ Ядро́минѣ и пр.

Прійтить на Рожество́, это случилось на Успленьё (т. е. не въ самый день праздника), остаться на праздникъ, на Пасху и пр.; это было на Рожествѣ (т. е. въ святки), на Пасхѣ, но: въ Рожество (въ самый день Рожества), въ Веденьё; въ святки и на свя́ткахъ; въ праздники и, рѣже, на праздникахъ; но только: въ праздникъ; выраженіе „на праздникѣ“ обозначаетъ не время, а мѣсто (тамъ, гдѣ справляется праздникъ; на праздничномъ гуляньѣ).

жениться и вѣнчаться на комъ-нибудь, напр.: „объвѣнчалса на ней“ (Миша Байковъ); также: съ кѣмъ-нибудь и надъ кѣмъ (рѣдко).

говорить на кого-ниб.=говорить кому-ниб., напр.: ана̀ rwа̀рт нахо́тникъ (ск.), сукъ... нъ къбиля́ гъwӑрит (тамъ же), з̀бира́йсъ, rwӑр̀т, правóрния, нъ нийо́ (ск.) и мн. друг.; въ томъ же значеніи можетъ употребляться и дат. безъ предлога.

возжалахнуться на кого: он въжжала́хнулсъ бра̀т нъ нийо́ (=онъ пожалѣлъ ее; ск.). работать на кого: на отца́, на се́мью, на себя́; готовить (sc. обѣдъ и пр.) на кого: „ана̀ пъстаян на на́з гато́вит“, но: готовить „дли до́му“. „нагада́j надру́шка Са́ша на разорванај каро́л̀“ (приб.); обыкновенно въ разгов.: гадать на король, на кралю (даму). „так ја нъ тибе́ (мѣстн. над.!) наде́юс“, но чаще при этомъ глаголѣ — „на“ съ винит.; „сын ацца́ ѣjо́т, ни на́ худъ у́чит“ (ср. Волог. Кадник. матер. 25, Олон. Петрозав., матер. 30 и др.). „он с ѝном надно́ (нади́н) лицо́“; онъ „на лицо́ краса́вица“ (приб.), также: лицомъ..., но: изъ себя, собою. ѣхать, идти на стрѣчу и стрѣчу (= въ стрѣчу?); нечистъ на́ руку и пр.; посылать письма и пр. на кого-нибудь = на чьё-нибудь имя: пиши́ на меня́ и т. п. онѣ сошлись на двухъ рубляхъ; онѣ на этимъ погрѣши́ли; спасибо и на этимъ; спаси́бо вамъ на добромъ словѣ и пр.; домъ=на правой рукѣ, но „ступајти.. вот ф пра́wу ру́ку в ави́н ищѝт“.

въ. См. выше, объ употребленіи предлога „на“. Кромѣ того: читать въ книжку, играть въ гармо́нью, во скрипку, въ тальянку, въ рожо́к, но: на роя́ли; „в або́и края́ (т. е. колокола) нача́ли ъхаба́чьwъ̀т“ (т. е. звонить); „jе́дит Мар баγа́тъj jим стре́чу“ (въ стрѣчу?) (старуха); „ступа́jти.., wот ф пра́wу руку в ави́н ищи́̀т“ (старуха); въ конецъ (=совсѣмъ, наприм.: ръззарю́ тибя́ ф канец— приб.), а я́ в ра́зум ни взяла́ (пѣ.), мне́ ни ф со́вис̀ (мнѣ неловко, стыдно), а мне́ и ни в дамек, ни в дага́т (догадъ), апа́ jаму́ ни ф пандра́ву и пр.; при обозначеніи времени: въ у́жинъ, въ обѣдъ (во время ужина, обѣда, напр.: я приду́ х тибе́ в абе́т; ане́ в абе́т ӑддыха́ют); во всю ночь и всю ночь; во весь день ни слова не сказали, во всё лѣто, во всю зи́му, „ва фсю даро́гу фс̀о пе́с̀ни пе-

ли мы, ва фсю дарóгу jéхъли“ (=всю дорогу, пока ѣхали, мы пѣли пѣсни) и пр.; рѣже — безъ предлога.

„в лицé пирминúласа“ (пѣ.; т. е. лицомъ...).

по — съ винит., дательн. и мѣстнымъ: 1) ходить по грибы, порéхи, пó воду (и: за водой), по я́годы, по я́блоки, погорохъ, по малúну (и: за малиной), нарѣчіе пашто́, но сходить за квасомъ, съѣздить за лѣсомъ, за сѣ́номъ, за ло́шадью и пр., нарѣчіе зачéм. Замѣчу различіе: сходить за ягодами, по большей части, — уже набранными, по ягоды—съ цѣлью ихъ собрать; поѣхать по дрова, т. е. съ топоромъ, чтобы нарубить въ лѣсу дровъ; за дровами, — чтобы привезти уже нарубленныя дрова. По́ поясъ, по́ уши, по го́рло и пр.

2) сходить куда по дѣлу, по на́добности, ударить по рукамъ, сговориться по душа́мъ, „спéрвă цъ душам, а там, смóтриш, и пъ ушáм“, „папáшъ наказъул пъ надóжы (потому что надѣялся) нъ тибя́“ (старуха); ходить по міру, по двора́мъ, раздавать имучество по бѣднымъ людя́мъ, по нищей бра́тіи, по церква́мъ; разойтись по домамъ; ходить по́ двору, по улицѣ, пройтись по горенкѣ и проч.; всё по хоро́шему (наприм. „фсо пъхаро́шъму дéлъ до́мъ бу́дит“—старуха); пау́тру (=утромъ). Предлогъ „по“ съ дат. употребляется для обозначенія раздѣла извѣстнаго количества на равныя или соотвѣтственныя доли: градъ по кури́ному яйцу́ (т. е. каждая градинка—), по одному́ („пъднаму́“), по пяти́, по двадцати́ трёмъ, по ба́бкамъ (т. е. по числу поставленныхъ бабокъ); по числительныя 2—4 въ томъ же значеніи ставятся въ зависимости отъ „по“ въ винит. над.: по́ два, по́ три, по четы́ри, какъ и въ литерат.; также: „по пидися́т рубле́j дади́м“; мѣстоименіе „што“ при тѣхъ же условіяхъ — въ мѣстн. над.: „пачо́м“; рѣдко также: „падно́м“ = по одному.

3) во временномъ или мѣстномъ значеніи = послѣ чего, какъ и въ литерат., и послѣ глаголовъ, означающихъ печаль для обозначенія предмета печали: „апà о́чиннъ ръзгруставáлъс пъ свájej ро́дини“; „мы очи́н гру́сту́им пъ тибé“, „заливаласа па немъ слизми“ (Апн. Аким.,

пѣ.); „я па ми́лаим скуча́ю“ (приб.); „ни ап чо́м так ни страда́ла, как па ми́лаим свайо́м“ (пѣ.), вздыхать по комъ и т. д. (см. также предл. „при“). Но иногда мѣстный падежъ въ такихъ случаяхъ замѣняется дательнымъ: па ми́лаим друшке́ и, рѣдко: па ми́лъму друшку́, она плачетъ по нему и т. п.; „пътаму́“=потомъ — у одной старухи. См. выше, о нарѣчіяхъ.

за — съ вин. и твор. См. предлогъ „по“ съ винит. Также: преслѣдовать за кѣмъ: „фсиγда́ присле́давал за не́ю, к любо́ви я ийо̀ скланя́л“ (пѣ.); „чаwо́ ты за мно́ю со̀ присле́дуиш?“ (разгов.), ср. управленіе несложнаго глагола „слѣдовать“; „зъ пустяка́ми т толк ы де́лъ ть ста́ла“; „ни за ра́дъсѣ ју я х тибе́ прије́хъл“ (т. е. не за тѣмъ, чтобы тебя обрадовать...; ск.); „матри́... пъщюня́ј ийо̀, штъб ана̀... ни пашла́ зъ гулбо́ю (т. е. не стала гулять; ск.) и пр.

Съ вин.: за́ годъ до этого; за́ годъ успѣли сдѣлать то-то; за́ лѣто; за́ вёдро (пока еще вёдро); за́ свѣтло; за хоро́шую пого́ду; за́ ночь; за́ день; „задин дѐн фсо абде́лъим“ и пр.; за́ годя (предлогъ — съ дѣеприч., ср. отъ родя́сь); „за зиму т он саску́чицъ пъ дире́вни“, „заму́чьссӑ за́ дьн̀ рабо́тъмшы“; „высписсъ за́ нъч“; „за́ видрӑ тъ бъ се́нъ убра́т; свататъ, просватать (дѣвушку) за кого, отдавать (sc. замужъ) за кого; брать, взять кого (sc. замужъ) за себя; также: „зя́л јао́ зъ сибя“ (=къ себѣ), записать что за себя (=на свое имя).

къ съ дат.: сули́ли мне́ дѐнди, пада́рти, хате́ли миня́ кh те́м прилстиt (пѣ.); а мне́ и ни х чаму́ бы́лъ; ни γ душе́ (= не по душѣ); зашо́л х крајнъму до́му (ск.), приззя́ид γ база́ру (ск.; старуха), но обычно: на базаръ (а „къ база́ру“ обычно только во временномъ значеніи: ко времени базара).

придѣлить (т. е. опредѣлить) къ мѣсту, придать к су́ду, приста́вить къ становому; мы къ этому дѣлу не привычны; онъ къ этому дѣлу не касается или: онъ до этого дѣла не касается; свататься къ кому (къ к.-н. дѣ-

вушкѣ), наприм.: „сватайся ко мнѣ“ (Миша Байк.) или сватать кого (вин.).

Отмѣтимъ употребленіе предлога „къ“ не при глаголах и нарѣчіяхъ, требующихъ этого предлога и не для обозначенія движенія: онъ живётъ (туда) къ краю, къ Воскресенску, къ Карцеву и т. п., т. е. по направленію отъ лица говорящаго къ пункту, обозначенному именемъ въ зависимости отъ предлога „къ“.

до: охотникъ до чего; онъ до этого дѣла не касается (ср. предл. „къ“); „судьба, до чего ты меня призвела?“ (пѣ.) и пр.

про: говорить, (баять), писать, знать и пр. (что) про кого: говорить „про́ щи с ква́сам“; „пра миня́ ли, пра тибя́ л̀ люди ба́юд гавара́т“ (пѣ.); „праjдо́т та сла́вушка пра на́с табо́j, суда́рушка“ (приб.); „это не про пас писано“ (не только = не про насъ, но и: не для насъ).

отъ: отъ горя, отъ бѣды и пр. — въ томъ же значеніи, какъ и: съ горя, съ бѣды и пр. Послѣдній оборотъ, кажется, чаще. „Онъ ац со́вис̀ти ушо́л ат не́j“ (ск.; старуха), т. е. потому, что ему стало „не въ совѣсть“, совѣстно жить съ ней.

подъ; съ вин. и твор.; приведу нѣсколько примѣровъ на употребленіе этого предлога съ вин.: крыть (избу и пр.) подъ дра́нку (=дранкой), подъ щётку (соломой подъ щ.), подъ желѣзо и желѣзомъ, но: соло́мою, тёсомъ; стричь волосы или стричься подъ по́льку (по-господски), подъ ерша́, подъ гуса́ра и пр.; плясать подъ тальянку, подъ скрипку, подъ рояль, „нат тваю́ howy таl̀jáначку патпе́т̀ я ни магу́“ (приб.) и пр.

съ — съ винит., родит. и твор.: съ чего = отъ чего: „и ума́ ни прилажу́, ш̀ чиво́ іть с̀ ни́м напри́ччилъс; и ш̀ чиwо́ іт он зъхвара́л? — Паня́тнъ, с холо́днеj вады́“ и т. п.; прiѣхать съ Москвы; сейчасъ только съ по́греба, со двора́ и изъ двора, но всегда: изъ дому.

приставать съ худыми дѣлами, „апа́ ни скланя́лъс с но́м“ (т. е. на его предложеніе жить съ нимъ, ск., отъ старухи), „прихо́дьт сам к не́j, ста́л с̀ не́j улыба́ца“ (ск.,

хотя изъ сказки не видно, чтобы глаголъ „улыбаться“ слѣдовало понимать, какъ взаимный); „снимъ поклонилса“ (Миша Байковъ) и пр.; жениться, вѣнчаться на комъ и съ кѣмъ, наприм.: „обвенчаемса с табою“ (Миша Байк.; ск.), „винчаѣ з баринам“ (пѣ.).

у: „усмерти“ (=при смерти. Миша Байк.; ск.); „онъ былъ упихъ оченъ красивъ“ (Миша Байк.) и пр.; спросить у кого; сватать кому невѣсту у кого и пр.

при: „очин таскуит при ниссясси“ (ск.; старуха); „а при старасти такой ни палюбит никакой“ (пѣ.); „при этим дели“; состоять при должности, при мѣстѣ или на мѣстѣ, рѣдко: у мѣста; быть при цѣпочкѣ, при часахъ; остаться ни при чомъ: „астались ни при чом, а търгавали тирпичом“ (погов.) и пр.

надъ. Отмѣтимъ оборотъ: вѣнчаться надъ кѣмъ-нибудь, чаще: на комъ или съ кѣмъ.

изъ: „изъ такой малости и путаться не стоитъ“; красивый, видный и пр. изъ себя; „ис сибя я никрасива, висяла сама сабой“ (приб.), но: красивъ и проч. лицомъ и т. п.

скрозъ — съ родит.: скрозь рѣшета, скрозь слёзъ; „скроз хрустальнава накошичка на молацца глидит“ (пѣ.), „там скроз троя (скрозь строя) правидут“ (пѣ.) и т. п.

чересъ — съ вин. и род., наприм.: „я по мърю плаула черис этъ дела“ (благодаря этому; ск.); чересь слёзъ (отъ слёзъ, наприм.: не могу говорить ч. сл.) и пр.

ради, заради: скуки ради и отъ скуки ради, ради Христа и Христа ради; заради Христа и пр.

передъ: „сравнялса баринъ пердомной“ (Миша Байковъ; пѣ.) и т. д.

Нарѣчія мѣста при глаголахъ направленія.

гдѣ дѣваласа (пѣ.); гдѣ бъ мне былъ зъ табой приехът (т. е. куда бы...; запис. отъ Миши Байк.); имѣніе не знаю, куда придѣлить (опредѣлить); я не знаю, куда вьюнъ положить и пр.

Употребленіе мѣстоименія 3-го л.

Это мѣстоименіе не только замѣняетъ отсутствующее въ предложеніи имя, но ставится нерѣдко и въ томъ случаѣ, если это имя находится на лицо: „Када́, гьт, он прид҃о́т, зя́т҃ тъ мо́ј?“; „а он сказа́л: валка́м с҃је́с҃, — Бо́х“; „у не́ј пя́тиръ дите́ј у до́чири“; „он въжжала́хнулсъ бра̀т҃ нъ нијо́“ (всѣ примѣры — изъ сказокъ, запис. отъ старухи). Существительное можетъ стоять и впереди мѣстоименія, но примѣровъ не пришлось записать.

Употребленіе глагола.

Условное накл.: я́ бъ ра́дъ дъгада́лъс и т. п.

Повелительное. Отмѣчу употребленіе ф. кажись въ значеніи частицы: „дъ ни сты́днъ ли тибе́, ни со́виснъ? — кажы́з дава́л҃нъ сты́днъ? — ск., разгов.; также въ значеніи частицъ — повел.: не замай́, не за́мъ, не тро́гъ, пущай́, пуска́й, пусть, поди-ко, небось и пр.

Infinit.: въ смыслѣ повелит.: позва́ть его сюды, молчать и пр.; при прилагат. готовъ, охочъ, гораздъ, хорошъ, ловокъ и др.: мой отецъ охочій няньчить; очень гораздъ сказки сказывать; онъ играть ловокъ и т. д.; „усла́л дарогу, де Бо́гу ити́т҃“ (ск.); „вамъ завтре косить“, sc. надо.

Дѣепричастіе: малѐнькъ пъгада́ ити́т҃ апя́т҃ а҃нгил гаспо́дин҃; ни҃стипя́ се́рцъм и ушо́л дамо́ј; глиди́д глаза́ вы́пучи; „одинъ изъ козаковъ, наѣздникъ лихой нибольши годъ живши съ женой смолодой...“ (Миша Байковъ; пѣ.); и пр.; дѣепричастія могутъ соединяться съ предлогами: за́ годя, отъ родя́сь.

Повтореніе предлога.

Повтореніе предлога, относящагося къ имени существительному, имѣющему при себѣ опредѣленіе,— нерѣдко, не только въ пѣсняхъ, но и въ сказкахъ и въ разго-

ворѣ. Примѣры: съ женой смолодой (пѣ. Миша Байковъ); он тъскава̀д̀ гъряв̀а̀т̀ пъ супру́ги пъ свајéј (ск.); пајéхъли с̀ е́тим, с слугój съ сваи́м, с прѝнцъм (тамъ-же); пъ суд̀бе́ па Бо́жиј (тамъ-же), прије́хъли пря́мъ γ го́ръду к̀ е́тъму (тамъ же), к съмаму́ к̀ е́тъму го́ръду; къ двару́ къ свам̀у́; ате́ц ид̀о́т к э́хтъј γ до́чири и т. д.

Сложное предложеніе.

Въ такъ называемой косвенной рѣчи могутъ сохраняться лица прямой рѣчи: сказалъ что это я; сказала ему, что я за тебя пойду; молится чтобы мой мужъ ослѣпъ (— всѣ примѣры изъ сказокъ, записанныхъ Мишей Байковымъ); нача́ли брани́т̀ заче́м вы хади́ли (косвенной рѣчи не будетъ, если написать: „...бранить: зачѣмъ...“, но интонація разсказчика въ этомъ мѣстѣ не даетъ права на такую интерпункцію), но также и: „она подумала что это ее мужъ“ (Миша Байковъ). Ср. въ греч. евангеліи такіе обороты, какъ: ἐκεῖνος ἔλεγεν ὅτι ἐγώ εἰμι (Іоан. 9, 9).

Въ *относительныхъ предложеніяхъ* съ мѣстоименіями: который, кто, кой въ главномъ предложеніи при существительномъ, опредѣляемомъ относительнымъ предложеніемъ, нерѣдко ставится мѣстоименіе „этотъ“ со значеніемъ = литерат. „тотъ“, наприм.: „онъ его отдалъ за два мѣшка сзолотомъ этому старику каторый далъ ему два мѣшка“ (Миша Байк.). Мѣстоименіе „тотъ“ въ подобныхъ случаяхъ — не часто. Если относительное предложеніе относится къ подлежащему главнаго предложенія, то это подлежащее очень часто ставится послѣ относительнаго мѣстоименія; такъ наприм.: „который человѣкъ...“ чаще, чѣмъ „человѣкъ, который“ и т. п.

Временныя и др. предложенія.

Нѣкоторые примѣры приведены въ главѣ о союзахъ (въ морфологіи); приведу еще нѣсколько: къкъ стари́к тъ

вѣрава́л, тѣк ана́ узнава́лъ; то́лк ушо́л, ате́ц идо́т к э́хтъj γ до́чири; я то́лкъ забы́лъз, засну́лъ, а̀нгил и прилета́ит и пр.

Вводныя предложенія.

Примѣры: он, ни сни́цъ ему́, съскачи́л... Вообще, временные и проч. союзы нерѣдко опускаются: „Я былъ здѣсь, — онъ приходилъ“, т. е. когда онъ приходилъ, я былъ здѣсь или наоборотъ.

Приложенія.

„Сла́въ ти Христу́“. Ср. также употребленіе мѣстоименія 3-го лица при наличности замѣняемаго имъ имени. В такихъ случаяхъ самое имя можно разсматривать, какъ приложеніе къ мѣстоименію.

Заключеніе.

Кончая свое описаніе, постараюсь изложить свой взглядъ на положеніе описанаго мною говора середи другихъ великорусскихъ. Мнѣ кажется, что, если разсматривать всѣ его фонетическія, морфологическія, лексическія и синтактическія черты въ ихъ совокупности, его неудобно считать говоромъ южновеликорусскимъ. Наряду съ нашимъ литературнымъ языкомъ, т. е. собственно Московскимъ говоромъ, и говорами нѣкоторыхъ уѣздовъ Московской, Тверской, частью Тульской, Рязанской и Поволжскихъ губб., его слѣдуетъ выдѣлить въ особую группу, которую я назвалъ бы средневеликорусской. До послѣдняго времени говоры этой группы были изучены хуже другихъ, да и южновеликорусскіе говоры намъ были недостаточно знакомы [1]). Только за послѣднія 5—6 лѣтъ

---

[1]) Въ „Опытѣ русской діалектологіи“ акад. А. И. Соболевскаго акающимъ говорамъ посвящено всего 22—23 стран.

общій характеръ южновеликорусскаго нарѣчія выяснился благодаря трудамъ проф. Е. Ѳ. Будде, акад. А. А. Шахматова, В. И. Чернышова, Филатова и нѣкоторыхъ другихъ (Рѣзанова, Калмыкова, и пр.); дальнѣйшія экскурсіи туда же Н. Караулова, А. Никольскаго и мои только прибавляютъ матеріалъ, но не вносятъ существенныхъ измѣненій въ добытые уже результаты. Вмѣстѣ съ этимъ опредѣляется и положеніе московскаго говора. Оказалось, что этотъ говоръ, отличаясь южновеликорусскимъ аканьемъ, носитъ нисколько не меньше очень существенныхъ чертъ сѣверновеликорусскихъ. Такъ, акад. Шахматовъ замѣтилъ, что съ фонетической стороны московскій говоръ отличается сѣверновеликорусскимъ произношеніемъ согласныхъ (имѣются въ виду нешепелявые сѣв.-влкр. говоры), Чернышовъ указалъ на крупныя различія между московскими и южновеликорусскими удареніями, остается указать на морфологію и словарь московскаго нарѣчія, во многихъ отношеніяхъ примыкающій къ сѣверновеликорусскому. Что касается объема Московскаго нарѣчія, то акад. А. И. Соболевскій готовъ былъ ограничить его предѣлами города Москвы, очевидно, отожествляя сильно акающее произношеніе Москов., Звенигор., Рузск. Клинск. и др. уѣздовъ съ южновеликорусскимъ. Недавнія поѣздки прекраснаго знатока великорусскихъ говоровъ и тонкаго наблюдателя В. И. Чернышова по Московскому, Дмитровскому, Богородскому и Егорьевскому уѣздамъ, вызвавшія двѣ небольшія, но очень цѣнныя замѣтки, равно какъ и мои наблюденія въ Рузскомъ и Клинскомъ уѣздахъ должны помочь выяснить и этотъ вопросъ. Вмѣсто одного Московскаго говора приходится говорить объ группѣ діалектовъ, занимающихъ сѣверную половину Московскаго у., бо́льшую часть Звенигородскаго, Рузскаго, Волоколамскаго, Клинск. уу., части Можайскаго, Подольск., Верейскаго, Дмитровскаго и Богородскаго уу. Московской г., значительную часть Тверской губ. (въ уѣздахъ: Тверскомъ, Осташковскомъ, Вышневолоцкомъ, Новоторжскомъ, Ста-

рицкомъ и Зубцовскомъ) [1]), часть Егорьевскаго у. Рязанской губ. Кромѣ того, говоры той же группы спорадически попадаются въ Поволжскихъ губерніяхъ и даже въ Тульской губ. (См. у Будде, Туль.). Общія черты этихъ говоровъ: аканье слабое или сильное, но, сколько мнѣ извѣстно, исключительно восточнаго типа, т. е. такое гдѣ неударяемыя гласныя не диссимилируются съ ударяемыми гласными сосѣдняго слога, нѣкоторыя другія измѣненія, стоящія въ связи съ аканьемъ (наприм. „а“ вмѣсто „о“ и наоборотъ подъ перенесеннымъ удареніемъ: подо́ришь, то́щитъ, а́тперта); произношеніе „о“ изъ „е“ въ личныхъ формахъ глаголовъ I-го спряженія и передъ шипящими „ш“ и „ж“ и нѣкоторыя другія явленія, указывающія на раннее отвердѣніе шипящихъ (черта восточныхъ, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ великорусскихъ говоровъ); „о“ или его фонетическія замѣны изъ стараго „ъ“ при всякомъ положеніи и изъ того звука, который акад. А. А. Шахматовъ называетъ „ы ирраціональное“ (кромѣ немногихъ отдѣльныхъ мѣстоименныхъ формъ, какъ однэё и тэё); взрывное „г“ изъ общерусскаго „г“ взрывнаго (черта сѣв.-влкр., но преимущественно восточныхъ говоровъ, тогда какъ въ Олон. и Арханг. изъ общерусскаго „г“ взрывнаго — „γ“, какъ и въ южновеликор.); „в“ или „w“ на мѣстѣ общерусскаго „γ“ между гласными (наприм. злова, коровоⱦъ; черта — сѣв-влкр.; въ южновлкр. „γ“ повсемѣстно — только въ „корогодъ“; а въ родит. над. муж. р. един. ч. мѣстоименій и прилагательныхъ рядомъ съ „γ“ — также и „в“. Въ сѣв-влкр. кое-гдѣ сохраняется „γ“, наприм. въ Олон.); твердое „т“ постоянно въ окончаніи 3-го л. обоихъ чиселъ глаголовъ (сѣв. влкр.; постоянное присутствіе этого „т“, кажется, — восточная черта; въ западныхъ сѣв.-влкр. говорахъ „т“ въ фор-

---

[1]) Въ Тверской губ., а также въ Волоколам. и друг. уу. Москов. губ. рядомъ съ сѣв.-влкрус. и средне-влкр. говорами встрѣчаются и говоры южно-великор. типа (съ фрикат. γ и „т“ мягкимъ въ оконч. 3 л. глаголовъ).

махъ 3-го л. можетъ отпадать, какъ и въ южновеликор., ср. выше); также твердыя согласныя въ словахъ „дыра“, „высокій“ (сѣв.; въ І-мъ словѣ твердость согласной — вторичная) и т. д.; ударенія — ближе къ сѣвернымъ: ту́ча, па́шня, густо́й, со́сну, во́ду, но́гу, ру́ку, но не всегда: то́лстый по южному, а не толсто́й, о́тдалъ и отда́лъ и пр; въ формахъ: род.-вин. мѣстоименій „меня́“, „тебя́“ (сѣв.), дат. „тебѣ́“; вин. мѣстоименій женск. р. на „jo“: тоё, самоё; 3 л. множ. глаголовъ обоихъ спряженій безъ ударенія на окончаніи на „ут“ (южн.); отсутствіе формъ „даси́“, „jeси́“; въ словообразованіи сѣверной чертой являются такія образованія, какъ „колодецъ“ (въ южновлкр. „колодязь“), „поясни́ца“ (въ южновлкр: „поясника“), но, кажется, южные — глаголы на „—ану“ (въ литературномъ — рѣдко). Наконецъ, въ словарѣ средневеликорусскаго нарѣчія немало сѣверныхъ словъ; кажется, средневеликорусскій словарь ближе къ словарю восточныхъ говоровъ сѣверновеликорусскаго нарѣчія, чѣмъ словарю другихъ великорусскихъ говоровъ, ср. бороновать, квашня, ухватъ, неупотребительность слова „хата“, затѣмъ всегда „лошадь“, а не „конь“, „пахать“, а не „орать“. Все это позволяетъ присоединиться ко мнѣнію акад. А. А. Шахматова, принятому и проф. Е. Ѳ. Будде, что „Московское нарѣчіе по происхожденію своему — ... сѣверно-русскій говоръ, принявшій южновеликорусскій вокализмъ“. То, что Шахматовъ сказалъ о Московскомъ нарѣчіи, можно примѣнить и къ другимъ средневеликорусскимъ говорамъ. Первоначально Московское нарѣчіе, повидимому, было особенно близко къ нешепелявымъ сѣверновеликорусскимъ говорамъ бассейна верхней Волги, такъ какъ нынѣшнее Московское нарѣчіе сохранило только тѣ сѣверныя черты въ фонетикѣ, морфологіи и словарѣ, какія есть въ этихъ говорахъ. Позднѣе къ Московскому нарѣчію примкнули, усвоивши южновеликорусское аканье и пр., также и нѣкоторые шепелявые говоры, но опять таки восточной группы. Ср. брошюры В. И. Чернышова. Къ числу шепелявящихъ говоровъ принадлежитъ отчасти и Парфён-

ковскій, гдѣ шепеляво произносятся мягкія жж, щ и ч. Изслѣдованные проф. Е. Ѳ. Будде сильно шепелявящіе говоры Касимовскаго у. Рязанской губ. по другимъ чертамъ фонетики и, кажется, морфологіи и словаря тоже примыкаютъ къ средневеликорусскимъ, но заключаютъ также много своеобразнаго, несвойственнаго другимъ средневеликорусскимъ говорамъ. Повидимому, эти говоры позже другихъ средневеликорусскихъ подверглись вліянію акающаго нарѣчія.

Такъ какъ средневеликорусское нарѣчіе образовывалось постепенно изъ смѣшенія разныхъ великорусскихъ нарѣчій, то составъ его неоднороденъ: въ однихъ говорахъ больше сѣверныхъ чертъ, въ другихъ — меньше. Одно изъ самыхъ видныхъ различій между ними — различіе въ степени аканья. Говоръ дер. Парфёнокъ принадлежитъ къ числу говоровъ съ довольно сильнымъ аканьемъ; чтобы отличить его отъ очень сильно акающихъ, можно бы назвать его *умѣренно якающимъ*. Но уже по сосѣдству съ Парфёнками есть говоры той же группы, но съ другой степенью аканья или яканья. Таковъ сильно акающій говоръ дер. Ивакина Рузскаго уѣзда (10 вер. отъ Парфёнокъ): тамошняя старуха говоритъ: мяня́, тябя́, рябя́ты, но: несли́, вели́ и пр.; сильное аканье слышится также въ Спасъ-Нудальской волости Клинскаго уѣзда (см. выше, т. 46, стр 146—147) и др.; В. И. Чернышовъ слышалъ говоры съ разной степенью сильнаго аканья въ Московскомъ у., а также и въ другихъ уѣздахъ Московской губ. Къ умѣренно акающимъ принадлежатъ, кромѣ литературнаго языка, различные говоры на всемъ пространствѣ средневеликорусскаго нарѣчія, ср. говоръ дер. Курова Рузскаго у., говоръ нѣсколькихъ селеній Богородицкаго у. Тульской губ., описанный Будде и др. Умѣренное, московское аканье — почти исключительная принадлежность средневеликорусскаго нарѣчія. Въ южновеликорусскомъ акаютъ по-московски только такъ называемые мѣщанскіе говоры подъ вліяніемъ московскаго произношенія.

Сѣверновеликорусской чертой въ Парфёнковскомъ говорѣ и во всемъ средневеликор. нарѣчіи можно считать появленіе слоговой гласной (изъ ъ) въ такихъ словахъ, какъ подошолъ, отошолъ, вошолъ и т. п. Что касается гласной въ концѣ словъ въ infin. и повелит., то она сохраняется рѣже, чѣмъ въ сѣверновеликорусскомъ. Въ Парфёнковскомъ говорѣ отпаденіе этой гласной такъ-же часто, какъ и въ южновеликорусскомъ, слѣдовательно, чаще, чѣмъ въ Московскомъ. Одной изъ характерныхъ чертъ сѣверновеликорусскаго нарѣчія является стяженіе гласныхъ въ нѣкоторыхъ формахъ, вызванное выпаденіемъ „j“ (передъ неударяемой гласной) [1]). Среди акающихъ говоровъ стяженіе распространено въ поволжскихъ. Въ говорѣ Парфёнокъ стяженіе — не во всѣхъ случаяхъ, въ какихъ оно бываетъ въ сѣв.-влкр., а только не подъ удареніемъ; въ московскомъ литературномъ стяженія вовсе нѣтъ.

Въ консонантизмѣ средневеликорусскаго нарѣчія тоже существуютъ различія по говорамъ. Въ Московскомъ, Парфёнковскомъ и нѣкоторыхъ другихъ говорахъ шипящія „жж“ и „щ“ произносятся мягко, но есть среди говоровъ московской губ. и говоры съ твердымъ произношеніемъ тѣхъ же шипящихъ. Въ южновеликорусскомъ обыкновенно произношеніе этихъ шипящихъ — твердо; въ сѣверновеликор. существуютъ оба произношенія; по сосѣдству съ Парфёнками, въ окающемъ говорѣ дер. Тилихтина Спасъ-Нудальской волости Клинскаго у. „щ“ = „шш“ твердому. „с“ въ возвратныхъ глаголахъ въ Парфёнкахъ, какъ и въ Москвѣ, звучитъ всегда твердо; въ другихъ средневеликорусскихъ (ср. въ томъ-же Рузскомъ у. говоры деревень Савельева, Мазилова, Ивакина и др.) является и мягкое „с“. Твердое „с“ въ этихъ глаголахъ повидимому, — сѣверная черта, хотя въ извѣстныхъ положеніяхъ есть и въ южновеликор. Слово „кувшинъ“ произносится

---

[1]) Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ говорахъ выпаденіе „j“ не повлекло за собою стяженія, ср. Владимирское и Ярославское бываэт и пр.

„куфшы́нъ“ или по-южновеликорусски „кушы́н“, а не по сѣверному (кукши́н; впрочемъ, въ нѣкоторыхъ ср.-великорусск. говорахъ попадается и это произношеніе). Въ словахъ „когда“, „тогда“ обыкновенно „г“ („γ“) въ средневеликорусскомъ не слышится, какъ и въ южновеликор., между тѣмъ какъ въ сѣв.-влкр. здѣсь слышится „в“, „л“ и „γ“.

Въ формахъ склоненія можно отмѣтить сѣверновеликорусскій творит. множ. = дател.: с рука́м, с нага́м; кра́сным сапла́м утрёт, пирид дружја́м, за на́м и пр. въ сильно акающемъ говорѣ дер. Ивакина Рузск. уѣзда; такой же творит. множ. я слышалъ въ сильно акающемъ средневеликорусскомъ говорѣ одной мѣстности Зубцовскаго уѣзда Тверской губ. и, кажется, также въ Клинскомъ у. Въ большей части средневеликорусскихъ говоровъ (въ томъ числѣ въ Московскомъ и въ Парфёнковскомъ) творительный пад. множ. правильно оканчивается на „-ми“, какъ и въ южновеликор. Винит. пад. един. ч. женск. рода прилагательныхъ въ московскомъ, какъ и въ сѣв.-влкр., оканчивается всегда на „-ую“ (если не произошло стяженія), въ другихъ средневеликорусскихъ не подъ удареніемъ также „ăю“ (изъ „ою“; эта форма — часто въ южновеликор., но есть формы на „-ою“ и въ сѣв.-влкр.), но южновеликорусскаго окончанія „у́я“ средневеликорусскіе говоры, кажется, не знаютъ. Южновеликорусскія дѣепричастія на „мши“ въ средневеликорусскихъ говорахъ, кромѣ литературнаго, очень употребительны, но южновеликорусскихъ дѣепричастій на „мчи“ нѣтъ. Южновеликорусской чертой въ Парфёнковскомъ и нѣк. др. средневлкр. говорахъ можно считать употребительность причастій страд. на „т“, тогда какъ въ сѣверномъ распространены больше, кажется, причастія на „н“.

Въ словообразовательныхъ суффиксахъ. Суф. „ика“ въ названіяхъ ягодныхъ растеній въ Московскомъ литературномъ яз. — южновеликорусскій; въ другихъ средневеликор. говорахъ (въ томъ числѣ Парфёнковскомъ) тѣ-же имена являются и съ сѣв.-влкр. суфф. „-ига“, причомъ

послѣдній, кажется, свойственъ только восточной группѣ сѣв.-влкр. говоровъ. Сѣввлкр. „ица“ въ соотвѣтствіи съ южно влкр. „ика“ — только въ „чечевица“ и „поясница“, но первое изъ этихъ словъ, вѣроятно, въ литературномъ — заимствовано изъ церковнославянскаго. Сѣверной, быть можетъ, является и форма уменьш. „дощечка“ при южно-великор. „достóчка“. Въ нѣкоторыхъ прилагательныхъ на „ній“ и „ный“ въ разныхъ ср.-влкр. говоровъ является „н“ то твердымъ, то мягкимъ, по говорамъ, наприм. парфёнковскія давный, давнышный, ихный, дальный, таперешный и пр. при московскихъ дальній, давній, давнишній, ихній, теперешній. Въ этихъ случаяхъ Парфёнковское произношеніе, повидимому, ближе къ сѣверному.

Такимъ образомъ средневеликорусскими я называю тѣ смѣшанные великорусск. говоры, которые усвоили аканье и нѣкоторыя другія южновеликорусскія черты, по большей части связанныя съ аканьемъ, но сохранили остальныя черты сѣверновеликорусской фонетики, морфологіи и словаря. Самымъ древнимъ по времени смѣшенія въ нёмъ сѣверныхъ и южныхъ чертъ средневеликорусскимъ говоромъ является Московскій умѣренноакающій говоръ, т. е. нашъ литературный языкъ; въ другіе говоры аканье проникло позднѣе и притомъ часто не изъ Москвы (объ чёмъ свидѣтельствуетъ сильное аканье многихъ средневѣликорусскихъ говоровъ), а изъ южновеликорусскихъ говоровъ. До сихъ поръ даже въ Московскомъ уѣздѣ на границѣ съ Дмитровскимъ нѣкоторые говоры еще не утратили оканья. Оканье слышится и въ глубинѣ Клинскаго и Рузскаго уѣздовъ Московской губ. и на значительномъ пространствѣ Дмитровскаго уѣзда въ перемежку съ аканьемъ и постепенно на нашихъ глазахъ вытѣсняется послѣднимъ. Господствующее положеніе, занятое Московскимъ литературнымъ языкомъ, позволяетъ послѣднему распространяться насчетъ остальныхъ сѣверныхъ, среднихъ и южныхъ говоровъ; такимъ путемъ образуются такъ называемые мѣщанскіе говоры.

Исторія средневеликорусскаго нарѣчія еще не изу-

чена. Кое-что въ этомъ отношеніи сдѣлано проф. Е. Ѳ. Будде въ его интересной статьѣ объ языкѣ Ломоносова. Что такое представляло московское нарѣчіе до XVIII в., намъ неизвѣстно. Несомнѣнно, что въ Москвѣ, какъ въ центрѣ политической жизни русскихъ въ XIV—XVIII в., сталкивались представители разныхъ русскихъ народностей, говорившихъ на разныхъ діалектахъ; поэтому и къ показанію грамотъ и пр., писаныхъ въ Москвѣ, слѣдуетъ относиться осторожно, такъ какъ писцы могли быть родомъ изъ разныхъ мѣстностей.

Въ настоящей статьѣ я не могъ взять на себя задачи прослѣдить исторію изучаемаго мною говора по памятникамъ и заботился только объ томъ чтобы дать возможно полное описаніе говора, насколько онъ мнѣ извѣстенъ. Далеко не всегда я могъ достигнуть надлежащей полноты; много мѣшало также отсутствіе удовлетворительныхъ морфологій и синтаксиса другихъ русскихъ говоровъ, которыя могли бы служить образцами или пособіями для моей работы. Этимъ объясняется и неровномѣрность настоящаго описанія. Кромѣ того, оно приготовлялось постепенно, и въ началѣ я располагалъ далеко не тѣмъ матеріаломъ, какой у меня былъ въ концѣ; отъ нѣкоторыхъ взглядовъ, высказаныхъ въ началѣ, теперь приходится отказываться. Я думаю, что многіе недостатки моего описанія отчасти можно будетъ исправить, хотя бы и не мнѣ, если мнѣ удастся, какъ я надѣюсь, опубликовать собранный мною матеріалъ.

Наконецъ, считаю своимъ долгомъ выразить свою глубокую благодарность акад. Ф. Ѳ. Фортунатову и проф. Р. Ѳ. Брандту, всё время помогавшимъ мнѣ своими указаньями и совѣтами и снабжавшимъ меня нужными книгами.

Москва.
17 марта 1902.

СОДЕРЖАНІЕ.

Вступленіе . . . . . 1—4

Фонетика . . . . . 4—127

—Общая характеристика (4—5). Транскрипція (5 .

Гласныя. . . . . . 6—56

А. Гласныя ударяемыя.

— „á“ и его измѣненія (6 –10): произношеніе á; ó вмѣсто á и наоборотъ (6 –8); å (8); é и ë вмѣсто ѣ и наоборотъ (8—10); ѣ вмѣсто ѣ и е въ концѣ слова (10); „é“ и „ѣ“ и ихъ измѣненія (10—19): произношеніе é (10—11); ѣ вмѣсто é; произношеніе ѣ; смягченіе согласныхъ передъ é; jотація начальнаго е (11—12); о изъ е и изъ и въ заимствованныхъ словахъ (12—13); е вмѣсто и (13); ’о изъ стараго е и ь (13—17); ’о изъ стараго ѣ (17—18); нефонетич. é вмѣсто ’о (18—19), ’о въ чередованіи съ и (19), ’о и о въ дѣепричастіяхъ на мши. „и“ и его измѣненія (19 –20): и послѣ шипящихъ; jотація начальнаго и; и въ словѣ „бри“ (= брей); я вмѣсто и. Звукъ „о“ (20—21): произношеніе; о въ словахъ: ноньче, дуброва; ро изъ общеслав. ор; ра вмѣсто ро; лазоревый; у вмѣсто о. Звукъ „у“ на мѣстѣ другихъ звуковъ литературнаго языка (21—22); ы вмѣсто у и наоборотъ (22). Звукъ „ы“ (22—23): ы въ окончаніи нарѣчій на ды; вызростъ; ы въ началѣ слова; и вмѣсто ы; глаголъ тыркать. Звукъ „ў“ (23) . 6—23

Б. Гласныя слога, непосредственно предшествующаго ударенію.

— Побочное удареніе (23); „а“ безъ предшествующей мягкости передъ удареніемъ (24);

„а“ съ предшествующей мягкостью (24—29); „е“ (29); „о“ (30); „и“ (30 и выше 24—29); „у“: вмѣсто „ы“ (30), вмѣсто „а“ изъ стараго „о“ (30—31), приставка „су“ (31); „ў“ нефонетич.; рачагъ (31). . . . 24—31

В. Гласныя слоговъ, не предшествующихъ непосредственно ударенію.

— Глухость произношенія (31—32). Условія появленія неударяемыхъ а и ă (32—34). Звукъ „ъ“: ъ вмѣсто ы (34—36); ы вмѣсто ъ (а) (36); ъ вмѣсто у (36); ъ[у] (37); винит. един. прилаг. женск. р. на ъю вмѣсто ую (37—38). „о“ неударяемое (38). „у“ неударяемое (38—39): вмѣсто ы, вмѣсто ъ, въ приставкѣ су. „е“ неударяемое (39—40). Звукъ „ь“: ь вмѣсто у; ў вмѣсто ь. Неударяемое ў . . . . . 31—40

Судьба старыхъ ъ и ь. Вставка и выпаденіе гласныхъ . . . . . 40—46

Полногласіе. . . . . 46—48

Приставка гласной въ началѣ слова. . . . . 49—50

Отпаденіе гласныхъ въ концѣ словъ. . . . . 50—51

Стяженіе гласныхъ . . . . . 51—54

Звукъ *и* въ серединѣ слова въ сосѣдствѣ съ другой гласной . . . . . 54—56

Неслоговое j и j, w и γ. . . . . 56—62

— Выпаденіе j послѣ согласныхъ (56—57); ассимиляція j предшествующей согласной; выпаденіе j передъ согласной; j между гласными (57—58); паразитное j при пѣніи (58); дифтонгъ aj; „в“ вставное и на мѣстѣ стараго γ передъ гласной (58—59); w и у неслоговое и его выпаденіе (59—60); измѣненія въ сочетаніяхъ w съ гласными (60—61); звукъ γ, переходъ его въ h и выпаденіе (61); паразитное ’л въ началѣ слова (62).

Согласныя. . . . . . 62—109

— „р“ губное 62

Твердость и мягкость согласныхъ . . . . . 62—73

Согласныя въ положеніи передъ мягкой согласной: передъ однородной (62—63); передъ согласными того же мѣста образованія; губныя передъ средне-нёбными и наоборотъ (63—64); зубныя передъ губными; губныя передъ зубными; задненёбныя пе-

редъ зубными; зубныя передъ средненёбными (64); j передъ зубными (65); согласныя передъ мягкимъ л; л передъ мягкими согласными; согласныя передъ мягкимъ р; р передъ мягкими согласными (65—66); согласныя передъ ч и щ (66) . . . . . 62—66

Согласныя передъ слѣдующей твердой согласной: губныя и средненёбныя (66); зубныя (66); л мягкое (67); р мягкое и твердое (67); мягкія зубныя передъ твердыми зубными (67) . . . . . 66—67

Мягкость согласныхъ въ концѣ слова: губныя (67—68), н (68), л, т въ 3-мъ л. глаголовъ и др. . . . . 67—69

Мягкость согласныхъ передъ слѣдующей гласной: р (69—70), л, н (70), задненёбныя (71), губныя (71—72), зубныя (72—73). 69—73

Лабіализація согласныхъ . . . . . 73—74

Переходъ глухихъ въ звонкія и обратно.
Въ концѣ словъ и передъ согласной (74); передъ гласными (75—76) . . . . . 74—76

Переходъ взрывныхъ во фрикативныя.
Задненёбныя (76—79); губныя (79—80) . 76—80

Шипящія согласныя
Шепелявость (80—83). Явленія въ области шипящихъ, не стоящія въ связи съ шепелявостью (83—86): ч и щ (83), ж и жд (84), произношеніе ждж и щ (85), переходъ г и щ въ ш (86). Шипящія въ чередованіи со свистящими (86—88). Остальные случаи появленія шипящихъ (88—89). 80—89

Согласныя назалированныя и склонныя къ л.
Назалированныя согласныя (89); смѣшеніе „в“ и „м“ передъ „н“ (89—90); „в“ въ словѣ „афша́ник“; дѣеприч. на „мши“; зубныя передъ „л“ (90—91) . . . . . 89—91

Переходъ согласныхъ . . . . . 91—99

А. Такъ называемое переходное смягченіе,—переходъ мягкихъ средненёбныхъ въ зубныя взрывныя (здѣсь же о словахъ „твѣтъ“ и „квѣлый“, 92—95). . . . . 91—95

Б. Ассимиляція и диссимиляція согласныхъ:
Ассимиляція согласныхъ (95—96); „н“ вмѣсто „м“ передъ губными (97); „р“ въ словѣ „сварьба“ (97). Ассимиляція и диссимиляція плавныхъ (97) . . . . . 95—97

Б. Остальные случаи перехода (замѣны) согласныхъ. . . . . 98—99

Перестановка звуковъ . . . . . 99—100
Удвоеніе согласной . . . . . 100—101
Вставка согласныхъ. . . . . 101—104
Выпаденіе согласныхъ . . . . . 104—109

Ударенія . . . . . 109—115

Проклитическое удареніе предлоговъ . . . . 109—111
Существительныя . . . . . 111—112
Подвижное удареніе въ падежныхъ формахъ . . 112—114
Подвижное удареніе прилагательныхъ . . . . 114—115
Ударенія въ нарѣчіяхъ 115
Ударенія въ глаголахъ 115

Дополненія и поправки къ фонетикѣ.

— „ó“ вмѣсто „á“ и наоборотъ (116—117); „я́“ вмѣсто „ё“ (117); „é“ несмягчающее предшествующей согласной (117); „е“ въ началѣ слова (118); „Изотъ“; „é“ вмѣсто „и́“; „ё“ вмѣсто „é“ и наоборотъ (118—119); „é“ изъ „ѣ“ (119—120); „ё“ вмѣсто „й́“; „и́“ въ началѣ слова; „и“ вмѣсто „ѣ“; „о“ вмѣсто „и“ (120); „у“ вмѣсто „ы“ (121), „ы“ вмѣсто „у“ (121), „ы“ вмѣсто „и“; къ слову „тыр“, „аднъjó“ и „тъjó“ (121); ä неударяемое; предударныя „ы“, „я“; предлогъ „чересъ“; объ аканьѣ въ Парфёнкахъ и сосѣднихъ деревняхъ Рузскаго и Клинскаго уѣздовъ: Куровѣ, Горкахъ, Васильевскомъ, Семёнковѣ, Алексѣйковѣ, Поповкѣ, Украинскихъ Слободкахъ, Тилихтинѣ (121—123); неудар. „я“ вмѣсто „и“ (123); лабіализація неударяемыхъ гласныхъ (123); „ы“ вмѣсто предударнаго „а“ (124); произношеніе конечныхъ гласныхъ (124); „а“ вмѣсто „ы“; характеръ произношенія звуковъ „ъ“ и „ь“ (124—125); хронологія смѣшенія суффиксовъ „ышк“ и „ушк“ (125); „у“ вмѣсто „а“; неударяемое „е“; судьба старыхъ „ъ“ и „ь“; вставка и выпаденіе гласныхъ (125); „глонуть“; полногласіе (125); слово „ипóл“ (126); отпаденіе гласныхъ; стяженіе гласныхъ (126—127); выпаденіе j (127); вставное „в“; отпаденіе „в“; „в“ вмѣсто „г“; губное „р“ (127) . . . . . 115—127

Морфологія . . . . . 128—239

А. Склоненіе и спряженіе . . . . . 128—191

I. *Склоненіе* . . . . . 128—160

Существительныя:

– Имена мужеск. рода съ основой на общеслав. ъ/о, ъ/е и ъ/у . . . . . 128—137
Слова средняго рода на -о, -е. . . . . 137—140
Слова женскаго рода на -а(-я). . . . . 140—143
Имена съ общеславянской основой на ъ/п. 143—146
Имена съ общеславянской основой на -ъв. 146
Склоненіе словъ „мать“ и „дочь“ . . . 146
Слова съ общеслав. основой на *ен* . . . 147
Слова съ основой на *нт* 148

Мѣстоименное склоненіе . . . . . 148—154

Прилагательныя.

Образованіе падежныхъ формъ (154—158). Образованіе сравнительной степени (158—160) . . . . . 154—160

II. Спряженіе . . . . . 160—191

Личныя окончанія изъявительнаго наклоненія:

Окончаніе формъ 3-го л. (160—161); 2-е л. множ. (161); личныя формы 1. и 2. спряж. (161); окончаніе 3-го л. множ. (162); формы, интересныя по ударенію; стяженныя личныя формы (162—163); формы глаголовъ ѣмъ, дамъ, вѣсть; Бознать; слово „говоритъ“ . . . . . 160—163

Повелительное наклоненіе.

Отпаденіе конечнаго „и“ (164); формы повелит. накл. отъ нѣкоторыхъ глаголовъ (164—165); частица „ка“ въ повелит. наклоненіи (165); futur. adhortat. (165—166); формы „пойдёмте“ и т. п. (165—166; нуте, нате; разные способы выраженія повелѣнія (166). . . . . 164—166

Основы настоящаго времени и повелительнаго наклоненія.

Глаголы съ основой 1-го л един. на старую смягченную согласную (167), глаголы съ основою на задненебную (167—168); глаголы лазить, ѣздить, елозить ползить, понадобиться и др. (168); глагольныя основы на -ова и -ыва, -ова и -ева (169); глаголы на -ава́ть (169) и др. глаголы на -вать (169—170); одолѣть (170) . . . . . 167—170

Инфинитивъ . . . . . 170—171

Прошедшее время . . . . . 171—172

Объ образованіи формъ нѣкоторыхъ глаголовъ:

глаголы на -ыть (172); класть; бѣчь и бѣжать; дышать и дыхать; хотѣть и *хочи (172—173); глаголы на -ну (173). . . . 172—173

Виды.

Видовые суффиксы -ова и -ева (173—174); -ава (174—175); -ва (175); -ыва и -ива (175—176); á (176—179); já (179—180); чередованіе различныхъ видовъ корня въ образованіи видовыхъ основъ (180—181); глаголы: торыкать, померѣскывать, промыкать, размыталъ (181); глаголы на -ну (181—184); -ану (182—184); схватать (184). 173—184

Залоги.

Образованіе возвратнаго залога (184—185); глаголы, интересные по значенію формы возвратнаго залога (185—187); страдательныя причастія отъ непереходныхъ глаголовъ (187) . . . . . 184—187

Причастія. . . . . 187—189

Дѣепричастія. . . . . 189—191

Б. *Словообразованіе.* . . . . . 191—239

Имена существительныя. . . . . 191—214

Суффиксы именъ прилагательныхъ . . . . 214—222

Суффиксы глагольныхъ основъ . . . . . 222—223

Нарѣчія. . . . . 223—230

1. Нарѣчія, произведенныя отъ именъ прилагательныхъ . . . . . 223—224
2. Нарѣчія, произведенныя отъ именъ существительныхъ . . . . . 224—225
3. Нарѣчія, произведенныя отъ мѣстоименій . . . . . 225—226

Нарѣчія времени 226

Нарѣчія мѣста . . . . . 226—227

Суффиксы нарѣчій мѣста и времени. . . 227—229

Нарѣчія образа дѣйствія и пр. 229

Нарѣчія причины и цѣли . . . . . 229—230

Предлоги . . . . . 230—233

Слова, сложныя съ предлогами . . . . 233—235

Союзы и другія частицы . . . . . 235—237

Удвоеніе корня . . . . . 237—238

Созвучныя пары словъ . . . . . 238—239

Словоупотребленіе. . . . . . 239—243

Синтаксисъ . . . . . 243—259

Родъ именъ существительныхъ . . . . . 243—244
Употребленіе чиселъ . . . . . 244—247
О расположеніи словъ при числительныхъ. 246—247
Употребленіе падежей . . . . . 247—256
Согласованіе предлоговъ . . . . . 250—256
Нарѣчія мѣста при глаголахъ направленія . 256
Употребленіе мѣстоименія 3-го лица . . . 257
Употребленіе глагола 257
Повтореніе предлога . . . . . 257—258
Сложное предложеніе 258
Временныя и др. предложенія. . . . . 258—259
Вводныя предложенія 259
Приложенія 259

Заключеніе: Положеніе Парфёнковскаго говора среди другихъ великорусскихъ . . . . . 259—267